

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ШАГИ

/STEPS

Т. 7. № 1 2021

Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований

Основан в мае 2015 г.
Издается четыре раза в год



РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва
2021

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
SCHOOL OF PUBLIC POLICY

ШАГИ

/STEPS

Vol. 7. No. 1 2021

The Journal of the School of Advanced Studies in the Humanities

Established in May 2015

Issued quarterly



РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Moscow
2021

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ISSN 2412-9410

Шаги / Steps. Т. 7. № 1. 2021

Главный редактор

С. Ю. Неклюдов (д-р филол. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; куратор направления «Теоретическая фольклористика»)

Редакция

М. В. Ахметова (канд. филол. наук, зам. главного редактора), *М. И. Байдуке* (зав. редакцией), *Н. П. Гринцер* (д-р филол. наук, куратор направления «Античная культура»), *И. В. Ершова* (д-р филол. наук, куратор направления «Историко-литературные исследования»), *И. А. Женин* (канд. ист. наук, куратор направления «История»), *М. С. Неклюдова* (PhD, куратор направления «Культурология»), *Д. С. Николаев* (канд. филол. наук, координатор редакции), *Д. А. Худяков* (канд. филол. наук, куратор направления «Востоковедение. Сравнительно-историческое языкознание») (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Х. Баран (PhD, Университет Олбани, США), *Н. Б. Вахтин* (д-р филол. наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия), *Л. М. Ермакова* (д-р филол. наук, Университет иностранных языков города Кобе, Япония), *А. Л. Зорин* (д-р филол. наук, Оксфордский университет, Великобритания; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *С. Э. Зуев* (канд. искусствоведения, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *С. А. Иванов* (д-р ист. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия), *К. Келли* (PhD, Оксфордский университет, Великобритания), *А. А. Кибрик* (д-р филол. наук, Институт языкознания РАН, Россия), *М. А. Кронгауз* (д-р филол. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия), *С. Ловелл* (PhD, Лондонский университет, Кингс Колледж, Великобритания), *В. А. Мау* (д-р эконом. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *Ю. Л. Слэзкин* (PhD, Калифорнийский университет в Беркли, США), *В. Ф. Спиридонов* (д-р психол. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *Т. В. Черниговская* (д-р филол. наук, д-р биол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия), *А. Шёнле* (PhD, Бристольский университет, Великобритания)

Куратор номера: *И. А. Женин*

Приглашенный редактор: *Н. В. Петров*

Научный редактор: *М. В. Ахметова*

Корректор: *Н. В. Сайкина*

Редактор английского текста: *Х. Баран*

Верстка, дизайн: *В. Ф. Лурье*

Веб-сайт: <http://shagi.ranepa.ru/steps>

E-mail: shagisteps-ion@ranepa.ru

Адрес редакции: Россия, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, корп. 9, ауд. 2405

Тел.: +7 (499) 956-96-47

Журнал включен в следующие базы данных и электронные библиотечные системы: Scopus, Научная электронная библиотека (Elibrary.ru), РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, ЭБС «Лань».

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© Авторы

ISSN 2412-9410

Shagi/Steps. Vol. 7. No. 1. 2021

Editor-in-Chief

Sergei Yu. Nekliudov (Dr. Sci. (Philology), Responsible for Theoretical Folklore Studies Section; Russian State University for the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Editorial Team

Maria V. Akhmetova (Cand. Sci. (Philology), Deputy Editor-in-Chief), *Marina I. Baiduzh* (Editorial Staff Manager), *Irina V. Ershova* (Dr. Sci. (Philology), Responsible for Historical-Literary Section), *Nikolai P. Grintser* (Dr. Sci. (Philology), Responsible for Classical Studies Section), *Dmitry A. Khudiakov* (Cand. Sci. (Philology), Responsible for Oriental Studies and Comparative Linguistic Section), *Maria S. Neklyudova* (PhD, Responsible for Cultural Studies Section), *Dmitry S. Nikolaev* (Cand. Sci. (Philology), Editorial Coordinator), *Ilya A. Zhenin* (Cand. Sci. (History), Responsible for Historical Section)
(The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Editorial Board

Henryk Baran (PhD, University at Albany, State University of New York, USA), *Tatiana V. Chernigovskaya* (Dr. Sci. (Philology, Biology), Saint Petersburg State University, Russia), *Liudmila M. Ermakova* (Dr. Sci. (Philology), Kobe City University of Foreign Studies, Japan), *Sergei A. Ivanov* (Dr. Sci. (History), National Research University Higher School of Economy, Russia), *Catriona Kelly* (PhD, University of Oxford, Great Britain), *Andrei A. Kibrik* (Dr. Sci. (Philology), The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia), *Maxim A. Krongauz* (Dr. Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economy, Russia), *Stephen Lovell* (PhD, University of London, King's College, Great Britain), *Vladimir A. Mau* (Dr. Sci. (Economy), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), *Andreas Schönle* (PhD, University of Bristol, Great Britain), *Yuri Slezkine* (PhD, The University of California, Berkeley, USA), *Vladimir F. Spiridonov* (Dr. Sci. (Psychology), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), *Nikolai B. Vakhtin* (Dr. Sci. (Philology), European University at St. Petersburg, Russia), *Andrei L. Zorin* (Dr. Sci. (Philology), University of Oxford, Great Britain; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), *Sergei E. Zuev* (Cand. Sci. (Art History), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)

Responsible for the issue: *Ilya A. Zhenin*

Academic Editor: *Maria V. Akhmetova*

English Language Editor: *Henryk Baran*

Website: <http://shagi.ranepa.ru/steps>

Postal address: Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82, корпус 9, room 2405

Tel.: +7 (499) 956-96-47

Guest Editor: *Nikita V. Petrov*

Copy Editor: *Natalia V. Saikina*

Layout Editor, Designer: *Vadim F. Lurie*

E-mail: shagisteps-ion@ranepa.ru

The journal is indexed in Scopus, Russian Science Citation Index, Elibrary.ru, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, E.lanbook.com.

All articles published in the journal have been peer-reviewed.

© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

© Authors

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов..... 7

СТАТЬИ

Память / забвение

- И. А. Женин. Исторические мифы и коллективная память в пространстве исследовательских практик 9
- Н. В. Петров. Цифровые архивы частной памяти 29
- М. В. Ахметова. Забыть Фридриха Энгельса: память и забвение в ойконимии 57
- И. С. Душаклова. Фреймирование личности Иосифа Сталина в современных российских СМИ: контексты памяти и забвения 83
- А. В. Кравченко. «А потом забылось»: предпосылки забвения локальных событий Гражданской войны в с. Красново 99
- Э.-Б. М. Гучинова. Представляя депортацию калмыков: от Поездов памяти к медиапроектам 117
- Н. С. Петрова. Олимпиада, данная нам в ощущениях (по материалам проекта «Народная история России»)..... 136
- С. Г. Маслинская. «Как в детстве побывала»: мнемонические эффекты ресайклинга советской детской книги..... 151
- Н. Ю. Костенко. Архив О. М. Фрейденберг как интенция: мотивы и целеполагание 168

Автор и литературный текст

- D. S. NIKOLAEV, M. V. SHUMILIN. Identifying Latin authors through maximum-likelihood Dirichlet inference: A contribution to model-based stylometry 183
- Н. М. Долгорукова, К. В. Бабенко. «In taberna quando sumus» как *parodia sacra* 199
- Г. В. Зыкова, Е. Н. Пенская. «Детский случай» Всеволода Некрасова в памяти свидетеля 211
- Е. Ф. Югай, И. С. Богатырёва. «Мудрец в поэзии и дурында в жизни»: самопрезентация современного поэта в повседневности..... 239

ЮБИЛЕИ

- К 80-летию С. Ю. Неклюдова (Н. П. Гринцер, М. Л. Андреев, Н. В. Брагинская, М. Ю. Реутин, И. Г. Матюшина) 276

РЕЦЕНЗИИ

- В. Ф. Спиридонов. Почему память?..... 285
- П. С. Куприянов. Поймать память: устные воспоминания в краеведческом формате 293

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Л. Е. Артамошкина. Конференция «Биография и память культуры»..... 303
- Д. И. Антонов, В. Б. Новикова. Конференция «Изображение и культ: сакральные образы в христианских традициях»..... 311

CONTENTS

EDITORIAL NOTE 7

ARTICLES

Memory/oblivion

I. A. ZHENIN. Historical myths and collective memory in the space of research practices.....9
N. V. PETROV. Digital archives of private memory 29
M. V. AKHMETOVA. To forget Friedrich Engels: Memory and oblivion in oikonymy 57
I. S. DUSHAKOVA. Framing the personality of Joseph Stalin in contemporary Russian media: Contexts of memory and forgetting..... 83
A. V. KRAVCHENKO. “And then it was forgotten”: The prerequisites for oblivion of Civil War local events in Krasnovo village..... 99
E.-B. M. GUCHINOVA. Performing the deportation of Kalmyks: From Memory Trains to media projects..... 117
N. S. PETROVA. Olympic Games recounted via feelings (based on materials of the project “The People’s History of Russia”) 136
S. G. MASLINSKAYA. “As if I visited my childhood”: Mnemonic effects of cultural recycling of Soviet children’s books 151
N. IU. KOSTENKO. O. M. Freidenberg’s personal archive as intention: Motives and goal-setting 168

Author and literary text

D. S. NIKOLAEV, & M. V. SHUMLIN. Identifying Latin authors through maximum-likelihood Dirichlet inference: A contribution to model-based stylometry 183
N. M. DOLGORUKOVA, & K. V. BABENKO. ‘In taberna quando sumus’ as parodia sacra 199
G. V. ZYKOVA, & E. N. PENSKAYA. “Children’s Case” by Vsevolod Nekrasov in the memory of a witness..... 211
E. F. YUGAY, & I. S. BOGATYREVA. “A sage in poetry, a fool in life”: Self-representation of the contemporary poet in everyday life..... 239

JUBILEES

For the 80th anniversary of S. Yu. Nekliudov (N. P. GRINTSER, M. L. ANDREEV, N. V. BRAGINSKAYA, M. YU. REUTIN, & I. G. MATYUSHINA) 276

BOOK REVIEWS

V. F. SPIRIDONOV. Why “memory”? 285
P. S. KUPRIYANOV. Catching memory: Oral recollections in a local history frame 293

ACADEMIC LIFE

L. E. ARTAMOSHKINA. Conference “Biography and Memory of Culture” 303
D. I. ANTONOV, & V. B. NOVIKOVA. Conference “Image and Cult: Sacred Images in Christian Traditions” 311

ОТ РЕДАКТОРОВ

Основной темой этого выпуска журнала является память/забвение. На рубеже XX–XXI вв. исследования, построенные вокруг проблематики памяти (*memory studies*), охватывающие различные содержательные и дисциплинарные аспекты социальных и гуманитарных наук, во многом способствовали переосмыслению исторического опыта как на индивидуальном, так и на групповом уровне. В последние десятилетия это направление по праву можно причислить к научному мейнстриму. Начавшиеся в прошлом столетии и все еще продолжающиеся междисциплинарные дискуссии между историками, антропологами, социологами, культурологами, психологами и др. значительно обогатили и детализировали теоретические основания и методологические приемы мемориальных изысканий. Впрочем, было бы большим заблуждением считать, что дисциплинарный партикуляризм, равно как и дисциплинарный языковой барьер, триумфально преодолены и оставлены в прошлом. Дебаты относительно корректности использования терминов и взаимная понятийная апроприация, прежде всего самого понятия «память», все еще продолжаются.

Действительно, содержательная множественность понятия «память» и исследовательские традиции, существующие в каждой из дисциплин, задают собственную траекторию понимания и очерчивания проблемного поля. Так, память может пониматься как социальный механизм, осуществляющий коммуникативную функцию сохранения и трансляции социального опыта. Память может рассматриваться как историко-культурный трансфер, позволяющий обозначить границы идентичности и провести черту между своим и чужим, принятием и неприятием — и на этом основании сделать мировоззренческий и экзистенциальный выбор. Наконец, память понимается как личностная особенность и неотъемлемая часть когнитивно-психологической системы, с одной стороны, обладающая физиологическим субстратом (физической материей), с другой — являющаяся функциональным процессом.

К безусловным достижениям этого сложного и отчасти ожесточенного совместного поиска можно отнести попытки выявить и очертить тематические точки пресечения различных дисциплин в рамках *memory studies*, что позитивно отразилось на исследовательских сюжетах и результатах. С другой стороны, академические дискуссии, посвященные проблемам памяти, коммеморативным практикам и мемориальным законам, вышли за пределы академической науки и стали темами, вокруг которых выстраивается актуальная общественно-политическая повестка. Этот переход, как правило, сопровождается социальным напряжением, которое не подразумевает полутонов и требует однозначной позиции. Все это приводит к резкой поляризации общества, где зачастую нет места привычной для академической среды рефлексии и уважительного отношения к мнению оппонента. В то же время подобного рода процессы способствуют выявлению и опубликованию чрезвычайно важного аспекта памяти — забвения, обладающего собственной логикой и процессуальностью. Тем самым образуется своего рода мемориальное силовое поле, где в качестве полюсов находятся память и забвение, что задает не только траекторию движения общества, но и формирует императив о необходимости помнить, чтобы забыть.

Известна анекдотическая история из жизни Канта, уволившего своего слугу после 40 лет работы за грубость и злоупотребление спиртным и написавшего в дневнике: «Имя Лампе должно быть полностью забыто». Если экстраполировать этот эпизод на проблематику *memory studies*, возникают два принципиальных вопроса, лежащих в основании статей данного номера, которые вошли рубрику «Память / забвение». Каким образом соотносятся память и забвение в гуманитарных и социальных науках сегодня? И как происходит сохранение / стирание точек памяти? Как хранятся воспоминания? Как они передаются? Воспоминания ли это или наш нарративный опыт? Каким образом структурируется историческая информация в электронных архивах и СМИ, и не является ли это путем к забыванию и к переработке памяти? В работах, представленных в подборке, используется обширный теоретический аппарат: понятия коллективной и коммуникативной памяти (Ян Ассман и Алейда Ассман), нарративных шаблонов (Джеймс Верч) и др. Кроме того, важны сложные и тонкие конструкции и дебаты относительно вопросов национальной памяти (Лутц Нитхаммер, Пьер Нора и мн. др.).

Нам было важно показать не только теоретические и методологические подходы, активно разрабатываемые и обсуждаемые в рамках *memory studies* (статьи **И. А. Женина** и **Н. В. Петрова**), но и то, как память и забвение проблематизируются в конкретных кейсах, очерчивающих различные дисциплинарные поля. Это тюменский случай Петра Белослудцева, который пытался увековечить память своего деда, не интересуясь подробностями его биографии (**А. В. Кравченко**); борьба за и против памяти о Фридрихе Энгельсе, увековеченном в названии города (**М. В. Ахметова**); фреймирование личности Сталина в СМИ (**И. С. Душакова**); депортация калмыков и способы ее медиатизации, позволяющие конструировать новые социальные смыслы (**Э.-Б. М. Гучинова**); воспоминания об Олимпийских играх 1980 г. в Москве (**Н. С. Петрова**); культурный ресайклинг советских детских книг и восприятие читателями переизданной литературы в аспекте ностальгического дискурса (**С. Г. Маслинская**). Проблематика формирования личного архива, аккумулирующего частную память (на материале архива О. М. Фрейденберг), затронута в статье **Н. Ю. Костенко**. Междисциплинарность подборки подчеркивается и полемическими рецензиями — о том, как работают с воспоминаниями краеведы (**П. С. Куприянов**) и почему психологи не любят так часто упоминаемых на страницах работ, связанных с коллективной или коммуникативной памятью, Яна и Алейду Ассман (**В. Ф. Спиридонов**), — и одной из хроникальных публикаций, которая содержит избранные материалы конференции «Биография и память культуры», прошедшей на базе Института философии СПбГУ (**Л. Е. Артамошкина**).

Рубрику «Автор и литературный текст» составили статьи, в основе которых лежат разные аспекты литературного творчества (и разные подходы к его исследованию), от древности и Средневековья (статья **Д. С. Николаева** и **М. В. Шумилина** о машинных методах определения авторства латинских прозаических текстов и предпринятый **Н. М. Долгоруковой** и **К. В. Бабенко** анализ песни из рукописи «*Carmina Burana*» как образца пародийной средневековой литературы) и до наших дней. Так, **Г. В. Зыкова** и **Е. Н. Пенская** раскрывают «рабочую кухню» подготовки сборника «Детский случай» Всеволода Некрасова; **Е. Ф. Югай** и **И. С. Богатырёва** рассматривают стратегии саморепрезентации современного поэта. Отчасти статьи «литературной» подборки перекликаются с основной рубрикой выпуска, так или иначе затрагивая проблематику архива, биографии, забвения как литературного мотива.

И. А. Женин

ORCID: 0000-0002-0927-5268

✉ ilya-zhenin@yandex.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления исследовательских практик, предполагающих соотнесение исторических мифов и коллективной памяти. В настоящее время в исторической науке наблюдается новая историографическая волна, связанная с изучением коммеморативных практик (юбилеи значимых событий прошлого, переоценка деятельности и заслуг исторических, политических и культурных героев), что находит отражение в публичном пространстве и во многом формирует актуальную социально-политическую повестку. В этом смысле систематизация и анализ существующих теоретических и методологических подходов к осмыслению коммеморативных практик, направленных на сохранение и/или изъятие памяти о прошлом в публичном пространстве, является одной из значимых задач общественных наук в целом и исторической науки в частности. Историческая память является важнейшим элементом конструирования национальной идентичности. В ее основе часто лежит один или несколько исторических мифов, которые не только определяют восприятие обществом прошлого, но и во многом конструируют отношение к настоящим (актуальным) событиям. Понимание механизмов того, как воспоминание о прошлом определяет групповое поведение и индивидуальные стратегии взаимодействия с окружающим миром, важно с точки зрения изучения процессов трансформации национальной идентичности и устойчивости социума в целом.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: исторические мифы, коллективная память, публичная история, национальная идентичность, места памяти, lieu de mémoire, erinnerungsorte

Для цитирования: Женин И. А. Исторические мифы и коллективная память в пространстве исследовательских практик // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 9–28. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-9-28>.

*Статья поступила в редакцию 10 ноября 2020 г.
Принято к печати 30 ноября 2020 г.*

I. A. Zhenin

ORCID: 0000-0002-0927-5268

✉ ilya-zhenin@yandex.ru

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

HISTORICAL MYTHS AND COLLECTIVE MEMORY IN THE SPACE OF RESEARCH PRACTICES

Abstract. The article examines the main directions of research practices exploring the correlation of historical myths and collective memory. There is currently a new historiographic wave in historical science that deals with the study of commemorative practices (anniversaries of significant events of the past, reassessment of the activities and merits of historical, political and cultural “heroes”), which is reflected in the public space and largely shapes the current socio-political agenda. The systematization and analysis of existing theoretical and methodological approaches to comprehending commemorative practices aimed at preserving and/or eliminating the memory of the past in public space is one of the significant tasks of social sciences in general and historical science in particular. Historical memory is a key element in the construction of national identity. It is often based on one or several historical myths that not only determine a society’s perception of the past, but also in many respects construct attitudes to current events. Understanding the mechanisms of how commemoration of the past determines group behavior and individual strategies for interacting with the world is important from the perspective of studying the processes of national identity transformation and the stability of society as a whole.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Keywords: historical myths, collective memory, public history, national identity, memory space, lieu de mémoire, erinnerungsorte

To cite this article: Zhenin, I. A. (2021). Historical myths and collective memory in the space of research practices. *Shagi / Steps*, 7(1), 9–28. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-9-28>.

Received November 10, 2020

Accepted November 30, 2020

Проблема соотношения исторических мифов и репрезентаций прошлого, которыми оперирует коллективная память, и конструирования различных идентичностей на уровне отдельных сообществ, всего общества, социальной, политической, национальной, конфессиональной или какой-либо еще принадлежности относится к тому ряду проблем, которые зачастую зависят от актуальной политической ситуации, во многом являясь продуктом «манипуляций массовым сознанием в политических целях» [Репина 2011: 415]. А. Ассман отмечает, что «коллективная память превращает ментальные образы в иконы, а нарративы становятся мифами, важнейшими свойствами которых являются убедительная сила и мощное аффективное воздействие» [Ассман 2014: 39].

Особенно остро этот вопрос начал осмысливаться академической наукой на рубеже XX–XXI вв. Как справедливо заметила Л. П. Репина, «именно в это время громко заявили о себе новые подходы, направленные не столько на исследование прошлого как реальности, сколько на анализ образов прошлого в историческом сознании» [Репина 2011: 451–452].

Опыт переосмысления прошлого, переоценок исторических событий, корректировок представлений и образов, прежде всего имеющих отношение к коллективной памяти и обладающих, как правило, травматическим характером, с одной стороны, подвел предварительные итоги столетия и, шире, тысячелетия, с другой — подтвердил востребованность исследовательских практик подобного рода и задал исследовательскую траекторию на будущее для социальных и гуманитарных дисциплин. В этом смысле можно говорить о том, что взаимодействие между интерпретациями прошлого (групповыми конвенциональными представлениями) и выстраиванием проекции собственной идентичности не просто находятся в прямой зависимости друг от друга, но и задают динамически развивающуюся структуру, что, в свою очередь, приводит к конкуренции, а иногда и к прямому конфликту различных оценочных «воспоминаний» между отдельными группами и сообществами.

В этом контексте значимость начинают приобретать не просто интерпретации исторических событий, включающие в себя мифологические и символические объекты, но и «конкурирующие» воспоминания о прошлом, суть которых сводится к использованию мифологизированного образа прошлого в качестве опыта негативного (с целью его порицания и покаяния) или позитивного (как образец для подражания). Таким образом, имплементация темы исторического мифа и мифологического в исследованиях памяти занимает особое место, так как «через воспоминание история становится мифом. Это не делает ее нереальной, напротив — только так она становится реальностью в смысле нормативной и формирующей силы» [Ассман 2004: 55].

Исторически опосредованные доводы и аргументы, часто имеющие прикладной и инструментальный характер, равно как и исторически значимые символы, фигуры и ритуалы, выступающие в качестве различного рода национальных, социальных, политических, культурных и религиозных маркеров, обладают динамическим характером и могут рассматриваться с точки зрения не только их соответствия исторической «действительности», но и с позиции тех изменений, которые происходят в обществе. Исходя из этого, под историческими мифами понимаются социально сконструированные представле-

ния о прошлом, «воспринимаемые в данном социуме как достоверные “воспоминания” (как “история”), составляющие значимую часть картины мира и играющие важную роль как в ориентации, самоидентификации и поведении индивида, так и в формировании и поддержании коллективной идентичности и трансляции этических ценностей» [Репина 2011: 453]. То есть исторические мифы призваны обеспечить различные социальные группы смысловым содержанием, закрепив тем самым их онтологический статус. Это особенно актуально во времена потрясений и кризисов. Словом, это должны быть функционирующие исторические нарративы, значимость и востребованность которых не вызывает сомнений и может играть существенную роль в формировании групповой идентичности.

Динамика изменения оценок, разворачивающаяся в сообществах относительно роли и значения того или иного исторического эпизода, героя, события, способствует закреплению или лишению их мифологического статуса в коллективной памяти — одновременно делая невозможным их константное восприятие как на групповом, так и на индивидуальном уровне. Последнее обстоятельство объясняется прежде всего коннотативными корректировками, изменениями и переходами в рамках бинарной оппозиции «свой — чужой»¹ [Todorov 1984; Ассман 2019: 60–195, 345–541]. Эти процессы в целом отражают структурные трансформации, которые затрагивают механизмы нововременных оснований национальной идентичности, имеющих отношение к выстраиванию культурной уникальности и формированию национального самосознания. Это явление довольно точно удалось охарактеризовать Аллану Мегиллу, заметившему, что «чем меньше сообщество укоренено в существующих и хорошо функционирующих социальных практиках, тем более проблематична его идентичность, тем более конститутивным является для него его “вспоминаемое” прошлое» [Мегилл 2007: 147]. Подобного рода процессы имеют разную темпоральность, часто зависящую от коммуникативных условий и степени готовности общества принять предлагаемый образ и/или желаемую репрезентацию, что в свою очередь подразумевает адаптивность восприятия и признание за историческими мифами собственной картины прошлого.

Таким образом, исторические мифы создают нарративное единство и сплоченность сообществ и тем самым связывают настоящее со значимыми элементами прошлого. В частности, это наглядно показано в монографии Герфрида Мюнклера «Немцы и их мифы», где подчеркивается значение легитимирующего характера мифов, с помощью которых укрепляются существующие политические порядки и конструируется идентичность различных сообществ [Münkler 2009]. Мифы могут брать на себя самые разнообразные функции, будь то нациостроительство, идеологическая и политическая консолидация, выявление и очерчивание границ социальных групп и сообществ, закрепление их собственных порядка и системы ценностей. В этом смысле мифы необ-

¹ В настоящее время существует электронный ресурс Imagologica (<https://imagologica.eu>), посвященный критическому анализу культурных и национальных стереотипов. В рамках данного проекта архивируются как теоретические работы о проблеме «инаковости», так и исторические источники, описывающие взаимодействия с «другим» или представления о «другом».

ходимо рассматривать не просто как «нравоучительное повествование», ведь речь в них идет не столько об исторической «действительности» или «истинности», сколько о том политическом значении, которое играют мифологизированные представления о прошлом в социуме. Сила мифов становится наиболее очевидной и наглядной, когда наблюдается взаимодействие ключевых элементов, отвечающих за комплексное восприятие исторического прошлого, к ним относятся прежде всего повествование (нарративный элемент), зрелищный образ (визуальный элемент), ритуальные практики (коммеморативный элемент). Наиболее очевидной точкой такого рода пересечений, как правило, выступают материальные объекты, представленные в виде памятников, а также праздники, юбилеи и церемонии. С их помощью происходит закрепление мифа в коллективном сознании и его воспроизводство при помощи повторяющихся практик², которые могут включать в себя и обновление, своего рода модернизацию тех или иных представлений. Таким образом, политические мифы и ритуалы часто тесно связаны друг с другом, ритуал оживляет миф и обеспечивает его сохранение. В то же время миф легитимирует ритуал. В данном случае ритуалы, представленные в качестве социального действия, выведенные из повседневной сферы и воспроизводимые по определенному сценарию, переносят смысловую функцию мифа в конкретный повседневный опыт людей. Установленная мифом связь с определенной интерпретацией прошлого коллектива (нации, группы и т. д.) усиливается через постоянное воспроизведение ритуалов. Тем самым ритуалы создают чувство групповой принадлежности и сопричастности и могут оказывать эмоциональную поддержку, а также способствуют усилению воображаемого мифа [Voigt 1989: 9–37].

Исходя из этого, можно предположить, что процессы переосмысления значения и роли отдельных элементов прошлого по сути не столько их демифологизируют, сколько меняют коннотацию, оставляя сам объект, который теперь, как правило, рассматривается в качестве антипримера — и становится не только антипримером, но и зоной для актуализации нарративных схем коллективной памяти разных групп [Гардер 2016].

Исторические и историко-культурные исследования рубежа XX и XXI вв. характеризуются возросшим интересом к проблемам памяти [Репина 2011: 411–451]. Историки обратились к сюжетам, связанным с функционированием исторической памяти на индивидуальном и групповом уровнях, к механизмам ее ретрансляции, формирования и корректировок вплоть до изучения забвения, что является обратной стороной или пределом изучения памяти³.

² В данном случае уместно сослаться на Э. Дюркгейма, стоявшего у истоков теоретических установок исследования, с одной стороны, коллективной памяти, получивших дальнейшее развитие в работах М. Хальбвакса, с другой — коммеморативного ритуала, имеющего отношения к коллективным практикам репродуцирования представлений о прошлом: «Таким образом, у нас есть целая группа церемоний, чья единственная цель — пробудить определенные идеи и чувства, чтобы связать прошлое и будущее, индивида и группу. Они не только не могут служить каким-либо иным целям, но от них ничего другого не требуют и сами верующие» [Дюркгейм 2018: 625–626].

³ Одним из первопроходцев в изучении данного вопроса был французский социолог Морис Хальбвакс, разработавший понятие коллективной памяти, понимаемой в качестве социального конструкта. В то же время Хальбвакс подчеркивал несводимость коллективной памяти к памяти исторической и настаивал, что это разные типы памяти, которые не

Теоретические и методологические основания подобного рода изысканий во многом базируются на разработках, которые были получены в смежных дисциплинах гуманитарного и социального профиля [Сафронова 2019].

Отражение этих поисков выразилось в сложном переплетении социологических, антропологических, психологических, философских теоретико-методологических установок, перенесенных на ткань исторической науки, что вызывает непрекращающиеся дискуссии и в настоящее время. Можно выделить по меньшей мере четыре направления, в центре изучения которых находится сопряжение памяти и исторической мифологии: концептуальное осмысление и разработки в рамках изучения «изобретения традиции» (Эрик Хобсбаум), «воображаемых сообществ» (Бенедикт Андерсон), коллективной и культурной памяти (Ян и Алейда Ассман), а также «мест памяти» (Пьер Нора), закрепляющих и воспроизводящих миф через коммеморативные механизмы (памятники и праздники).

Одним из первых, кто проанализировал данную проблематику в историко-культурном пространстве, был Ян Ассман, разработавший понятие культурной памяти, которая «культурная, потому что она может осуществляться лишь искусственно, в рамках институций, и в то же время это — память, потому что она функционирует по отношению к социальной коммуникации совершенно так же, как индивидуальная память по отношению к сознанию» [Ассман 2004: 23]. В его теоретической конструкции огромное значение уделяется мифу, что обусловлено как самой спецификой культурной памяти, обладающей собственными формальными механизмами воспроизводства, так и особенностями человеческого существования в истории. В предложенной Я. Ассманом концептуальной схеме мифологическая предыстория относится к содержательному уровню культурной памяти наравне с событиями в абсолютном прошлом [Там же: 58–59]. В этом смысле мифы, равно как и обряды, служат основанием для складывания идентичности, ее функционирования и ретрансляции. Ассман рассматривает роль и функциональные особенности мифа в различных обществах, используя типологию «горячего» и «холодного» обществ у К. Леви-Строса. «Холодные» общества отличаются отсутствием динамики и стремятся не замечать изменения, противопоставляя себя, в отличие от «горячих», историчности⁴. Таким образом, в «горячих» обществах мифы позволяют сохранять память о разрывах и переменах и тем самым стимулируют дальнейшее развитие обществ. В «холодных» обществах они служат подтверждением преемственности, нейтрализуют изменения и импульсы к переменам, подчеркивая возвращение схожего и привычного.

должны восприниматься синонимично: «...коллективная память не совпадает с историей (...) выражение “историческая память” выбрано не очень удачно, потому что оно связывает два противоположных во многих отношениях понятия. История — это, несомненно, собрание тех фактов, которые заняли наиболее важное место в памяти людей. (...) Если необходимым условием для существования памяти является то, чтобы вспоминаящий субъект, индивид или группа, имел ощущение, что он непрерывным движением плывет вдоль по течению своих воспоминаний, разве тогда история может быть памятью? Ведь нарушена связь между обществом, читающим эту историю, и группами, прежде бывшими свидетелями или участниками тех событий, о которых в ней рассказывается» [Хальбвасс 2005: 10].

⁴ По определению К. Леви-Строса, «горячие» общества «смело интериоризируют историческое становление, чтобы сделать его движущей силой своего развития» [Ассман 2004: 79].

Отдельным направлением исследований, где значительное внимание отводится национальным историческим мифам и представлениям, является изучение мест памяти. Пионером в этой области стал Пьер Нора, инициировавший масштабный и многолетний проект «Места памяти Франции».

Так, П. Нора отмечал, что «в отличие от всех исторических объектов, места памяти не имеют референции в реальности. Или, скорее, они сами являются своей собственной референцией, знаками, которые не отсылают ни к чему, кроме самих себя, знаками в чистом виде. Это не значит, что у них нет содержания, физического существования и истории, совсем напротив. Но местами памяти их делает как раз то, благодаря чему они ускользают от истории» [Нора 1999: 48–49]. В данном случае очевидными являются смысловые пересечения понятийного аппарата, касающегося разработки понятий «миф» и «коммеморация». В том абрисе, который начертил П. Нора, заметна «ускользающая», едва определяемая объектность мест памяти, которая характерна также для мифа и мифического. Подобного рода понятийные сложности, подстерегающие исследователей в определении исторического мифа и исторической мифологии, могут свидетельствовать о некотором внутреннем единстве этих явлений. В этом смысле отдельные исторические мифы могут являться местами памяти, а те или иные места памяти могут выступать в качестве исторических мифов или же закрепляться с их помощью в коллективном сознании (культурной памяти): «Места памяти являются местами в трех смыслах слова — материальном, символическом и функциональном, — но в очень разной степени. <...> Игра памяти и истории формирует места памяти, взаимодействие этих двух факторов приводит к их определению друг через друга. Прежде всего необходимо желание помнить» [Там же: 40].

Т. Джадт отмечал, что «Пьер Нора всегда настаивал на том, что его проект задуман как исследование, направленное против таких исторических сочинений, которые служат лишь прославлению памяти о том или ином событии или выдающемуся деятеле. Труд Нора и его коллег был призван запечатлеть, проанализировать и опровергнуть различные исторические мифы, вымыслы и воспоминания “о том, чего не было”. Однако, как с горечью замечает Нора в заключительной статье последнего тома, эта работа обрела странную судьбу — воспевание прошлого одержало в ней победу и теперь уже само исследование стало “местом памяти” в науке» [Джадт 2011: 54–55].

Несмотря на критику, идея, разработанная П. Нора, была принята в немецком историческом сообществе и воплощена в жизнь под руководством директора Центра Марка Блока в Берлине Этьенна Франсуа и профессора Свободного университета Берлина Хагена Шульца. В рамках данного проекта было подготовлено трехтомное издание, опубликованное в 2001 г. под общим заголовком «Немецкие места памяти» (*Deutsche Erinnerungsorte*). Историки и, шире, интеллектуалы ставили своей целью выделить и описать места памяти, которые потенциально обладают своего рода дидактической функцией, заключающейся в преодолении отчужденности между западом и востоком Германии, и задавали интеграционный вектор на уровне общего понимания значимых символических, во многом мифологических фигур, событий и явлений прошлого. При этом было отмечено, что «имея дело с иной национальной историей, невозможно в точности повторить структуру французского проекта

и методы французских исследователей — необходимо отыскать такой принцип работы и такой тип структурирования материала, который соответствовал бы немецкой специфике» [Франсуа 2011: 39]. Для Германии наиболее спорным и сложным моментом стал известный разрыв в ткани прошлого, касающийся непосредственно вопросов идентичности. Прежде всего это относится к национал-социалистической странице немецкой истории, а также периода существования двух немецких государств — ФРГ и ГДР, которые по-разному выстраивали политику относительно символических фигур, явлений и событий из истории страны.

Таким образом, места памяти могут быть как материальными, так и нематериальными, включающими реальные и мифологические фигуры и события, здания и памятники, учреждения и концепции, книги и произведения искусства, — говоря современным языком, речь идет о своего рода «иконах». Они являются местами памяти не из-за их материального воплощения, а из-за их символической функции. Это долгосрочные, сохраняющиеся на протяжении поколений точки кристаллизации коллективной памяти и идентичности, которые встроены в социальные, культурные и политические нормы и меняются в той мере, в какой изменяются их восприятие, присвоение, применение и передача [François, Schulze 2001: 17].

Проект был задуман в середине 1990-х годов и рассматривался не только как интеллектуальный ответ на научно-исследовательские вызовы (сложность адаптации французских теоретико-методологических установок с учетом как языковых различий, так и разного исторического опыта Франции и Германии), но и как попытка выявить социально-политические проблемы, изменения, которые произошли в самой Германии. Прежде всего это касалось сложностей ментального, бытового, историко-политического и мемориального порядка, с которыми столкнулось немецкое общество в ходе процесса объединения ГДР и ФРГ. Расколота страна сформировала также расколотое отношение к собственной истории. Немецкая история превратилась в материал для достижения политических целей, в средство легитимации власти и идеологический императив, что в значительной мере осложняло и без того напряженные отношения между Западной и Восточной Германией. Лакуны в воспоминаниях были огромны. Например, одной из значимых и идеологически нагруженных тем, которая вызывала дебаты по обе стороны Берлинской стены, была история антифашистского сопротивления в нацистской Германии. Во втором томе этому вопросу была посвящена статья Юргена Данюэля «20 июля». В день 20 июля 1944 г. группой офицеров и высших чинов вермахта было предпринято покушение на Гитлера. В Западной Германии «20 июля» воспринималось, в том числе и на официальном уровне, как метафора альтернативной Германии, которая могла бы быть, как символ «восстания совести», в конечном счете, как предыстория ФРГ, а граф Клаус Шенк фон Штауффенберг, осуществивший покушение, стал символом героического сопротивления. В ГДР официальная историография изначально рассматривала этот поступок не в качестве антифашистского действия, а как проявление несогласия «восставших генералов», которые были «плоть от плоти немецкого империализма». В период руководства Э. Хонеккера (1970–1980-е годы) эта установка начала претерпевать изменения, и «20 июля» стало постепенно инкорпорироваться в качестве одной из линий в

историю антифашистского сопротивления, правда, обладавших исключительно второстепенным значением. Особое место это событие заняло в общественно-политической повестке Германии после объединения в 1991 г.; его 50-летие, отмечавшееся через несколько лет, стало важной исторической годовщиной для объединенной страны и, соответственно, возможностью определить тенденции восприятия общей истории: способно ли новое государство преодолеть прежний раскол и соединить две разные культуры воспоминаний [Danyel 2001].

Кроме того, этот проект ставил своей целью не только восстановление общенационального единства народа, некогда разделенного на два государства и две идеологические системы, но и рассмотрение немецких мест памяти в общеевропейском контексте. Тем самым подчеркивались, с одной стороны, участие Германии в политических процессах европейской интеграции, приверженность страны европейскому единству и ценностям, а с другой — то значение, которое имела национальная история Германии (германских земель) в становлении культурной и исторической уникальности Европы. В конечном итоге реализация данной установки оказалась связана в том числе с окончательным преодолением линии обособленности и уникальности немецкого исторического пути (*Deutscher Sonderweg*) как одного из важнейших идейных императивов в политике и истории Германии последней четверти XIX — первой половины XX в. В немецкой историографии этого периода «особый путь» Германии рассматривался как безусловное достоинство и отличительная черта, задающая тон уникальности и своеобразия немецкой политической и культурной традиции, отличающая ее, с одной стороны, от «западных» материальных и политиканских ценностей, с другой — от «восточных» раболепия и необузданности [Кока 2018].

Наконец, еще одним существенным условием, определившим выбор мест памяти для исследования в рамках данного проекта, было то, что топосы должны обладать широким культурным охватом, включая в себя и элементы поп-культуры, что подразумевает использование самых разнообразных источников. Это было сделано в том числе и для того, чтобы охватить как можно более широкий круг читателей, а не только академическое сообщество. Эта установка нашла отражение и в гетерогенности авторского коллектива, как дисциплинарной (в него вошли историки и филологи-германисты, социологи, фольклористы, свободные исследователи и публицисты), так и национальной (исследователи представляли не только Германию, но и другие страны). Статьи сборника действительно содержат много интересных деталей и неожиданных перекрестных связей, что должно порождать у читателя дополнительные ассоциации, вызывать эмоциональные личные переживания, прежде всего касающиеся собственной семейной истории, а также отсылать к разнообразным символическим рядам, выстроенным вокруг географических мест, книг, фильмов, музыки и т. д.⁵

⁵ Каждый том издания «Немецкие места памяти» состоит из больших разделов, имеющих собирательное понятийное или тематическое наименование, например, «Поэты и философы», «Дисциплина», «Идентичности». В свою очередь, каждый раздел состоит из отдельных статей, в которых, согласно замыслу авторов, рассматриваются те или иные места памяти из немецкой истории, представленные в виде явлений, понятий, личностей, событий, содержательно связанных с наименованием раздела. Так, упомянутая выше статья «20 июля» входит в раздел «Свобода», представленный во втором томе.

Изначальные методологические установки, касавшиеся выбора и определения символических мест и фигур, отчасти позволили преодолеть внутреннюю национальную перспективу с точки зрения как формы, так и содержания. В частности, в ряде статей логика повествования выстроена в подчеркнуто транснациональном контексте, ср., например, статьи о Наполеоне, Сталинграде или таком понятии, как «Made in Germany», а также рассказ о Страсбургском соборе. Кроме того, привлечение иностранных авторов, оптика которых была отличной от немецкой историко-культурной традиции, позволило выстроить иной ракурс в отношении «типично немецких» памятных мест. Здесь можно упомянуть статью Ф. Клодона, посвященную традициям домашнего музицирования в Германии [Claudon 2001]. Особый интерес в рамках проекта представляют статьи, в которых выстраиваются параллели или ищутся эквиваленты, касающиеся национальных моделей памяти. Речь идет о поиске языка перевода, подразумевающего семантический (содержательный), формальный и прагматический уровни. Например, подобная попытка была предпринята для описания такого памятного места, как Лангемарк. Немецкие коммеморативные практики, выстроенные вокруг памяти о Лангемарке, могут быть «переведены» и поняты, если обратиться к такой параллели (эквиваленту), как английский или французский культ неизвестного солдата [Krumelch 2001]. Этот же принцип был применен для определения места фигуры Арминия (Германа) не только в пространстве национальной памяти Германии, но и в общеевропейском контексте, подразумевающим наличие подобного рода национальных героев как собирательных и символических образов, ср. французский культ Верцингеторикса [Doyle 2001: 602]. Наконец, есть случаи, когда «взгляд со стороны» придал немецким памятным местам статус национальных символов. Так, К. Клеменс показывает это становление на примере замка Нойшванштайн, рецепция которого в самой Германии во многом осуществилась через его американские копии [Clemens 2001].

В то же время отдельные содержательные аспекты данного проекта вызывают вопросы, прежде всего касающиеся важности тех или иных мест памяти для актуального исторического сознания Германии (например, «Битвы народов» или «Общества кайзера Вильгельма»). Эти пространства вряд ли сопряжены с нынешней немецкой коллективной памятью и скорее могут восприниматься как память о былой памяти.

Своего рода отголоском данного проекта стал выход в 2009 г. масштабной монографии «Немцы и их мифы» Герфрида Мюнклера, который в рамках собственной исследовательской схемы рассматривает и анализирует национальные мифы, характерные для культурно-исторической матрицы немецкой коллективной памяти и национального сознания. Основываясь на широком круге источников и литературы, Мюнклер выделяет три принципиально важные характеристики для понимания политических мифов сегодня: нарративная вариативность, визуальное (иконографическое) уплотнение, ритуальные постановки (коммеморативные ритуальные практики). По его мнению, мифы суть «выражение накоплений символического капитала» [Münkler 2009: 16]. Они задают политические и социальные ориентиры и придают уверенность; помогают победить или смягчить горечь поражения, превращаясь при этом в мифы о преодолении либо в повествование от лица жертвы.

Монография построена по проблемному принципу; каждая глава призвана продемонстрировать, о чем могут поведать национальные мифы. В первой главе рассказывается о происхождении немцев; во второй — об осознании себя единым народом через отрицание «другого»; в третьей — о прусском мифе и его влиянии на формирование особого немецкого самосознания; четвертая повествует о пространствах и местах; наконец, в пятой главе рассматриваются политические мифы, возникшие после Второй мировой войны.

Мюнклер анализирует те возможности, которые таят в себе мифы, показывая их влияние на формирование нации, рассматривая их роль в создании «своего» и маркировании «чужого», описывая носителей мифологии, места и пространства, образующие национальные мифы и ретранслирующие память о них. Таким образом, вырисовывается своего рода история немецкого менталитета от сотворенных мифов эпохи политического романтизма до нашего времени, где повествование не только строится вокруг символических фигур (Герман (Арминий), Лютер, Барбаросса, королева Луиза), но также вбирает в себя такие важные топосы, как Каносса, Вартбург, Нюрнберг, Веймар и Рейн.

Одним из последних в данном направлении стал международный проект, в рамках которого было подготовлено издание трехтомного коллективного сборника статей под общим заголовком «Европа. Настоящее нашей истории» (немецкое издание 2019 г., под ред. Э. Франсуа и др.). Основная идея, вокруг которой выстраивается повествование, — «переосмысление идеи Европы», выявление того, «чем на самом деле является Европа, которая на протяжении более чем тысячи лет была вездесущей и вполне осязаемой реальностью, а сейчас представляется ускользающим объектом» [François, Serrier 2019: 9]. В рамках рассуждений о трансляции историко-мифологических представлений о прошлом затрагиваются вопросы соотношения исторических и политических мифов в границах глобального наднационального проекта, каким является проект единой Европы в его политической конфигурации в виде Европейского Союза. Иными словами, здесь предпринимается попытка исследовать механику существования национальных исторических мифологий и их инкорпорирования в мифологическую структуру единой Европы. Подобная постановка проблемы подразумевает целый ряд вопросов, вокруг которых и выстраивается исследование. Например, можем ли мы говорить о преодолении исторически обусловленных антагонизмов между европейскими народами и/или государствами? Каким образом строится взаимодействие и соотношение национального и наднационального мифотворчества применительно как к прошлому, так и к настоящему? Каковы основные содержательные основания мифа о единой Европе? Особенно остро эти вопросы начинают звучать и осмысливаться в кризисные периоды различной этиологии (экономической, социальной, политической, конфессиональной, культурной и т. д.).

Для ответа на эти вопросы авторы ставят своей целью исследовать разнобразную и часто антагонистическую европейскую память, выделяя в ней два аспекта: историческое развитие и значимость в настоящее время. Повествование разворачивается на фоне основного вопроса о том, возможно ли сегодня говорить о европейской памяти в единственном числе. К важной содержательной особенности данного проекта можно отнести, с одной стороны, поиск и выявление единства (общности) в национальных культурах памяти, а с дру-

гой — рассмотрение различий, которые имеются в европейских культурах памяти, учитывая различный опыт обращения с ней в странах «старого» Запада и бывшего Восточного блока. Каждый том имеет свое название и посвящен рассмотрению отдельных сюжетов, с ним связанных. Так, первый том, озаглавленный «Живое прошлое», объединил статьи о формировании настоящего через картины прошлого, которые отягощены смыслами, появившимися не только в «эпоху крайностей» XX столетия: от полемики вокруг понятия «демократия» в античности и эпоху Просвещения до социального государства и сексуального многообразия, от истоков античных мифов о фундаментальном значении права и правового государства до роли ислама в Европе, от классовой борьбы до современной и все еще актуальной полемики о закате и гибели Европы. Во втором томе — «Разнообразие и противоречие» — представлен kaleidoscope различных исторических лиц, представлений и идей, мест и пространств, структур и событий, которые нанесены на культурно-историческую матрицу памяти современных европейцев, от Леонардо да Винчи и Габсбургов до Берлинской стены. В третьем томе — «Глобальные переплетения» — исследуются пути, связывающие европейскую память с мировой историей с точки зрения властной и понятийной экспансии, а также взаимодействия и формирования гибридных идентичностей.

На рубеже XX–XXI столетий под влиянием смены научной парадигмы и выявления новых подходов, прежде всего в рамках культурологических и культурно-исторических исследований, интерес к изучению памяти с точки зрения ее функциональной нагрузки в рамках исторического нарратива и выстраивания идентичностей возрос еще больше. В этом смысле в настоящее время сложно говорить о привычной, классической предметной области, скорее речь должна идти о междисциплинарных исследовательских областях, в которых предметный фокус не сводится исключительно к вопросу об определении, приемах или теориях памяти [Репина 2016; Николаи 2017].

Изменения последнего времени, фиксируемые в социальных и гуманитарных дисциплинах, часто диктуются необходимостью обращения к истории для институционального конституирования собственного проблемного поля, что позволило исследователям говорить о произошедшем «историческом повороте» [McDonald 1996], в значительной степени обострившем «политику памяти». Актуализация исторической проблематики и мемориальных конфликтов во многом объясняется начавшимся в последней четверти XX в. процессом историзации мышления. Н. Е. Копосов связывает это с «распадом веры в прогресс, “кризисом будущего” и возникновением нового “режима историчности” (...) Именно тогда на смену вере в будущее, тот или иной “проект” которого (либеральный, коммунистический, социалистический) служил объяснением прошлому и настоящему, пришел так называемый презентизм» [Копосов 2011: 14]. В этом контексте огромное значение начинают приобретать живые голоса свидетелей, которые через медиарепрезентацию и коммуникативные практики структурируют собственную уникальность и индивидуальность. Тем самым процессуальность аппроксимации прошлого формирует историчность, а следовательно, и онтологическое присутствие, что в конечном итоге приводит к легитимации той или иной социальной группы как в национальном, так и в транснациональном масштабе. При этом

характерной особенностью безудержного мемориального расширения стало «стремление мыслить исторически в вечном настоящем» [Там же: 20].

Особую роль в развитии интереса к исследованиям памяти и коммеморации, вне всякого сомнения, сыграли цифровая революция и появление новых технологий хранения данных [Сафронова 2019: 167–188]. Это становится очевидным в середине 2000-х годов, когда «экспоненциально увеличивающиеся возможности хранения данных в компьютере приводят к снижению порога ограничений и механизмов отбора, которые ранее были продиктованы необходимостью экономии и управляемости материального хранения информации» [Assmann 2002: 246]. Возникновение и активное продвижение цифровых платформ в сети Интернет (цифровые хранилища документов), геймификация исторических событий, интерактивное взаимодействие с прошлыми эпохами и мемориальными памятниками задали новые модели восприятия истории как на повседневном профанном уровне, так и в пространстве публичной коммуникации [Osten 2004; Mayer 2009]. С одной стороны, это вызывало эйфорию от предоставляемых возможностей фиксации исторического материала, в том числе в режиме реального времени, а также разноплановых вариантов работы с ним, с другой — обозначило опасения части исследовательского сообщества (где можно увидеть не только историков, но и специалистов в области медиа, культурологии, дидактики и психологии) относительно механизмов воспроизводства культурной памяти под влиянием новых технологий, подразумевающих и в известной степени предписывающих собственную логику существования в цифровой и виртуальной среде. Так, по мнению Я. Ассмана, все это существенным образом влияет на становление и трансляцию культурной памяти, в основе которой находится понятие «растяженной ситуации» [Ассман 2004: 21]. Более того, по его мнению, «Интернет предлагает новую институционализацию “растяженной ситуации”, в которой привилегированным становится уже не время, а пространство. До сих пор “растяжение” в первую очередь касалось времени; решающими мотивами в формировании культурной памяти были стабилизация опыта и освоение жизненных временных горизонтов. Интернет, напротив, позволяет преодолевать пространственные ограничения; он сулит не бессмертие, а глобальную общность. Время не “растягивается”, а, наоборот, исчезает, снова сводя письменное дистанционное общение к устному взаимодействию в “реальном времени”» [Assmann 2002: 247]. В свою очередь это приводит к тому, что под знаком коммуникабельности и предоставляемых возможностей сохранения информации и ее мгновенного обнаружения не возникает условий для образования «культурного бессознательного», что отразится на культурной памяти в целом.

Подобные опасения были связаны не только с логикой конструирования и ретрансляции памяти, но и с размыванием критериев, формирующих ценность воспоминаний относительно друг друга, а также соотношения разных исторических нарративов (частная история и частные воспоминания vs. официальная национальная история), включая и исторические мифы, отвечающие как за идентичность, так и за индивидуальные и групповые представления о прошлом. Цифровая среда создала условия для плюрализации различных взглядов и перспектив на прошлое. Речь идет не столько об оценках, сколько о самой оптике, при помощи которой рассматриваются историческое событие

и пространство, которым ограничено повествование. В этом смысле демократизация и деиерархизация, являющиеся результатом этого процесса, не только вносят поправки в характеристики официальной культуры памяти и историографии, но и по-новому проблематизируют их, отдавая предпочтение субъективной избирательности в репрезентации прошлого. Таким образом, к существенным изменениям, продиктованным цифровизацией и технологическими новшествами последнего времени, можно отнести стремительный рост частных воспоминаний и возросший интерес к индивидуализированной памяти.

Иными словами, новые медиа сделали возможным преодоление границ семейной или частной памяти и стали проводником в публичное историческое и культурное пространство, что создало новое понимание не только частной/ семейной истории, но и большого национального исторического нарратива, который воспроизводится на разных уровнях, прежде всего через систему образования, и задает границы идентичности через усвоение национальных репрезентаций прошлого.

В целом можно говорить о том, что под влиянием цифровизации происходит и переосмысление архива как институции. Онлайн-коммуникация позволила пользователю не только получить доступ к хранению, но и участвовать в создании и индексации (описи) содержания. Примером тому могут служить различные инициативы по сбору воспоминаний и использованию их в учебных и образовательных целях. В этом отношении показателен проект *IWitness*, основная цель которого заключается не только в сборе личных историй свидетелей Холокоста и политики геноцида в различных странах, но и в использовании этих воспоминаний, личных переживаний, субъективного опыта памяти в образовательных практиках⁶.

Это мемориальное расширение подразумевает встраивание биографических свидетельств очевидцев и современников или их пересказ в источниковую базу, которая в классическом варианте оперировала, как правило, письменными свидетельствами автора, рассматривая живые воспоминания в лучшем случае как дополнение [Николаи 2017: 70–71]. Эвристический потенциал, заложенный в коммуникативную схему устного сообщения, стал чрезвычайно востребован в рамках изучения культурной (исторической) травмы (*trauma studies*) [Мороз, Суверина 2014]. Здесь в центре внимания находится личный опыт всех, кто подвергался преследованиям, дискриминации и насилию, переживших катастрофу мировых и локальных войн XX столетия, Холокост, намеренное уничтожение отдельных групп населения по тем или иным признакам (геноцид) и т. д. В данном случае «память жертв» имеет амбивалентный характер и может рассматриваться в двух плоскостях: с одной стороны, как память о событиях и людях, которые не пережили катастрофу, а с другой — как память тех, кто выжил и через свой рассказ воссоздает других, создавая тем самым маркеры групповой идентичности и выстраивая живую связь между прошлым и настоящим. Повествования о пережитом не только одновременно закрепляют и преодолевают травматический опыт на индивидуальном уровне, но и конституируют групповую идентичность: «...культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо

⁶ <https://iwitness.usc.edu/sfi>.

ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [Александр 2012: 6]. Подобного рода личные повествования интересны в том числе с точки зрения выстраивания механизмов передачи памяти жертвы и нарративной модели воспоминаний, которые могут быть дополнены аудиовизуальными средствами, кинофотофонодокументами, а также различного рода артефактами. В частности, комбинация этих источников активно используется в современных выставочных пространствах, музейных практиках, мемориалах и т. д.⁷ [Gries 2019].

В целом можно заметить, что процесс виктимизации прошлого в рамках исследовательской парадигмы истории памяти и новых медиа во многом направлен на создание определенного цифрового продукта, который бы позволил визуализировать локальное пространство прошлого, показать «место преступления» на карте и выстроить маршрут топографии террора⁸. Для Германии это выразилось прежде всего в осмыслении диктатуры национал-социализма и опыте ГДР. И если идеология и практики Третьего рейха были публично осуждены и проработаны многоуровневой и разноплановой рефлексией немецкого общества, проявившей в конечном итоге в консенсусе признание вины и ответственности, то социалистический эксперимент все еще не стал предметом консолидированного общественного неприятия и скорее вызывает споры и разногласия спустя 30 лет после воссоединения страны⁹.

В этом отношении можно говорить о целой индустрии памяти, построенной вокруг событий, мест, периодов. Осмысление мемориальной проблематики в немецком медиапространстве привело к возникновению целого ряда исследовательских проектов, целью которых стало рассмотрение данной темы в междисциплинарном контексте. Так, в 2014 г. было положено начало реализации масштабного проекта «Освоение истории в пространстве медиаобщества» (*Geschichtsaneignung in der Mediengesellschaft*)¹⁰, участие в котором приняли историки, психологи, антропологи, специалисты по медиакommunikation

⁷ Для европейских стран применение подобного рода музейных практик стало особенно популярно в период сотой годовщины начала Первой мировой войны (2014) и ее окончания (2018). Содержательный анализ подобного рода выставок в различных европейских странах требует отдельного исследования, которое бы могло показать пути коммеморативного преодоления общего травматического прошлого. Отметим, что в рамках общеевропейского историко-культурного портала Europeana, созданного по инициативе Европейского Союза, был подготовлен раздел, посвященный Первой мировой войне (<https://www.europeana.eu/en/collections/topic/83-1914-1918>), где собраны различные источники как официального (документы), так и личного происхождения (дневники, частные письма). Кроме того, здесь же представлены многочисленные артефакты, созданные на фронте и отражающие повседневный быт войны, визуальные документы той эпохи из семейных архивов (фотографии), кино- и фотофонодокументы из различных европейских стран.

⁸ Так, к центральным проектам, реализованным в этом направлении, можно отнести берлинский историко-исследовательский музейный и просветительский центр с одноименным названием «Топография террора» (*Topographie des Terrors*; <https://www.topographie.de/topographie-des-terrors>), созданный в 1987 г. На сегодняшний день это одна из крупнейших институций, рассказывающих о преступлениях и жертвах национал-социалистической диктатуры с привязкой к географии города.

⁹ См. № 28–29 журнала «Aus Politik und Zeitgeschichte. Deutsche Einheit» (2020) (https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/APuZ_2020-28-29_online.pdf).

¹⁰ <http://www.geschichtsaneignung.ovgu.de/Forschungsverbund.html>.

и компьютерным технологиям. В фокусе внимания исследовательских групп оказались как дискурсивные модели репрезентаций прошлого, которые формируются при помощи различных медиаресурсов, обладающих собственной спецификой технического порядка, так и работы с мемориальной культурой. Это нашло отражение в следующих предметных и тематических областях: освоение истории через Интернет, освоение истории в рамках кино и телевидения, освоение истории через компьютерные игры, освоение истории через мемориальные и музейный практики.

Еще одним исследовательским проектом стало создание в 2013 г. рабочей группы «Цифровые изменения и историческая дидактика» (Digitaler Wandel und Geschichtsdidaktik). Здесь в центре внимания находится изучение влияния цифровизации и коммуникационных установок культуры Web 2.0 на научные дисциплины. В условиях цифровых изменений историческая дидактика сталкивается с двумя вызовами. Во-первых, это само существование исторического мышления и преподавания исторических дисциплин в новых условиях цифровизации и технологических инноваций. Во-вторых, определение новых дисциплинарных возможностей исторической дидактики для содержательного взаимодействия с дискурсивными особенностями Web 2.0, что в конечном счете позволяет активизировать и расширить обмен между профессиональными дисциплинами и практиками, преподавателями истории и получающими образование по историко-политическим дисциплинам. Целью рабочей группы является создание профессиональной экспертной площадки для обмена мнениями и опытом в рамках очерченного круга вопросов.

Подводя итоги, можно говорить о том, что в настоящее время в исследованиях исторических мифов и коллективной памяти выделяются два основных направления. Во-первых, это исследования, в которых основное внимание уделяется интеркультурности и транскulturности памяти. Здесь предметом рассмотрения и анализа выступает то, каким образом нарративы воспоминаний могут дополнять друг друга, влиять друг на друга или смешиваться в рамках различных культур и традиций; как их отдельные элементы по-новому пересобираются и превращаются в транскulturные поля памяти. Во-вторых, исследовательское внимание сосредоточено на медиальности и выстраивается вокруг медиального основания памяти. Популярные адаптации переживаний и рассказов в визуальных, музыкальных и перформативных медиа показывают, что память не нуждается в эпически сложном и нагруженном повествовании, чтобы быть дискурсивно воспринимаемой в публичном пространстве. Более того, медийные переводы памяти свидетельствуют о том, насколько универсально и поливалентно это явление. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время возможности различного рода интерпретаций памяти не уменьшаются, а, напротив, увеличиваются. Подобные переходы и трансформации в разных медиасредах наглядно показывают, какую динамику несет в себе процесс коммеморации.

В то же время необходимо отметить, что ярко выраженный междисциплинарный аспект и культурологическая направленность исследований памяти, с одной стороны, вызывает все больший интерес в различных социальных и гуманитарных дисциплинах, с другой — вновь поднимает и в какой-то степени обостряет вопросы об исторической и историко-дидактической значимости и актуальности такого рода научных изысканий.

Литература

- Александр 2012 — *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность / Пер. с англ. // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Ассман 2019 — *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2019.
- Гардер 2016 — *Гардер М. О.* Перспективы изучения «механизмов передачи» коллективной памяти // Шаги/Steps. Т. 2. № 4. 2016. С. 7–17.
- Джадт 2011 — *Джадт Т.* «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? / Пер. с фр. // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. ст. / Ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Нов. изд-во, 2011. С. 45–75.
- Дюркгейм 2018 — *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Кока 2018 — *Кока Ю.* По окончании особого пути: к вопросу о состоятельности идеи / Пер. с нем. // «Особый путь»: от идеологии к методу / Сост. А. Зорин, М. Велижев, Т. Атнашев. М.: Нов. лит. обозрение, 2018. С. 277–297.
- Копосов 2011 — *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.
- Мегилл 2007 — *Мегилл А.* Историческая эпистемология / Пер. с англ. М.: Канон+, 2007.
- Мороз, Суверина 2014 — *Мороз О., Суверина Е.* Trauma Studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 59–74.
- Николай 2017 — *Николай Н. Ф.* Polemika о травме и памяти в американских исследованиях культуры. М.: Флинта; Нижний Новгород: Мининский Ун-т, 2017.
- Нора 1999 — *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П. и др. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Репина 2011 — *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
- Репина 2016 — *Репина Л. П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое = The New Past. 2016. № 1. С. 82–98.
- Сафронова 2019 — *Сафронова Ю. А.* Историческая память: введение: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019.
- Франсуа 2011 — *Франсуа Э.* «Места памяти» по-немецки: как писать их историю? / Пер. с фр. // Империя и нация в зеркале исторической памяти: Сб. ст. / Ред.-сост.: И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Нов. изд-во, 2011. С. 30–45.
- Хальбвакс 2005 — *Хальбвакс М.* Историческая и культурная память / Пер. с фр. // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.
- Assmann 2002 — *Das kulturelle Gedächtnis // Erwägen, Wissen, Ethik. Jg. 13. № 2. 2002. S. 239–247.*
- Claudon 2001 — *Claudon F.* Hausmusik // Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3 / Hrsg. E. François, H. Schulze. München: Beck, 2001. S. 138–154.
- Clemens 2001 — *Clemens C.* Neuschwanstein // Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3 / Hrsg. E. François, H. Schulze. München: Beck, 2001. S. 422–436.
- Danyel 2002 — *Danyel J.* Der 20. Juli // Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 2 / Hrsg. E. François, H. Schulze. München: Beck, 2002. S. 220–238.

- Doye 2001 — *Doye M. W. Arminius // Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3 / Hrsg. E. François, H. Schulze. München: Beck, 2001. S. 587–603.*
- François, Schulze 2001 — *François E., Schulze H. Einleitung // Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 1 / Hrsg. E. François, H. Schulze. München: Beck, 2001. S. 9–27.*
- François, Serrier 2019 — *François E., Serrier T. Anleitung zur deutschen Ausgabe // Europa. Die Gegenwart unserer Geschichte. Bd. 1: Lebendige Vergangenheit / Hrsg. E. François, T. Serrier. Darmstadt: WBG THEISS, 2019. S. 9–21.*
- Gries 2019 — *Gries C. Das digital kompetente Museum — digitale Strategien für Museen // Der digitale Kulturbetrieb / Hrsg. L. Pöllmann, C. Herrmann. Wiesbaden: Springer Gabler, 2019. S. 99–110.*
- Krumreich 2001 — *Krumreich G. Langemarck // Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 3 / Hrsg. E. François, H. Schulze. München: Beck, 2001. S. 292–310.*
- Mayer 2009 — *Erinnerungskultur 2.0: Kommemorativ Kommunikation in digitalen Medien / Hrsg. E. Mayer. Frankfurt a. M.; New York: Campus Verlag, 2009.*
- McDonald 1996 — *McDonald T. J. Introduction // The historic turn in the human sciences / Ed. by T. J. McDonald. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1996. P. 1–17.*
- Münkler 2009 — *Münkler H. Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin: Rowohlt, 2009.*
- Osten 2004 — *Osten M. Das geraubte Gedächtnis. Digitale Systeme und die Zerstörung der Erinnerungskultur. Frankfurt a. M.; Leipzig: Insel Verlag, 2004.*
- Todorov 1984 — *Todorov T. The conquest of America: The question of the Other. New York: Harper and Row Publishers, 1984.*
- Voigt 1989 — *Voigt R. Mythen, Rituale und Symbole in der Politik // Symbole der Politik — Politik der Symbole / Hrsg. R. Voigt. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1989. S. 9–37.*

References

- Aleksander, Dzh. (2014). Kul'turnaia travma i kollektivnaia identichnost' [Trans. from Alexander, J. (2005). *The meanings of social life: A cultural sociology* (pp. 85–108). Oxford Univ. Press]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2014(3), 5–40. (In Russian).
- Assman, A. (2014). *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaja politika* [Trans. from Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Beck]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii — odezhimost' istoriei* [Trans. from Assmann, A. (1999). *Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit: Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945*. Deutsche Verlags-Anstalt; (2018). *Formen des Vergessens*. Wallstein Verlag; (2014). *Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung*. Beck]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Assman, Ia. (2004). *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Trans. from Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Beck]. *Iazyki slavianskoi kul'tury*. (In Russian).
- Assmann, J. (2002). Das kulturelle Gedächtnis. *Erwägen, Wissen, Ethik*, 13(2), 239–247. (In German).
- Claudon, F. (2001). Hausmusik. In E. François, & H. Schulze (Eds.). *Deutsche Erinnerungsorte* (Vol. 3, pp. 138–154). Beck. (In German).
- Clemens, C. (2001). Neuschwanstein. In E. François, & H. Schulze (Eds.). *Deutsche Erinnerungsorte* (Vol. 3, pp. 422–436). Beck. (In German).
- Danyel, J. (2002). Der 20. Juli. In E. François, & H. Schulze (Eds.). *Deutsche Erinnerungsorte* (Vol. 2, pp. 220–238). Beck. (In German).

- Doye, M. (2001). Arminius. In E. François & H. Schulze (Eds.). *Deutsche Erinnerungsorte* (Vol. 3, pp. 587–603). Beck. (In German).
- Diurkgeim, E. (2018). *Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaia sistema v Avstralii*. [Trans. from Durkheim, É. (1968). *Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie*. Presses universitaires de France]. Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS. (In Russian).
- Dzhadt, T. (2011). "Mesta pamiati" P'era Nora: Ch'i mesta? Ch'ia pamiat'? [Trans. from Judt, T. (1998, December 3). A la Rechercher du Temps Perdu. *The New York Review of Books*, 45(19)]. In I. Gerasimov, M. Mogil'ner, & A. Semenov (Eds.). *Imperii i natsiia v zerkale istoricheskoi pamiati* (pp. 45–75). Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Fransua, E. (2011). "Mesta pamiati" po-nemetski: kak pisat' ikh istoriiu? [Trans. from François, E. (1999). Ecrire une histoire des lieux de mémoire allemands. *Bulletin de la Société des Amis de l'Institut Historique Allemand*, 5]. In I. Gerasimov, M. Mogil'ner, & A. Semenov (Eds.). *Imperii i natsiia v zerkale istoricheskoi pamiati* (pp. 30–45). Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
- François, E., & Schulze, H. (2001). Einleitung. In E. François, & H. Schulze (Eds.). *Deutsche Erinnerungsorte* (Vol. 1, pp. 9–27). Beck. (In German).
- François, E., & Serrier, T. (2019). Anleitung zur deutschen Ausgabe. In E. François, & T. Serrier (Eds.). *Europa. Die Gegenwart unserer Geschichte*, (Vol. 1) *Lebendige Vergangenheit* (pp. 9–21). WBG THEISS. (In German).
- Garder, M. O. (2016). Perspektivy izucheniia "mekhanizmov peredachi" kollektivnoi pamiati [In search of the "mechanics" of collective memory transmission]. *Shagi/Steps*, 2(4), 7–17. (In Russian).
- Gries, C. (2019). Das digital kompetente Museum — digitale Strategien für Museen. In L. Pöllmann & C. Herrmann (Eds.). *Der digitale Kulturbetrieb* (pp. 99–110). Springer Gabler. (In German).
- Khal'bvaks, M. (2005). Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat' [Trans. from Halbwachs, M. (1950). Mémoire collective et mémoire historique. *La Mémoire collective*. Les Presses universitaires de France]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2005(2–3), 8–27. (In Russian).
- Koka, Iu. (2018). Po okonchaniu osobogo puti: k voprosu o sostoiatel'nosti idei [Trans. from Kocka, J. (1998). Nach dem Ende des Sonderweges: Zur Tragfähigkeit eines Konzepts. In A. Bauerkämper et al. (Eds.) (1998). *Doppelte Zeitgeschichte: Deutsch-deutsche Beziehungen 1945–1990*. Verlag J. H. W. Dietz]. In A. Zorin, M. Velizhev, & T. Atnashev (Eds.). "Osobyi put'": ot ideologii k metodu (pp. 277–297). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Koposov, N. (2011). *Pamiat' strogogo rezhima: Istoriia i politika v Rossii* [The memory of a strict regime: History and politics in Russia]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Krumreich, G. (2001). Langemarck. In E. François & H. Schulze (Eds.). *Deutsche Erinnerungsorte* (Vol. 3, pp. 292–310). Beck. (In German).
- Mayer, E. (Ed.). *Erinnerungskultur 2.0: Kommemorativ Kommunikation in digitalen Medien*, Campus Verlag. (In German).
- McDonald, T. J. (1996). Introduction. In T. J. McDonald (Ed.). *The historic turn in the human sciences* (pp. 1–17). Univ. of Michigan Press.
- Megill, A. (2007). *Istoricheskaia epistemologija* [Trans. from Megill, A. (2007). *Historical knowledge, historical error: A contemporary guide to practice*. Univ. of Chicago Press]. Kanon+. (In Russian).
- Moroz, O., & Suverina, E. (2014). Trauma Studies: istoriia, reprezentatsiia, svidetel' [Trauma Studies: History, representation, witness]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2014(1), 59–74. (In Russian).
- Münkler, H. (2009). *Die Deutschen und ihre Mythen*. Rewohlt. (In German).
- Nikolai, N. F. (2007). *Polemika o travme i pamiati v amerikanskikh issledovaniakh kul'tury* [The trauma and memory controversy in American cultural studies]. Flinta; Mininskii Universitet. (In Russian).

- Nora, P. (1999). Mezhdru pamiat'iu i istoriei. Problematika mest pamiatu [Trans. from Nora, P. (1986). *Les lieux de mémoire*. Gallimard]. In P. Nora et al. *Frantsiia-pamiat'* (pp. 17–50). Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).
- Osten, M. (2004). *Das geraubte Gedächtnis. Digitale Systeme und die Zerstörung der Erinnerungskultur*. Insel Verlag. (In German).
- Repina, L. P. (2011). *Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaia praktika* [History at the border of the 20th–21st cc.: Social theories and historiographical practices]. Krug". (In Russian).
- Repina, L. P. (2016). Sobytiia i obrazy proshlogo v istoricheskoi i kul'turnoi pamiatu [Events and images of the past in historical and cultural memory]. *Novoe proshloe = The New Past*, 2016(1), 82–98. (In Russian).
- Safronova, Iu. A. (2019). *Istoricheskaia pamiat': vvedenie: Uchebnoe posobie* [Historical memory: An introduction: Handbook]. Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Todorov, T. (1984). *The conquest of America: The question of the Other*. Harper and Row Publishers.
- Voigt R. (1989). Mythen, Rituale und Symbole in der Politik. In R. Voigt (Ed.) *Symbole der Politik — Politik der Symbole* (pp. 9–37). VS Verlag für Sozialwissenschaften. (In German).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Илья Алексеевич Женин

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория комплексных исторических
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
доцент, кафедра всеобщей истории,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ ilya-zhenin@yandex.ru

Ilya A. Zhenin

Cand. Sci. (History)
Senior Researcher,
Centre for Comprehensive Historical
Studies, School for Advanced Studies
in the Humanities,
Assistant Professor, World History
Department, Institute for Social Science,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ ilya-zhenin@yandex.ru

Н. В. Петров ^{ab}

ORCID: 0000-0002-2467-9535

✉ nik.vik.petrov@gmail.com

^a *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

^b *Московская высшая школа
социальных и экономических наук (Россия, Москва)*

ЦИФРОВЫЕ АРХИВЫ ЧАСТНОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. В работе анализируются российские и иностранные, личные и общественные, частные и институциональные цифровые проекты, связанные с источниками личных воспоминаний. Подробно рассматриваются описания проектов, их цели, механики работы с личными воспоминаниями. В центре внимания — проект «Народная история России» (pastandnow.ru), запущенный в 2018 г. Проект связан с записью историй о городах России и районах Москвы от жителей этих городов. В статье приведены примеры того, как непубличная история становится частью public history; раскрыта «внутренняя кухня» исследователей. Задача статьи — показать, как происходит производство знаний о прошлом в цифровых хранилищах данных: каким образом осуществляется «исследовательский отбор» воспоминаний, как структурируется знание исследователей о содержании интервью, какие фрагменты личной памяти оказываются не представленными на карте и «забытыми». Главная цель статьи — показать не статичный срез представлений о цифровых проектах, а рассмотреть их функционирование в динамике.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: публичная история, устная история, интервью, частная память, электронные архивы, исследования памяти

Для цитирования: Петров Н. В. Цифровые архивы частной памяти // Шаги / Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 29–56. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-29-56>.

Статья поступила в редакцию 6 ноября 2020 г.

Принято к печати 27 ноября 2020 г.

N. V. Petrov^{ab}

ORCID: 0000-0002-2467-9535

✉ nik.vik.petrov@gmail.com

^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

^b *Moscow School of Social and Economic Sciences
(Russia, Moscow)*

DIGITAL ARCHIVES OF PRIVATE MEMORY

Abstract. The author analyzes Russian and foreign, personal and public, private and institutional digital projects related to sources of personal memories. Descriptions of projects, their goals, the organization of personal memories are discussed in detail. At the center of the analysis is the project “The People’s History of Russia” (pastandnow.ru), launched in 2018. This project involves collecting oral stories about the cities of Russia and districts of Moscow told by the locals. The article provides examples of how private memories become part of a public history, and reveals how the researchers work. The aim of the article is to show how knowledge about the past is produced in digital data storages: how the “exploratory selection” of memories takes place, how the researchers’ knowledge about the content of interviews is structured, which fragments of personal memory are unrepresented on the map and “forgotten”. The main ideas of the article are 1) to show the ever-increasing role of non-institutional archives of private memory (lifelogging, blogging), private digital archives, scattered publications of memories on social networks; to collect collections of some of them in order to “save” them from digital oblivion; 2) to describe some digital archives, including English-language ones, analyzing their ways of organizing and presenting materials; 3) to make the process of creating a private memory archive “The People’s History of Russia” (pastandnow.ru) an object of reflection: to show the tools of the developers, tools for analysis, search machine and data markup.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Keywords: public history, oral history, interviews, private memory, digital archives, memory studies, oral history

To cite this article: Petrov, N. V. (2021). Digital archives of private memory. *Shagi / Steps*, 7(1), 29–56. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-29-56>.

Received November 6, 2020

Accepted November 27, 2020

© N. V. PETROV

Точкой отчета для написания этой работы послужила статья 2018 г. «Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия», в которой авторы предлагают модель анализа цифровых архивов для ответа на непростой вопрос: «Способны ли сегодня российские цифровые проекты личной памяти сформировать альтернативные официальным представления о прошлом и о производстве знания о нем?» [Лапина-Кратаюк, Рублева 2018: 148]. Опираясь на исследования в различных областях гуманитарного знания (public science, public history, digital history) и на концепции исследований памяти (memory studies), на научные направления, исследующие взаимосвязь памяти и медиа (media memory, digital network memory), авторы предлагают модель анализа десяти цифровых архивов частной памяти, такие как «Устная история» (oralhistory.ru), «Прожито» (prozhito.org), «Сибиряки вольные и невольные» (сибиряки.онлайн), Обнинский цифровой проект (obninsk-project.net), «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе» (museum.gulagmemories.eu), «Открытый список» (ru.openlist.wiki), «Бессмертный барак» (bessmertnybarak.ru), Relikva (relikva.com), PastVu (pastvu.com), «История России в фотографиях» (russiainphoto.ru). Модель подразумевает рассмотрение тематических и хронологических рамок проектов, а также целей, которые преследуют их создатели; анализ медиатехнологий, использованных для (ре)конструирования воспоминаний; исследование организации и финансирования проектов; определение роли в проектах историков-профессионалов и рассмотрение того, как выстраивается работа с пользователями [Там же: 151].

Ответ на основной исследовательский вопрос неоднозначен: авторы говорят о большом потенциале таких проектов в конкурентной борьбе с официальными представлениями о прошлом, советуют включать аудиторию на правах не только информантов, но и полноправных участников проекта, и преодолевать профессиональные границы, отмежевываясь от журналистских подходов в презентации проектов. Во многом осторожные выводы авторов основаны на анализе намерений, которые декларируют создатели профессиональных цифровых архивов. Опубликованные в Сети, эти тексты не всегда отражают детали «внутренней кухни», где и формулируются основные цели и задачи проектов. Предложенная модель анализа предполагает и рассмотрение источников финансирования проектов. Авторы показывают, что создателям удается сохранять контроль над содержанием проектов и распространением материалов, так как финансовые средства поступают из источников и институций, которые не стремятся контролировать ход и результаты работы. Следует оговорить, что такой вывод, на наш взгляд, можно получить только из глубинных интервью с создателями архивов. Сферы контроля, во-первых, зависят не только от финансирования, но и от качества расшифровки (то, что обозначается в транскрипте как «[нрзб.]», оказывается не менее значимым, чем сами воспоминания), редактирования материалов корректорами и рассказчиками, от возможностей электронного ресурса подгружать полноценные HD-видео; во-вторых, определяются политикой привлекаемых для реализации проекта сторонних разработчиков программного обеспечения, наконец, юридическим и бухгалтерским отделом организации, где реализуется проект.

В то же время проблемной точкой в статье Е. Г. Лапиной-Кратасюк и М. В. Рублевой для меня оказалась часть «Роль историка в проекте и организация работы с аудиторией». Исследователи совершенно справедливо отмечают, что только в ряде проектов публика принимает участие наряду и на равных с профессиональными историками в рамках «культуры участия» (см.: [Jenkins 2006]):

Историки в рассматриваемых нами проектах вольно или невольно участвуют в развитии концепции публичной истории, активно взаимодействуют с публикой, хотя для большинства из них публика важна лишь в качестве информантов, а не активных соавторов. В то же время в некоторых цифровых проектах историки делятся с публикой как накопленными архивами документов, так и профессиональными навыками, что позволяет не только повысить качество создаваемых пользователями материалов, но и расширить понимание специфики исторического знания, а также медиаформатов и сторителлинга [Лапина-Кратасюк, Рублева 2018: 159].

При таком стечении обстоятельств, когда публика все-таки привлекается к проекту или даже сама формирует и финансирует его, роль историка, на мой взгляд, должна нивелироваться, сводясь к очень простой линии: подготовка штата постоянных волонтеров, переход на рельсы краудфандинга и постепенный уход от модерации проекта. Только в условиях «низовой конвергенции» (*grassroots convergence*) — «неформального и иногда неавторизованного распространения пользователями медиаконтента, когда архивация, сохранение и циркуляция данных для пользователя облегчены» [Jenkins 2006: 285] — подобный проект может стать по-настоящему «народным», а частная история — конкурировать с официальной. В то же время это может стать проблемой: продолжающийся проект без модератора-историка или антрополога станет не архивом личных воспоминаний, а хранилищем разного рода комментариев, которые аккумулируют «коллективную» память о месте (см. ниже) или демонстрируют эмоциональную реакцию пользователей. Это не так плохо, как может показаться на первый взгляд, однако архив модифицируется, и его функционал изменится. Так, процессы воспроизводства неофициальной и частной памяти в хранилищах — цифровых архивах — без должной рефлексии со стороны историка могут сочетаться с процессами «забывания» и «утраты» накопленных данных.

Таким образом, целей у моей работы несколько: 1) показать всё возрастающую роль неинституциональных архивов частной памяти (в рамках лайфлогинга, блогинга), домашних цифровых архивов, разрозненных публикаций воспоминаний в социальных сетях; 2) собрать коллекции некоторых из них, чтобы уберечь их от цифрового забвения; 3) углубить знания исследователей *media memory* о новых цифровых архивах, в том числе англоязычных, о способах организации и представления материала в них; 4) сделать объектом рефлексии процесс создания архива частной памяти «Народная история России» (*pastandnow.ru*), показав инструментарий разработчиков, инструменты анализа, поиска и разметки данных.

Архивы частной памяти: от блогов в «Живом журнале» к виртуальным краеведческим сообществам и лайфлогингу

За два года, прошедшие с момента публикации статьи Лапиной-Кратасюк и Рублевой, число архивов памяти на российском и других рынках digital history, как называют эту область исследований Дэниэл Коэн и Рой Розенцвейг [Cohen, Rosenzweig 2006], пополнилось. Некоторые проекты продолжают развиваться, другие остаются в неизменном виде или затухают, меняются их источники финансирования, цели и задачи, появляются альтернативные цифровым архивам хранилища данных, которые требуют осмысления.

Анализ мемориальных ресурсов русскоязычного сектора Интернета провела в 2012 г. Г. М. Агеева. Проанализировав «содержание записей в сообществах “Живого журнала”, связанных с памятью (более 150 ресурсов сообществ и свыше 400 персональных страниц) и воспоминаниями (более 170 страниц сообществ и свыше 400 ресурсов пользователей)» [Агеева 2012: 72], исследовательница формулирует понятие неидеологизированной памяти, куда включаются «семейные истории». В «Живом журнале» неидеологизированная память существует в форме дневниковых записей, где представлена частная жизнь пользователя в деталях; в тематических сообществах — коллекции фактов прошлого. Любопытно, что о «доминировании семейной, личной памяти», казавшейся в 2012 г. исследовательнице тенденцией [Там же: 73], сейчас, обращаясь к этим ресурсам¹, говорить не приходится. Страницы содержат несколько разрозненных записей, кончающихся 2011 годом, минимум комментариев, а блогеры, писавшие в эти сообщества, вероятно, перешли на другие платформы. Исключения составляют частные блоги, где используются определенные тэги, например, «воспоминания» — см., например, блог Александра Соснина². Более содержательны комментарии к постам блогера, заявившего конкурсы воспоминаний «о бабушках» и «о детстве» [Конкурс 2010; Конкурс 2011]. Во втором посте 384 комментария, часть которых составляют воспоминания о советском детстве, в первом — эмоциональные и теплые истории «о бабушках» — 220 откликов. Материалы частной памяти, оседая в блогах, быстро теряются и парадоксальным образом исчезают, если не попадают, часто случайным образом, в «силки» историков или в тематические подборки материалов, которые могут быть напечатаны в бумажной версии. Такие нарративы без профессиональных историков продвигаются немногим дальше семьи и ограниченного во времени (и в сетевом пространстве) эмоционального сообщества. В этом смысле совместные, часто устные воспоминания современников о недавнем прошлом (протяженность такого прошлого составляет около 3–5 поколений — «оперативная» или «коммуникативная» память в понятийной системе Яна и Алейды Ассман [2004: 52; 2014: 22–24]) имеют большие шансы в борьбе за статус стать публичными и конкурировать с официальной версией истории.

Г. М. Агеева помимо «доминирования частной памяти» говорит и о других особенностях мемориальных практик, довольно точно подмечая продуктив-

¹ Сообщества «Ларек воспоминаний» (vse-po-polkam.livejournal.com), «панк-мемуары» (punk-memoirs.livejournal.com), «Странная иная память» (roots-of-memory.livejournal.com).

² asosnin.livejournal.com/tag/воспоминания.

ность одной из них — «фотопамяти» (фотографий с краткими комментариями) [Агеева 2012: 72]. В первую очередь это касается «коллекционирования фактов» о детстве, жизни, людях в России и в СССР, о Великой Отечественной войне на страницах тематических сообществ «Живого журнала»³. Вероятно, именно идея подобных подборок дала начало популярнейшему проекту Ильи Варламова PastVu и реализовалась в проекте «История России в фотографиях» (russiainphoto.ru). Идеи таких виртуальных краеведческих сообществ сегодня реализованы в самых разных социальных сетях: тематические группы в Vk.com, Facebook, «Одноклассники», Telegram, каналы на YouTube и т. п. Сделать качественный анализ фактов частной памяти, используя поверхностный поиск, вряд ли представляется возможным, здесь работают количественные методы [Horst, Miller 2012].

В то же время осуществляется нарративный анализ цифровых текстов [Bruns 2008; Strangelove 2010], в том числе на российском материале. Культуролог Г. И. Зверева делает выводы о специфике производства обыденного знания о советском прошлом, подвергнув анализу некоторые «видеоролики с количеством просмотров более 100 тысяч, содержащие «истории» в комментариях рядовых пользователей» с заголовками типа «СССР, который мы потеряли», «Рожденные в СССР», «СССР, страна, в которой мы жили», «Наша Родина — СССР». Автор говорит о возможных последствиях для конструирования воспоминаний такой «культуры участия»:

Нарративный анализ цифровых рассказов о советском прошлом показывает, что Ю-тьюб, как и другие платформы социальных медиа, открывает для рядового пользователя воображаемое пространство свободы и активного личного участия в производстве Истории.

Однако не стоит преувеличивать эффективность такой самостоятельной работы по преобразованию информационных потоков в собственное знание о прошлом. Язык описания, объяснения, понимания исторического прошлого рядовому пользователю дают социальные институты репродукции: школьное образование, наука, публичная политика, массмедиа. Структуры обыденного мышления пользователя спрямляют сложности понимания, схематизируют и стереотипизируют разнородные представления об историческом прошлом, поступающие к пользователю по разным информационным каналам (сетям) [Зверева 2014: 320].

В числе интересных тем, связанных с хранением личных, в частности эмоциональных данных, оказываются персональные электронные архивы (оцифрованные коллекции фото, дневники, записки) [Williams et al. 2009] и лайфлоггинг (lifelogging) — практика цифровой архивации жизни человека, когда пользователи с помощью приложений (цифровых дневников, заметок для событий и др., см.: [Лайфлоггинг 2019]) и гаджетов создают персональ-

³ «Детские Легенды и Прочее в том же духе...» (detskie-legendy.livejournal.com), «Детство» (detstvo.livejournal.com), «Союз Нерушимый» (back-in-ussr.livejournal.com), «Родились в 80х, выросли в 90х» (198x-199x.livejournal.com), «Рожденные в СССР» (na-she-detstvo.livejournal.com), «Ура Победе!» (ura9may.livejournal.com), «Чтобы помнили» (chtoby-pomnili.livejournal.com).

ные архивы данных [Bergman et al. 2012]. Исследователю-историку сложно работать с такими архивами без институциональной поддержки и знания количественных методов анализа больших данных как по этическим [Lynch 2013, Marshall 2013], так и по техническим причинам: закрытость, отсутствие доступных русскоязычных коллекций не позволяют без участия пользователя использовать его личные данные. В то же время, как показывают исследования лайфлогинга, пользователь может конструировать свою жизнь, маркируя одни фрагменты реальности и маскируя другие, создавая свою социальную проекцию, что необходимо учитывать при исследовании [Маркеева 2015: 126].

Как нам представляется, задача историка состоит в том, чтобы, анализируя данные «неактуальной» блогосферы [Entlich 2004], как минимум составить аннотированные подборки ресурсов, в которых содержатся личные свидетельства, истории, комментарии к фотографиям, подготовить их для дальнейшей семантической разметки и содержательного анализа. Возвращаясь к одной из тем, затронутой Е. Г. Лапиной-Кратасюк и М. В. Рублевой [2018: 159], стоит отметить, что вовлечение «участников истории» в профессиональные проекты, вероятно, необходимо для популяризации public history, однако велика вероятность, что проект, посвященный частной памяти, без профессионального модератора-историка либо исчезнет, либо станет хранилищем коллективной памяти, как ее понимают после М. Хальбвакса [Halbwachs 1992] исследователи memory studies [Barash 2016; Olick et al. 2011].

Институциональные цифровые архивы и картографирование памяти

Знание о прошлом, представленное в цифровом виде, и роль исследователя и собирателя таких архивов как агентов производства этого знания рассматриваются в digital memory с начала институализации дисциплины [Cohen, Rosenzweig 2006: 3–4]. Как было отмечено выше, Е. Г. Лапина-Кратасюк и М. В. Рублева подчеркивают роль историков-профессионалов в конечном представлении данных цифрового архива в публичной сфере, видя одной из важных перспектив своего исследования «анализ того, как выбираются и/или разрабатываются цифровые инструменты для создания онлайн-архивов и как это влияет на интерфейс сайта, а следовательно, и формы структурирования контента и взаимодействия с публикой» [Лапина-Кратасюк, Рублева 2018: 151].

Даже ресурсы, кажущиеся максимально партисипативными, например PastVu.com, на этапе создания предполагают разметку и ограниченный набор инструментов для размещения пользователями данных и поиска, что роднит их с более профессиональными банками данных. Другой вопрос касается их дальнейшего использования: вероятно, чтобы проект был по-настоящему успешным, надо через некоторое время после его запуска «освободить колонии» и дать возможность размещать материалы любому желающему без модерации. Именно так работает проект «Викимания» (wikimania.org).

Викимания (...) — международный бесплатный веб-сайт, географическая онлайн-энциклопедия, цель которой заключается в том, чтобы отметить и описать все географические объекты на Земле.

Викимания совмещает в себе интерактивную карту с принципом свободного редактирования вики. Проект основан Александром Корякиным и Евгением Савельевым 24 мая 2006 г. Сейчас в Викимании зарегистрировано более 2,4 млн пользователей и добавлено на карту (без учёта впоследствии удалённых) более 30 млн объектов. Все данные Викимании доступны для общего пользования под лицензией Creative Commons Attribution-ShareAlike 3.0 [Викимания].

Система бонусов, предусмотренная для участников Викимании и позволяющая им при повышении уровня редактировать все более сложные объекты, делает ее привлекательным проектом с игровой логикой.

Однако электронный архив не обязательно должен быть популярным и тем самым конкурировать с репрезентациями официальных версий прошлого: эту функцию с успехом могут выполнять накопление данных, увеличение числа архивов частной памяти, разные системы поиска. Этот раздел статьи посвящен именно таким проектам, которые можно назвать институциональными — зависящими от институций, благодаря которым они создавались, и от намерений профессионалов — историков или антропологов, которые собирали, размечали, структурировали и размещали в публичном доступе материалы (расшифровки интервью, тексты воспоминаний, звуковые и видеофайлы). Такие проекты, будучи не очень масштабными, играют важную роль в становлении современных digital memories, прежде всего благодаря проработке деталей и разнице в форматах представления исторических данных, поисковым инструментам.

На просветительском портале «Арзамас» выкладываются интервью для проекта «Личный XX век» (arzamas.academy/radio/announcements/xx), в котором люди, родившиеся в начале XX в., рассказывают о своей жизни. «Пока, — поясняют редакторы проекта, — записано 30 интервью, которые постепенно выкладываются в расшифровке с аудио и фотографиями».

Воспоминания о 1990-х годах собирает фонд «Индем», проект «90-е: История Великого Поворота» (history90.ru). Авторы планируют издание многотомника и видят свою задачу в систематическом и обобщающем правдивом описании этих лет, так объясняя свои задачи. В описании проекта на сайте они говорят:

Эпоха 1990-х — период одной из крупнейших трансформаций в российской истории. Но до сих пор он не удостоился систематического, фундированного и обобщающего описания. С одной стороны, этой эпохе уделяется, казалось бы, немало внимания — постоянно появляются новые публикации и исследования, однако большинство из них либо фокусируются на отдельных, часто достаточно специальных аспектах реформ и трансформационных процессов, либо заражены откровенной публицистичностью.

Личные истории записывают сотрудники музеев. Так, Анна Берникова, представляющая музей Басманного района Москвы на его сайте (basmania.ru), вовлекает в проект жителей района, активистов, устраивает множество мероприятий. Сайт содержит следующие разделы: «Культурная карта Басманного

района», «Карта памяти проекта “По страницам Басмании”», «Народная карта», «Истории жителей», «Истории домов», книги и аудиогиды. Авторы проекта «Старожилы. Частная история Царицына» (starozhily.tsaritsyno-museum.ru) Вячеслав Рогожников и Анна Залысина собрали коллекцию рассказов людей, родившихся в этом районе Москвы, проживших здесь большую часть жизни.

Это свидетельства жителей окрестных деревень и тех, кто просто приходил сюда отдыхать — кататься на лыжах и санках, устраивать пикники и свидания. Мы хотим рассказать о Царицыне то, чего невозможно найти в путеводителях — бытовые подробности, частный взгляд. Наши герои — самые обычные люди. Но у каждого из них своя уникальная история. Из их рассказов и складывается история Царицына XX века —

так представляют проект создатели. На сайте музея М. А. Булгакова (Москва) можно найти видеозаписи интервью с жителями дома № 10 по Большой Садовой ул. и окрестных домов (dom10.bulgakovmuseum.ru/video).

Помимо воспоминаний об определенном времени или пространстве, многие российские проекты *media memory* посвящены травматичным событиям прошлого. Сетевой архив «Та сторона» (tastorona.su) размещает интервью бывших остарбайтеров, военнопленных и узников немецких концентрационных лагерей, учитывает место публикации материалов, связанных с этой тематикой. Акцент делается на неинституциональной памяти:

Нас интересует «та сторона» — вне официальных торжеств, страниц учебников, перемещений войск — жизнь обычных людей, оказавшихся в орбите самого трагического события мировой истории.

В основе проекта — архив общества «Мемориал», в нем более 300 интервью, около 400 000 писем бывших остарбайтеров. Поиск по архиву осуществляется через систему указателей и словарей, в основе разработки — система публикации и разметки текстов *Archivist*. Еще один проект «Мемориала», «Последние свидетели», посвящен видеointервьюированию жертв и свидетелей советской тоталитарной эпохи (1917-1991.org). На страницах сайта даются видеointервью, краткая цитата из них и информация о рассказчике. Этому проекту тематически близок электронный архив Музея истории ГУЛАГа «Мой ГУЛАГ», где выложены видеозаписи воспоминаний людей, «через чью судьбу прошли массовые репрессии советского времени» (mygulag.ru). Воспоминаниям о смерти и похоронах Сталина посвящен проект «05/03/53» (050353.ru). Его авторы ставили перед собой задачу с помощью волонтеров «собрать свидетельства современников этих событий и тем самым попытаться реконструировать общественную атмосферу тех дней и исторические детали, оставшиеся за пределами официальной хроники».

Часть российских проектов коллекционируют военные воспоминания. Рассказы ветеранов о Великой Отечественной войне выкладываются на сайте igemember.ru. Его создатели отмечают, что проводят «интервью с ветеранами Великой Отечественной войны» и смотрят «на события тех лет глазами очевидцев». В итоге собрано более 3000 интервью; выложены аудио, обработан-

ные транскрипты, письма с фронта и дополнительные материалы. Разметка осуществляется по роду войск, личным данным, местам службы и сражений, в которых принимали участие ветераны. Созданный профессиональными историками проект «После бунта: память о Тамбовском и Западно-Сибирском восстаниях» (warandpeasant.ru) посвящен тому, как в современной России помнят о событиях крестьянских восстаний времен Гражданской войны. Исследователи фокусируют «внимание на двух регионах — Тамбовском и Тюменском, территория которых стала центром двух крупнейших из них — Антоновского (Тамбовского) и Западно-Сибирского (Ишимского). <...> В первой половине 2018 года исследователи проекта собрали около 200 интервью людей, которые живут в селах и городах Тамбовского и Тюменского регионов и воспринимают себя (или воспринимаются другими) как хранители памяти о событиях восстаний». Интервью расшифрованы и размечены, имеется тематический указатель (14 тем), географический, исторический комментарий и поиск по текстам интервью. В основе электронного архива «После бунта» лежит система публикации и разметки текстов Archivist.

Вне всякого сомнения, российских электронных архивов с устными воспоминаниями гораздо больше, чем перечислено выше. При этом тематические архивы зачастую ограничены памятью жертв, памятью свидетелей единичного события. Англоязычные ресурсы, посвященные репрезентациям частной памяти, несколько разнообразнее.

Я сделал акцент на проектах, где используются данные разного типа: коллекция одного исследователя, рассказы о травматичных событиях, частные истории жителей города, района, посетителей праздника⁴. Общим для всех проектов оказывается то, что личные истории привязаны к точкам на карте, чего часто не хватает русскоязычным архивам. Главная цель описания — показать, как воспоминания делаются достоянием общественности с использованием картографических инструментов, операций транскрибирования, анимации и т. д.⁵ Описание построено по следующей структуре: название проекта, его география, ссылка на электронный ресурс, публичные высказывания, кратко характеризующие идею проекта, описание архитектуры сайта с базовым функционалом и основным содержанием.

⁴ Исключаются из описания большие коллекции, например, Центра устной истории Колумбийского университета (oralhistoryportal.library.columbia.edu/project.php), Института устной истории Университета Бэйлора (www.baylor.edu/oralhistory), Звукового архива Британской библиотеки (sounds.bl.uk). Кроме того, не вошли в подборку неанглоязычные медиаархивы. В частности, благодаря Илью Женина, который указал на немецкоязычные архивы, размещенные на сайтах past-at-present.de, zeitzeugen-portal.de, построенные вокруг памяти о событиях катастрофического характера (война, геноцид), являющихся объектом пристального изучения в Германии. Я думаю, что такая память требует отдельного анализа и более пристального взгляда, и обязательно обращусь к этим ресурсам в дальнейшем. Ревизия данных время от времени необходима, поскольку становятся доступными все новые и новые коллекции: так, во время подготовки этой статьи к печати Колумбийский университет выложил записи интервью 1960-х годов с русскими эмигрантами, свидетелями Гражданской войны и революции в России (dlc.library.columbia.edu/catalog?f%5Blib_collection_sim%5D%5B%5D=Radio+Liberty+project&q=radio+liberty+oral+history&search_field=all_text+teim).

⁵ Благодарю Э. Г. Матвееву за помощь в поиске и структурировании информации по электронным архивам.

Latah County Oral History Collection: Remembering Latah County and Idaho Life at the turn of the 20th century, округ Лейта, штат Айдахо, США (lib.uidaho.edu/digital/lcoh/index.html). Проект создан членами исторического общества округа Лейта и сотрудниками библиотеки университета Айдахо. В коллекцию входят оцифрованные аудио-записи и транскрипты более 300 интервью, записанных в середине 1970-х годов членами исторического общества округа, главным образом одним человеком — Сэмом Шрагером. Цитата Сэма Шрагера с сайта:

Теперь, когда я слушаю записи, я вздрагиваю от глупых вопросов, которые я задавал, от важных нюансов, которые не отследил. Сейчас я спокойно фиксирую эти ошибки. Тем не менее мои рассказчики были удивительно щедрыми. Нет никаких сомнений, что они получали удовольствие от своих воспоминаний о прошлом. Когда они откровенно говорили с нами, молодыми людьми, они передавали свои голоса из одного поколения в другое...

На домашней странице проекта приведен длинный список персональных страниц рассказчиков, представленных в виде окон с ключевой информацией о человеке и об интервью с ним: личные данные человека, номер интервью, дата интервью, краткое описание ключевых тем, перечисление ключевых слов и словосочетаний, локации, о которых идет речь в интервью. Эти данные позволяют осуществлять поиск по всей коллекции. Их списки представлены в дополнительной боковой панели. Например, если нажать на какую-нибудь тему, система автоматически сделает подборку по всей базе интервью. На сайте есть опция выбора из списка рассказчиков. Помимо основного поиска по домашней странице, сайт предлагает дополнительные вкладки: «Локации», «Карта», «Люди», «Ключевые слова и словосочетания», «База данных». В разделе «Локации» поиск по ключевым местам представлен в виде интерактивного блока. Та же визуализация представлена в разделе «Ключевые слова и словосочетания». Раздел «Люди» представлен подробной таблицей. При нажатии на имя человека открывается страница со списком всех его интервью (если их было несколько), картой и отмеченными на ней локациями, о которых в интервью идет речь. С персональной страницы можно перейти к аудиointerview, оглавлению и транскрипту, подготовленному к публикации в системе разметки Oral History Metadata Synchronizer Viewer. В базе данных можно выбрать интервью по номеру, по рассказчику или собирателю, по датам или многочисленным представленным коллекциям. Сайт обладает хорошим функционалом, предлагает пользователю широкий спектр возможностей по поиску и фильтрации многочисленного материала. Используемое средство просмотра Oral History Metadata Synchronizer Viewer позволяет с удобством слушать, читать и искать информацию внутри интервью.

Storymap, Дублин, Ирландия (storymap.ie). Сетевой мультимедийный продукт Энди Флаэрти и Тома Роули — кинематографистов из Дублина. По замыслу авторов проект должен возродить старую ирландскую традицию рассказывания историй, показать индивидуальность города через воспоминания местных жителей. Высказывание с сайта:

У каждого есть свои истории, которые вспоминаются на определенных улицах, истории о городе, которые рассказывают друзьям. Мы подумали, что было бы интересно собрать эти истории в одном месте.

Создатели проекта записывают истории жителей на камеру, монтируют ролик, а потом интегрируют его в электронную карту города. На карте представлено шесть типов значков, каждый из которых соответствует одному из следующих тем: «Funny», «Historic», «Literary», «Other», «Personal», «Place of Interest». При нажатии на значок пользователю предлагается посмотреть небольшой профессионально снятый видеоролик, соответствующий одной городской истории. Сайт предоставляет и другую опцию просмотра, которая называется «meet the locals». При нажатии на соответствующую кнопку пользователю предлагается выбрать рассказчика из списка с фотографиями и прослушать его историю. Особенности проекта — профессионально снятые и смонтированные видеосюжеты, анимационная заставка перед каждым видеороликом, использующая символику проекта.

Morton History Story Map, Мортон, США (tcrpc.maps.arcgis.com/apps/MapTour/index.html?appid=de9c628b295c48328785f0404e54c7a9#). Проект начат в 2018 г. при поддержке Фонда сообщества Мортон, Мортонской торгово-промышленной палаты и Публичной библиотеки Мортон и посвящен локальной истории Мортон — города в округе Льюис (штат Вашингтон). Участники проекта собирают устные и письменные истории жителей, старые фотографии и интегрируют материал в электронную карту. Лозунг создателей связан с идеей сохранения памяти:

Мы надеемся, что этот проект вдохновит всех и каждого на то, чтобы документировать, записывать и рассказывать свои истории для будущих поколений. Истории имеют значение.

Они призывают использовать карту, чтобы «добраться до места, прочитать историю этого адреса и увидеть фотографию того, как место выглядело в прошлом». Информация на сайте представлена тремя блоками: карта с 75 объектами, фотография объекта, информация о нем. Информация представлена в двух вариантах: текст-описание со ссылкой на рассказчика и видеосюжет, выложенное на видеохостинге YouTube.

Mapping memory on the Liverpool Waterfront 1950s–1970s, Ливерпуль, Великобритания (liverpoolmuseums.org.uk/maritime/research/mappingmemory⁶). Проект по устной истории, разработанный Университетом Ливерпуля совместно с Морским музеем Мерсисайда. До 1970-х годов улицы за Южными доками Ливерпуля были центром оживленного портового города, район был полон магазинов, небольших предприятий, баров и пансионатов, многие из которых были так или иначе связаны с работой порта.

⁶ На момент подготовки статьи сайт не работал и был доступен только в архиве ([waybackmachine https://web.archive.org/web/20190826064325/http://www.liverpoolmuseums.org.uk/maritime/research/mappingmemory/map.html](https://web.archive.org/web/20190826064325/http://www.liverpoolmuseums.org.uk/maritime/research/mappingmemory/map.html)).

Все это изменилось, когда закрылись Южные доки, а Ливерпуль пострадал от рецессии 1970-х и 1980-х годов. Цель проекта — запись воспоминаний людей, которые жили или работали в этом районе в годы «драматических перемен». Каждая точка на карте проекта соответствовала небольшому воспоминанию о месте. Воспоминание могло приводиться в формате короткой цитаты, аудио-или видеофрагмента интервью. К некоторым объектам были прикреплены лишь фотографии места. Карта позволяла фильтровать точки согласно предпочтительным форматам воспоминаний, а также по одной из четырех главных тем этих воспоминаний: морская тематика, покупки и отдых, работа, достопримечательности. Карта с объектами — не единственная опция просмотра материалов проекта, на отдельной странице был представлен список несуществующих ныне объектов со ссылками на воспоминания о них.

Cully Neighborhood — Then and Now, Портленд, США ([google.com/maps/d/viewer?mid=1S2Nkslb72Gs9y37oq3ZmAvbIbqY&ll=45.551810658113475%2C-122.63883809008792&z=13](https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1S2Nkslb72Gs9y37oq3ZmAvbIbqY&ll=45.551810658113475%2C-122.63883809008792&z=13)). Калли — район в северо-восточной части Портленда (штат Орегон). Создатели карты записали интервью с местными жителями о значимых местах района и сделали их доступными, интегрировав в популярную платформу от Google. Проект разработан на платформе Google My Maps, имеет простую и знакомую всем пользователям сервиса структуру. На карте представлено пять точек, каждая из которых соответствует определенной исторической местности в районе Калли, оснащена базовым описанием объекта, фотографиями и ссылкой на SoundCloud ([soundcloud.com](https://www.soundcloud.com)) с устными историями, записанными от жителей.

Brooklyn Historical Society's oral history collections, Бруклин, США ([oralhistory.brooklynhistory.org](https://www.oralhistory.brooklynhistory.org)). Коллекции устных историй Бруклинского исторического общества включают более 1200 биографических рассказов жителей Бруклина XX и XXI вв. Коллекции содержат в числе прочего интервью с людьми, родившимися еще в 1880 г., на английском, испанском, мандаринском китайском языках и на кантонском диалекте. Все коллекции представлены в виде тематических блоков. Всего на сайте 20 тематических коллекций, среди них: «Устные истории, собранные для выставки “СПИД/Бруклин”», организованной Бруклинским историческим обществом в начале 1990-х годов (AIDS/Brooklyn Oral History Project collection 1992–1993 (1993.001))⁷, записи интервью испаноязычных сообществ (1989) (Hispanic Communities Documentation Project records 1989 (1989.004)); «Устные истории мусульман Бруклина» (2018) (Muslims in Brooklyn oral histories 2018 (2018.006)), «Новые соседи: записи китайской общины Сансет-парка» (1993–1994) (New Neighbors: Sunset Park's Chinese Community records 1993–1994 (1994.007)) и др.

Внутри каждый блок представляет собой описание коллекции и список рассказчиков. При нажатии на иконку рассказчика открывается средство просмотра Oral History Metadata Synchronizer Viewer, где можно прослушать интервью, посмотреть к нему оглавление и прочитать транскрипт (при наличии).

⁷ В рамках проекта была предпринята попытка задокументировать влияние эпидемии СПИДа на общины Бруклина.

В проекте используется специальное веб-приложение, предназначенное для расширения онлайн-доступа к интервью. Приложение обеспечивает удобство просмотра, прослушивания и поиска по интервью (oralhistoryonline.org; oralhistoryonline.org/examples). Команда проекта ведет активную популяризаторскую деятельность, используя материалы интервью в различных подкастах (например, Flatbush + Main Podcast) и в выставках⁸.

Our Streets, Our Stories, Бруклин, США (ourstreetsourstories.tumblr.com) — проект Бруклинской публичной библиотеки и Бруклинского исторического общества. Его идея заключается в организации исторических архивов, основанных на интервью с жителями Бруклина. Цитата с сайта:

Мы стремимся не только наблюдать за изменениями, происходящими вокруг нас, но и записывать и сохранять историю наших районов до того, как эта история будет забыта.

Пользователю предлагается выбрать из списка коллекций⁹ устных историй, интегрированных на сайт проекта. Каждая коллекция включает несколько интервью, на карточке интервью приведена базовая информация о его содержании, небольшая цитата и короткий ознакомительный фрагмент аудио. Можно пройти по ссылке и прослушать полную версию интервью на SoundCloud. На сайте представлен большой список тематических коллекций.

East New York Oral History Project, Нью-Йорк, США (eastnewyorkoralhistory.org). В задачу проекта устной истории Восточного Нью-Йорка входило собрать рассказы о жизни людей, проживавших в районе с 1960 по 1970 г. — в период, когда в жизни района происходили коренные изменения: в нем стало стремительно расти сообщество латиноамериканцев. Сайт предоставляет три варианта просмотра информации: через точки, отмеченные на карте, через список, в двух вариантах. Во всех случаях к базовой информации о рассказчике прикреплен небольшой (чаще не более двух минут) аудиофрагмент с воспоминаниями. Пример описания:

Гонсалес родился в 1946 г. в Рио-Пьедрас, Пуэрто-Рико. Когда он был еще ребенком, его семья переехала в Уильямсбург, а затем в Бруклин (в район, который он называет «восточно-нью-йоркской частью Бруклина», в настоящее время Браунсвилл или Оушен-Хилл). Луис жил здесь с 1955 по 1964 г., потом ушел служить в военно-воздушные силы. Позже работал детективом в Восточном Нью-Йорке в 1980-е годы.

На сайте есть ресурс для фильтрации всех интервью по временным периодам.

⁸ brooklynhistory.org/exhibitions-projects/exhibitions.

⁹ <https://ourstreetsourstories.tumblr.com/collections>.

Harvest Moon oral history, Клируотер, Канада (harvestmoonoh.com/map). Каждый год в Клируотере проводится фестиваль «Полнолуние» (Harvest Moon). Участники проекта собирают истории местных жителей об этом главном событии в этой местности, фотографии и прочие материалы и интегрируют их в электронную карту. Основная цель проекта — сделать историю Клируотера более доступной для широкой аудитории. Краткую информацию о каждом из 13 представленных объектов можно посмотреть, кликая на точки на карте. В панели слева материалы ранжированы по порядку. Список всех точек представлен на отдельной странице в разделе «Истории». Каждый объект снабжен фотографиями, описанием и несколькими небольшими аудиофрагментами интервью.

Speak Your Truth! Oral History Project. Interactive History Map, Принс-Джордж, США (historypin.org/en/speak-your-truth/geo). Проект, созданный на базе мемориальной библиотечной системы округа Принс-Джордж, сосредоточен вокруг истории входящих в округ городов преимущественно с афроамериканским населением. Создатели проекта призывают «пролить свет на историю, используя голоса местных жителей и их видение» и приглашают желающих «поделиться своими знаниями». Проект использует общедоступную международную платформу Historypin. В его основе цифровой архив исторических фотографий, видео, аудиозаписей и личных воспоминаний. За каждым объектом на карте — карточка с фотографиями, фрагментами газет, обложками книг, иногда небольшими цитатами из неопределенных источников или видеointerview на YouTube — рассказ местного жителя с кратким описанием, например: «Джозеф Паркер из Fairmount Heights делится своими взглядами на историю округа Принс-Джордж»; «Мистер Лоуренс Уинстон делится трогательной историей Гленардена и своим опытом жителя округа Принс-Джордж»; «Уна Палмер из Северного Брентвуда делится своими личными взглядами на историю округа Принс-Джордж». После каждого описания содержится предложение прокомментировать или записать свою историю. Особенность проекта — его партисипаторность — возможность оставить свой комментарий к интервью или поделиться личной историей, пополнив архив.

Lucille W. Brown and Stephen M. Berk Oral Histories of American Jews, Скенектади, штат Нью-Йорк, США (digitalworks.union.edu/berkorallhistories). Проект гуманитарного Юнион-колледжа города Скенектади (штат Нью-Йорк) представляет собой коллекцию устных историй, записанных от американских евреев. Архив содержит 31 интервью, которые представлены списком с краткой информацией о рассказчике. Пример описания:

Аудио и транскрипт интервью с Ханной Айзенберг, проведенное Люсиль Браун из Юнион-колледжа. Девичья фамилия Ханны — Клейман, она родилась в 1906 г. и выросла в Ченстохове (Польша) Приехала в Америку в январе 1930 г.

При переходе к интервью открывается следующая страница с несколькими аудиофайлами, с возможностью просмотреть оцифрованную версию печатного транскрипта или скачать его.

Anti-Eviction Mapping Project, Сан-Франциско, США (antievictionmappingproject.net/narratives.html) разрабатывался командой волонтеров из Сан-Франциско, Лос-Анджелеса и Нью-Йорка. Участники создают цифровые карты, фильмы, организуют общественные мероприятия. Главная цель всей деятельности участников проекта — задокументировать и показать, каким образом происходят переселение людей и джентрификация территорий в районе залива. Лозунг проекта связан с движением сопротивления: «Мы используем карты и цифровой нарратив, чтобы отчетливо проследить зачастую невидимые процессы выселения, перемещения и джентрификации. Мы всегда антикапиталисты и антирасисты»¹⁰. Визуальное решение — карта, на которой представлены два вида точек: красные, которые только маркируют места переселений, и голубые, нажатие на которые открывает пересказы устных историй переселенцев. При наведении на голубую точку пользователю предлагается сначала ознакомиться с небольшой карточкой объекта — даются имя рассказчика, адрес, краткое содержание интервью, например:

Бетти Макки недавно выселили из дома на острове Йерба-Буэна вместе с более чем 100 другими жителями города, чтобы построить на месте старых домов 285 роскошных новых апартаментов. В интервью Бетти размышляет о том, каково быть свежеспеченным бездомным, не уверенным относительно своего будущего. Она также рассказывает, как выросла на Юге в многонациональном доме и как черпает силы для борьбы в воспоминаниях о раннем детстве.

После этого можно перейти к главной карточке, содержащей помимо прочего обложку-фотографию и аудиointerview на SoundCloud. Особенности проекта — актуальная социальная тематика переселения и уникальный дизайн карты.

Explore Oral Histories with HMLC, Сент-Луис, штат Миссури, США (hmlc.org/survivor-stories/oral-histories). Результатом этого проекта по устной истории, в ходе которого были опрошены выжившие после массовых гонений на евреев, стало создание Центра изучения Холокоста в Сент-Луисе (ныне Музей и учебный центр Холокоста). Система фильтров дает возможность просматривать материалы несколькими способами: по национальности (представлены 18 стран), по локациям (339 мест, среди которых конкретные концентрационные лагеря или города, в которых проживали рассказчики), по сюжетам рассказов (сортировка историй на основе личных событий, таких как отправка в гетто, военная служба или помощь еврейским беженцам). Первичный список состоит из карточек рассказчиков с базовой информацией. При наведении курсора на карточку всплывает окно с дополнительной информацией и предложением узнать больше. Далее при нажатии появляется страница рассказчика, содержащая карточку с краткой биографической сводкой, фотографиями и материалами из семейного архива (если они есть), аудиозапись интервью на SoundCloud, карту перемещений рассказчика с краткой информацией по каждой точке. На сайте представлены выносные цитаты из интервью.

¹⁰ facebook.com/AntiEvictionMappingProject.

Hiroshima Archive, Хиросима, Япония (hiroshima.mapping.jp/index_en.html). Проект является продолжением работы по созданию архива воспоминаний о катастрофе в Хиросиме. На сайте проекта также есть ссылки на коллекции воспоминаний о катастрофе в Нагасаки, воспоминания жителей Окинавы о битве за Окинаву 1945 г. (известной как операция «Айсберг»), воспоминания о жертвах цунами и землетрясений (e.nagasaki.mapping.jp). В Хиросимском архиве на сегодняшний момент около 170 свидетельств и около 150 фотографий. Цель проекта разработчики видят во всестороннем понимании реальной ситуации с атомной бомбардировкой Хиросимы, а инструментом служат воспоминания тех, кто пережил катастрофу. На главной странице проекта (n.mapping.jp/index_en.html) — 3D-модель земного шара со множеством иконок — визуальных проекций персональных карточек людей. При нажатии на иконку открывается окно с информацией о человеке — это может быть описание фрагмента его жизни в контексте взрыва или любые другие биографические материалы, связанные с катастрофой: видеоподкасты, небольшие рассказы от первого лица. К карте также прикреплены фотографии с мест происшествий. Карта поддерживает мобильную версию.

* * *

Выше аналитически описаны несколько проектов из США, Канады, Японии и стран Европы. Ключевая идея большинства них — сбор воспоминаний о конкретном месте (город, область, район) или событии (Холокост, бомбардировка Хиросимы, джентрификация, локальный праздник), фиксация воспоминаний представителей социальных или этнических меньшинств (евреи, афроамериканцы, мусульмане). Представляется, что эти описания и анализ проектов будут полезны для размышлений российских исследователей устной памяти о том, каким образом суммы индивидуальных версий прошлого могут соединяться с личным биографическим нарративом и точкой на карте.

Pastandnow.ru — между точкой на карте и личным биографическим нарративом

На примере электронного архива устной истории «Народная история России» (pastandnow.ru) мне хотелось бы показать ход развития проекта, инструментарий разработчиков, инструменты анализа, поиска и разметки данных. Я постараюсь подробно рассказать о нем, раскрывая цели и задачи каждого этапа, чтобы прояснить внутренние мотивы, которым руководствуются создатели электронных архивов. Над проектом работали и работают более 50 участников, включая волонтеров, привлеченных исследователей. Проект реализуется в Московской высшей школе социальных и экономических наук.

Цель — записать как можно больше рассказов людей из разных городов России. Авторы проекта интересуют «городские нарративы о прошлом и настоящем». Это самые разные тексты, которые транслируются в семье, районе, городе: семейные истории, исторические и квазиисторические нарративы, легенды, предания, описания стандартизованных практик, слухи и страхи, шутки, анекдоты, репутационные тексты и т. п. На сайте проекта основная идея декларируется следующим образом:

Нарративы о современном российском городе — это и прошлое, и настоящее, набор текстов, благодаря которым мы можем понимать повседневные маршруты горожан, как они осваивали и продолжают осваивать город, как они создают историю мест, о чем ностальгируют и как об этом говорят. Записывая такие нарративы, мы получаем знание о том, каким образом городские районы с изменяющимися границами конструируются системой идентификационных текстов, отсылающих к коллективной памяти, а язык нарративов города функционирует, во-первых, как средство инкорпорации людей в пространство, в сообщество, во-вторых, как язык легитимации объекта, который не вписывается в культурный облик города.

В результате планируется получить набор медиализированных воспоминаний жителей российских городов, которые создают и воссоздают чувство прошлого, настоящего и будущего у нас и тех, кто эти воспоминания читает [Dijk 2007].

В течение 2018–2020 гг. было записано более 800 интервью в 15 городах России (в среднем по 20–30 интервью в каждом городе и более 500 интервью в Москве); в базе данных проекта более 800 рассказчиков. Только часть интервью размещена в открытом доступе, поскольку все они проходят длительный процесс обработки и проверки (расшифровка, проверка расшифровки собирателем, вычитка корректором, иногда рассказчиком, разметка). Pastandnow.ru с 2018 по 2021 г. поддерживается Фондом президентских грантов (категория «Историческая память»); основная часть команды работает, используя финансирование фонда; некоторые интервью собирают, расшифровывают, корректируют и вносят в базу данных волонтеры.

Проект был открыт в 2018 г., первоначально назывался «Историческая память города: общедоступный портал устных рассказов о Москве» и был связан с устной историей, которую рассказывают жители мегаполиса. В 2019 г. название изменилось на «Историческую память городов», расширилась география: в проект были включены города Московской, Рязанской, Нижегородской и Ивановской области. В 2020–2021 гг. он был преобразован в «Народную историю России: перекрестки локальных цивилизаций», что подразумевает еще большее расширение и включение интервью из приграничных городов Псковской, Смоленской, Калининградской, Псковской, Ленинградской, Архангельской и Мурманской областей, Республики Карелия.

Подготовительный этап в 2017 г. состоял из анализа устных текстов, транслирующихся в сетевых сообществах в социальных сетях (Facebook, «ВКонтакте»), предварительного опроса районных и городских активистов — транслаторов исторического знания, анализа значимых тегов в СМИ; по каждому району Москвы были созданы обширные таблицы с данными. В результате этого исследования было выбрано 25 районов Москвы, охватывающих практически все округа, имеющих в СМИ и социальных сетях как положительный, так и негативный репутационный статус: Академический, Арбат, Аэропорт, Бирюлево Восточное, Выхино-Жулебино, Дорогомилово, Замоскворечье, Измайлово, Кузьминки, Лианозово, Марьино, Метрогородок, Нагатинский Затон, Печатники, Преображенское, Пресненский, Проспект Вернадского, Северное Тушино, Солнцево, Таганский, Тимирязевский, Ховрино; Царицыно, Черемушки, Южное Бутово. Следующим шагом было увеличение количества

интервью (8–20 из каждого района), расширение географии проекта. В 2019 г. интервью собирались в других районах Москвы: Басманном, Беговом, Беляеве, Бибиреве, Богородском, Бутырском, Вешняках, Гольянове, Даниловском, Зябликове, Ивановском, Конькове, Коптеве, Кунцеве, Лефортове, Люблине, Марьиной Роше, Мещанском, Новогирееве, Очакове-Матвеевском, Покровском-Стрешневе, Раменках, Савеловском, Тверском, Теплом Стане, Тропареве-Никулине, Хамовниках, Чертанове Центральном, Южном и Северном, Щукине, Якиманке, Ясенева. Помимо московских районов, исследователи интервьюировали жителей некоторых городов ближнего Подмосковья. Кроме того, реализация проекта в 2019 г. предполагала, что в банк данных будут включены интервью из нескольких городов Центральной России и Приволжского федерального округа (Рязань, Нижний Новгород, Иваново, Луховицы, Выкса, Шуя). В 2020–2021 гг. интервью собираются в оставшихся районах Москвы и в приграничных регионах России — участникам проекта представляется важным зафиксировать сложную память, связанную с разрушением и установлением административных границ этих территорий. В целом проект связан с исследованием репутационного статуса города/района в публичном пространстве, с анализом непубличной памяти, помещенной в поле public history. Включая в проект новые города, исследователи полагают, что знание о своей территории позволит местным агентам памяти умножить варианты использования культурного потенциала городов. Помимо вопросов, касающихся знания о городах, в гайде интервью есть блоки вопросов, касающиеся личной жизни рассказчика через призму исторических событий.

Помимо сбора интервью, команда проекта проводит ряд социально и культурных значимых мероприятий (лекций, семинаров и лабораторий), связанных со сбором устных интервью, целью которых является консолидация местных акторов, работающих в поле исторической памяти.

Разработан опросник для Москвы (clck.ru/S34nY), который является ориентиром для беседы. Он каждый раз модифицируется, когда в проект включается тот или иной город. Кроме того, разработаны отдельные опросники по каждому району Москвы. Среди наших собеседников — молодые люди и пенсионеры, бизнесмены и бездомные, коренные жители и приезжие, люди самых разных профессий и разного возраста. Сбор информации осуществляется методами глубинного интервью, причем используются как биографические, так и групповые интервью. Каждый рассказчик заполняет согласие на сбор и обработку данных, разрешающее использовать полученные от него материалы для научной работы и экспонирования. По желанию рассказчика данные о нем на сайте (в разделах «Интервью» и «Рассказчики») могут быть как представлены в полном виде (ФИО), так и анонимизированы. Во время интервью мы просим нарисовать ментальную карту¹¹. Ментальные карты представляют собой рисунки города или отдельного его района, которые создает рассказчик по просьбе исследователя либо в процессе интервью, либо самостоятельно.

¹¹ Ментальная карта — исследовательский инструмент, родившийся на стыке антропологии и когнитивистики, который помогает зафиксировать комплекс индивидуальных представлений, вскрывает субъективную сторону восприятия городского пространства. Подробнее см.: [Веселкова 2010; Глазков 2013; Митин 2017; Росокк 1976].

После записи интервьюер заполняет полевой отчет и полевой дневник, где фиксируются важные моменты интервью, данные о рассказчике и другая значимая информация об интервью, заполняет таблицу, где суммируются все данные по рассказчикам.

На сегодняшний момент записаны интервью от 388 женщин и от 294 мужчин; интервьюеры и рассказчики разного возраста. Самому старшему интервьюеру 60 лет, самому младшему 17, возраст рассказчиков варьирует в диапазоне от 14 до 104 лет. Распределение по годам рождения рассказчиков показано на графике 1.

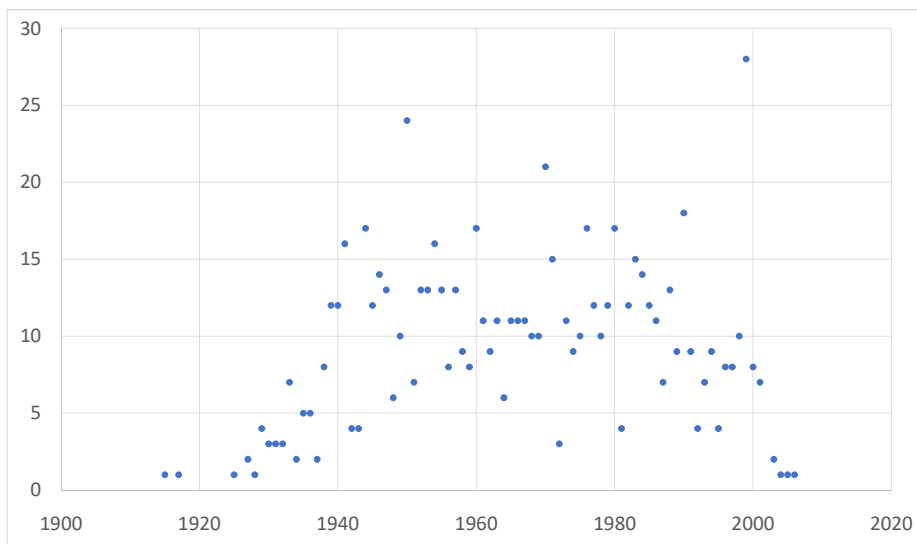


График 1. Годы рождения рассказчиков на сайте *pastandnow.ru*
Graph 1. Interlocutors' birth dates in *pastandnow.ru*

Полученные тексты транскрибируются (по возможности дословно), проверяются собирателями, некоторые отправляются на проверку рассказчику, если с его стороны есть соответствующий запрос. Затем тексты кодируются: выделяются места и годы, что необходимо для быстрого поиска значимых фрагментов интервью. Кодирование интервью предполагает разметку по времени, к которому относится происходящие события, разбивку по объектам (от дома до улицы и территории), разделение по типам нарративов и сюжетам и внесение в базу данных с указанием координат объекта, о котором идет речь и др. Кроме того, в интервью выделяются истории (или нарративы), соответствующие одному из четырех типов: «Истории о прошлом места», «Семейные истории», «Практики горожан» и «Характеристика места» (см. табл. 1); тексты разбиваются на тематические блоки, список которых довольно объемен, постоянно пополняется и редактируется (см. табл. 2).

Табл. 1. *Правила кодирования интервью*
Table 1. *Interview coding rules*

Адрес	Название улицы, номер дома.
Геокоординаты	За точку на карте берется условный центр объекта/места. Координаты вносятся копированием из yandex.ru/maps или google.com/maps .
Название объекта	Официальное название объекта (источники — Википедия, официальные сайты, за неимением другого — наиболее частотные сочетания, встречающиеся в Сети). Например: не <i>Сокольники</i> , а <i>Парк «Сокольники»</i> ; не <i>Богоявленский собор</i> , а <i>Собор Богоявления Господня в Елохове</i> .
Тип объекта	Вносится из словаря «Типы объектов»: водоем, ландшафт, памятник, строение, улица, территория, населенный пункт, район, другой, метро.
Статус объекта	Существующий / несуществующий.
Район	Вносится из словаря «Районы» (объект соотносится с актуальными на 2020 г. границами муниципальных районов).
Неофициальное название	Графа заполняется, если в интервью упоминается неофициальное название объекта/места (не <i>улица Тверская</i> , а <i>Бродвей</i> , не <i>река Котловка</i> , а <i>Негодяевка</i> и пр.).
Типы нарративов	Название ключевых тем рассказа из разделов «Истории о прошлом», «Семейные истории», «Практики горожан», «Характеристика места».

Табл. 2. *Типы сюжетов — смысловых блоков интервью*
Table 2. *Themes or semantic blocks of interviews*

Азартные игры/лотереи	Досуговые практики: игры
Архитектурные особенности объекта	Досуговые практики: освоение пространства
Бездомные/попрошайки	Досуговые практики
Благоустройство/ремонтные работы	Жизнь в бараках
Борьба за объект/место	Жизнь в коммунальной квартире/общечитии
Взаимоотношения с иностранцами	Жилищно-коммунальные услуги
Взаимоотношения с соседями	Запахи/звуки места
Война	Запретные практики
Гигиенические практики	Изменение облика объекта/места
Гражданская активность	Катастрофы/несчастные случаи
Дачно-деревенский быт	Клады/раскопки
Дворовые практики: фольклор	Коммеморативные практики
Дворовые практики	Коммерческие практики/предпринимательство: уличный бизнес
Детские практики	
Дефицит	
Домашние/дикие животные	

Коммерческие практики/предпринимательство	Революция
Культурно-просветительские/образовательные практики	Религиозные/ритуальные практики
Лихие 90-е	Репрессии
Локальная идентичность	Репутация объекта/места
Локальные топонимы	Романтические отношения, встречи
Магические специалисты/шарлатаны	Самоубийство
Медицина/здоровье	Санитарная/экологическая характеристика объекта/места
Метрополитен	Свадьба
Незаконные практики: административные нарушения/криминал	Сверхъестественные события
Незаконные практики: хулиганство	Символы/бренды места
Неофициальные границы: город	Скрытый/засекреченный объект/место
Неофициальные границы: двор	Смена названия объекта/места
Неофициальные границы: район	Смена статуса объекта/места
Новые/иностраннные товары	Советская власть
Транспорт	Социальная характеристика объекта/места
Объект/место в массовой/элитарной культуре	Спортивные практики
Объяснение формы объекта/места	Строительство объекта: из фрагментов храма/кладбища
Памятники: тексты и практики	Строительство объекта: на месте храма/кладбища
Переезд в другой город	Строительство объекта: пленные, заключенные
Переезд в другой район	Строительство/образование объекта/места
Переезд в новый дом/квартиру	Студенческие практики
Переселение жильцов старого/непригодного жилищного фонда	Субкультуры и группировки
Персонажи: исторические и легендарные	Уличная еда
Персонажи: знаменитости	Уличное искусство
Персонажи: чудаки/городские сумасшедшие	Уничтожение/разрушение объекта/места
Пожертвования/благотворительность	Фольклор
Политика	Функциональная характеристика объекта/места
Потребительские практики	Характеристика объекта/места
Похороны	Школьные практики: внеклассная деятельность
Происхождение названия объекта/места	Школьные практики: внешний вид
Профессии	Школьные практики: питание
Пугающий/опасный/нехороший объект/территория	Школьные практики: фольклор
Развлекательные мероприятия и праздники	Школьные практики
Разметка пространства	Этническая характеристика объекта/места

Далее данные базы данных визуализируются и отображаются на интерактивной карте. Разработка карты осуществляется посредством NextGis — полнофункциональной геоинформационной системы, предназначенной для создания и редактирования данных, производства карт, выполнения аналитических операций (nextgis.ru). Таким образом, различные версии прошлого могут быть представлены в виде текстов, привязанных к географическим коор-

динамам, и в виде личного биографического нарратива, который опосредован гайдом интервью. Каждая точка на интерактивной карте — это место (дом, улица, парк и т. д.), с которым связаны рассказы горожан, от личных воспоминаний до преданий и легенд. Чтобы узнать, что говорят об этом месте, нужно нажать на значок, и справа на экране откроется панель с описанием места, его фотографиями и другими материалами. Поиск объектов можно осуществлять либо на самой карте, либо при помощи фильтров — по районам, по типам городских объектов, по названию объекта, по сюжетам и т. д. Кроме того, карта предусматривает специальную систему фильтров, которая позволяет посмотреть на город в его разных проявлениях: «дворы», «религия», «субкультуры», «подземелья», «легенды», «бездомные», «памятники».

Разрабатывается программа текстового поиска и фильтрации для сайта pastandnow.ru (автор разработки Даниил Игнатъев, НИУ ВШЭ). Задачи программы — 1) предоставить пользователям возможность поиска по описаниям фрагментов интервью в базе данных с учетом морфологических форм искомого слова; 2) обеспечить поиск по базе данных сайта без обязательного применения фильтрации (на главной странице сайта невозможен просмотр объектов без указания фильтра «город»). Перед началом работы программа запрашивает данные с сайта nextgis.com. Как и на главной странице pastandnow.ru, на странице для текстового поиска реализована одновременная загрузка всей базы данных. Такое решение позволяет обеспечить максимальную быстроту пользовательского взаимодействия с сервисом после окончания загрузки, поскольку при поиске и фильтрации не требуются дополнительные запросы к серверу. Одновременно с этим загрузка базы данных полностью позволяет искать несколько слов в одном текстовом поле без учета их взаимного расположения и расстояния между ними. Результаты разработки доступны по ссылке pastandnow.ru/search-pastandnow/search.html.

В описании мест в базе данных и на карте суммируются разные истории из личного опыта рассказчиков. Однако для понимания контекста иногда необходимо прочитать/послушать/увидеть «прямую речь». Для этого нужно перейти к архиву расшифровок интервью, кликнув на шифр информанта или на иконку с его фотографией (если она есть), кликнуть на нужное интервью и найти интересующее место текстовым поиском или поиском по оглавлению. В дальнейшем планируется улучшить функционал сайта, добавив звуковые фрагменты интервью, имеющиеся видео.

На сайте есть форма обратной связи, чтобы каждый пользователь мог оставлять воспоминания о том или ином месте.

Создание реляционных баз данных и поисковой системы для банка данных позволяет свести воедино все полученные сведения, а личные и семейные свидетельства становятся элементом публичной истории Москвы и городов России.

Авторы проекта часто сталкиваются, с одной стороны, с искренним восхищением самим фактом существования проекта и развернувшейся внутри него деятельностью, с другой — с непониманием, для чего все это нужно («Это все так здорово, но зачем вы это делаете?»). Глобальные цели, которые авторы ставят перед собой, часто не удовлетворяют своей размытостью и теоретичностью. Какова же прикладная задача проектов, нацеленных на фиксацию устной истории?

В проектах применяются методики, которые позволили бы в дальнейшем использовать собранные материалы в академических целях (прежде всего фольклористических, исторических и антропологических). Это доступ к полным расшифровкам всех интервью, аудиозаписям, ментальным картам рассказчиков, полевым дневникам собирателей, реже — к видеозаписям интервью. На данный момент на материалах, собранных в рамках проекта, было сделано множество научных докладов в университетах России и Европы, защищены пять курсовых работ студентов, материалы используются в научных исследованиях и публикациях.

Интерес представляет не только материал, который исследователь или пользователь получает на выходе, но и возможность использовать отработанный инструментарий в обучающих целях. Как уже было отмечено, команда проекта ведет активную просветительскую и образовательную работу. Проводятся детские и взрослые лектории и воркшопы по сбору устных интервью в Москве, Нижнем Новгороде, Рязани, Иванове, Шуе, Выксе, Архангельске, Урюпинске, Новозыбкове, Советске, Печорах, Архангельске. Организуются однодневные и длительные выездные экспедиции: в конце 2019 г. состоялась недельная учебная экспедиция студентов РАНХиГС и МВШСЭН (Шанинки) в Шуую; в течении 2019 г. в рамках курса по городской антропологии, прочитанном в Университете детей, была организована серия экспресс-экспедиций для школьников по сбору биографических интервью в Москве: обследованы Пушкинская площадь, станция метро «Площадь Революции» и Нулевой километр. Школьники привлекаются к участию в проекте в рамках конкурса творческих работ «Детство в городе: прошлое и настоящее в памяти горожан». Подобная деятельность, помимо непосредственного сбора материала, выполняет несколько важных задач: сотрудники и волонтеры овладевают навыками общения с незнакомыми людьми, учатся смотреть на привычные места по-новому, узнают города России изнутри, совершают шаги к налаживанию межпоколенческой коммуникации.

В современном обществе существует большой спрос на прошлое. В этом контексте материалы устной истории, наполненные деталями и живыми образами, становятся богатым источником для различных отраслей индустрии интеллектуальных развлечений. Весной 2019 г. актеры московских театров создали спектакль по мотивам городских легенд и страшилок, записанных от москвичей в рамках нашего проекта (см.: [Артисты 2019]). К реализации готовится проект по созданию на основе собранных материалов мобильного приложения, пользователи которого смогут прогуляться по городу, слушая голоса местных жителей, рассказывающих о местах свои уникальные истории.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что «частная память» блогосферы быстро исчезает, если не попадает снова и снова в исторические работы и тематические подборки. Вероятно, одними из самых удобных способов наполнения архивов оказываются работа группы исследователей или модерация «демократических» архивов профессионалом. При этом должна быть осуществлена разметка данных для и организован поиск. Понятно, что разметка данных во многом зависит от интересов того или иного специалиста; зная и выделяя одни детали, мы теряем другие. Тем не менее потеря и забвение некоторых де-

талей лучше, чем отсутствие возможностей поиска вообще. Часто небольшие фрагменты воспоминаний в блогах и персональных архивах памяти вырваны из контекста, и исследователи должны реконструировать обстоятельства, приведшие к появлению в публичной сфере этих фрагментов. Модератор — историк или антрополог — осознаёт весь процесс работы над интервью, чаще всего имеет в архиве полные аудио- и видеoverсию рассказа и может полностью предоставить контекстуальные рамки разговора. Так, Лутц Нитхаммер с ювелирной точностью описывает весь процесс работы исследователя, особенно выделяя роль историка и его внимание к контексту: «“Собственный смысл” источника, которому должна быть адекватна интерпретация, проявляет свою “сопротивляемость” лишь в сравнительно длинных цитатах, которые позволяют проследить либо взаимодействие между интервьюером и респондентом, либо все сложное смысловое и формальное целое рассказа. Если же такие цитаты, причем пригодные для эстетического восприятия посторонним науке реципиентом, не приводятся в публикации наряду с интерпретациями, то реципиент остается полностью во власти интерпретатора, как если бы тот водил его по музею с завязанными глазами» [Нитхаммер 2012: 50]. Алейда Ассман пишет, что динамика культурной памяти базируется на взаимообмене между канонem и архивом, а «архивные материалы находятся как бы в чистилище между адом забвения и раем памятования; они ждут специалистов, журналистов, писателей, которые занимаются поиском, делают находки и превращают эти находки в достояние общественности» [Ассман 2019: 37–38]. Исследовательница называет вхождение в архив «сберегающим забвением». Однако электронные архивы, оснащенные соответствующим инструментарием и системой поиска, позволяют избежать следования этой дуалистической метафоре.

Источники

- Артисты 2019 — Артисты столичных театров расскажут страшилки и споют колыбельные в Музее Москвы // Официальный сайт Мэра Москвы. 2019. 26 февр. URL: <https://www.mos.ru/news/item/51625073>.
- Викимания — Wikimania // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Викимания>.
- Конкурс 2010 — *dk_nat* [Калинин Д.]. Бабушка. Конкурс воспоминаний // Livejournal.com. 2010. 26 окт. URL: <http://dk-nat.livejournal.com/23824.html>.
- Конкурс 2011 — *dk_nat* [Калинин Д.]. Кое-что о том самом. Детство. Конкурс воспоминаний // Livejournal.com. 2011. 2 марта. URL: <http://dk-nat.livejournal.com/36532.html>.
- Лайфлоггинг 2019 — Лайфлоггинг: семь удобных приложений для трекинга жизни // My Handbook. 2019. 2 сент. URL: <https://myhandbook.com/lajflogging>.

Литература

- Агеева 2012 — Агеева Г. М. Медиазация памяти: мемуарные свидетельства в блогах и социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. № 363. 2012. С. 68–74.
- Ассман 2004 — Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Ассман 2014 — Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.

- Ассман 2019 — *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2019.
- Веселкова 2010 — *Веселкова Н. В.* Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 31. 2010. С. 5–29.
- Глазков 2013 — *Глазков К. П.* Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.
- Зверева 2014 — *Зверева Г. И.* Советская история в цифровых рассказах на Ю-тьюбе // Преподаватель XXI век. 2014. № 4. Ч. 2. С. 310–325.
- Лапина-Кратасюк, Рублева 2018 — *Лапина-Кратасюк Е. Г., Рублева М. В.* Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия // Шаги / Steps. Т. 4. № 3–4. 2018. С. 147–165.
- Маркеева 2015 — *Маркеева А. В.* Лайфлоггинг (lifelogging): Направления использования и социальные последствия развития цифровых архивов персональных данных // Современные исследования социальных проблем = Modern Research of Social Problems. 2015. № 7(51). С. 123–138.
- Митин 2017 — *Митин И. И.* Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. Т. 2. № 3. 2017. С. 64–79.
- Нитхаммер 2011 — *Нитхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти: Статьи по устной истории / Пер. с нем. М.: Нов. изд-во, 2011.
- Barash 2016 — *Barash J. A.* Collective memory and the historical past. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 2016.
- Bergman et al. 2012 — *Bergman O., Brockmeier J., Clough P., Kalnikaite V., Sellen A., Petrelli D., Whittaker S., Villar N.* Socio-technical lifelogging: Deriving design principles for a future proof digital past // Human-Computer Interaction. Vol. 27. 2012. P. 37–62.
- Bruns 2008 — *Bruns A.* Blogs, Wikipedia, Second Life, and beyond: From production to produsage. New York; Frankfurt am Main; Oxford; Wien: Peter Lang, 2008.
- Cohen, Rosenzweig 2006 — *Cohen D., Rosenzweig R.* Digital history: A guide to gathering, preserving, and presenting the past on the Web. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2006.
- Dijck 2007 — *Dijck J. van.* Mediated memories in the digital age. Stanford: Stanford Univ. Press, 2007.
- Entlich 2004 — *Entlich R.* Blog today, gone tomorrow? Preservation of weblogs // RLG Digi-News. Vol. 8. No. 4. 2004. (Цит. по репозиторию WorldCat). URL: <http://www.worldcat.org/arcviewer/1/OCC/2007/08/08/0000070519/viewer/file3518.html#article3>.
- Halbwachs 1992 — *Halbwachs M.* On collective memory. Chicago: Univ of Chicago Press, 1992.
- Horst, Miller 2012 — *Horst H. A., Miller D.* Digital anthropology. London; New York: Berg, 2012.
- Jenkins 2006 — *Jenkins H.* Convergence culture: Where old and new media collide. New York: New York Univ. Press, 2006.
- Lynch 2013 — *Lynch C.* The future of personal digital archiving: Defining the research agendas // Personal archiving: Preserving our digital heritage / Ed. by D. T. Hawkins. Medford: Information Today, 2013. P. 259–277.
- Marshall 2013 — *Marshall C. C.* Social media, personal data, and reusing our digital legacy // Personal archiving: Preserving our digital heritage / Ed. by D. T. Hawkins. Medford: Information Today, 2013. P. 85–108.
- Olick et al. 2011 — *The collective memory reader* / Ed. by J. K. Olick, V. Vinitzky-Seroussi, D. Levy. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011.
- Pocock 1976 — *Pocock D.* Some characteristics of mental maps: An empirical study // Transactions of the Institute of British Geographers. New Series. Vol. 1. No. 4. 1976. P. 493–512.

- Strangelove 2010 — *Strangelove M.* Watching YouTube: Extraordinary videos by ordinary people Toronto; Buffalo; London: Univ. of Toronto Press, 2010.
- Williams et al. 2009 — *Williams P., Leighton J., Rowland J. I.* The personal curation of digital objects: A life-cycle approach // *Aslib Proceedings*. Vol. 61. No. 4. 2009. P. 340–363.

References

- Ageeva, G. M. (2012). Mediatizatsiia pamiati: memuarnye svidetel'stva v blogakh i sotsial'nykh setiakh [Mediatization of memory: Memoir testimonies on blogs and social networks]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 363, 68–74 (In Russian).
- Assman, A. (2014). *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* [Trans. from Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. C. H. Beck]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriei* [Trans. from Assmann, A. (1999). *Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit: Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945*. Deutsche Verlags-Anstalt; (2018). *Formen des Vergessens*. Wallstein Verlag; (2014). *Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung*. Beck]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Assman, Ia. (2004). *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Trans. from Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. C. H. Beck]. Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Barash, J. A. (2016). *Collective memory and the historical past*. Univ. of Chicago Press.
- Bergman, O., Brockmeier, J., Clough, P., Kalnikaite, V., Sellen, A., Petrelli, D., Whittaker, S., & Villar, N. (2012). Socio-technical lifelogging: Deriving design principles for a future proof digital past. *Human-Computer Interaction*, 27, 37–62.
- Bruns, A. (2008). *Blogs, Wikipedia, Second Life, and beyond: From production to produsage*. Peter Lang.
- Cohen, D., & Rosenzweig, R. (2006). *Digital history: A guide to gathering, preserving, and presenting the past on the Web*. Univ. of Pennsylvania Press.
- Dijck, J. van. (2007). *Mediated memories in the digital age*. Stanford Univ. Press.
- Entlich, R. (2004). Blog today, gone tomorrow? Preservation of weblogs. *RLG DigiNews*, 8(4). <http://www.worldcat.org/archive/1/OCC/2007/08/08/0000070519/viewer/file3518.html#article3>.
- Glazkov, K. P. (2013). Mental'nye karty: sposoby analiza, pogreshnost' i prostranstvennaia metrika [Mind maps: Methods of analysis, error and spatial metrics]. *Sotsiologiya vlasti*, 2013(3), 39–56. (In Russian).
- Halbwachs, M. (1992). *On collective memory*. Univ of Chicago Press.
- Horst, H. A., & Miller, D. (2012). *Digital anthropology*. Berg.
- Jenkins, H. (2006). *Convergence culture: Where old and new media collide*. New York Univ. Press.
- Lapina-Kratasiuk, E. G., & Rubleva, M. V. (2018). Proekty sokhraneniia lichnoi pamiati: tsifrovye arkhivy i kul'tura uchastiia [Projects to preserve personal memories: Digital archives and participatory culture]. *Shagi/Steps*, 4(3–4), 147–165. (In Russian).
- Lynch, C. (2013). The future of personal digital archiving: Defining the research agendas. In D. T. Hawkins (Ed.). *Personal archiving: Preserving our digital heritage* (pp. 259–277). Information Today.
- Markeeva, A. V. (2015) Laiflogging (lifelogging): Napravleniia ispol'zovaniia i sotsial'nye posledstviia razvitiia tsifrovyykh arkhivov personal'nykh dannykh [Lifelogging: Uses and social implications of the development of digital archives of personal data]. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem = Modern Research of Social Problems*, 2015(7(51)), 123–138. (In Russian).

- Marshall, C. C. (2013). Social media, personal data, and reusing our digital legacy. In D. T. Hawkins (Ed.), *Personal archiving: Preserving our digital heritage* (pp. 85–108). Information Today.
- Mitin, I. P. (2017). Mental'nye karty goroda: istoriia poniatiia i raznoobrazie podkhodov [Mental maps of the city: The history of the concept and a variety of approaches]. *Gorodskie issledovaniia i praktiki*, 2(3), 64–79. (In Russian).
- Nitkhammer, L. (2011). *Voprosy k nemetskoj pamiaty: Stat'i po ustnoi istorii* [Trans. from Nitkhammer, L. (2007). *Fragen an das deutsche Gedächtnis: Aufsätze zur Oral History*. Klar-text]. Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Olick, J. K., Vinitzky-Seroussi, V., & Levy, D. (Eds.) (2011). *The collective memory reader*. Oxford Univ. Press.
- Pocock, D. (1976). Some characteristics of mental maps: An empirical study. *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*, 1(4), 493–512.
- Strangelove, M. (2010). *Watching YouTube: Extraordinary videos by ordinary people*. Univ. of Toronto Press.
- Veselkova, N. V. (2010). Mental'nye karty goroda: voprosy metodologii i praktika ispol'zovaniia [Mental maps of the city: Questions of methodology and practice of use]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 31, 5–29. (In Russian).
- Williams, P., Leighton, J., & Rowland, J. I. (2009). The personal curation of digital objects: A life-cycle approach. *Aslib Proceedings*, 61(4), 340–363.
- Zvereva, G. I. (2014). Sovetskaia istoriia v tsifrovyykh rasskazakh na Iu-t'ube [Soviet history in digital stories on YouTube]. *Prepodavatel' XX vek*, 2014(4, Part 2), 310–325. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Никита Викторович Петров

кандидат филологических наук
зав. Лабораторией теоретической
фольклористики, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
старший научный сотрудник, Центр
исследований фольклора и антропологии
города, Московская высшая школа
социальных и экономических наук
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ nik.vik.petrov@gmail.com

Information about the author

Nikita V. Petrov

Cand. Sci. (Philology)
Head of the Center for Theoretical
Folklore Studies, School for Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Senior Researcher, Centre for Urban
Folklore and Anthropology Studies, Moscow
School of Social and Economic Sciences
Russia, Moscow, 119571, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ nik.vik.petrov@gmail.com

М. В. Ахметова

ORCID: 0000-0002-2543-9349

✉ malinxi@rambler.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

ЗАБЫТЬ ФРИДРИХА ЭНГЕЛЬСА: ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ В ОЙКОНИМИИ

Аннотация. На материале г. Энгельса Саратовской области рассматривается социокультурный фон, обусловивший использование старого (до 1931 г.) ойконима *Покровск* и номинации *Покровск-Энгельс* (*Энгельс-Покровск*); анализируется осмысление сообществом семантики этих названий в контексте коллективной памяти. «Энгельсский» период более насыщен значимыми событиями и символами; *Покровск* ассоциируется с досоветской «предысторией» и имеет востребованные на рубеже 1980–1990-х годов религиозные коннотации. Последние инспирируют общегородское празднование Покрова Богородицы и вместе с тем рассуждения о защите (*покрове*) города со стороны небесных сил и о том, была ли она утрачена в результате переименования. Отказ от коммунистической идеологии способствует декларации забвения увековеченного в названии города Ф. Энгельса и в то же время игровой десемантизации ойконима как немецкого слова *Engels* ‘ангелы’, имеющего, подобно *Покровску*, религиозные коннотации. Соответствующие рассуждения и практики (акциональные и речевые) снимают необходимость в возвращении исторического названия, компенсируя отказ от переименования города в 1990-е годы.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: переименование населенных пунктов, возвращение исторических названий, ойконимия, Энгельс, Покровск, символическое пространство, онимические конфликты

Благодарности. Автор благодарит Е. Р. Ярскую-Смирнову, Р. В. Кононенко и И. О. Шувалову за содействие в проведении полевого исследования.

Для цитирования: Ахметова М. В. Забыть Фридриха Энгельса: память и забвение в ойконимии // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 57–82. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-57-82>.

Статья поступила в редакцию 4 мая 2020 г.

Принято к печати 14 ноября 2020 г.

M. V. Akhmetova

ORCID: 0000-0002-2543-9349

✉ malinxi@rambler.ru

*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Russia, Moscow)*

TO FORGET FRIEDRICH ENGELS: MEMORY AND OBLIVION IN OIKONYMY

Abstract. The paper is based on material from the town of Engels (Saratov Region) and discusses the socio-cultural background that has determined the use of the pre-1931 oikonym *Pokrovsk*, on the one hand, and the double nomination *Pokrovsk-Engels* (*Engels-Pokrovsk*), on the other. The author analyzes reflection by the community about the semantics of these names. The period associated with the name *Engels* is filled with significant events and symbols to a greater degree than the period before 1931. *Pokrovsk* is associated with pre-Soviet “prehistory”. Since the town was initially named after the Orthodox feast of Intercession (*Pokrov*) of the Theotokos, its religious connotations were in demand at the end of the 1980s and the 1990s. These connotations, on the one hand, actualize celebration of the mentioned feast as the “name day of the city”, and on the other hand, inspire discussions about the sacral protection, or *pokrov* (in Russian), over the town, whether or not it has been lost as a result of renaming in 1931. The rejection of Communist ideology favors the oblivion of F. Engels, commemorated in the actual oikonym. This is expressed, in the desamantization of the oikonym (as a play on words), its reinterpretation as a literal translation of German *Engels* ‘angels’, which also has religious connotations. The discussions and practices (both actional and linguistic) remove the need to return the name *Pokrovsk*, and thus compensate for the refusal to rename the town in the 1990s.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Keywords: renaming of cities and towns, return of historical place-names, oikonymy, Engels, Pokrovsk, symbolic space, onymic conflicts

Acknowledgements. The author is grateful to E. R. Iarskaia-Smirnova, R. V. Kononenko and I. O. Shuvalova for assistance in the field research.

To cite this article: Akhmetova, M. V. (2021). To forget Friedrich Engels: Memory and oblivion in oikonymy. *Shagi / Steps*, 7(1), 57–82. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-57-82>.

Received May 4, 2020

Accepted November 14, 2020

На рубеже 1980–1990-х годов на постсоветском пространстве и в бывших соцстранах населенным пунктам и городским объектам начали возвращать исторические названия, в XX в. замененные на увековечивающие знаковые для социалистического дискурса фигуры и события. Этот процесс может осмысливаться в разных аспектах. С одной стороны, предметом внимания становятся но м и н а ц и и, а возвращение названий рассматривается масштабно — в рамках государственной топонимической политики и ее идеологической подоплеки, связанной с декоммунизацией и дерусификацией, с соперничеством националистических и интернационалистических тенденций и т. д. [David 2011; Бочкарев 2018; Плеханов 2018]. С другой стороны, анализируется полемика вокруг переименования (так называемые онимические конфликты [Разумов 2018]), а предметом внимания становится социокультурная с и т у а ц и я. Так, А. И. Кольба [2012: 77–80] рассматривает обсуждение возвращения Краснодару названия *Екатеринодар* в контексте развития гражданского общества и взаимоотношений социума и власти; Р. Н. Абрамов и Е. А. Терентьев обращаются к дискуссиям о переименовании объектов Санкт-Петербурга и Пензы в аспекте символической политики и культуры памяти [Абрамов, Терентьев 2014; Терентьев 2015]. Ономастические исследования, затрагивающие данную проблематику, исчисляются десятками и посвящены в основном названиям улиц и прочих городских объектов.

В данной статье на материале г. Энгельса Саратовской области предпринимается попытка объяснить сосуществование официального названия *Энгельс* и исторического *Покровск* и их дериватов. Анализ дискуссий о переименовании и их социокультурного фона призван ответить на следующие вопросы: 1) почему город не был переименован; 2) чем обусловлены описываемые номинативные стратегии; 3) какую роль здесь играют коллективная память и конфликт символов.

«Город с двумя названиями»: *Покровск и Энгельс вместо Покровск vs. Энгельс*

Энгельс — город-спутник Саратова¹ — основан в 1747 г. украинскими чумаками-солевозами как Покровская слобода (по церкви Покрова Пресвятой Богородицы). В 1914 г. слободу преобразовали в город, получивший название Покровск, который в 1931 г. был переименован в Энгельс.

В сентябре 1991 г. в городской газете «Наше слово» открылась дискуссия о возвращении исторического названия; до конца 1996 г. в местных газетах было опубликовано около 20 полемических материалов. В декабре 1996 г. состоялся референдум, на котором за переименование проголосовало 38,81%, против — 61,19% (см.: Пкр², 26.12.1996). Вопрос был снят с городской повестки, но до сего дня время от времени поднимается. Если в 1990-е — начале 2000-х необходимость реноминации отстаивали рядовые горожане и журналисты (эта идея, впрочем довольно осторожно, продвигалась в газете «Покровск» и за-

¹ Город расположен на левом берегу Волги напротив Саратова, соединен с областным центром мостом.

² См. список сокращений названий газет в конце статьи. В цитатах сохраняются орфография и пунктуация источников.

тем в энгельской «Новой газете»), то в 2010-е основным проводником стало православное сообщество.

Наименование *Покровск* и использование прилагательного *покровский* в местной печати отмечено уже в первой половине 1990-х и особенно активизировалось в год референдума (1996) и в 1997 г., когда праздновалось 250-летие города. Сегодня старое название систематически употребляется лишь в текстах, авторы которых имеют отношение к Церкви, а также в составе десятков собственных имен, прежде всего коммерческих — в названиях организаций, мероприятий, торговых марок и т. д.: торговый центр «Покровск» (2019), клуб исторического фехтования «Покровская застава» (1993), фестиваль «Покровские узоры» (1997); Покровский консервный завод (выпускает продукцию под марками «Покровский погребок» и «Покровские соки») и т. д. При этом катойконим *покровчане* с 1990-х годов стал наиболее употребимым, составив конкуренцию варианту *энгельситы*, используемому в местной и областной прессе.

В 1997 г. появляется «гибридная» форма *Покровск-Энгельс* и *Энгельс-Покровск*; окказионально используются дериваты *покровско-энгельский* и *покровчане-энгельситы* (*энгельситы-покровчане*)³. Соположенность старого и нового названий подкрепляется и публичными надписями. Так, к 250-летию города (1997) были изготовлены таблички с названиями улиц, на которые нанесены оба ойконима (ил. 1). Эмблемой 270-летнего юбилея (2017) стал гербовый символ города — бык с чашей соли на спине, сверху которого по кругу размещена надпись «• Энгельс • Покровск •». Надписи «Энгельс» и «Покровск» украшают обе стороны постамента скульптуры «Бык-солевоз» (2003). Представление о «двуименности» может экстраполироваться и на другие объекты. Моя собеседница [Инф. 3] утверждала, что на стеле при въезде в город еще при советской власти были отражены оба названия (судя по доступным старым фотографиям — только «Энгельс»).

И систематическое использование двойной номинации, и наиболее частое ее написание через дефис, и образование дериватов, а также прозвучавшее в 2017 г. предложение председателя Общественной палаты Саратовской области переименовать город в *Энгельс-Покровск* — все это свидетельствует о том, что речь идет не просто о совмещении старого и нового названий для маркирования временной протяженности (как, например, в формуле «600-летний путь развития Хлынова — Вятки — Кирова» [Кирюхина и др. 1974: 326–327]), но об определенной равнозначности этих онимов в речевых практиках горожан, которыми «двуименность» вполне отрефлексирована. Об этом писали журналисты («Мы говорим: старый Покровск, современный Энгельс <...> До сих пор два имени нашего города мирно уживались друг с другом» [Сафонов 1996]); это отмечали мои информанты⁴. Одна из собеседниц называла Энгельс «городом с двумя названиями» [Инф. 3]; другая говорила, что существует «симбиоз,

³ Подробнее о речевых практиках, связанных с употреблением названий *Покровск*, *Энгельс* и их дериватов в местных СМИ и устных текстах (а также их собственно лингвистической обусловленности) см. в статье автора, готовящейся к публикации в журнале «Вопросы ономастики» (2021, № 1). Здесь этот материал не является предметом специального рассмотрения.

⁴ Цитируемые полевые материалы были записаны в 2019 г.



Ил. 1. Табличка с адресом, изготовленная к 250-летию г. Энгельса (1997)
Фото М. В. Ахметовой

Fig. 1. Address plate made for the 250th jubilee of the town of Engels (1997)
Photo by M. V. Akhmetova

то есть прямо такое слияние <...> ты называешь одно и подразумеваешь то же самое, что если называешь там Энгельсом, Покровском» [Инф. 4], а третья не исключала перспективы соответствующего переименования:

«Покровск-Энгельс», «Энгельс-Покровск», люди привыкли, и нормально. <...> Мне даже иногда кажется, что было бы правильное <...> со временем — [назвать город] «Покровск-Энгельс» [Инф. 1].

Эта ситуация выходит за рамки как использования старого названия в силу инерции (даже в начале 1990-х помнить актуальность *Покровска* могли лишь очень пожилые горожане), так и идеологического неприятия современного ойконима (последнее характерно скорее для (около)церковных кругов). Если именование города *Покровском* объясняется в том числе языковыми факторами (например, существованием одноименной железнодорожной станции, не переименованной в советские годы), то двойная номинация только лингвистически быть объяснена не может и требует обращения к социокультурному фону.

Решающую роль в том, что против возвращения *Покровска* проголосовало около $\frac{2}{3}$ горожан, сыграл страх перед нежелательными в сложной экономической ситуации затратами, которые повлекла бы за собой смена названия. Эти опасения звучали в письмах в газеты (так, 56-летняя горожанка писала: «Неужели у вас не хватает в мозгах извилин, чтобы сообразить — во что это переименование выльется? <...> нужно будет платить денежки из бюджета, и немалые» [Бурмистров, Ляхов 1993]), о них говорили почти все мои информанты, ср.:

Инф. 8: Как подсчитали, во что это обойдется... Город большой...

Инф. 11: <...> И сразу: «О-о, денег у города нет, денег у города нет». И всё, и на этом всё закончилось.

Разумеется, подобные опасения высказывались и в тех городах, где реноминация не произошла (например, в Краснодаре [Кольба 2012: 78]), и в тех, которые в итоге были переименованы (например, в Твери: редакция калининской газеты «Смена» в 1988 г. размышляла, «в какую сумму обойдется переименование государству <...> не влетит ли в копеечку это дело?» [Ершов 2015: 27]). Однако итог может быть обусловлен не столько экономическим фактором, сколько тем, какие тенденции одержат верх в конфликте на символическом поле. Показательно, что участники энгельсской полемики прибегали к аргументации, связанной с категорией историчности.

Проблема историчности: о чем напоминает ойконим

Р. Н. Абрамов и Е. А. Терентьев [2014: особ. 76–80] выделяют два дискурса, свойственных полемике о реноминации. Дискурс о возвращении подразумевает необходимость исправить историческую ошибку, совершенную в советскую эпоху⁵. В рамках же дискурса о переименовании внимание уделяется коммеморативному аспекту топонимов; в частности, необходимость переименования диктуется отрицательными коннотациями, связываемыми с увековеченными в советском названии фигурами и событиями.

Дискурс о возвращении в г. Энгельсе был представлен вполне ожидаемыми декларациями ценности названия *Покровск* — в силу его, во-первых, «старшинства» и, во-вторых, ассоциаций с досоветским периодом, который противопоставлялся советскому по шкале «историческое — неисторическое»: «Имя “Покровск” нам дала история, а не какой-нибудь “совнарком”» [Погорелов 1996]. *Покровск* позиционируется как «истинное» имя, дарованное предками («... исторически он должен оставаться таким, каким именем его нарекли наши предки. Поэтому я за возврат истинного имени моему городу» [Коваленко 1996]), — в противовес «искусственному, неродному» [Бурмистров, Ляхов 1993] *Энгельсу*.

Но какие фрагменты коллективной памяти за этим стоят? Город носил название *Покровск* на протяжении лишь 17 лет; оним *Покровская слобода* связан с догородским статусом места. Именно в Покровске родился художник А. А. Мыльников — знаковая местная фигура, — и именно Покровск прославил в «Кондуите и Швамбрании» местный уроженец Л. А. Кассиль. Композитор А. Г. Шнитке (еще одна локальная фигура общенационального значения) родился и жил уже в Энгельсе. С «покровским» периодом отчасти связан и статус города как столицы Трудовой коммуны / Автономной области / АССР Немцев Поволжья (1922–1941). Но, несмотря на равную протяженность «покровского» и «энгельсского» периодов немецкой автономии, последняя ассоциируется в основном с *Энгельсом* — по причине как «немецкого» облика названия, так и (в первую очередь) того, что именно в этот период автономия была упразднена в связи с депортацией немцев Поволжья. Остальные важнейшие знаки, события и персонажи «доэнгельсского» периода связаны либо только со слободой (основавшие поселение в XVIII в. чумаки и торговля солью), либо равным образом

⁵ Вероятно, этот дискурс определил волну переименований, пришедшую на 1989–1993 гг., когда преобладающим ресурсом для выбора нового названия стали исторические ойконимы, а реноминация воспринималась «как восстановление исторической справедливости, а не как конструирование новой топонимической реальности» [Бочкарев 2018].

и со слободой, и с городом Покровском: это хлеботорговля рубежа XIX–XX вв. и Покровская хлебная биржа (существовала до 1917 г.), с которыми связаны расцвет слободы и превращение ее в город⁶; купцы и меценаты Ф. Е. Кобзарь (1850–1919), Н. А. Ухин (1836–1914) и т. д. Одна из моих собеседниц в ответ на вопрос, что подразумевается, когда город называют Покровском, назвала «храм Покровской Божьей Матери», Покровскую слободу (!), хлеб, соль, солевоза-быка, солевой Эльтонский тракт [Инф. 4]; ср. также:

...Тут очень сильна память Покровской слободы и вообще Покровска. То есть имена живы те, которые, скажем так, связаны с Покровском: это и Кобзарь, и Ухины <...> и Петровы, и там, не знаю, Куценко... это куча купцов <...> И Лев Кассиль опять же здесь жил ещё во времена, когда это был Покровск, Покровская слобода... все художники, вот которые здесь родились [Инф. 5].

Таким образом, граница между краткой историей Покровска и двухвековой историей негородского поселения, носившего однокоренное название, нечетлива; и слобода, и город Покровск относятся к своего рода архаичной предыстории. По словам одной из горожанок, название *покровчане* отсылает к истории, «которая, наверно, ушла от нас со своими быками, с солевозом и чем-то другим» [Инф. 2], другая отмечала, что «он городом-то начал [быть] всего в [19]14-м году <...> Вся история вот настоящая, XX века — это Энгельс» [Инф. 12]. В каком-то смысле недолгий период существования Покровска — это пограничный, переходный период между Покровской слободой и современным Энгельсом.

«Настоящая история» соотнесена с жизненным опытом большинства горожан. Это отмечалось и в интервью («...уже три поколения, да, — это Энгельс» [Инф. 12]), и в газетных публикациях: «Людей, родившихся еще в Покровске, остались единицы. <...> Я родилась в 1937 г. в городе Энгельсе. И мое желание, чтобы моя родина не изменяла своего названия» [Чернявская 1991]; «Я хочу постоянства: родился и жил в г. Энгельсе и оставьте меня в нем» [Энгельс 1991]⁷. Подчеркивается обилие знаков, ассоциирующихся с г. Энгельсом. Кроме немецкой автономии, к которой я еще вернусь, это формировавшиеся в городе женские авиаполки Марины Расковой⁸, троллейбусный и приборостроительный заводы, летный городок и военная авиабаза, на которой дислоцируются стратегические бомбардировщики, а также приземление Юрия Гагарина — событие, не имеющее прямого отношения к городу, но «присвоенное» ему⁹.

⁶ Ср.: «...хлебная столица была. Российской империи. <...> [Когда началась продажа хлеба в Европу], из деревни это превратилось сразу в город» [Инф. 10].

⁷ Ср. схожий пример: для жителей г. Тутаева Ярославской области, не желающих возвращения названия *Романов-Борисоглебск*, значим следующий аргумент: «Выросло поколение горожан, которые считают себя тутаевцами; промышленное развитие города, рост численности населения города, его советская история связаны не с Романовым-Борисоглебском, а с Тутаевым» [Савоскул 2016: 72–73].

⁸ Имя Расковой увековечено в названии одной из улиц города и в памятнике на территории Энгельсского летного городка.

⁹ На месте приземления Гагарина в десяти с лишним километрах от г. Энгельса в начале 1960-х был воздвигнут обелиск, в 1981 г. — памятник, в 2011 г. сооружена Галерея космонавтов; мемориальный комплекс стал местом ежегодных мероприятий. В 1981 г. Гагарину было посмертно присвоено звание почетного гражданина г. Энгельса.

Именно с названием Энгельс связаны героические боевые и трудовые свершения наших горожан и нашего города периода Великой Отечественной войны, подвиги летчиц палка [sic!] Марины Расковой. Именно Энгельс вошел в мировую историю освоения Космоса как место приземления (окрестности) первого космонавта планеты. Промышленная индустриализация, численный и территориальный рост города произошли именно в его «энгельский» период. Известные всему миру троллейбусы родом именно из Энгельса, а не из Покровска [Сафонов 1996].

Инф. 1: [В 1996 г.] я спрашивала: «Как вы проголосовали?» Они говорят: «А мы все проголосовали за то, чтобы город оставался Энгельсом». Так! А тем более большая часть населения уже — это те, кто приехал в годы войны. <...> Какие заводы к нам приехали! <...> У нас [троллейбусный] завод Урицкого из Брянска приехал в полном составе! <...> И [приборостроительный] «Сигнал» из Москвы. <...>

Соб.: Но они приезжали, естественно, в Энгельс?

Инф. 1: Естественно. Естественно. И большая часть населения — тоже энгельситы.

...Я родилась в Энгельсе, и я его принимаю как тот город, под этим названием, в котором я родилась. <...> Вот у меня отец, например, военный, я все время привыкла видеть там Энгельский летный городок <...> Все знают город Энгельс, что у нас есть дальняя авиация, его с этим ассоциируют [Инф. 2].

С одной стороны, можно говорить о конфликте разных уровней коллективной памяти. «Покровский» период соотносится с культурной памятью («мифической предисторией»), а «энгельский» — с памятью коммуникативной, основанной на непосредственном опыте и устных рассказах, глубина которой 3–4 поколения (см.: [Ассман 2004: 58–59]). С другой стороны, речь идет о столкновении двух нарративных шаблонов [Верч 2018], характерных для локальных исторических нарративов — транслируемых, разумеется, с оглядкой на модели «большой» национальной истории. Согласно первому шаблону (наследующему советской модели), в послереволюционный период город активно развивается, во время Великой Отечественной войны его жители героически сражаются с врагом, после войны происходит подъем промышленности, идет активное строительство и т. д.; согласно второму (наследующему отчасти советской, отчасти анти-/постсоветской модели), у города (особенно если он не является молодым) должно быть славное прошлое, а досоветский опыт априори ценен как обладающий духовным потенциалом и не затронутый губительными преобразованиями большевиков. Но в отличие от таких городов, как Санкт-Петербург, Тверь, Нижний Новгород, которым исторические названия были возвращены, собственно городской «покровский» период в силу своей краткости мало насыщен значимыми символами и событиями. Примечательно, что никто из сторонников *Покровска* не приводил аргументов с упоминанием знаменитых земляков (за исключением абстрактных предков) и славных страниц истории (кроме самого факта хронологического старшинства и отнесенности к досоветскому периоду): прошлое оказывается самоцен-

ным и самодовлеющим. «Историчность» Покровска, таким образом, — символ, сводящийся к самому себе. Это также встречало контраргументы:

Если же историей считать не просто время, а время, наполненное событиями (что совершенно верно), то и в этом случае нынешнее имя города имеет преимущество. <...> Вроде бы «неисторическое» название города обрело свою историчность <...> Если нам ценна история, то нам должно быть ценно и дорого и наше недавнее прошлое последних шести десятков лет, которое тоже является историей [Сафонов 1996].

В результате отправной точкой для защиты *Покровска* становятся ассоциации, связанные в первую очередь с именем (хотя исторические коннотации и здесь подразумеваются)¹⁰. Далее я рассмотрю топосы, инициированные рефлексией по поводу названий города. Поскольку в 1931 г. город получил название в честь основоположника диалектического материализма, позволю себе использовать в подзаголовках следующих разделов элементы «диалектической триады» — *тезис*, *антитезис* и *синтез* (впрочем, отдавая себе отчет в их неполном соответствии оригинальному значению).

«Тезис»: покровско-богородичный топос

Коль скоро апелляции к конкретным эпизодам истории Покровска в рамках дискурса о возвращении непродуктивны, востребованным оказался «этимологический» нарратив, в рамках которого осмысливается не только сама по себе религиозная семантика ойконима (а в контексте ностальгии рубежа 1980–1990-х годов по досоветскому прошлому православие стало важным элементом «России, которую мы потеряли», если цитировать название резонансного фильма 1992 г.), но и отсылка к *покрову* как покровительству небесных сил. Соответственно, обсуждение зачастую происходит в религиозных терминах.

Публикации 1990-х актуализируют этимологическую информацию. «Название нашего города — “ПОКРОВСК” — пошло именно отсюда, от названия церкви Покрова Богородицы», — напоминают журналисты, нелестно отзываясь о советской эпохе, когда «меняли, как перчатки, названия городов, тем самым совершая кощунство, вторгаясь своим свиным рылом в святая святых» [Бурмистров, Ляхов 1993]: за счет лексики с религиозными коннотациями советская топонимическая политика дискредитируется еще и на духовном уровне. Настоятель Покровской церкви отмечает, что был бы рад возвращению «истинно русского, славянского» имени, перекликающегося с названием праздника: «Покров — это значит покровительство, помощь неба в наших делах» (НГ, 29.11.1996).

¹⁰ Впрочем, аргументация *ad nomen* характерна и для сторонников *Энгельса* и связана с уникальностью имени: г. Покровск есть в Якутии, и «мы в случае переименования своего города будем неоригинальны» [Алексеев 2013]; «...став Покровском, мы разом лишимся своей уникальности, “лица необщего выражения”» [Сафонов 1996]; «Энгельс — это единственный город в мире с таким именем. А Покровск — существует два с половиной десятка. И вот есть смысл быть там двадцать шестым или первым?» [Инф. 10].

Неудивительно, что идея о реноминации находит поддержку представителей Церкви. По свидетельству сотрудницы газеты «Православная вера», издававшейся Саратовской епархией, «во всех епархиальных документах и сообщениях город <...> именуется Покровском, а слово Энгельс если и пишется, то в скобках» [Бирюкова 2009]. В октябре 2011 г. из Саратовской епархии выделяется Покровская, а г. Энгельс становится кафедральным центром. Епископ Покровский и Николаевский Пахомий (Брусков) — активный сторонник исторического названия, с которым связывает прежде всего «чувство истории» и «национальное достоинство»:

Вот есть город, и есть историческая правда о нем: он — Покровск. <...> Пока мы будем энгельситами, полноценной жизни, чувства своей истории, чувства национального достоинства у нас не будет. Если бы мы были покровчанами, был бы город официально назван Покровском, мы бы иначе себя чувствовали, и, мне кажется, многое бы переменилось (цит. по: [Бирюкова 2016: 16]).

Поздравляя жителей с Днем города, владыка вспоминает о происхождении названия («...под звон колоколов первого возведенного в слободе храма, названного в честь Покрова Божьей Матери, и начала отсчет история Покровска»); говорит о преемственности между прошлым и настоящим, при этом имя *Покровск*, присвоенное им современному городу, словно служит связующим звеном («Старинные здания Покровска <...> хранят дыхание прошлого, словно напоминая нам о культурных ценностях наших предков. Продолжая славные традиции, Покровск успешно развивается и в наши дни»), а в праздничном пожелании еще раз актуализирует этимологическое знание и напоминает о необходимости помнить о прошлом («Желаю всем жителям Покровска, чтобы вы не забывали уроков собственной истории <...> искренне надеялись на Покров и заступление Матери Божией...») (КП, 28.08.2013).

В рамках «покровского» нарратива реализуются две стратегии. В соответствии с первой переименование 1931 г. означает не только разрыв с «историей», но и потерю сакральной защиты: речь идет о «покрове, который мы потеряли». С этим могут связываться проблемы города. «...Под Покровом Пресвятой Богородицы слобода существовала около двухсот лет», — пишет горожанин, отмечая, что «города со своими изначальными названиями гораздо лучше и быстрее развиваются», а г. Энгельс «один из самых нищих» [Погорелов 1996]. С возвращением *Покровска* связываются надежды на благосостояние и на помощь свыше:

Я слышала, что Покровском он был назван в честь Богородицы («Покрова Богородицы»). Так чего же тут думать? Может быть, наша Спасительница защитит нас, будет способствовать улучшению жизни людей [Королева 1996].

Автор статьи «Верните городу Покров» спрашивает:

Неужели нам все равно — в Энгельсе жить или в Покровске?
Со старинным русским православным именем связывать свои

судьбы или с именем автора «Анти-Дюринга»? Покров Богородицы над собой чувствовать или бороду основоположника? [Бирюкова 2009].

Согласно другой стратегии, лишь тот факт, что город некогда назывался Покровском, гарантирует покровительство небесных сил. Формула «(город) под покровом Богородицы» становится локальным слоганом, использующимся и в светских текстах. 16 августа 1997 г. в выпуске «Нашего слова», приуроченном к 250-летию города, выходит материал о слободке, озаглавленный «Под Покровом Божией Матери». «Под Покровом Богородицы» — заголовок цикла книг об истории места [Ерина 2003–2019]. «Не может город, живущий под Покровом Пресвятой Богородицы (...), — пишет педагог и психолог С. В. Саратовский, — существовать без связи со своим интересным прошлым» [Там же (2): 7]: нахождение «под покровом» обязывает помнить о корнях.

Двойственное восприятие покрова — и как бывшего, и как действующего — рефлексировалось моими собеседниками:

Инф. 9: [Возвращения названия *Покровск* хотят] люди воцерковлённые, которые считали, что город основан под покровом Богородицы, он защищает нас до сих пор, в отличие от города Энгельса [sic!] <...>

Соб.: Если мы возвращаем городу название Покровск, то мы будем под покровом Божьей Матери, — вот это как-то произносится?

Инф. 9: Опять же произносится, но с уст <...> людей, которые... ну, которые воцерковлены. <...>

Соб.: Или что мы уже есть, потому что мы как бы Покровск?

Инф. 9: Да, что мы уже есть, мы Покровск, но хотелось бы <...> ещё и вернуть. <...> Бабушки даже в большей степени [говорят], что вот да, мы потеряли, то есть нам надо вернуть <...> защиту, как мы были когда-то, много десятилетий, даже столетий. А с другой стороны, архиерей там говорит, что мы всё равно находимся [под покровом], конечно, мы же продолжаем оставаться.

Местные поэты пишут о покрове в настоящем времени: «Третий век хранит нас, грешных, / Богородицы Покров...» (В. Удалов, «Под покровом Богородицы» [Кобылинский, Удалов 2012: 3]); «Но храним он всегда / Покровом Богородицы нашей» (Т. Тихонова, «Храним покровом и любовью» [Там же: 158]). Даже стихотворение С. Саратовского, где, в частности, переименование 1931 г. позиционируется как разрыв связи с сакральным («Лишился связи он с Покровом — / Себя вдруг Энгельсом назвал»), заключается вполне благодушно: «Пусть обнимают Энгельс нежно / Великой Волги рукава: / Пусть каждый год он безмятежно / Встречает праздник Покрова» [Там же: 329].

Формулу «город под покровом Богородицы» буквально иллюстрирует коллаж, украсивший авантитул издания [Ерина 2003–2019 (3)] и републикованный на шмуцитуле литературного сборника [Кобылинский, Удалов 2012]. В качестве основы взята фотография — вид с высоты на энгельсские новостройки; над ними помещена фигура Богородицы с омофором в руках (ил. 2).



Ил. 2. *Покров Богородицы над г. Энгельсом*
Фото Ю. Репина, коллаж А. Погребной

Fig. 2. *Intercession of the Theotokos over the town of Engels*
Photo by Yu. Repin, collage by A. Pogrebnaya

Актуализация этимологии имеет следствием практики, связанные с праздником Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября). Во-первых, церковное празднование приобретает общегородской масштаб. 14 октября 2001 г. по улицам Энгельса впервые прошел крестный ход мимо мест, где раньше стояли православные храмы; совершались молебны у места разрушенной Покровской церкви и у одноименной ныне существующей; произведен облет над городом на вертолете с иконами Покрова (см.: НГ, 24.10.2001). С 2008 г. городской крестный ход проводится ежегодно. Именно 14 октября 2001 г. «часть православной общественности начала сбор подписей за возвращение городу имени Покровск» [Сафонов 2001].

Во-вторых, праздник секуляризуется в качестве «именин города». В начале 1990-х об этом говорится в сослагательном наклонении («14 октября наш город отмечал бы свои именины» [Бурмистров, Ляхов 1993]), а 14 октября 1997 г. материал о Покрове в «Нашем слове» уже озаглавлен «Именины нашего города». Так, 3 октября 2001 г. «Новая газета» приглашала горожан на площадь перед ночным клубом «Эльдорадо» отпраздновать «именины нашего города — праздник Покрова Пресвятой Богородицы». В программе

праздника, организованного упомянутым клубом, художественной организацией «Покровский стиль» и редакцией «Новой газеты», были заявлены «выставка-продажа изделий декоративно-прикладного искусства, выступление фольклорных коллективов, народные игры и гулянья, аттракцион “Караоке”, конкурсы с призами и подарками, бесплатное чаепитие» и др. В 2014 г. в Центре немецкой культуры прошел концерт «С именинами, Покровск!». С 2015 г. по инициативе главы района и епархии светское празднование Покрова под названием «Многая лета, Покровск!» переносится на центральную площадь; его сценарий типичен для современных массовых праздников (поздравления от городской администрации и епархии, ярмарки, театрализованные представления и т. д.; в 2015 г. проводилось чествование молодых семей¹¹). К Покрову приурочиваются не только развлекательные, но и культурные мероприятия: программы в краеведческом музее и городской библиотеке, литературно-музыкальные гостиные, школьные праздники и вечера в социальных центрах (НГ, 21.10.2015, 19.10.2016, 18.10.2017, 17.10.2018, 15.10.2019). Наконец, с 2014 г. епархия проводит в октябре региональные Покровские образовательные чтения, посвященные взаимодействию Церкви и общества, религиозному и нравственному воспитанию.

И декларация того, что покров Богородицы действует поныне, и придание церковному празднику общегородского статуса нивелируют остроту проблемы: оказывается, что и небесного покровительства, и почитания праздника в принципе достаточно, и возвращать историческое название необязательно.

«Антитезис»: Фридрих Энгельс, национальный вопрос и марксизм

В рамках описанного Абрамовым и Терентьевым [2014] дискурса о переименовании дискредитировалась личность Фридриха Энгельса. Собственно, дискуссия о реноминации была открыта вскоре после поражения августовского переворота 1991 г. письмом в газету местного поэта Н. Федорова:

...Отношение ведущего основоположника коммунистической идеологии к нашей Родине не заслуживает его увековечения. В тщательно скрываемых от нас статьях он писал о необходимости «беспощадной борьбы не на жизнь, а на смерть» со славянством на уничтожение. Особую ненависть у него, как и у Маркса, вызывала Россия. Они считали, что против нее надо поднять общеевропейскую войну, что она должна провалиться в тартар, либо быть раздробленной на множество осколков путем самоопределения ее национальностей. <...> Вот почему прежде всего мы должны избавляться от недостойного названия и [добиваться] возвращения нашему городу его исконного имени — Покровск [Федоров 1991].

¹¹ Эта практика (в г. Энгельсе соотносимая с народной традицией играть свадьбы около дня Покрова, см.: НГ, 21.10.2015) — характерный элемент Дней города в современной России.

Источником послужила статья историка-эмигранта Н. И. Ульянова «Замолчанный Маркс» (1969), републикованная в СССР в 1990 г.¹², о чем свидетельствуют текстовые совпадения (ср.: «Тогда “беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть” со славянством, предающим революции[,] на уничтожение <...> Россия должна провалиться в Тартар, либо быть раздроблена на множество осколков путем самоопределения ее национальностей» [Ульянов 1990: 145, 147]).

В этом контексте этническая принадлежность Ф. Энгельса могла подразумевать аналогии «немец — (враждебный русским) иноземец» (ср.: «Только Покровск. Никакого Энгельса, Маркса и прочей иностранщины нам не надо» [Как 1996]) и «немец — фашист», даже с выходом на идею о мировой закулисе. Инициатор дискуссии, комментируя приписываемые Энгельсу призывы бороться с Россией и славянами, пишет, что «эти же цели, как известно, стояли в гитлеровском плане “Барбаросса”», а «в списках тайной мировой власти русским, татарам, башкирам, мордве и прочим отведено место для уничтожения» [Федоров 1991]. Автор другого письма в газету задавался вопросом: «Почему я живу в полурусском, полунемецком городе?» и призывал «переименовать немецкий город Энгельс, восстановить его историческое русское название Покровск» [Грибов 1992]. Ветеран, видящий в возвращении исконных названий меру «по возвращению нашей нации духовности, которую у нас отняли за 80 лет», приписывал Энгельсу высказывание, что «славянские народы, разве кроме поляков, чехов, хорватов, являются нереволуционными. Поэтому они, особенно русские, подлежат уничтожению», и отмечал, что «последователи основоположника (очевидно, немецкие нацисты. — М. А.) с честью выполнили его пожелания» [Новиков 1996].

Голоса в защиту актуального названия, подкрепленные апелляцией к значимости Ф. Энгельса, были единичны и звучали лишь в 1990-е. В полемику с поэтом Федоровым вступила доцент Саратовского пединститута В. Л. Сиднина, опровергая высказывания о славяно- и русофобии Энгельса, призывая «не марать имя великого ученого, философа, историка, деятеля рабочего движения, полиглотта, журналиста, английского фабриканта, немца по национальности и гражданина мира» и заявляя, что «его не убудет, если мы сбросим его с пьедестала. Убудет нас» [Сиднина 1991]. По словам одного из участников опроса перед референдумом, «мы многим обязаны Фридриху Энгельсу, и город должен носить его имя» [Как 1996].

Актуальность немецкой темы обусловлена не в последнюю очередь локальным контекстом — памятью о немецкой автономии, центром которой город был в 1922–1941 гг. (хотя немецкое население здесь изначально было незначительным и лишь по переписи 1939 г. составляло 21,2%¹³). Переименование 1931 г. подкрепляло немецкую топонимию региона (ср. *Екатериненштадт* до 1915 г., с 1920 г. *Марксштадт*, современный *Маркс*). В 1980-е — начале 1990-х существовал ряд проектов по восстановлению немецкой автономии на Волге (включавших либо не включавших г. Энгельс); впрочем, попытки их реализации встретили противодействие населения и местных элит, в резуль-

¹² Благодарю за указание на этот источник О. А. Проскурина.

¹³ См. данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. на сайте «Демоскоп Weekly» (http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=2343).

тате власть ограничилась выделением немцам в 1992 г. земли в Марксовском районе [Скучаева 2007; Хасин 2016; 2017].

Депортация немцев Поволжья, за которой последовала ликвидация автономии, — неудобный и травматичный эпизод местной истории. Полемика о возвращении *Покровска* провоцирует сочувствие немцам:

Видите ли, он [автор письма в газету] живет в полурусском, полунемецком городе. А чем немцы хуже русских? Когда выселяли от нас немцев в 41 году, сколько страданий они пережили [Мещерякова 1992].

Журналисты считают нужным поинтересоваться мнением о возвращении *Покровска* председателя областного общества российских немцев «Возрождение», отмечая, что «Ф. Энгельс был все-таки немцем, а “немецкий вопрос” все еще будоражит некоторых граждан, боящихся стать “рабами”» (Пкр, 15.10.1993).

Имя города может позиционироваться как «памятник» соответствующей странице истории. По словам одного из журналистов, название приходится объяснять приезжим следующим образом: «мол, не просто мы город, а бывшая столица немецкой республики, бывший столичный град» [Сафонов 1996]. Мои информанты также говорили о названии *Энгельс* как аккумулярующем память о немцах, будь то в контексте исторической правды или утилитарности (т. е. в плане туристического потенциала города):

Более благозвучно — «покровчане» <...> Но «Энгельс» терять — столица Немреспублики — тоже не хочется. Понимаете, нас знают в Германии, мы побратимы с городом <...> Вупперталем, где родился Энгельс. То есть, понимаете, история — она ведь не терпит провалов [Инф. 1].

...Все единогласно решили, что он останется Энгельсом, — видимо, это какая-то память еще и о немцах Поволжья. <...> И в Энгельсе эта тема ротируется, то есть Республика Немцев Поволжья: составляются туристические маршруты, и переименоваться в Покровскую слободу [sic!] для этих маршрутов — это смерти подобно <...> Энгельс известен как Энгельс, и Энгельс — это столица немцев Поволжья [Инф. 5].

Имя как «памятник» удобно тем, что оно уже существует, не требуя новых актов по увековечению памяти о трагедии поволжских немцев ввиду конфликтности этих актов (ср. негативную реакцию части локального сообщества на установление в 2011 г. памятника репрессированным немцам [Лиценбергер 2017]).

Националистические суждения провоцируют и «интернационалистическую» реакцию. Журналист «Новой газеты» призывает не пугаться «германизированного звучания», свидетельствующего о «культурном и национальном многообразии» города, и перечисляет живших здесь знаменитых представителей различных этносов: немца В. Я. Вебера, еврея Л. А. Кассиля, «полу-

кровку» А. Г. Шнитке, русского А. А. Мыльникова, украинца А. И. Кравченко [Сафонов 1996], высказывается за то, чтобы «воспринимать себя такими, какие мы есть: русским городом с украинской кровью и немецким именем» [Сафонов 2001].

Таким же «неудобным» знанием, как и депортация немцев, оказывается то, что Ф. Энгельс был основоположником идеологии, для позднесоветского и постсоветского периодов непопулярной, если не одиозной. И городской нарратив предлагает предать Энгельса забвению. С одной стороны, мы имеем дело со свойственными для постсоветской эпохи удалением, маргинализацией и реинтерпретацией элементов «единого идеологического нарратива коммунизма», внедрявшегося в публичном городском пространстве и нивелировавшего локальную специфику [Чепайтене 2017: 60–61]. С другой стороны, забвение служит восстановлению равновесия, «когда в новой политической ситуации необходимо преодолеть раскол и примирить недавних противников» [Ассман 2014: 113] (в цитируемой работе А. Ассман приводит в качестве примера ситуации после гражданских войн или предвыборных кампаний; в рассматриваемом мною случае речь идет о конфликте идеологий, и Ф. Энгельс выступает не как субъект конфликта, а как символ побежденной идеологии).

Прежде всего декларируется, что жители города не помнят, кто такой Ф. Энгельс. Это может служить аргументом как в пользу возвращения исторического имени, так и против него.

В первом случае посыл можно сформулировать следующим образом: «Если мы забыли, чем знаменит Ф. Энгельс, значит, названный в его честь город следует переименовать». Журналист и писатель А. В. Бурмистров отмечает, что в музее отсутствует посвященная Энгельсу экспозиция, в школах о нем не рассказывают, из учреждений исчезают его изображения: «Стыдимся, что ли, этого имени? Тогда надо от него избавляться» [Бурмистров 2003]. В рамках материала, озаглавленного «75 лет под чужим именем» и содержащего аргументы в пользу возвращения *Покровска*, приводятся результаты опроса сотни горожан от школьников до пенсионеров: 30 человек ответило, что не имеет понятия о том, кто такой Энгельс, некоторые говорили о нем как об авторе «Капитала», «гениальном революционере» и даже «основателе города» [Шмаков и др. 2006].

Во втором случае можно говорить о посыле «Именно потому, что мы не помним, чем знаменит Ф. Энгельс, название города в его честь не является проблематичным и может быть сохранено». Автор, отмечающий, что именно под современным названием город обрел истинную славу, утверждает, что оно «переросло свою ассоциативную зависимость от имени немецкого философа и получило свое самостоятельное звучание» [Сафонов 1996]; другой в числе аргументов против переименования приводит то, что «название Энгельс уже мало кто связывает с именем одного из основоположников марксизма» [Алексеев 2013]; третий пишет, что «марксизмом сегодня в названии города и не пахнет. Кстати, как и в соседнем с нами городе Марксе, где также уже все (или почти все) давно забыли, в честь кого назван город» [Равелин 2013].

В связи с последним отмечу, что наличие в Саратовской области близко расположенных городов, названных в честь Маркса и Энгельса, может осмысливаться уже лишь как любопытный казус, репрезентирующий территорию и интригующий «чужих»:

[Житель Энгельса позвонил на московскую радиостанцию.] «Подождите, подождите, — прервали ведущие передачи, — из какого города, из Энгельса? Вы еще скажите, что у вас там и Маркс есть!» «Есть, — ответил наш земляк, — в 50 километрах от Энгельса». «Ха-ха-ха, — откомментировали ведущие, — хорошая шутка!»

А это и не шутка. Это наша топонимическая реальность... [Сафонов 2001].

А всё-таки название «Энгельс» придает уникальность. <...> Очень интересно, что есть город Энгельс, город Маркс (мне как приезжей) <...> Потому что, вы представляете, Маркс останется, а Энгельса не будет — это же странно <...> Я когда в Маркс поехала — у меня был такой ажиотаж. Я такая думаю: «Господи, я сейчас гештальт закрою: побывала и в Марксе тоже» [Инф. 5].

Сохраняемая ойконимом память о Ф. Энгельсе вытесняется: либо она подменяется ассоциациями с достижениями эпохи, либо ее идеологическая составляющая выхолащивается, делая имя города удобной формой для реинтерпретации.

«Синтез»: Энгельс = ангел(ы)

Незадолго до референдума 1996 г. в «Нашем слове» было опубликовано письмо читателя, который предлагал:

Если кому-то не по душе слово «Энгельс», то в этом случае пусть они не ассоциируют его с Фридрихом Энгельсом. Пусть представят, что Энгельс — это аббревиатура. И пусть расшифровывают ее так, как угодно.

Вот тому пример:

Э — это
Н — наш
Г — город
Е — единства
Л — любви
Б — и
С — согласия.
[Климов 1996]

В этом обращении к игровой дезаббревиации (которая вообще может использоваться для «расшифровки» ойконимов [Архипова 2015: 51–52]) интересно, в частности, употребление слова *согласие*: помимо устойчивого словосочетания *любовь и согласие*, соседство с *единством* отсылает к дискурсу об общественном единстве и согласии в условиях социально-политической конфронтации 1990-х. Так, в 1993–1999 гг. существовала «Партия российского единства и согласия», а в 1996 г. годовщина революции получила название «День согласия и примирения» — «в целях смягчения противостояния и примирения различных слоев российского общества» (указ Президента РФ

№ 1537 от 7 ноября 1996 г.). Иными словами, дезаббревиация *Энгельса* подразумевает «согласие» между сторонниками названий, несущих на себе отпечаток разных идеологий. Моя собеседница приводила соответствующую формулу (уже в качестве слогана) как иллюстрацию сосуществования *Покровска* и *Энгельса*:

Вот это двойное фактически название — оно закрепилось <...> какое-то внутреннее согласие произошло. <...> «Это наш город любви и согласия» — родился даже такой слоган [Инф. 12].

Разумеется, здесь нельзя говорить о десемантизации в собственном смысле. Однако в силу дискредитации идей коммунизма имя города лишается идеологических коннотаций, становясь пустым знаком, в который можно вписывать более привлекательные смыслы. И *Энгельс* переосмысливается через слово *ангелы* — фонетически схожее, являющееся буквальным переводом нем. *Engels* и имеющее, как и *Покровск*, религиозные коннотации. Впервые такая трактовка была предложена в 1996 г. во врезе к статье «Город ангелов под покровом Богородицы»:

...Нам будет особенно трудно сделать свой выбор на референдуме. Потому что Покровск — это напоминание о большом христианском празднике, заступничестве Девы Марии за нас, грешных. А Энгельс — в переводе с немецкого — ангелы, город ангелов — не правда ли, неплохой аванс нашему будущему... [Сафонов 1996].

В 1997 г. в альманахе «Литературный Покровск» публикуется поэма Алексея Баландина «Покровская молитва», посвященная «250летию [sic!] Энгельса (Покровска)» и представляющая собой список фантазмагорических определений города, называемого *Лос-Энгельс*¹⁴: «Лос-Энгельс — мечта слепорожденного о крыльях...» и т. д. Последняя часть поэмы предваряется вставкой:

Лос-Анджелес (исп.) — Лос-Эйнджел (англ.) — Лос-Энгельс (рус.) Ангельское, нечеловеческое... Фридрих Энгельс, то есть с немецкого Фридрих Ангел... Покровск — божественное предпочтение, выделенность (легендарное событие в Константинополе, когда Пресвятая Богородица осенила своим покровом молящихся о спасении)... Лос-Энгельс — четвертый Рим. Пародия, доведенная до метапредела [Баландин 1997: 106–107].

Автор предисловия, предпосланного поэме, признается, что «и сам раньше замечал эту странную аналогию. Энгельс — Эйнджел — Ангель» [Там же: 102].

В 2003 г. Энгельский краеведческий музей реализует исследовательский проект «Молодежные хроники города ангелов». Авторы буклета, под-

¹⁴ См. об этом неофициальном ойконе, образованном по аналогии с американским *Лос-Анджелесом*: [Ахметова 2015: 430].

готовленного в рамках проекта, отмечают два образа, соотносимые с разными периодами и «символическими контекстами и пространствами», — патриархальный Покровск и «столично-урбанистический» Энгельс. «Город ангелов» оказывается срединным концептом:

Покровская слобода, Покровск — имя города, полученное от символического акта воздвижения первого храма — Покрова Пресвятой Богородицы. Праздник Покрова отмечает время, когда снег ложится на землю, поэтому в этом месте, в этом городе земное всегда сопряжено с небесным. Особенность города — сопряжение символических вертикали и горизонтали. <...> Как воплощение вертикали — второе название города странным образом трансформировавшееся в мифологическом сознании горожан в город Ангелов [Винтер, Тюканов 2003].

В 2012 г. скульптор А. А. Садовский разработал проект указателя города, одним из элементов которого были фигуры ангелов [Левина 2012]. «Город ангелов» становится расхожей формулой, которая используется в литературных и публицистических текстах (энгельских и саратовских) — непременно с пояснением (маркирующим, вероятно, ее неширокую известность¹⁵):

На рубеже веков в обиход с подачи саратовцев и гостей из других городов России, ближнего и дальнего зарубежья стали входить названия Лос-Энгельс (по аналогии с Лос-Анджелесом [sic!]) или просто Город ангелов, что очень многим понравилось, тем более, что это последнее название перекликается со старым названием — Покровская слобода, Покровск в честь Покрова Пресвятой Богородицы [Равелин 2013].

Что общего между Лос-Анджелесом и Энгельсом? Все просто — в названиях обоих городов (если абстрагироваться от Фридриха Энгельса, в честь которого, откровенно говоря, и был назван город) присутствуют ангельские корни. В прошлом Энгельс назывался Покровск. И это название также заключало в себе божественный знак — город, находящийся под покровом или покровительством Богородицы [Саратовская 2008].

Наделение существующего ойконима значением, которое отсылает к тем же семантическим полям «православие», «святость», что и у ойконима исторического¹⁶, нивелирует противоречие между «религиозным» *Покровском* и

¹⁵ По моим данным, «ангельское» переосмысление *Энгельса* известно больше журналистам и сотрудникам краеведческого музея, чем рядовым горожанам. Впрочем, я располагаю свидетельством, что надпись «Город ангелов» некоторое время украшала стену, облюбованную граффитистами [Инф. 7].

¹⁶ В свою очередь, сторонники *Покровска* переосмыслиют уже и «ангельскую» трактовку. Так, публикация, подписанная Инициативной группой по возвращению городу его исторического названия, описывающая Энгельса как богоборца и лицемера и заканчивающаяся риторическим вопросом: «Приятно ли вам жить в городе Фридриха Энгельса?», озаглавлена «Ангел опустошения» [Ангел 2001], — если Ф. Энгельс и «ангел», то, конечно, темный.

«коммунистическим» *Энгельсом* и как бы обосновывает их соседство в рамках «гибридной» номинации. Некоторые авторы даже говорят о таком словопотреблении как о результате осознанной политики. Один называет использование с 1990-х годов «двойного названия города Покровск-Энгельс (или Энгельс-Покровск)» «замечательным компромиссом» и «мудрым решением» [Равелин 2013], а другой идет еще дальше и заявляет о снятии противоречий между названиями города и их дериватами:

Название «Энгельс» всё дальше отходит от Фридриха Энгельса и всё больше превращается почти в прямой перевод фамилии — Ангел (Engel). Теперь наш город — не город имени Ф. Энгельса, а «город ангелов» <...> А еще удивительным образом уравновесился, гармонизировался «Покров Богородицы» с Энгельсом (Ангелом), что лишило противоречий двойное название «Покровск-Энгельс» и выражение типа «покровчанин из Энгельса» [Бурмистров 2011].

* * *

Как представляется, рассмотренные нарративы и практики (акциональные и вербальные) компенсируют отказ от возвращения исторического названия. Во-первых, утверждение о том, что покров Богородицы не был утрачен, а прежнее название само по себе обеспечивает защиту свыше, снимает необходимость реноминации. Во-вторых, декларируемое забвение Ф. Энгельса и игровые реинтерпретации оиконима позволяют преодолеть противоречие между его идеологическими коннотациями и их моральной устарелостью: «коммунистическое» имя перестает быть неудобным. Наконец, отражение старого названия в локальной ономастике превращает *Покровск* в бренд, с одной стороны, репрезентирующий город, с другой — аккумулирующий историческую память. Рассмотренные практики отчасти находят соответствие в разного рода актуализации исторического оиконима на фоне локальной полемики о реноминации в других городах — будь то ситуативное восстановление старого названия в качестве коммеморативного знака (ср. именование с 2013 г. Волгограда *Сталинградом* в дни воинской славы и памятные даты [Кириллова (в печати)]) или компенсаторное обращение к этимологическому знанию. Так, в Краснодаре (бывшем Екатеринодаре) в постсоветский период актуализируются образы императрицы Екатерины II и ее небесной покровительницы, великомученицы Екатерины: в их честь воздвигают памятники, проводят праздничные мероприятия и т. д. [Кольба 2012: 78–79]. Более широким контекстом, касающимся уже не только ономастики, является широко распространенная в современной России практика, связанная с эксплицированием знания об исчезнувших за годы советской власти названиях и объектах, от размещения табличек со старыми названиями улиц до воздвижения памятных крестов на месте разрушенных церквей.

И «покровский» топос, и приписывание *Энгельсу* в качестве «города ангелов» сакральной семантики обнаруживают созвучие как с ценностями сторонников *Покровска* (русскость, православие, досоветская история), так и — на более широком уровне — с высоким социальным статусом памяти о прошлом, с востребованной идеей необходимости «помнить о корнях». О том, что этой

памяти достаточно и возвращать старое название необязательно, говорили практически все мои собеседники:

Если жива память об этом Покровске, Покровской слободе — ну и пусть будет Энгельс [Инф. 5].

Нас вполне устраивает название, мы вполне осознаём себя, с одной стороны, жителями города Энгельса, с другой стороны, по истории, как Покровска, и нам этого достаточно — знания нашей истории [Инф. 1].

[Название *Покровск*] надо в любом случае сохранить, пусть нет переименования города, это слишком глобально <...> не забывать, по крайней мере, что было такое название и в честь чего был назван [Инф. 6].

Почему наше название нужно менять? Из-за того, что сменилась власть <...> надо перейти на прежнее название? Тоже какой смысл? Мне кажется, многие уже привыкли к этому. И нет тех людей теперь в живых, которые, наверное, жили в Покровске. А все принимают уже как Энгельс, при этом — зная свою историю. Это самое главное [Инф. 2].

Таким образом, онимический конфликт в символическом пространстве г. Энгельса окончился вничью.

Информанты

Инф. 1. Ерина Елизавета Моисеевна, 1934 г. р., в Энгельсе живет с 1966 г., до 2007 г. директор Государственного исторического архива немцев Поволжья.

Инф. 2. Е., жен., 1983 г. р., живет в Энгельсе, сотрудница музея (Саратов).

Инф. 3. Л., жен., ок. 1965 г. р., род. в Саратове, в Энгельсе живет около шести лет, преподаватель вуза.

Инф. 4. Л., жен., ок. 1988 г. р., в Энгельсе живет с 1996 г.

Инф. 5. М., жен., ок. 1980 г. р., в Энгельсе живет несколько лет, сотрудница картинной галереи.

Инф. 6. М., муж., ок. 1981 г. р., сотрудник музея.

Инф. 7. Н., жен., 1977 г. р., живет в Энгельсе, сотрудница музея (Саратов).

Инф. 8. О., жен., ок. 1970 г. р., библиотекарь.

Инф. 9. П., жен., 1974 г. р., сотрудница музея.

Инф. 10. Р., муж., 1962 г. р., в Энгельсе живет с 1973 г., журналист.

Инф. 11. С., жен., ок. 1950 г. р., библиотекарь.

Инф. 12. Спиридонова Светлана Ивановна, ок. 1947 г. р., род. в Саратове, в Энгельсе живет с 1985 г., в 1994–2000 гг. директор краеведческого музея.

Источники

- Алексеев 2013 — *Алексеев Ю.* Энгельс — это не Покровск // КП. 2013. 13 марта.
- Ангел 2001 — Ангел опустошения // НГ. 2001. 28 нояб.
- Баландин 1997 — *Баландин А.* Покровская молитва // Литературный Покровск. 1997. № 1. С. 102–107.
- Бирюкова 2009 — *Бирюкова М.* Верните городу Покров // Православная вера: [газ.; Саратов]. 2009. № 3 (383). Цит. по: Православие и современность: Инф.-аналит. портал Саратовской и Вольской епархии. URL: https://eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_6114.
- Бирюкова 2016 — *Бирюкова М.* Вернем себе прошлое — ради будущего: беседа с Епископом Покровским и Николаевским Пахомием // Православие и современность: [ж-л; Саратов]. № 39 (55). 2016. С. 10–16.
- Бурмистров 2003 — *Бурмистров А.* Auf Wiedersehen, Энгельс! // НГ. 2003. 2 июля.
- Бурмистров 2011 — Исполнилось 80 лет со дня переименования Покровска в город Энгельс // vEngelse.ru. 2011. 20 окт. URL: <http://vengelse.ru/novosti/2939-ispolnilos-80-let-so-dnya-pereimenovaniya-pokrovska-v-gorod-yengels.html>.
- Бурмистров, Ляхов 1993 — *Бурмистров А., Ляхов В.* Мы говорим Энгельс, подразумеваем... // Пкр. 1993. 15 окт.
- Винтер, Тюканов 2003 — Молодежные хроники города ангелов: [Буклет] / Фотографии: В. Винтер, Г. Тюканов. Энгельс: [б. и.], 2003.
- Грибов 1992 — *Грибов С.* Городу — истинное имя // НС. 1992. 1 апр.
- Ерина 2003–2019 — *Ерина Е. М.* Под покровом Богородицы: Из истории слободы Покровской — Покровска — Энгельса в документах и фактах: Очерки-исследования. Кн. 1–6. Саратов: Приволжск. кн. изд-во; Изд. дом. «Волга», 2003–2019.
- Ершов 2015 — *Ершов Б.* Всем миром мы вернули Тверь: Субъективный взгляд на неформальное движение в Твери в 1988–1990 годах. Тверь: ООО «Центр — Тверия», 2015.
- Как 1996 — Как нас теперь называть? // Пкр. 1996. 19 дек.
- Кирюхина и др. 1974 — [*Кирюхина Е. И., Зимина М. И., Быстрова А. С.*] История города Кирова, 1374–1974. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во; Киров. отд-ние, 1974.
- Климов 1996 — *Климов А.* Этот вопрос не надо и ставить // НС. 1996. 21 сент.
- Кобылинский, Удалов 2012 — Пою тебя, мой город (Слобода Покровская — Покровск — Энгельс в творчестве горожан) / Сост. А. И. Кобылинский, В. И. Удалов. Энгельс: [б. и.], 2012.
- Коваленко 1996 — *Коваленко А.* До сих пор не могу смириться // НС. 1996. 1 окт.
- Королева 1996 — *Королева Л.* Вернуть исконное название — Покровск // НС. 1996. 1 окт.
- Левина 2012 — *Левина В.* Город ангелов? Почему бы нет! // НГ. 2012. 4 апр.
- Новиков 1996 — *Новиков Н.* Согласно Ф. Энгельсу, русские подлежат уничтожению // НГ. 1996. 6 дек.
- Погорелов 1996 — *Погорелов В.* С кличкой по жизни // НГ. 1996. 6 дек.
- Равелин 2013 — *Равелин А.* Энгельс: город ангелов на Волге // КП. 2013. 31 июля.
- Саратовская 2008 — Саратовская область. Город Ангелов на волжском берегу // СарБК — инф. портал Саратова. 2008. 29 авг. URL: <https://www.sarbc.ru/company/8436382>.
- Сафонов 1996 — *Сафонов О.* Город ангелов под покровом Богородицы // НГ. 1996. 29 нояб.
- Сафонов 2001 — *Сафонов О.* Энгельс или Покровск? // НГ. 2001. 31 окт.
- Сиднина 1991 — *Сиднина В.* Стоит ли пенять на Энгельса? // НС. 1991. 17 окт.
- Ульянов 1990 — *Ульянов Н.* Замолчанный Маркс / Публ. и вступ. В. Кошелева, А. Чернова // Москва. 1990. № 10. С. 138–150.

- Федоров 1991 — *Федоров Н.* Как я не выступил на митинге // НС. 1991. 18 сент.
Чернявская 1991 — *Чернявская Н.* Энгельс или Покровск? // НС. 1991. 4 окт.
Энгельс 1991 — Энгельс или Покровск? // НС. 1991. 18 окт.
Шмаков и др. 2006 — *Шмаков О., Головахина Т., Антонова А.* Кто такой Энгельс // Пкр. 2006. 13 окт.

Сокращения названий газет г. Энгельса

- КП — «Курьер Поволжье».
НГ — «Новая газета».
НС — «Наше слово».
Пкр — «Покровск».

Литература

- Абрамов, Терентьев 2014 — *Абрамов Р., Терентьев Е.* Символическое пространство культуры памяти: два топонимических кейса // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 1. № 8. 2014. С. 73–86.
- Архипова 2015 — *Архипова А. С.* Радио ОБС, птица Обломинго и другие языковые игры в современном фольклоре. М.: ФОРУМ, 2015.
- Ахметова 2015 — *Ахметова М. В.* От А-Аты до Ярска: Словарь неофициальных названий населенных пунктов. М.: ФОРУМ, 2015.
- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Бочкарев 2018 — *Бочкарев А.* Переименования городов на постсоветском пространстве // Polit.ru. 2018. 4 нояб. URL: https://polit.ru/article/2018/11/04/ps_renaming.
- Верч 2018 — *Верч Дж.* Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины / Пер. с англ. // Историческая экспертиза. 2018. № 2 (15). С. 15–32.
- Кириллова (в печати) — *Кириллова С. Е.* Сталинград и сталинградцы: способы и средства сохранения исторической памяти в языке региона (в печати).
- Кольба 2012 — *Кольба А. И.* Управление конфликтами в системе отношений органов власти и гражданского общества на региональном уровне // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. Т. 12. № 1. 2012. С. 75–81.
- Лиценбергер 2017 — *Лиценбергер О. А.* Депортация российских немцев в зеркале общественного мнения и восприятия властью (на примере Саратовской области) // Немцы России в общественно-политической жизни страны (XVIII–XXI вв.): Материалы 16-й Междунар. науч. конф. Москва, 27–31 октября 2016 г. / [Под ред. А. А. Германа]. М.: РусДойч Медиа, 2017. С. 370–379.
- Плеханов 2018 — *Плеханов А. А.* Разрушение пространства советского символического господства в постсоветской Украине // Политическая наука. 2018. № 3. С. 231–263.
- Разумов 2018 — *Разумов Р. В.* Онимические конфликты в российском урбанонимическом пространстве // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 112–119.
- Савоскул 2016 — *Савоскул М. С.* Старое новое название города: Романов-Борисоглебск или Тутаев? // Брендинг территорий: между маркетингом и фольклором: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 2–3 декабря 2016 г.) / Сост.

- М. В. Ахметова, М. И. Байдуж, Н. В. Петров. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 71–74.
- Скучаева 2007 — Скучаева О. Е. Нереализованные государственные планы восстановления немецкой автономии в Поволжье в 1980-е годы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 3. С. 179–182.
- Терентьев 2015 — Терентьев Е. А. Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 18. № 2. 2015. С. 72–86.
- Хасин 2016 — Хасин В. В. Власть, собственность и национальная идея. Номенклатурный ответ возрождению немецкой автономии в Поволжье. Теоретический аспект // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России: Материалы 15-й Междунар. науч.-практ. конф. Маркс, 5–9 августа 2015 г. / [Под ред. А. А. Германа]. М.: РусДойч Медиа, 2016. С. 321–336.
- Хасин 2017 — Хасин В. В. Власть, собственность и национальная идея. Номенклатурный ответ возрождению немецкой автономии в Поволжье. Практические формы реализации // Немцы России в общественно-политической жизни страны (XVIII–XXI вв.): Материалы 16-й Междунар. науч. конф. Москва, 27–31 октября 2016 г. / [Под ред. А. А. Германа]. М.: РусДойч Медиа, 2017. С. 336–369.
- Чепайтене 2017 — Чепайтене Р. Город как текст // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2017. № 2. С. 57–72.
- David 2011 — David J. Commemorative place names — Their specificity and problems // Names. Vol. 59. No. 4. 2011. P. 214–228.

References

- Abramov, R., & Terentyev, E. (2014). Simvolicheskoe prostranstvo kul'tury pamiati: dva toponimicheskikh keisa [Symbolic space of the memory culture: Two toponymic cases]. *Interaksiia. Interv'iu. Interpretatsiia*, 1(8), 73–86. (In Russian).
- Akhmetova, M. V. (2015). *Ot A-Aty do Iarska: Slovar' neofitsial'nykh nazvanii naseleennykh punktov* [From 'A-Ata' to 'Yarsk': A dictionary of unofficial names of settlements]. FORUM. (In Russian).
- Arkipova, A. S. (2015). *Radio OBS, ptitsa Oblomingo i drugie iazykovye igry v sovremennom fol'klоре* ['Radio OBS', 'bird Oblomingo', and other wordplays in contemporary folklore]. FORUM. (In Russian).
- Assman, A. (2014). *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaiia politika* [Trans. from Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. C. H. Beck]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Assman, Ia. (2004). *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Trans. from Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. C. H. Beck]. Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Bochkarev, A. (2018, November 4). Pereimenovaniia gorodov na postsovetskom prostranstve [Renaming of cities and towns in Post-Soviet space]. *Polit.ru*. https://polit.ru/article/2018/11/04/ps_renaming. (In Russian).
- Chepaitene [= Čepaitienė], R. (2017). Gorod kak tekst [The city as a text]. *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniï*, 2017(2), 57–72. (In Russian).
- David, J. (2011). Commemorative place names — Their specificity and problems. *Names*, 59(4), 214–228.
- Khasin, V. V. (2016). Vlast', sobstvennost' i natsional'naia ideia. Nomenklaturnyi otvet vozrozhdeniiu nemetskoï avtonomii v Povolzh'e. Teoreticheskii aspekt [Power, property, and

- the national idea. The *nomenklatura's* answer to the revival of the German autonomy in the Volga Region. The theoretical aspect]. In A. A. German (Ed.). *Obrazovanie, zhizn' i sud'ba nemetskikh poselenii v Rossii: Materialy 15-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Marks, 5–9 avgusta 2015 g.* (pp. 321–336). RusDoich Media. (In Russian).
- Khasin, V. V. (2017). Vlast', sobstvennost' i natsional'naia ideia. Nomenklaturnyi otvet vozrozhdeniiu nemetskoj avtonomii v Povolzh'e. Prakticheskie formy realizatsii [Power, property, and the national idea. The *nomenklatura's* answer to the revival of the German autonomy in the Volga Region. The practical forms of realization]. In A. A. German (Ed.). *Nemtsy Rossii v obshchestvenno-politicheskoi zhizni strany (XVIII–XXI vv.): Materialy 16-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 27–31 oktiabria 2016 g.* (pp. 336–369). RusDoich Media. (In Russian).
- Kirillova, S. E. (forthcoming). Stalingrad i stalingradtsy: sposoby i sredstva sokhraneniia istoricheskoi pamiaty v iazyke regiona ['Stalingrad' and 'Stalingraders': Methods and means of preserving historical memory in the regional language]. (In Russian).
- Kolba, A. I. (2012). Upravlenie konfliktami v sisteme otnoshenii organov vlasti i grazhdanskogo obshchestva na regional'nom urovne [Conflict management in the relations of government and civil society at the regional level]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta, Ser. Sotsiologiya. Politologiya, 12(1)*, 75–81. (In Russian).
- Litsenberger, O. A. (2017). Deportatsiia rossiiskikh nemtsev v zerkale obshchestvennogo mneniia i vospriiatii vlast'iu (na primere Saratovskoi oblasti) [Deportation of Russian Germans in the mirror of public opinion and authorities' perception (on the example of the Saratov Region)]. In A. A. German (Ed.). *Nemtsy Rossii v obshchestvenno-politicheskoi zhizni strany (XVIII–XXI vv.): Materialy 16-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 27–31 oktiabria 2016 g.* (pp. 370–379). RusDoich Media. (In Russian).
- Plekhanov, A. A. (2018). Razrushenie prostranstva sovetского simvolicheskogo gospodstva v postsovet'skoi Ukraine [Decommunization process in post-Soviet Ukraine]. *Politicheskaiia nauka, 3*, 231–263. (In Russian).
- Razumov, R. V. (2018). Onimicheskie konflikty v rossiiskom urbanonimicheskom prostranstve [Onymic conflicts in the Russian urbanonymic space]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik, 2018(4)*, 112–119. (In Russian).
- Savoskul, M. S. (2016). Staroe novoe nazvanie goroda: Romanov-Borisoglebsk ili Tutaev? [An old new name of a town: Romanov-Borisoglebsk or Tutaev?]. In M. V. Akhmetova, M. I. Baiduzh, & N. V. Petrov (Eds.). *Brendirovanie territorii: mezhdu marketingom i fol'klorom: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 2–3 dekabria 2016 g.)* (pp. 71–74). Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS. (In Russian).
- Skuchaeva, O. E. (2007). Nerealizovannye gosudarstvennye plany vosstanovleniia nemetskoj avtonomii v Povolzh'e v 1980-e gody [Unrealized governmental plans of rebuilding German autonomy in the Volga Region in the 1980s]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta, 2007(3)*, 179–182. (In Russian).
- Terentyev, E. A. (2015). Pereimenovanie sovet'skikh toponimov v Sankt-Peterburge: analiz publichnykh diskussii [Renaming of Soviet toponyms in St. Petersburg: An analysis of public discussions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii, 18(2)*, 72–86. (In Russian).
- Verch, Dzh. (2018). Narrativnye instrumenty, istina i bystroe myshlenie v natsional'noi pamiaty: mnemonicheskoe protivostoianie mezhdu Rossiei i Zapadom po povodu Ukrainy [Trans. from Wertsch, J. V. (2017). Narrative tools, truth, and fast thinking in national memory: A mnemonic standoff between Russia and the West over Ukraine. In Å. Mäkitalo, P. Linell, & R. Säljö (Eds.). *Memory practices and learning: Interactional, institutional and sociocultural perspectives* (pp. 233–248). Information Age Publishing]. *Istoricheskaiia ekspertiza, 2018(2(15))*, 15–32. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Мария Вячеславовна Ахметова

*кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория теоретической
фольклористики, Школа актуальных
гуманитарных исследований, Российская
академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ malinxi@rambler.ru*

Maria V. Akhmetova

*Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher,
Center for Theoretical Folklore Studies,
School for Advanced Studies in the
Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ malinxi@rambler.ru*

И. С. Душакова

ORCID: 0000-0002-7959-4934

✉ dusacova@gmail.com

*Институт международного права и экономики
им. А. С. Грибоедова (Россия, Москва)*

ФРЕЙМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ИОСИФА СТАЛИНА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ: КОНТЕКСТЫ ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ

Аннотация. В статье на основе тематического запроса в базе данных «Медialogия» рассматривается, как в современных российских СМИ представлена информация о периоде правления И. В. Сталина, а также какую роль играет его фигура в медийном представлении соответствующей эпохи. Исходя из позиции, что любая информация, циркулирующая в медийном поле, в том числе затрагивающая процессы памяти, будет объясняться не столько механизмами работы памяти, сколько способом представления информации, в частности фреймированием, автор выделяет четыре основных способа фреймирования личности Сталина: амбивалентное отношение, критическая оценка, положительная оценка, коррекция памяти о нем. Автор подробно рассматривает группы текстов, представляющих амбивалентное отношение к Сталину и нацеленных на коррекцию представлений о нем.

Ключевые слова: Сталин, сталинская эпоха, память, забывание, медиафреймирование, фрейм, СМИ, информационный повод

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32239.

Для цитирования: Душакова И. С. Фреймирование личности Иосифа Сталина в современных российских СМИ: контексты памяти и забвения // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 83–98. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-83-98>.

*Статья поступила в редакцию 1 сентября 2020 г.
Принято к печати 11 ноября 2020 г.*

I. S. Dushakova

ORCID: 0000-0002-7959-4934

✉ dusacova@gmail.com*Institute of International Law and Economy
named after A. S. Griboedov (Russia, Moscow)*

FRAMING THE PERSONALITY OF JOSEPH STALIN IN CONTEMPORARY RUSSIAN MEDIA: CONTEXTS OF MEMORY AND FORGETTING

Abstract. The article examines how information about the period of Stalin's rule is presented in the contemporary Russian media, as well as what role his figure plays in media representation of the era of his rule. The corpus used is based on a query in the "Medialogia" database with two keywords: Stalin and Stalinism. Proceeding from the position that any information circulating in the media field, including such that affects memory processes, will be explained not so much by the mechanisms of memory as by the way of presenting information, in particular, by framing, the author identifies four main ways of framing Stalin's personality: an ambivalent attitude, critical assessment, positive assessment, correction of the memory of the personality. The author examines in detail groups of texts showing an ambivalent attitude towards Stalin and aimed at correcting perceptions about him. The proposed typology can serve as a starting point for further clarification and more detailed analysis. Analysis of the third and fourth groups of texts showed that representation of an ambivalent attitude to the person and the era allows, to a lesser extent than unambiguous framing, to keep silent about significant events, thereby constructing the effect of forgetting, which is necessary in those cases for building a coherent discourse.

Keywords: Stalin, Stalin era, memory, forgetting, media framing, frame, mass-media, news trigger

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-32239.

To cite this article: Dushakova, I. S. (2021). Framing the personality of Joseph Stalin in contemporary Russian media: Contexts of memory and forgetting. *Shagi / Steps*, 7(1), 83–98. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-83-98>.

Received September 1, 2020

Accepted November 11, 2020

— Разговоры о Сталине идут сегодня в двух плоскостях. Плоскость первая: возвращается сталинизм, массовые репрессии, и это очень страшно, народ боится. Плоскость вторая: Сталина на вас нет. Не говоря уже про плакаты со Сталиным, апологетические книжки о Сталине, телепередачи о Сталине и так далее. Как к этому относиться?
— Как к историческому абсурду [Шенкман 2020].

Цитируемая статья (интервью с Псоем Короленко) была опубликована в «Новой газете» в 2020 г.¹ Если всем нам привычно читать тексты в СМИ о тех или иных исторических личностях в дни их рождения или смерти, то появление текстов, не вызванных очевидными информационными поводами, может казаться контринтуитивным. В данной статье я рассмотрю, как в современных российских СМИ представлена информация об одном из наиболее широко освещенных исторических периодов — периоде правления И. В. Сталина, а также какую роль играет его фигура в медийном представлении той эпохи.

На сегодняшний день существует ряд исследований, посвященных отражению отношения к Сталину в различных информационных полях. Например Я. Плампер [2010], обращаясь в основном к медийному контенту, анализирует производство визуальных репрезентаций Сталина и обращает внимание на его портреты и фотографии, а также на рисунки в газетах. Нельзя не отметить и ряд работ, исследующих не только медийные, но и фольклорные представления о личности Сталина. Так, К. А. Богданов рассматривает квазифольклорные тексты о положительных качествах вождя [Богданов 2009: 114–115, 184–185, 212–213], А. С. Архипова и М. А. Мельниченко [2011] — анекдоты о нем. Интересно, что и в работах, выполненных в историческом русле, можно встретить отсылки как к фольклорным сюжетам об этой личности, так и, например, к уличным листовкам, распространявшимся в 1938 г. в Москве [Хлевнюк 1992: 53, 245].

Однако каждый раз, когда мы сталкиваемся с некоторым явлением в медийном поле, у нас как у исследователей есть выбор — придать объясняющую силу изучаемому явлению или медийному полю. Я проводила данную работу в рамках исследования коммуникации, и базовым процессом, который меня интересует, является фреймирование информации об исторической личности и связанной с этой личностью эпохе (вслед за традицией анализа медийного фреймирования, см.: [Entman 1991; Gamson, Modigliani 1989; Gitlin 1980; Tuchman 1972; 1973; 1978]). Таким образом, я фокусируюсь не на закономерностях, объясняющих сохранение, воспроизводство памяти и пр. процессы, связанные с ней, а на том, в какие фреймы «упакована» информация о Сталине и эпохе его правления, что показывает, какая информация является актуальной для современного российского медийного поля.

Опираясь на различные теоретические основания, исследователи медиа единогласны в том, что «объективное отражение информации» в медийном поле невозможно (обзор классических подходов к исследованиям медиа см., например, в [Кирия, Новикова 2017: 239–390]; о медиалогике и медиасобытиях см.: [Черных 2015: 69–81], о новых подходах в мультимедийной журна-

¹ Цитаты из текстов СМИ и даты публикации указаны по данным «Медиалогии».

листике см.: [Качкаева, Шомова 2017]). Влияние медиа на память можно обозначить в рамках двух тенденций, релевантных для данной статьи. Во-первых, исследователи отмечают рост интереса к исторической тематике в СМИ и развитие тематических изданий [Kinnebrock 2015: 147]. Во-вторых, с учетом властных и общественных институтов, руководствующихся своими интересами в создании и потреблении медийной продукции, встает вопрос о том, «кто имеет право на память» [Zierold 2010]. С институциональным влиянием СМИ на память связывают и тот факт, что в медийном пространстве опыт отдельных известных фигур оказывается более представленным и востребованным, чем некоторый «коллективный опыт» (о памяти в медиа см.: [Garde-Hansen 2011]; о памяти в аспекте работы медийных институтов см.: [Черных 2015]).

Что же касается влияния медиа на забывание как феномена, противопоставляемого памяти, сложность его изучения заключается в том, что категории «память» и «забывание» в медийном поле можно операционализировать через наличие или отсутствие сообщений об интересующих исследователя предмете или теме. Однако пытаться интерпретировать само по себе отсутствие публикаций без проведения интервью с редакторами и журналистами с высокой долей вероятности означает, что исследователь останется в поле своих догадок.

Как можно решить обозначенную проблему? Один из вариантов — это анализ медийных сообщений в рамках оптики медиафреймирования, позволяющей рассматривать соотношение выраженного и невыраженного, то есть какие детали при освещении одной и той же темы подчеркиваются, находятся на виду у аудитории, а какие замалчиваются.

Медиафреймирование

Базовым и наиболее цитируемым в исследованиях медиа является определение Т. Гитлина, согласно которому медиафреймы — это «устойчивые формы познания, интерпретации и представления, выбора, акцентирования и исключения, с помощью которых акторы обычно организуют дискурс — вербальный или визуальный» [Gitlin 1980: 7]. Современные теоретики А. Шойфеле и Ш. Айенгар уточняют это определение: «...эффекты фреймирования скорее касаются не коммуникативных эффектов, которые связаны с различиями в том, что сообщается, а вариаций того, как данная информация представлена (или фреймирована) в публичном дискурсе» [Scheufele, Iyengar 2017: 3–4]. Д. Яноу и М. ван Хульст обозначают функции фреймов в коммуникации, отмечая, что «фреймы определяют те способы, которыми участники, погруженные в ситуации взаимодействия, воспринимают социальные реальности, представляя их самим себе и окружающим; фреймы структурируют наше внимание к различным сегментам социального мира» [Яноу, ван Хульст 2011: 90].

Таким образом, оптика медиафреймирования настроена не только на поиск явно присутствующих в текстах элементов, но и на определение альтернативных способов представления событий или личностей, а также на анализ того, при помощи каких приемов в текстах расставляются подобные акценты. Основой реализации такого подхода является сравнение медийных текстов, в идеале объединенных общим информационным поводом, поскольку фрейми-

рование чаще всего выглядит естественным, ведь его задача — установить набор убеждений, основанных на здравом смысле в отношении происходящего, и его сложно заметить без сравнительного анализа [Entman 1991: 6].

Однако с подобной исследовательской позиции возникают две релевантные для данного исследования развилки — первая касается анализа манипуляций, вторая — широты понимания медиафреймирования.

Манипуляции и фреймирование в СМИ

Нередко в современных исследованиях можно встретить определение фреймирования как «попытки определить альтернативы и ракурсы освещения вопроса таким образом, чтобы сделать более вероятным, что публика согласится с предложениями, к которым предрасположены элиты» [Cassino 2007: 128]. Как видно из определения Д. Кассино, за рамкой анализа медиафреймирования может стоять предположение о намеренной манипуляции аудиторией («к которой предрасположены элиты»), однако это не является необходимым элементом фрейм-анализа. Например, в классических работах Г. Такман, одной из первых изучавшей медийное поле в рамках фрейм-анализа, исследовательские вопросы касаются рутинных процессов создания медийного контента и того, как журналисты конструируют для себя представления об объективности транслируемого сообщения [Tuchman 1972; 1973; 1978]. В данной статье мы не ставим перед собой задачу выявить наличие или отсутствие манипуляций, стоящих за тем или иным медийным сообщением; нас будет интересовать распределение подчеркиваемого и ускользающего, без попыток установить степень осознанности в упущении тех или иных деталей.

Узкое vs. широкое понимание фрейма

Вторая развилка касается того, насколько широко можно трактовать понятия фрейма и фреймирования в медиа. Приведенное уточнение Шойфеле и Айенгара о том, что фреймы связаны не с содержанием, а с формой, представляет собой наиболее яркий пример узкого понимания фреймов и фреймирования. Позицию, поддерживающую широкое понимание медиафреймирования, разрабатывает в многочисленных работах К. де Вриз:

В литературе не достигнуто согласие в отношении концептуализации фреймов. Некоторые теоретические аргументы поддерживают использование узких определений (например, [Scheufele 2000; Shah et al. 2001]). Однако в подавляющем большинстве исследований фреймирования (более или менее эксплицитно) используется широкое определение фреймов. Концептуально широкое понимание новостных фреймов опирается на определение фрейма как «центральной организующей идеи или сюжета, который придает смысл складывающейся цепочке событий, создающий связь между ними. Фрейм подсказывает, в чем заключается проблема и сущность вопроса» [Gamson, Modigliani 1989]. Вкратце, фрейм — это акценты в разных видимых аспектах темы [de Vreese 2007: 25].

То есть если при узком понимании фрейма мы будем опираться на разные детали в рамках одного сюжета, то при широком — рассматривать, как выстраивается сюжетная линия освещения некоторой темы в целом. Действительно, У. Гэмсон и А. Модильяни наряду с работами Р. Этнмана и Т. Гитлина закладывали базовые принципы работы с медиафреймированием. В своем совместном исследовании они предлагали даже еще более широкое понимание процесса, вводя понятие «интерпретативных пакетов» (interpretive packages). Эти «пакеты», по мнению Гэмсона и Модильяни, составляют медийный дискурс, в основе которого лежит фрейм: «медиадискурс может быть воспринят как набор интерпретативных пакетов, которые придают смысл проблеме. Пакет имеет внутреннюю структуру. Ее ядро — это центральная организующая идея, или фрейм, позволяющая осмыслить релевантные события, очертить проблему» [Gamson, Modigliani 1989: 3].

В данной статье мы будем придерживаться широкого подхода к медиафреймированию, поскольку именно он позволит ответить на обозначенные исследовательские вопросы, обращая внимание на встраивание личности и эпохи Сталина в более широкие исторический и политический контексты.

Неопределенность внутри фрейма

Важной характерной особенностью фрейма может быть его неопределенность. Как отмечали У. Гэмсон и А. Модильяни относительно фреймирования информации о ядерной энергии в СМИ, «...фреймы не нужно путать с позициями за политические меры или против них. Если фрейм очевидно проядерный, внутри него существует свободное пространство для противоречия» [Gamson, Modigliani 1989: 4]. Кроме того, они подчеркивали, что «[интерпретативные] пакеты, чтобы оставаться жизнеспособными, должны конструировать смысл в течение продолжительного времени, инкорпорируя новые события в свои интерпретативные фреймы» [Ibid.]. Об этом свойстве фреймов писал и Р. Этнман: «...фрейм не исключает всю неконсистентную информацию, в текстах неизбежно остается несогласованная информация» [Entman 1991: 7]. Более того, несогласованность, дуализм могут быть частью ядра фрейма [Gamson, Modigliani 1989: 12].

Такую несогласованность в текстах, связанных с тематикой пережитого в прошлом опыта, отмечают исследователи травмы [Ушакин 2009: 8, 11–15]. Поскольку имя Сталина и его эпоха связаны с целым рядом травматичных событий, мы можем предположить, что фреймирование этих событий также неизбежно будет не до конца консистентным и может использовать двойственность как отправную точку последующего фреймирования.

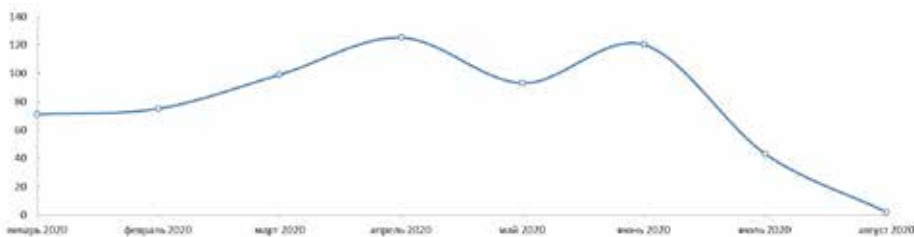
«Сталин — великий вождь» или «Сталин — великий злодей»?

Чтобы проанализировать стратегии медиафреймирования личности Сталина и его эпохи, мы сформировали корпус медийных текстов на основе базы данных «Медialogия» — одной из наиболее полных баз российских СМИ. «Медialogия» осуществляет круглосуточный сбор материалов, выпускаемых в российских медиа, и ежедневно пополняется из более чем 50 тысяч изданий

по 85 субъектам РФ, включая федеральные и региональные СМИ. Это обеспечивает репрезентативность данных, полученных при помощи поиска по базе. Важно также отметить, что в этой базе данных разработан сложный язык для осуществления оптимального поиска релевантных медийных сообщений.

Анализируемый в данном исследовании корпус составили тексты из трех типов источников федерального уровня — газет, журналов и информагентств, входящих в категорию «топ-100 СМИ» по расчетам «Медиалогии». Мы ограничились запросом наиболее влиятельными медийными площадками и только федеральными изданиями, чтобы включить в корпус те тексты, которые достигли наиболее широкой аудитории на территории всей страны. Запрос составлен на период с 1 января по 1 августа 2020 г. по ключевым словам *Сталин* и *сталинизм*, соединенным оператором *или*: это означает, что в каждом тексте выборки может встречаться либо одно из этих ключевых слов, либо оба. Отдавая себе отчет в возможных негативных коннотациях, заложенных в ключевом слове *сталинизм*, я полагаю, что поисковый запрос все же показал результаты без ощутимого смещения в сторону негативных оценок личности Сталина. Сбалансированность полученного корпуса была обеспечена включением в запрос нейтрального ключевого слова *Сталин* — таким образом, любые нейтральные формулировки (например, «эпоха правления Сталина») оказались также автоматически включены в корпус.

Описанному запросу в базе соответствовало 628 текстов, из которых 589 — оригинальные сообщения (см. график).



Динамика упоминаний ключевых слов в базе «Медиалогия» по поисковому запросу
Dynamics of keywords mentions in the “Medialogia” database based on the search request

Наибольшее количество текстов приходится на апрель и июнь. В апреле самыми обсуждаемыми событиями, ставшими информационными поводами для большого количества публикаций, были продажа памятника Сталину в чешском городе Комарове, публикация донесения Сталину о самоубийстве Гитлера и новость о том, что главный храм Вооруженных сил РФ украсят несколько мозаик, в числе которых изображение Сталина. В июне самыми тиражируемыми стали публикации о том, почему не Сталин принимал парад Победы в 1945 г., а также о том, что мозаики в главном храме Вооруженных сил все же не оказались. Этот набор контекстов — связанных с памятниками Сталину и их судьбой и с неоднозначной реакцией на его роль в Великой Отечественной войне — является стандартным для всего анализируемого периода.

Что касается способов фреймирования, весь массив текстов можно разделить на четыре типа сообщений:

1) амбивалентная оценка: сообщения, содержащие изначальную посылку о неоднозначной оценке личности Сталина; их авторы обычно демонстрируют наличие двух позиций в отношении личности и эпохи, а также освещают как достижения, так и ошибки Сталина;

2) коррекция памяти²: сообщения, направленные на борьбу с мифами и фейками о Сталине, — довольно распространенная категория публикаций, встроена в более общий медийный дискурс борьбы с дезинформацией (в контексте любой широко освещаемой темы);

3) критическая оценка: сообщения, содержащие негативную информацию о личности и/или эпохе, — как правило, выстроенные на цитировании ньюсмейкеров разного типа (это могут быть оценки ученых, личные мнения звезд спорта, высказывания политиков);

4) положительная оценка: сообщения, направленные на создание представлений о положительной роли личности Сталина и принимаемых им решений; информационными поводами для этих текстов зачастую становятся события или опыт, за который Сталина критикуют, вокруг которых (не обязательно с упоминанием негативных оценок) выстраивается дискурс о ценности такого опыта, о положительном вкладе Сталина в развитие страны.

Далее я остановлюсь подробнее на первых двух группах и приведу примеры публикаций, в которых используется подобный способ фреймирования. Третья и четвертая группы текстов на примере освещения результатов опросов об отношении россиян к Сталину проанализированы в статье [Душаква 2020].

Амбивалентное отношение к Иосифу Сталину

Текст, процитированный в начале статьи, — один из наиболее ярких примеров медийных сообщений, основанных на представлении одновременно и положительного, и отрицательного отношения к Сталину и его эпохе. В рамках этого фреймирования отличаются способы, при помощи которых совмещаются или, наоборот, разводятся эти оценки. Так, в тексте «Ни минуты не могу думать всерьез о Сталине» положительное и отрицательное отношение разведены во времени:

Да, тогда так пели и верили, что он не палач, а как раз наоборот, хороший и добрый вождь, отец народов и лучший друг физкультурников. Мы показываем, как звучала бы эта песня сегодня, показываем, где разрывы и швы между тогдашним восприятием и сегодняшним. Предлагается подумать об этом без обзывательств, ярлыков или, наоборот, апологии. Это очень яркие и красивые песни. А если в песне есть что-то возвышенное, оно в ней и будет, несмотря на то, что она ассоциируется с тоталитарным режимом, как принято говорить [Шенкман 2020].

² В данной статье, говоря о коррекции памяти, я имею в виду ситуацию, похожую на описанную А. Ассман: «Постколониальная и посттравматическая эпоха продемонстрировала, какой коррекции подвергаются большие исторические нарративы, написанные бывшими победителями, и как смещаются акценты западных исторических нарративов» [Ассман 2016: 188].

Интервьюируемый признает возможное расхождение оценки эпохи ее современниками и ретроспективной оценки, что позволяет фреймировать Сталина не как однозначное зло или как однозначного героя, а более объемно. При этом все же важно, что в данном случае современные оценки личности и эпохи оказываются негативными.

Другой пример подобной стратегии можно увидеть в тексте «Сталин вернется. Ненадолго», опубликованном в «Комсомольской правде» 6 мая 2020 г. Информационным поводом для публикации становится символическое переименование ряда городов ко Дню Победы:

Вслед за Волгоградом-Сталинградом 9 Мая свои названия временно поменяют Донецк — на Сталино, Луганск — на Ворошиловград и Цхинвал — на Сталинир. С чего бы это? [Штешин 2020].

Весь следующий текст посвящен осмыслению семейной истории, в которой представлены две линии: один из родственников автора статьи пострадал от репрессий, в то же время другие во время Великой Отечественной войны воевали в Сталинграде. И если первая история логически связана с принятием отрицательного отношения к Сталину, то вторая соединяет, не эксплицируя логику связи, если не положительное, то хотя бы лояльное отношение к эпохе через служение родине во время войны:

То, что это дальняя родня, моментально установила семейная, домашняя экспертиза. Из сталинских лагерей Гаврила Максимович не вышел, сгинул. За что сгубили простого мужика и воина — непонятно. И я сейчас точно не могу описать чувства, возникшие от того, что теперь есть город Сталинир. С другой стороны, десятки моих родственников сражались в Сталинграде. С Волги моя родня да с Дона, где родились, там и пришлось воевать. Родную землю как ни назови, она родной и останется [Там же].

Здесь можно зафиксировать расширение контекста, которое происходит при переходе от личности Сталина и его эпохи к любви к родной земле, что до какой-то степени примиряет с переименованием городов ко Дню Победы. Важно подчеркнуть, что это опыт, осмысляемый в рамках семейной памяти ретроспективно, хотя информационным поводом и служат современные события.

Еще один способ продемонстрировать одновременно и отрицательное, и положительное отношение в одном тексте, — это представить групповых или индивидуальных акторов, по-разному оценивающих Сталина. Ср.:

Курганцы начали сдавать деньги на установку бюста советского вождя Иосифа Сталина в городском парке Победы. Однако, по словам авторов идеи, комиссия по историческому наследию города отказала в установке памятника [Грозный 2020].

В данном случае одним коллективным актором, пытающимся увековечить память о Сталине в городе, является группа активистов Кургана — «пред-

ставители общественных организаций, близких к региональному отделению партии КПРФ: Союз советских офицеров, движение “Дети войны” и женский союз “Надежда России”». Помимо группы активистов, транслирующих положительное отношение, в медийном тексте упоминается комиссия по историческому наследию города и администрация города, поддерживающая ее решения. Сообща они (комиссия и администрация) транслируют невозможность установить подобный памятник:

По результатам рассмотрения члены комиссии единогласно приняли решение об отказе в удовлетворении ходатайства об установке памятника И. В. Сталину [Там же].

Подобный прием — описание действий двух групп людей, по-разному относящихся к личности Сталина и его эпохе, — широко распространен в СМИ и встречается за пределами анализируемого периода. Например, в 2019 г., освещая результаты опроса об отношении россиян к Сталину, «Коммерсантъ» дополняет результаты исследования Левада-Центра описанием акции антисталинистов, которая прошла 5 марта 2019 г., — «альтернативного импровизированного пикета граждан, чьи близкие погибли или пострадали в результате советской политики в 1924–1953 годах» [Левада 2019]. Это один из наиболее распространенных способов представления амбивалентного отношения к личности Сталина.

В целом мы можем говорить о том, что амбивалентное отношение к личности и эпохе Сталина представляется:

1) при помощи совмещения положительных и отрицательных оценок в рамках опыта одного человека или семьи, что дает основания оценивающему видеть объемную картину;

2.1) при помощи разведения положительного и отрицательного отношения по хронологическому принципу — в этом случае актуальной оценкой будет отрицательная, но за предыдущими поколениями признается право на иное отношение;

2.2) при помощи разведения положительного и отрицательного отношения между разными группами людей — в таком случае обе оценки синхронно сосуществуют, но могут объясняться разным историческим опытом.

Рассмотренная группа текстов, в отличие от сообщений с положительным или критическим фреймированием, в наименьшей степени работает с забыванием как приемом избегания сложных тем. Если при положительном или критическом фреймировании часть информации просто невозможно логично встроить в структуру повествования, а потому приходится ее упускать, создавая тем самым эффект забывания, то при амбивалентном фреймировании создается поле для проговаривания позиций разных сторон и обоснования их аргументации. Так одновременно оказываются представлены и репрессии, и победа в Великой Отечественной войне, и желание увековечить память о Сталине в городах России, и сопротивление этой тенденции, и т. д.

Фейки и мифы как дань современному медийному полю

Еще одним из способов представить информацию о Сталине или эпохе его правления является включение публикаций в более общую тему борьбы с фейками и мифами. Эта проблема находит отражение в СМИ на протяжении уже нескольких лет и приобретает особую актуальность в контексте текущей борьбы с распространением ложной информации. В большинстве публикаций в качестве задачи обозначена борьба с мифами и фейками. При этом, что интересно отметить, в текстах, которые оперируют понятием фейка, как правило, указываются основные источники их распространения — социальные сети, что традиционно для описания этой проблемы в российских СМИ.

Основным материалом для подобных публикаций служат фольклорные сюжеты о Сталине, однако иногда роль фейков и мифов выполняют публикации в иных СМИ, нередко фреймирующие Сталина и его эпоху критически. При этом в случаях, когда в статье оспаривается его положительная роль в экономическом росте СССР, фейками или мифами это не называется (см., например: [Герентьев 2020]). Таким образом, в целом борьба с мифами и фейками о Сталине по содержанию оказывается ближе к положительному фреймированию рассматриваемых личности и эпохи.

В качестве примера ситуации, когда в роли мифа выступает фольклорный сюжет, можно привести публикацию «Как ковалась “Победа”. История автомобиля, который “благословил” Сталин»:

Существует легенда, что вообще-то новый автомобиль хотели назвать «Родина». Но когда Сталину показали образец будущей серийной машины, тот спросил: «И почему мы будем Родину продавать?» Тогда вождю сообщили второй вариант названия, который тот и одобрил. На самом деле это — просто красивый миф, поскольку с самого начала проектирования будущего автомобиля его называли «Победа», в честь будущей Победы Советского Союза над гитлеровской Германией. А имя «Родина» планировали дать одной из будущих моделей, М-21, которая так и не появилась [Моржаретто 2020].

Однако таких нейтральных текстов в этой группе довольно мало.

Одним из наиболее широко обсуждаемых информационных поводов стало сообщение, тиражируемое, по представлениям российских СМИ, в СМИ Украины, о том, что накануне Второй мировой войны Сталин встречался с Гитлером. Большое количество текстов в российском медийном поле было опубликовано с целью опровергнуть заявление об этом первого президента Украины Л. М. Кравчука, для чего в качестве экспертов привлекались историки [Якунин 2020], российские политики, включая президента РФ [Путин 2020]; кроме того, исследования проводили сами журналисты (см., например: [Сидорчик 2020]). Этот сюжет стал триггером для обсуждения современных отношений между государствами, в том числе с интерпретацией результатов опросов об отношении россиян к Сталину — оценка этого исторического периода часто фреймировалась как зеркало современного состояния общества:

— Так встречались Сталин и Гитлер?

— Это фейк! Мне кажется, что Кравчук был вынужден сделать подобное заявление. И связано это с атмосферой на Украине. Россия как правопреемник Советского Союза обвиняется во всех смертных грехах. В том числе в развязывании Второй мировой — вместе с Адольфом Гитлером. Черное выдается за белое и наоборот, а документальное подтверждение никого уже не интересует. Да, министры иностранных дел СССР и Германии встречались. Документы подписывали. А вот у других европейских стран были встречи их первых лиц с Гитлером в предвоенный период. Об этом в европейских столицах сейчас умалчивают [Якунин 2020].

Интересно, что информационным поводом для публикаций служит само обилие фейков и мифов. Так, 6 марта 2020 г. «Комсомольская правда» опубликовала «подборку мифов об “отце народов”» в жанре интервью с Владимиром Долматовым, автором публицистической книги «Сталин. Главные документы» [Емельянов 2020]. Чуть позже, 24 марта, то же издание публикует текст Д. Смирнова «Больше всех от фейков страдает Сталин», в котором в качестве эксперта выступает историк и писатель Александр Мясников. Основной темой публикации становится обилие в социальных сетях ложной информации, в наибольшей степени, по словам эксперта, касающейся Сталина:

— Кто больше всех из политиков страдает от такого «цитирования»? Ленин? Наполеон? Мао?

— На самом деле Сталин. Вот, например, фраза: «Нет человека — нет проблемы». Достоверных подтверждений того, что Сталин когда-либо говорил подобную фразу, нет. Эти слова приписал Сталину писатель Анатолий Рыбаков в романе «Дети Арбата» Рассказывают, что автор от души потешался над теми, кто в своих выступлениях приводил эту фразу как действительно сталинскую [Смирнов 2020].

Можно говорить о борьбе с мифами о Сталине как об одном из способов восстановления положительной оценки этой личности, что, однако, вписано не в тематику исторической памяти, а в современную тенденцию борьбы с фейками. Интересно, что в данном случае фреймирование происходит в том числе с указанием виновных, поскольку, как правило, в таких публикациях первоисточники распространения ложной информации указываются с разной степенью точности (от конкретных ньюсмейкеров, чьи высказывания легли в основу сообщений, до соцсетей). В целом данная группа текстов направлена на коррекцию представлений об анализируемом историческом периоде и о самом Сталине, поскольку она работает с устоявшимися — зачастую негативными — представлениями о них. Именно такая позиция осложняет возможность интерпретации процесса забывания, ведь она работает с «неправильной» памятью, с памятью, выстроенной на представлениях, фреймируемых как ложные.

Заключение

Анализ корпуса сообщений российских СМИ, включающих ключевые слова *Сталин* и *сталинизм*, показывает, что существует четыре основных способа фреймирования личности Сталина:

1) через положительную оценку его вклада в развитие СССР и укрепление страны на международной арене;

2) через критическую оценку роли этой личности в истории как инициатора репрессий и ответственного за многочисленные человеческие потери;

3) через представление амбивалентного отношения к данной личности, выраженного диахронно или разными групповыми акторами либо совмещаемого в рамках семейной памяти;

4) через борьбу с представлениями, фреймируемыми как ложные, о личности и эпохе — посредством развенчания мифов и фейков как атрибута современного функционирования медийного поля.

Предложенная типология может служить точкой отсчета для дальнейшего уточнения и более подробного анализа. Проведенный анализ третьей и четвертой групп показал, что представление амбивалентного отношения к личности и эпохе в меньшей степени, чем однозначное фреймирование, позволяет умалчивать о значимых событиях, конструируя тем самым эффект забывания, что необходимо в этих случаях для выстраивания связанного дискурса. При этом четвертая группа текстов нацелена на коррекцию ложных представлений. В дальнейшем перспективно было бы изучить, как различались способы фреймирования Сталина и его эпохи в российских СМИ ранее и насколько они изменились по сравнению с проанализированными.

Источники

- Грозный 2020 — *Грозный В.* В Кургане собирают деньги на памятник Сталину, который нельзя устанавливать // URU.RU. 2020. 27 февр.
- Емельянов 2020 — *Емельянов И.* Сталин воевал по глобусу и был отравлен? // Комсомольская правда. 2020. 6 марта.
- Левада 2012 — «Левада-центр»: одобрение Сталина россиянами достигло рекорда // Коммерсантъ. 2019. 16 апр.
- Моржаретто 2020 — *Моржаретто И.* Как ковалась «Победа». История автомобиля, который «благословил» Сталин // ТАСС. 2020. 19 июня.
- Путин 2020 — Путин высказался о Сталине и напомнил, что Россия осудила протоколы Молотова и Риббентропа // Znak.com [со ссылкой на ТАСС]. 2020. 10 марта.
- Сидорчик 2020 — *Сидорчик А.* История одного мифа. Встречались ли Сталин и Гитлер во Львове? // Аргументы и факты. 2020. 29 янв.
- Смирнов 2020 — *Смирнов Д.* Больше всех от фейков страдает Сталин // Комсомольская правда. 2020. 24 марта.
- Стешин 2020 — *Стешин Д.* Сталин вернется. Ненадолго // Комсомольская правда. 2020. 6 мая.
- Терентьев 2020 — *Терентьев Д.* «Развод» по Сталину // Аргументы недели [Москва]. 2020. 25 февр.
- Шенкман 2020 — *Шенкман Я.* «Ни минуты не могу думать всерьез о Сталине» // Новая газета. 2020. 29 июля.

Якунин 2020 — Якунин И. Сталин с Гитлером не встречался, а Чемберлен с фюрером обнимался! // Комсомольская правда. 2020. 31 янв.

Литература

- Архипова, Мельниченко 2011 — Архипова А. С., Мельниченко М. А. Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М.: ОГИ, 2011.
- Ассман 2016 — Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.
- Богданов 2009 — Богданов К. А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: Нов. лит. обозрение, 2009.
- Душаква 2020 — Душаква И. С. Медиафреймирование памяти: опросы Левада-Центра об отношении россиян к Сталину // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 4. (В печати).
- Качкаева, Шомова 2017 — Мультимедийная журналистика // Под общ. ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
- Кирия, Новикова 2017 — Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа: Учебник для вузов. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017.
- Плампер 2010 — Плампер Я. Алхимия власти: Культ Сталина в изобразительном искусстве / Пер. с англ. М.: Нов. лит. обозрение, 2010.
- Ушакин 2009 — Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? : О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: Сб. ст. / Сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Нов. лит. обозрение, 2009. С. 5–44.
- Хлевнюк 1992 — Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992.
- Черных 2015 — Черных А. И. Ритуалы и мифы медиа. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис; Центр гуманитар. инициатив, 2015.
- Яноу, ван Хульст 2011 — Яноу Д., ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования / Пер. с англ. // Социологическое обозрение. Т. 10. № 1–2. 2011. С. 87–113.
- de Vreese 2007 — de Vreese C. H. No news is bad news! The role of the media and news framing in embedding Europe // WRR: Scientific Council for Government Policy. Web-publication No. 20. The Hague, 2007. URL: <https://english.wrr.nl/publications/publications/2007/06/05/no-news-is-bad-news>.
- Cassino 2007 — Cassino D. [A review on: Entman R. M. Projections of power: Framing news, public opinion, and U. S. foreign policy. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2004] // The Journal of Conflict Studies. Vol. 27. No. 1. 2007. P. 128–130.
- Scheufele, Iyengar 2017 — Scheufele D. A., Iyengar Sh. The state of framing research: A call for new directions // The Oxford handbook of political communication / Ed. by K. Kenski, K. H. Jamieson. New York: Oxford Univ. Press, 2017. P. 1–16.
- Entman 1991 — Entman R. M. Framing US coverage of international news: Contrasts in narratives of the KAL and Iran Air incidents // Journal of Communication. Vol. 41. No. 4. 1991. P. 6–27.
- Gamson, Modigliani 1989 — Gamson W. A., Modigliani A. Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach // American Journal of Sociology. Vol. 95. No. 1. 1989. P. 1–37.
- Garde-Hansen 2011 — Garde-Hansen J. Media and memory. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2011.
- Gitlin 1980 — Gitlin T. The whole world is watching: Mass media in the making and unmaking of the new left. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1980.

- Kinnebrock 2015 — *Kinnebrock S.* Why Napoleon is exciting time after time: Media logics and history // Commercialised history: Popular history magazines in Europe / Ed. by S. Popp, J. Schumann, M. Hannig. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2015.
- Scheufele 2000 — *Scheufele D. A.* Agenda-setting, priming, and framing revisited: Another look at cognitive effects of political communication // *Mass Communication & Society*. Vol. 3. 2000. P. 297–316.
- Shah et al. 2001 — *Shah D. V., Domke D., Wackman D. B.* The effects of value-framing on political judgment and reasoning // *Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world* / Ed. by S. D. Reese, O. H. Gandy Jr., A. Grant. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2001. P. 227–244.
- Tuchman 1972 — *Tuchman G.* Objectivity as strategic ritual: An examination of newsmen's notions of objectivity // *American Journal of Sociology*. Vol. 77. No. 4. 1972. P. 660–679.
- Tuchman 1973 — *Tuchman G.* Making news by doing work: Routinizing the unexpected // *The American Journal of Sociology*. Vol. 79. No. 1. 1973. P. 110–131.
- Tuchman 1978 — *Tuchman G.* Making news: A study in the construction of reality. London; New York: Free Press, 1978.
- Zierold 2010 — *Zierold M.* Memory and media cultures // *Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nunning. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. P. 1–25.

References

- Arhipova, A. S., & Mel'nichenko, M. A. (2011). *Anekdoty o Staline: Teksty, kommentarii, issledovaniia* [Anecdotes about Stalin: Texts, comments, research]. OGI. (In Russian).
- Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi* [Trans. from Assmann, A. (2013). *Das Neue Unbehagen an der Erinnerungskultur*. Munchen: Beck]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Bogdanov, K. A. (2009). *Vox populi: Fol'klornye zhanry sovetskoï kul'tury* [Vox populi: Folklore genres of Soviet culture]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Cassan, D. (2007). [A review of Entman, R. M. (2004). *Projections of power: Framing news, public opinion, and U. S. foreign policy*. Univ. of Chicago Press]. *The Journal of Conflict Studies*, 27(1), 128–130.
- Chernykh, A. I. (2015). *Ritualy i mify media* [Media rituals and myths]. Gnozis; Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).
- de Vreese, C. H. (2007). No news is bad news! The role of the media and news framing in embedding Europe. *WRR: Scientific Council for Government Policy. Webpublication No. 20*. Hague. <https://english.wrr.nl/publications/publications/2007/06/05/no-news-is-bad-news>.
- Dushakova, I. S. (2020). Mediafreimirovanie pamiati: oprosy Levada-Tsentra ob otnoshenii rossiian k Stalinu [Media framing of memory: Levada Center's survey on the attitude of Russians towards J. Stalin]. *Vestnik RGGU, Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, 2020(4). In print. (In Russian).
- Entman, R. M. (1991). Framing US coverage of international news: Contrasts in narratives of the KAL and Iran air incidents. *Journal of Communication*, 41(4), 6–27.
- Gamson, W. A., & Modigliani, A. (1989). Media discourse and public opinion on nuclear power: A constructionist approach. *American Journal of Sociology*, 95(1), 1–37.
- Garde-Hansen, J. (2011). *Media and memory*. Edinburgh Univ. Press.
- Gitlin, T. (1980). *The whole world is watching: Mass media in the making and unmaking of the new left*. Univ. of California Press.

- Ianou [= Yanow], D., van Khul'st [= van Hulst], M. (2011). Freimyy politicheskogo: ot freim-analiza k analizu freimirovaniia [The political/process promise of policy framing]. *Sotsio-logicheskoe obozrenie*, 10(1–2), 87–113. (In Russian).
- Kachkaeva, A. G., & Shomova, S. A. (2017) (Eds.). *Mul'timediinaia zhurnalistika* [Multimedia journalism]. Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Khlevniuk, O. V. (1992). *1937-i: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [1937: Stalin, the NKVD and Soviet society]. Respublika. (In Russian).
- Kinnebrock, S. (2015). Why Napoleon is exciting time after time: Media logics and history. In S. Popp, J. Schumann, & M. Hannig (Eds.). *Commercialised history: Popular history magazines in Europe*. Peter Lang.
- Kiriia, I. V., & Novikova, A. A. (2017). *Istoriia i teoriia media: Uchebnik dlia vuzov* [History and theory of media: A textbook for universities]. Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Plamper, Ia. (2010). *Alkimiia vlasti: Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [Trans. from Plamper, J. (2012). *The Stalin cult: A study in the alchemy of power*. Yale Univ. Press]. No-voe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Scheufele, D. A. (2000). Agenda-setting, priming, and framing revisited: Another look at cognitive effects of political communication. *Mass Communication & Society*, 3, 297–316.
- Scheufele, D. A., & Iyengar, Sh. (2017). The state of framing research: A call for new directions. In K. Kenski, & K. H. Jamieson (Eds.). *The Oxford handbook of political communication* (pp. 1–16). Oxford Univ. Press.
- Shah, D. V., Domke, D., & Wackman, D. B. (2001). The effects of value-framing on political judgment and reasoning. In S. D. Reese, O. H. Gandy Jr., & A. Grant (Eds.). *Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world* (pp. 227–244). Erlbaum.
- Tuchman, G. (1972). Objectivity as strategic ritual: An examination of newsmen's notions of objectivity. *American Journal of Sociology*, 77(4), 660–679.
- Tuchman, G. (1973). Making news by doing work: Routinizing the unexpected. *The American Journal of Sociology*, 79(1), 110–131.
- Tuchman, G. (1978). *Making news: A study in the construction of reality*. Free Press.
- Ushakin, S. (2009). “Nam etoi bol'iu dyshat”? O travme, pamiati i soobshchestvakh [“Are we to breathe with this pain”? About trauma, memory and communities]. In S. Ushakin, & E. Trubina. *Travma: punkty* (pp. 5–44). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Zierold, M. (2010). Memory and media cultures. In A. Erll, & A. Nunning (Eds.). *Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook* (pp. 1–25). De Gruyter.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Ирина Сергеевна Душакова

аспирантка, кафедра «Теория и практика периодической печати», факультет журналистики, Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова Россия, 111024, Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21
Тел.: +7 (495) 673-74-19
✉ dusacova@gmail.com

Irina S. Dushakova

PhD Student, Faculty of Theory and Practice of Periodical Press, The Department of Journalism, Institute of International Law and Economy named after A. S. Griboedov Russia, 111024, Moscow, Entuziastov Rte., 21
Tel.: +7 (495) 673-74-19
✉ dusacova@gmail.com

А. В. Кравченко^{ab}

ORCID: 0000-0003-4899-0106

✉ artemioskravchenko@gmail.com

^a *Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, Москва)*

^b *Московская высшая школа
социальных и экономических наук (Россия, Москва)*

«А ПОТОМ ЗАБЫЛОСЯ»: ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАБВЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ Гражданской войны в с. Красново

Аннотация. В статье рассматривается один эпизод, связанный с памятованием в позднесоветское время о событиях Западно-Сибирского крестьянского восстания. В центре внимания автора находятся участники событий Гражданской войны в с. Красново (Тюменская область) и их потомки. Рассмотренный кейс позволяет продемонстрировать ряд причин, обусловивших забвение локальных событий Гражданской войны, не только тех, которые не укладывались в господствовавшие общенациональные рамки памяти, но и о тех, что им соответствовали. Автор выдвигает гипотезу, что включение событий Гражданской войны в советский миф основания уже в 1920-е годы могло препятствовать сохранению коммуникативной памяти о них. Обосновывающая история, возникшая на базе событий недавнего революционного прошлого, сделала не существенной и глубоко второстепенной коммуникативную память и способствовала забвению деталей просто потому, что они оказывались не важны для объяснения настоящего в существовавших рамках памяти.

Ключевые слова: забвение, Западно-Сибирское восстание, память о Гражданской войне, крестьянские восстания, коммуникативная память, культурная память, крестьянские коммуны, политика памяти

Благодарности. Статья выполнена в рамках проекта РФФ № 19-78-10076.

Для цитирования: Кравченко А. В. «А потом забылось»: предпосылки забвения локальных событий Гражданской войны в с. Красново // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 99–116. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-99-116>.

*Статья поступила в редакцию 12 октября 2020 г.
Принято к печати 22 ноября 2020 г.*

A. V. Kravchenko^{ab}

ORCID: 0000-0003-4899-0106

✉ artemioskravchenko@gmail.com

^a Institute of Anthropology and Ethnography,
Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

^b Moscow School of Social and Economic Sciences
(Russia, Moscow)

“AND THEN IT WAS FORGOTTEN”: THE PREREQUISITES FOR OBLIVION OF CIVIL WAR LOCAL EVENTS IN KRASNOVO VILLAGE

Abstract. The paper discusses one episode of remembering in the late Soviet era the events of the West Siberian peasant uprising. The author focuses on the participants of Civil War events in the village of Krasново (Tyumen region) and on their descendants. The paper relies on both archival sources and oral interviews. The case allows us to demonstrate a number of reasons for oblivion of local events of the Civil War. This was the case not only with those local events that did not fit into the prevailing national framework of memory, but also those that fit within it. The author hypothesizes that the fact of inclusion of events of the Civil War in the Soviet foundation myth already in the 1920s interfered with the preservation of communicative memory of local events. The justifying history that emerged from the events of the recent revolutionary past made communicative memory unimportant and contributed to the forgetting of details, because such details were not important and not essential to explain the present within the existing framework of memory. At the same time, local details could seem dangerously discharging to the local rural community. In such conditions, paradoxically, the mechanisms of forgetting were activated both by local consensus and by the conditions of the national framework of memory.

Keywords: oblivion, West Siberian uprising, memory of the Russian Civil War, peasant uprisings, communicative memory, cultural memory, peasant communes, politics of memory

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant no. 19-78-10076.

To cite this article: Kravchenko, A. V. (2021). “And then it was forgotten”: The prerequisites for oblivion of Civil War local events in Krasново village. *Shagi / Steps*, 7(1), 99–116. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-99-116>.

Received October 12, 2020

Accepted November 22, 2020

Борьба Петра Белослудцева

В фокусе внимания настоящей статьи — эпизод, связанный с эпистолярной активностью Петра Андреевича Белослудцева, 1935 г. р., отставного военного, члена КПСС, проживавшего на момент описываемых событий (1975–1977 гг.) в Омске [ГАСПИТО: Л. 1–2, 15]. При этом ни карьера П. А. Белослудцева, ни место его жительства не сыграли, вероятно, в этих событиях определяющей роли. Более важен другой факт: он приходился внуком человеку, которого считал основателем первой коммуны в одном из сельских поселений Тюменской области. Речь идет о селе Красново. Во время Гражданской войны оно относилось к Красновской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии (после 1919 г. — Тюменской), сегодня входит в состав Исетского района Тюменской области¹. В 1975 г. Белослудцев во время отпуска приехал на малую родину своих деда и матери, после чего начал активную переписку с тюменскими партийными инстанциями, включая партийный архив области. Обращаясь от лица целой группы родственников («мы»), он стал добиваться увековечивания памяти своего деда как основателя коммуны «Красная звезда», предлагая установить ему в селе мемориальную доску. В первом письме Белослудцев многократно повторяет, сколь важно для него установить правду о его деде:

Дело в том, что мой дед Коробицын Николай Андреевич — коммунист организатор первой коммуны в 1919 году в деревне Красново. Это мне рассказывает моя мать — дочь Коробицына Николая Андреевича. Вот я хочу знать всю правду про моего деда [Там же: Л. 2]².

Заканчивая первое письмо, Белослудцев суммирует:

Мы родственники будем вам очень благодарны, если вы нам поможете восстановить правду через 50 с лишним лет. И напишите пожалуйста, что дает право на открытие мемориальной доски [Там же].

На первый взгляд эта история кажется вполне обычной: мы имеем дело с попыткой восстановления родословной, с апелляцией к памяти, которая кажется социально одобряемой и престижной в обществе, наконец — со стремлением обрести публичное признание (через памятную табличку). В то же время этот кейс легко обнаруживает и несколько специфических аспектов памяти о событиях времен Гражданской войны и их забвения, в которых можно увидеть проявление тенденций, существовавших в советском обществе того времени.

Прежде всего из текста письма ясно, что явный приоритет для П. А. Белослудцева — добиться установления его деду мемориальной доски, а вовсе не получить какие-то более подробные данные о его жизни. Он повторял на разные лады: «Мы огорчены тем, что памятник стоит другому товарищу, а не мо-

¹ В настоящее время с. Красново является центром муниципального образования Красновское сельское поселение.

² Здесь и далее орфография и пунктуация письменных источников сохраняется.

ему деду», тогда как его родственники, которые «помнят, сколько было горя и страданий при организации коммуны», «хотели бы увековечить память в этой деревне, поставив ему мемориальную доску»; иногда он даже делает акцент на «праве на открытие мемориальной доски» [Там же: Л. 1–2].

Партийный архив и другие инстанции начали собирать материалы, касающиеся запроса Белослудцева, и совершенно ничего не нашли о Николае Андреевиче Коробицыне, только о его однофамильце — Андрее Михайловиче Коробицыне³. Сообщая это, заведующая партархивом Тюменского обкома КПСС М. Никифорова указывает: «Данных о Коробицыне Н. А. не имеется. Просим сообщить, не ошиблись ли Вы, назвав деда Николаем Андреевичем» [Там же: Л. 8]. В очередном письме Петр Андреевич Белослудцев сообщает: «Я ошибочно назвал своего деда Николаем Андреевичем, в чем прошу простить меня» [Там же: Л. 9]. Нельзя не обратить внимание на то, что до этого он ошибался в имени деда неоднократно. Неверно он указывал не только отчество, но и имя деда, т. е. не связывал с ним отчество собственной матери (либо последнее не было ему известно), — и это после поездки к родственникам в Красново и общения с ними, к которым он апеллирует в письме.

Белослудцев не был самозванным внуком — он действительный потомок А. М. Коробицына: другие потомки последнего, оставшиеся в с. Красново, признавали Белослудцева и сохраняли с ним связь. Впрочем, казус с неверным именем-отчеством, кажется, мало повлиял на характер дальнейшей переписки — Белослудцев просто один раз написал, что ошибся. В очередном письме он уже пытается представить более подробную информацию о деде (на основании опроса родственников). Среди прочего он прямо говорит, что А. М. Коробицын умер в 1922 г. от тифа. До этого упоминание о том, что «дед пожил мало», могло создать ложное впечатление, что он стал жертвой антибольшевистского крестьянского (Западно-Сибирского) восстания, прокатившегося по с. Красново в 1921 г. и закончившегося гибелью многих коммунаров (стела их памяти к тому моменту уже была установлена в центре поселения).

В следующем письме Белослудцев уже не говорит о мемориальной доске, лишь сетуя на то, что могила его деда заброшена: «ни памятника ни столбика». Далее он поясняет:

Вот мы родственники и хотели-бы, что-бы добрая память осталась об организаторе коммуны Коробицыне Андрее Михайловиче и поставить ему доску-obelisk на том месте где он похоронен [Там же: Л. 10 об.].

Но когда Белослудцев получает официальный ответ из Государственного архива Тюменской области со ссылками на бумаги, подтверждающими членство его деда в коммуне и его вероятную руководящую роль [Там же: Л. 12], характер очередного письма потомка вновь меняется. Теперь речь вновь идет об установлении мемориальной доски в память об А. М. Коробицыне. При этом автор письма уточняет и желательное место (уже автономно от места захоронения):

³ Фамилия *Коробицын* довольно распространена в районе. Участники переписки периодически пишут ее в виде *Коробицин*.

Убитым в восстании в 1921 году поставлен памятник в селе Красново на площади у магазина, вот и ему, нашему деду, мы, родственники, хотели бы там же открыть мемориальную доску [Там же: Л. 15].

Сама биография деда, которую излагает Белослудцев, выглядит как встро-енная в советский революционный канон («Он начал свою подпольную ра-боту еще когда служил в армии в первую мировую войну, еще когда был при-говорен к смертной казни, но помешала революция и, вернувшись из армии, мой дед стал строить на селе новую жизнь»), а проявление интереса к его фи-гуре — уже не как запрос исключительно родственников: «...даже в современ-ной школе учителя спрашивают у стариков, кто же был первым организатором поднятия флага за коммуну в селе Красново» [Там же].

На этом борьба за установку памятного знака, к которой так стремится П. А. Белослудцев, не закончилась. В ходе последующей переписки выяс-нилось, что сам факт основания коммуны «Красная звезда» его дедом может быть подвергнут сомнению. Секретарь Исетского райкома КПСС тов. Л. Куба-сова привела целый ряд данных о том, что основателем коммуны был другой человек — Яков Степанович Заворотчев. В целом эта версия была аргумен-тирована гораздо более убедительно. Секретарь райкома апеллировала в числе прочего к экспертизе наиболее авторитетного местного краеведа — А. Л. Еме-льянова.

В задачу настоящей статьи не входит установление истинного основа-теля коммуны «Красная звезда». Важно только показать, что в определении этой фигуры были (и до сего дня остаются) существенные затруднения. Про-блема здесь и в недостаточности источников, и в возможностях по-разному воспринимать саму категорию «основатель». Вероятно, упомянутый выше Я. С. Заворотчев активно претендовал на роль основателя (и вполне оправдан-но). В отличие от А. М. Коробицына, он пережил время Гражданской войны и еще долго имел возможность озвучивать свою версию событий. Например, в автобиографическом тексте, хранящемся в Исетском краеведческом музее [ИНКМ: 83–92]⁴, он напрямую утверждает: «20 марта 1920 года в с. Красно-во я организовал коммуну “Красная звезда”» [Там же: 84]. Любопытно, что в этом же тексте Заворотчев отдельно упоминает о деду П. А. Белослудцева: «Коробицын Андрей Михайлович был грамотным, он вел все дела в коммуне и записи» [Там же: 92]. Можно привести и примеры более публичных текстов, утверждающие о Я. С. Заворотчеве как основателе коммуны. Дополни-тельным косвенным подтверждением его роли служит указание на то, что во время восстания именно в нем «кулаки» видят главного противника, которого необ-ходимо уничтожить. Так, в газетной заметке «Дорогой революции. Полвека с партией», посвященной одной из коммунарок «Красной звезды», Анне Семе-новне Столбовой (ее отец был убит во время восстания)⁵, можно прочитать:

⁴ Возможно, цитируемый текст, созданный после 1954 г., написан не самим Я. С. Заво-ротчевым, а под его диктовку.

Здесь и далее при ссылках на данный архив указываются страницы по внутренней нумерации тетради; архивистом листы не пронумерованы.

⁵ Его имя в числе прочих высечено на стеле памяти погибших, появившейся позднее в центре села.

В дикой злобе метался по селу матерый кулак Макарка Сидоров. — Всех коммунистов прирежем — кричал он — А Яшке Заворотчеву нос и уши отрежем, глаза выколем, по селу в таком виде проведем. Пусть знает сволочь, как нашу землю отбирать [МКСШ]⁶.

Аналогичным образом в «Слове Белослудцевой Екатерины Андреевны»⁷ после нескольких фраз о составе коммуны и о том, что организатором был ее отец, подробно описаны события восстания и расправы над коммунарками:

Мы сидели дома, к нам забежали Антон Васильевич и Сметанин Яков (красновские) закричали: «Где Коробицин?» его нет он уехал они тогда нам сказали: Если бы, он был не мы его прямо из комнаты не вывели приткнули, бы его прямо в доме. Раньше до этого они говорили восстание будет, тогда мы всю Коробицинскую семью в кадушках исквасим [Там же].

Несмотря на многочисленность убитых во время восстания коммунаров «Красной звезды», ни Я. С. Заворотчева, ни А. М. Коробицына среди жертв не оказалось. Их отсутствие в коммуне во время восстания, вероятно, спасло им жизнь. Заворотчев указывает в автобиографии: «... за два дня до восстания коммуна отправила меня на учебу в Ялуторовскую партшколу» [ИНКМ: 89]. Е. А. Белослудцева поясняет подробнее:

Отец работал в Ялуторовском земельном отделе. приехал в пятницу домой, а в субботу провел собрание, он говорил. «Ребята⁸ берегитесь. Вспышку ждем со дня на день, с часу на час. В воскресенье уехал на работу. В понедельник без него наступили бандиты, произошло восстание [МКСШ].

Стоит добавить, что и первого председателя коммуны «Красная звезда», Никандра Мироновича Белослудцева, в момент восстания также не оказалось дома — он уехал.

Таким образом, выявление личности основателя коммуны «Красная звезда», как и характер его отношения к восстанию, представляются довольно сложной (если вообще решаемой) задачей. До писем П. А. Белослудцева сотрудники партийной райорганизации скорее были склонны считать основателем коммуны Я. С. Заворотчева. Тем не менее, несмотря на то что Исетский райком в ответе Белослудцеву напрямую ссылался на некое письмо Заворотчева (хранящееся в бумагах парткомитета колхоза «Сибирь» и содержащее

⁶ Материалы этой россыпи не пронумерованы, потому цитируются без указания листов или страниц. Здесь цитируется газетная вырезка. Возможно, материал был опубликован в районной газете «Заря» в конце 1960-х — 1970-е годы; менее вероятна публикация в областном издании «Тюменская правда» в этот же период. К сожалению, точные выходные данные установить не удалось.

⁷ Она приходилась дочерью А. М. Коробицыну и теткой П. А. Белослудцеву. Текст этого документа, вероятно, был записан не собственноручно Белослудцевой, а школьниками (или школьным учителем), собравшими материалы о революционной истории села.

⁸ В документе кавычка не закрыта.

его версию создания коммуны), запрос внука погибшего коммунара на установление мемориальной доски хотели удовлетворить. Правда, был предложен компромиссный вариант текста, в котором речь шла бы о том, чтобы доска установлена «с именами восьми первых коммунаров сельскохозяйственной коммуны “Красная звезда”» [ГАСПИТО: Л. 16]. Одним из этих восьми имен должно было стать имя А. М. Коробицына. Секретарь райкома тоже обещала провести в Исетском краеведческом музее выставку, посвященную коммуне «Красная звезда».

Судя по всему, после этого переписка прерывается почти на год. Но 11 октября 1977 г. П. А. Белослудцев пишет в партийный районный комитет снова. Тон его письма ощутимо меняется. На этот раз он обрушивается с критикой на местные партийные органы, которые, по его словам, обещали заняться увековечением памяти его деда. Важен приближающийся юбилей революции: «В настоящее время ничего не делается, хотя до 60летия Октября осталось менее месяца» [Там же: Л. 19 об.]. О бездействии местных властей ему сообщают его тетки Анастасия Андреевна и Екатерина Андреевна, проживающие в с. Красново. Вероятно в преддверии юбилея революции очередное письмо возымело действие. Во всяком случае, меньше чем через месяц, а именно 2 ноября 1977 г., упомянутая выше секретарь Исетского райкома КПСС тов. Л. Кубасова отчиталась о выполненных работах [Там же: Л. 22]. Была приведена в порядок могила, на надгробии размещена надпись: «Здесь похоронен организатор коммуны “Красная звезда” Коробицын Андрей Михайлович». Отдельная мемориальная доска была установлена в центре села на здании правления колхоза. Экспозиция в Исетском краеведческом музее находилась, правда, еще в процессе подготовки. Зато, несмотря на первоначальные возражения секретаря райкома, текст на мемориальной доске выглядел довольно однозначно — на здании правления колхоза теперь можно было прочитать: «Колхоз “Сибирь” расположен на территории коммуны “Красная звезда”, организатором которой был Коробицын Андрей Михайлович». Оба мемориальных текста — и на доске в центре села, и на могиле деда П. А. Белослудцева — сохраняются в с. Красново в неизменном виде.

Мемориальная доска в пространстве с. Красново

В центре с. Красново сосредоточено несколько важных для повседневной жизни зданий — администрация, общеобразовательная школа, старейший местный магазин⁹. Тут же когда-то находилась церковь. Именно в этом центральном пространстве сегодня располагается ряд мемориальных объектов. Прежде всего это два монументальных памятных знака: первый — памятник советским солдатам Великой Отечественной войны, второй — высокая стела с именами погибших во время крестьянского восстания. Впрочем, прямого упоминания о восстании или первой коммуне на стеле нет, только надпись: «Вечная слава борцам революции». Зато о коммуне «Красная звезда» идет речь в тексте на доске, которая находится там же, где была размещена в 1977 г., — на бывшем здании правления колхоза «Сибирь». Правда, администрация пере-

⁹ Здесь и далее идет описание по состоянию на март 2020 г.

ехала в дом по соседству, а прежнее здание ремонтируют для размещения там жилых квартир¹⁰. Фотографии 1970-х годов позволяют реконструировать пространство, в которое первоначально была помещена мемориальная доска: на козырьке здания находилась большая вывеска с информацией о колхозе «Сибирь», вокруг нее — красочные агитационные плакаты [МКСШ]. Разумеется, нынешнее положение доски выглядит уже не так выигрышно, как прежде.

Другая надпись, за установление которой боролся П. А. Белослудцев, размещена на небольшой могильной стеле собственно на месте захоронения А. М. Коробицына. Могила в ухоженном состоянии. Расположена она на заметном расстоянии от села (около двух километров), в небольшой роще, сохраненной посреди распаханного поля. В этом месте было похоронено несколько коммунаров, впрочем, на сегодняшний день следы далеко не всех захоронений сохранились. Помимо могилы А. М. Коробицына, имя сохранено только на одном захоронении — Игнатия Павловича Красилова (1892–1934).

На первый взгляд может показаться, что мемориальный ландшафт 1970-х остался совершенно без изменений. Но это не совсем так. И дело не только в новом статусе здания правления колхоза. Во-первых, сейчас в центральной части села более заметными по сравнению с памятной доской с информацией об основателе «Красной звезды» кажутся две другие, более новые. Обе размещены на здании Красновской общеобразовательной школы. Одна посвящена 130 детям, эвакуированным в село из Ленинграда во время блокады, вторая — учившемуся в школе Ю. С. Коробицыну, который в 2000 г. погиб в Чечне. Обе находятся явно в более «проходном» теперь месте, тексты на них более эмоционально окрашены. Первая надпись заканчивается словами «Низкий поклон жителям села от спасенных детей!», вторая — «Светлая память о тебе Юра живет в сердцах твоих земляков». Кроме того, и памятник советским солдатам, и стела борцам революции в некоторой степени изменили свой облик по сравнению с состоянием на конец 1970-х годов. Так, постамент первого теперь облицован красным кирпичом, из такого же кирпича сложены столбики небольшой ограды вокруг памятника. Стела борцам революции, напротив, стала выглядеть более аскетично — с ее верхней части исчезла красная пятиконечная звезда.

Нельзя не упомянуть еще об одном памятнике советского времени, который вовсе исчез из пространства села, — о памятнике Ленину. Несколько раз его переносили, в постперестроечный период он был утрачен, уже в 2000-е годы обнаружен и передан в Тюмень (см.: [zampolit 2017]).

Несколько интервью, записанных от жителей с. Красново, показали, что по вполне понятным хронологическим и биографическим причинам разговор о мемориальной доске «основателю коммуны» А. М. Коробицыну сразу переходит на разговор о стеле памяти погибших коммунаров. Но есть еще одна закономерность — переход от стелы к памятнику советским воинам и к теме Великой Отечественной войны в целом. Именно на разговор о войне и о памяти (или забвении) о ней респонденты переходили почти неизбежно.

Далее, опираясь на материалы интервью с тремя жителям Краснова, я попытаюсь показать некоторые особенности памяти/забвения событий, свя-

¹⁰ Сообщение руководителя администрации Красновского сельского поселения Николая Семеновича Белослудцева.

занных с началом учреждением коммуны и драмой крестьянского восстания в селе. Семьи всех трех респондентов имеют отчетливую связь с этими событиями. Первый — один из правнуков А. М. Коробицына и племянников П. А. Белослудцева [Инф. 1]. Второй — потомок другого участника коммуны «Красная звезда» [Инф. 2]. Третья респондентка — жена второго, приехала в 1964 г. в Красново как учительница, в дальнейшем принимала участие в организации ухода школьников за монументами и была одним из организаторов школьного музея [Инф. 3].

Все респонденты больше связаны с победившей стороной. То есть на первый взгляд вряд ли можно говорить о том, что передача памяти о Гражданской войне и создании коммуны была для близких этих респондентов затруднена в связи с ее фундаментальной противопоставленностью действовавшим в советское время общенациональным рамкам памяти. Может быть, местные жители окажутся гораздо более осведомлены о деталях этих событий, чем П. А. Белослудцев, который даже перепутал имя своего деда?

Правнук А. М. Коробицына [Инф. 1], с одной стороны, транслировал общее знание о роли своего предка в организации коммуны: «Как мы знали, что отец ее [бабушки] был первым организатором коммуны». О П. А. Белослудцеве он помнит прежде всего в контексте его приезда на открытие памятных знаков: «Я помню, что дядя Петя в 1970-е годы [приезжал], родственники съезжались». Более того, его представление об обстоятельствах смерти прадеда носит явно искаженный характер¹¹. Так, на вопрос о том, рассказывали ли ему что-то об этом, он отвечает: «Нет, что расстреляли — расстреляли. Похоронили. И все. А как, при каких обстоятельствах?» В целом его познания о жизни родственников из семьи прадеда выглядят крайне скудными («Все так оборвалось, и никаких связей»), и это при том, что саму могилу прадеда последние несколько десятков лет респондент и его жена регулярно приводят в порядок — с 1990-х годов, после того как это перестали делать школьники.

Возможно, наиболее ярким сюжетом о временах создания коммуны и Гражданской войны, который правнук «основателя коммуны» воспринял от родственников, стал сюжет, воспроизводившийся сестрой его бабушки, также дочерью А. М. Коробицына:

Она рассказывала, та бабушка-то <...> Как Колчак-от здесь. Восстание-то было. И их угоняли в Ялуторовск. <...> А вот почему — я все добиться не мог. Просто вот так, с распросами [Инф. 1].

Вероятнее всего, речь в рассказе шла о периоде, когда территорию контролировала армия Колчака, хотя нельзя полностью исключить наслоение нарративов о более поздних эпизодах, когда восставшие сгоняли и брали в плен

¹¹ Здесь можно предложить три вероятных варианта объяснения. Первый — что респондент реконструировал обстоятельства смерти прадеда, опираясь на общее знание о крестьянском восстании, а напрямую с ним об этом никто из родственников не говорил. Второй — что о смерти прадеда от тифа ему рассказывали, но позднее он забыл это или что-либо перепутал, опираясь на общие представления о восстании и убийстве коммунаров. Третий — что кто-то из старших родственников сознательно исказил информацию. О том, что родственникам было известно, что именно тиф послужил причиной смерти А. М. Коробицына, свидетельствуют письма П. А. Белослудцева «во власть».

коммунаров. Но как бы то ни было, в описании событий можно отметить два важных акцента: во-первых, на насилии и/или его угрозе; во-вторых, на невовлеченности местных жителей в акты насилия друг против друга:

Она только рассказывала нам, как их. Ну, как их — которые что к коммунарам-то. В Ялуторовск погнали. И плеткой еще, говорит, на меня какой-то еще замахнулся всадник-то. А не было такого, что кто-то богатый или единоличник на коммунаров-то. Такого-то в деревне не слышать [Инф. 1].

Характерно, что второй и третий респонденты излагают свою версию событий с теми же двумя акцентами, при том что к ведущей роли А. М. Коробицына в основании коммуны они скорее относятся скептически, отдавая предпочтение Я. С. Заворотчеву. Так, второй респондент, потомок одного из коммунаров, подчеркивает:

Как его фамилия... Коробицына вообще не вспоминали. Ни дедушка Василий, ни отец не вспоминал. <...> Что организовал [коммуну] — этого я не знаю. Коробицын. Его вклинили. А отец, дедушка Василий говорили — нет [Инф. 2].

Третья респондентка, бывшая школьная учительница, замечала:

А до этого-то [до установки памятной доски] к нам-то приезжал Заворотчев¹². И все говорили, что Заворотчев эту коммуноу-то организовал [Инф. 3].

Впрочем, сам вопрос об основателе коммуны ни для одного из респондентов не является ни действительно принципиальным, ни даже более-менее значимым. Об этом говорят скорее легко, иногда даже с иронией. Другое дело — когда заходит речь об обстоятельствах смерти коммунаров и о насилии во время восстания. Здесь, кажется, слова подбирать сложнее. Так, показательны следующие рассуждений третьей респондентки:

А Коробицын. Они [А. М. Коробицын и Я. С. Заворотчев], видишь как, были вместе. Работали-то. Только вот, когда вот это восстание, че у вас было, один-то уехал в Ялуторовск, а второй-то здесь был. И вот, когда вот этот-то переворот то был вот этот. То был тут именно Коробицын, вот здесь. А Заворотчев-то был в Ялуторовске. И вот поэтому-то вот, как бы он и является вот тут вот, вот этим-то. Организатором. Они оба как бы тут, и Коробицын, и Заворотчев. Они оба тут руководили. Но только что вот один-то был, когда вот это, убивали вот этих всех <...> Вот они-то на коммуноу и нападали. А Заворотчев-то в это время уехал в Ялуторовск. По каким-то делам или как ли. Это не знаю, по какой причине. А Коробицын-то именно вот здесь вот в этом восстании-то участвовал [т. е. находился во вре-

¹² Речь шла, вероятно, о сыне Я. С. Заворотчева.

мя восстания против советской власти]. Поэтому ему вот и сделали [установили мемориальную доску] [Инф. 3].

Темп речи респондентки медленный, кажется, что она долго подбирает слова, чтобы упомянуть об убийствах. Характерно, что эти рассуждения являются как отклик на вопрос о причинах большего внимания к А. М. Коробицыну, чем к Я. С. Заворотчеву. Выходит, что информантка апеллирует к его присутствию в Красново во время столкновений и насилия. Здесь в беседу включается второй информант — он дополняет рассуждения репликой, которая указывает на неместное происхождение убийц: «Но это приезжал из Лобаново бандит-то, бандит-то» [Инф. 2]. Респондентка подтверждает его правоту: «Да, да. Вот они-то на коммуну и нападали» [Инф. 3].

Уходя от обсуждения причастности местного населения к насилию во время восстания, все три респондента при прямых вопросах все же не отрицали, что жители села по-разному относились к новой власти и коммунарам. Третья респондентка вспоминает в том числе недавно почившую ровесницу, которая вслух критиковала коммунаров:

Она всегда против. Она прям так яро. Гаева-то. Прям это, знаешь, так настроена была, что против коммунаров [Инф. 3].

Есть у всех респондентов и представление о причинах нелюбви к коммунарам части сельчан (хотя, разумеется, хронология здесь может существенно расширяться и включать более позднее время — период коллективизации):

Хорошо жили. А коммунаровские-то, они че — все свели. Там бедняки были в основном-то. Но она [соседка] говорит там про какую-то женщину: «Вот пришла, и в моем платке». Понимаешь. И вот это вот ее, что у них забирали, а этим отдавали что, коммунарам. <...> Ну, у этих зажиточных-то забрали вот такие вещи которые. А этим-то коммунарам-то отдавали. Они оденутся. А эти-то видят [Инф. 3].

Правнук А. М. Коробицына и вовсе начинает разговор о том, что не ведется речи о погибших во время Гражданской войны противниках советской власти:

И видите, какое время было, я говорю, ну, восстание было колчаковское пускай здесь. А где белогвардейцы-то схоронены у нас? Тоже вопрос остался открытым [Инф. 1].

В целом все три респондента в общем ключе описывают и ситуацию с установкой памятных объектов с упоминанием А. М. Коробицына — как некое внешнее, принятое где-то вне с. Красново решение, причины которого не вполне ясны. Характерно, что и племянник П. А. Белослудцева считает ровно так же:

С нашей-то стороны, с родственной, ничего не было. Все сверху было. Района или [откуда-то еще] [Инф. 1].

А сам приезд родственников во время установки памятных знаков предстает как нечто экстраординарное, за чем последовало забвение:

Один то раз, когда памятник открывали, они и съезжались сюда. Когда памятник-то вот этот, обелиск-то, ставили и доску-то на правление колхоза прибывали. Устанавливали. Вот они и съезжались. Сами знаете, было советское все, КПСС, все у нас было. Все как-то посчитали, а потом забылось [Инф. 1].

Обосновывающая история и локальное забвение

Не секрет, что память всегда неизбежно связана с забвением. Но, как отметила А. Ассман, память и забвение не только не являются противоположностями, но вполне «целесообразно изучать промежуточное пространство между ними, а также формы их скрещивания и пересечения» [Ассман 2019: 17]. Как я полагаю, рассмотренный выше кейс, связанный с установкой и бытованием в с. Красново памятной доски коммунару времен Гражданской войны А. М. Корибицыну, позволяет наблюдать как раз то самое промежуточное, переходное состояние между памятью и забвением. И интересен этот кейс (несмотря на некоторую свою курьезность) еще и тем, что дает возможность говорить об особенностях существования в позднесоветском обществе режима памяти о событиях Гражданской войны в условиях локальных сельских сообществ. При чем то, что разговор идет об условном забвении «наследников победителей», кажется еще более примечательным.

Речь идет о памяти и забвении со стороны третьего — четвертого поколений по прошествии 50–100 лет после событий, т. е. в то время, на которое, по А. Ассман, приходится грань исчезновения социальной памяти [Ассман 2014: 22–25]. Но можно было бы предположить, что в условиях существования специальных мемориальных объектов и на первый взгляд вполне благоприятных социальных рамок памяти для этого прошлого (см.: [Хальбвак 2005; 2007]) забвение фактов жизни одного из коммунаров «Красной звезды» могло бы происходить не так стремительно, как, судя по всему, оно происходило в последние полвека. А оно происходило, кажется, не менее стремительно, чем забвение о событиях крестьянских восстаний конца Гражданской войны во многих других местах¹³.

Полагаю, что можно говорить о двух существенных факторах, способствующих подобному забвению. При этом я вовсе не утверждаю, что эти два фактора являются единственными или даже наиболее важными, только лишь то, что они играют заметную роль в рассмотренном кейсе.

Первый — это стремление сгладить напряжение внутри локального сообщества, где грань Гражданской войны часто проходила не только между деревнями (ср. приведенное выше высказывание респондента «из Лобаново бандит-то»), но и внутри деревень. Показательно, что в свидетельствах 1970-х годов можно найти прямые указания на участие жителей Краснова в борьбе

¹³ Общие наблюдения на этот счет см. в обзорной статье по материалам полевого исследования памяти о Западно-Сибирском и Тамбовском восстаниях 2018 г.: [Кравченко и др. б. д.].

с коммунарами (например, в процитированном выше «Слове Екатерины Андреевны Белослудцевой»). Три респондента, интервью с которыми рассматривались выше, напротив, не только не стремятся указать на участие в насилии жителей своего села, но и сдвигают акцент в сторону насилия именно со стороны пришлых. Разумеется, нельзя быть в полной мере уверенным, делается ли это потому, что респонденты воспроизводят знакомый им нарратив, либо потому, что они хотят сгладить прошлый насильственный конфликт внутри села, несмотря на то что слышали и что-то знают о нем. К тому же можно предположить то, что между этими двумя вариантами есть немало полутонов. Как бы то ни было, такая стратегия переноса прямого источника насилия вовне может обеспечивать то целительное забвение, которое должно позволить избежать роста напряжения между местными.

При этом, правда, память о самом факте насилия и о его важности оказывается тем, что, напротив, в наименьшей степени подвергается забвению. Неслучайным кажется и утверждение третьей респондентки, согласно которому А. М. Коробицын был удостоен памятной доски в центре села потому, что из основателей коммуны именно он погиб во время восстания (хотя, как мы знаем, это было не так).

Второй фактор, который я выделяю, в большей степени позволит понять проявляющийся в переписке П. А. Белослудцева слабый интерес к биографическим деталям жизни своего деда, при том что сам процесс создания памятных объектов в публичном пространстве кажется ему крайне важным. Чтобы описать этот фактор, понадобится небольшое теоретическое отступление.

Забвение событий сельчанами, причина которого заключается в стремлении купировать возможное обострение отношений внутри локального сообщества, легко уложить в классификацию, которую предлагает А. Ассман, и отнести к «охранительному или совиновному забвению» [Ассман 2009: 48–51]. Сложнее с тем специфическим забвением, которое возникает у П. А. Белослудцева. Можно, конечно, опираясь на классификацию Ассман, говорить о том, что это результат *domnatio metoigiae* («карающего и репрессивного забвения») [Ассман 2019: 44–48]. Но это скорее уведет от понимания специфики кейса. Ведь тогда проблематизируется прежде всего влияние на память эпохи 1920–1940-х годов, когда в советском обществе становится распространенным и типичным «карающее забвение», вызванное активным вторжением со стороны советского государства в практики самоописания, их проектирование вплоть до форм насилия, предопределяющих памятование в постреволюционном обществе. В разговоре о подобном забвении приходят на ум образы Дж. Оруэлла, описывавшего практики тоталитарного государства, которое стремится отнять прошлое у граждан («История остановилась. Нет ничего, кроме нескончаемого настоящего, где партия всегда права»¹⁴). Но ведь переписка П. А. Белослудцева разворачивается в 1970-е годы — было бы большим упрощением схематизировать ее, объединяя со схематизированной же сталинской эпохой. К тому же остается слишком много неясного. Почему становится возможным такое активное и даже агрессивное памятование со стороны П. А. Белослудцева, который оказывает давление на местные партийно-госу-

¹⁴ Пер. В. П. Гольшева.

дарственные структуры? Почему, если он стремится восстановить память о своем деде, он так мало интересуется им самим, его историей и не запоминает его имя-отчество?

Многое в рассмотренном кейсе может быть высвечено, если попытаться апеллировать к концепции Пьера Нора о местах памяти (*lieux de mémoire*). Действительно, тот контекст, который Нора описывает как предпосылку возникновения мест памяти, очень напоминает ситуацию с Белослудцевым. «Вырвано с корнем все то, что еще сохранялось из пережитого в тепле традиций, в мутациях обычаев, в повторениях пришедшего от предков, под влиянием глубинного исторического чувства. <...> О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет» [Нора 1999: 17]. Именно в таких условиях и возникают места памяти — там память находит свое убежище. Ведь они «существуют потому, что больше нет памяти социальных групп» [Там же]. Тем более что Нора делает акцент на той «невосполнимой потере, заключавшейся в исчезновении крестьянства, являвшегося по преимуществу коллективной памятью» [Там же: 18]. А места, где процесс исчезновения крестьянства происходил более драматично, чем в СССР, найти непросто. Значит, и разрыв между исчезающим миром крестьянства и новым городским миром в СССР был колоссальным.

И все-таки концепция мест памяти, кажется, не позволяет дать ответ на вопрос о странном сочетании у П. А. Белослудцева вовлеченности, интереса к увековечиванию памяти деда с безразличием к деталям жизни предка. К тому же речь шла о событиях, которые произошли меньше чем за пятьдесят лет до его писем и чуть более чем за десять лет до его рождения.

Мне кажется продуктивным соотнести рассмотренный кейс с теми размышлениями о характере и природе памяти, которые приводил Я. Ассман в «Культурной памяти». Исследователь обращает внимание на важность обосновывающей истории (того, что связано с истоком, происхождением) в жизни общества [Ассман 2004: 82]. По Ассману, в отличие от коммуникативной памяти, основанной на воспоминаниях, «которые связаны с недавним прошлым» [Там же: 52], обосновывающая история в большей степени связана с памятью культурной. При этом коммуникативная память обычно исчерпывается рамками 80 лет до настоящего момента, а в 40 лет после событий наступает «критический порог» [Там же: 53] и происходит активная передача памяти о событиях. Обосновывающая же история для Я. Ассмана есть миф, в том смысле, что это «история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [Там же: 55]. При этом существенно, что обосновывающая история может быть направлена, по Ассману, как во время оно (*ср. in illo tempore*), т. е. в абсолютное прошлое, так и собственно в историческое время. Например, мифология древнего Израиля задействовала не космический, а исторический миф; таким образом, по Я. Ассману, древний Израиль «осознает свое историческое становление» [Там же: 82].

Вполне понятно, что обосновывающая история советского общества находилась в эпохе Октябрьской революции либо революции и Гражданской войны. Она, без всякого сомнения, помещена в историческое время. Само по себе, разумеется, для современных обществ это не является чем-то необычным. Но есть одна черта, которая встречается не так часто: обосновывающая история не только сформировалась в советском обществе сразу после (или даже в про-

цессе) революции и Гражданской войны, но и последовательно и системно структурировала представления о мире и себе для советских граждан на протяжении почти семи десятков лет. Обосновывающая история (связанная прежде всего с предписаниями культурной памяти, которые были сформулированы, вероятно, к 1930-м годам¹⁵) блокировала коммуникативную память и преобладала над ней. Рубеж 40–50 лет по прошествии событий этой эпохи (когда в других ситуациях нередко начинается активное воспоминание о событиях представителями старших поколений) пришелся на момент, когда не только споры, но и вообще бытовые или излишне частные воспоминания о ней были крайне затруднены и неуместны¹⁶.

Таким образом, говоря о втором факторе забвения в рассматриваемом кейсе, я бы описал его характер следующим образом. Ситуация 1970-х годов была ситуацией абсолютного преобладания рассказа об эпохе революции как обосновывающей истории, истории мифической по своим функциям и сакральной по представлению; в таких условиях любые частные компоненты коммуникативной памяти, детали биографии и пр. на общественном уровне были или не слишком важны, или даже вредны. По сути, обосновывающая история, возникшая на материале событий относительно недавнего прошлого, не только делает глубоко второстепенной коммуникативную память, но и способствует забвению деталей — просто потому, что они не существенны для «объяснения настоящего».

Если взглянуть на это с такой точки зрения, поведение Белослудцева не кажется столь уж аномальным. Он не помнит имени своего деда и мало (скорее вынужденно) интересуется деталями его биографии, не собирает свидетельства о нем, потому что знает о предке главное — его форму сопричастности той обосновывающей истории, тому мифу основания, который действительно важен. Таким образом, революционный миф фактически способен уничтожать не только детали личной коммуникативной памяти, противоречащие ему, но и в принципе — любые частные, не важные для основного его утверждения детали, даже в случае, когда личные воспоминания сами по себе не вступали в противоречие с революционной историей основания. В этих условиях коммуникативная память оказывалась просто лишней — рано созданная история основания и сопровождавшие его ритуальные формы воспоминания о революционной эпохе стремились вытеснить любую форму коммуникативной памяти, не вписанную в канон (в том числе и вполне «просоветскую» память).

Мощные механики замалчивания прошлого в советском обществе, обусловленные давлением идеологической конъюнктуры в послереволюционные десятилетия, не раз становились объектом изучения (см., например: [Лейбович 2019]). То же можно сказать и о внимании исследователей к преградам для передачи коммуникативной памяти о советском прошлом между представителями разных поколений (см., например: [Омельченко, Андреева 2017]). Но ситуация, когда память, находящаяся в пределах общесоветских идеологических рамок, оказывается объектом стремительного забвения, мало изучена. Именно подобное забвение локальных деталей, не только не противоречащих, но нахо-

¹⁵ Выход «Краткого курса истории ВКП(б)», оформление соцреализма и пр.

¹⁶ Ср. с ситуацией «спора историков» в Германии или с проблематизацией событий Великой Отечественной во время перестройки и в начале 1990-х годов.

дящихся в самом центре национального мифа, кажется наиболее интересной чертой рассматриваемой выше истории. И хотя речь идет лишь об отдельном примере, но локальный кейс позволяет поставить вопросы: не являлась ли подобная форма забвения распространенной в советском обществе? А если это так, где искать предпосылки и причины такого забвения?

После советского

Прекращение восприятия эпохи революции как обосновывающей истории на общенациональном уровне, наступившее в постсоветскую эпоху, не способствовало всплеску нового памятования о событиях в с. Красново. Вымывая пласт культурной памяти о революции как потерявший значимость, постсоветская эпоха не принесла в рассматриваемое село и существенного ренессанса коммуникативной памяти о Гражданской войне. А последние свидетели эпохи были уже в весьма солидном возрасте. Но главное — не было ясно, зачем об этом говорить. Первый из обозначенных выше факторов забвения (стремление сгладить напряжение внутри локального сообщества), вероятно, не потерял еще свою значимость. Какой-либо культурной или законодательной инфраструктуры для вспоминания также не появилось. Отсутствие художественного произведения, способного закрепиться в каноне и тем самым ввести события Западно-Сибирского восстания в ранг событий, значимых для общенациональной культурной памяти, возможно, ощущал уже П. А. Белослудцев. Неслучайно в одном из писем он настойчиво апеллировал именно к советскому литературному канону: «...обстановка в Сибирской деревне связывается с обстановкой на Дону, когда читаешь “Тихий Дон” Шолохова» [ГАСПИТО: Л. 10]. Но Западно-Сибирское восстание так и не получило отражения в общенациональном каноне ни в советскую, ни в постсоветскую эпоху. А значит, забвение в с. Красново получило возможность и дальше сглаживать молчанием следы от ран прошлого почти столетней давности. Только таблички и обелиски остались осколками все менее понятной и все более далекой эпохи.

Источники

Архивные

ГАСПИТО — Материалы об увековечении памяти героев Гражданской войны на территории Тюменской области (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 138).

ИНКМ — Исетский народный краеведческий музей им. А. Л. Емельянова (подразделение автономного учреждения «Культура и молодежная политика Исетского муниципального района»).

МКСШ — Музей Красновокой средней школы. Материалы архивной россыпи (Красновская СОШ).

Сетевые

zampolit 2017 — *zampolit*. Ленин из села Красново в лесу у Пышмы // PUTI-shestvuy. 2017. 1 авг. URL: <http://safe-rgs.ru/3495-lenin-iz-sela-krasnovovo-v-lesu-u-pyshmy.html>.

Информанты

- Инф. 1 — муж., правнук А. М. Коробицына, племянник П. А. Белослудцева, житель с. Красново.
- Инф. 2 — муж., потомок одного из членов коммуны «Красная звезда», житель с. Красново, пенсионер.
- Инф. 3 — жен., супруга Инф. 2, приехала в с. Красново в 1964 г., работала учительницей, одна из организаторов школьного музея, пенсионерка.

Литература

- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Ассман 2019 — *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2019.
- Кравченко и др. б. д. — *Кравченко А. В., Склез В. М., Соколова А. Д.* Память о Западно-Сибирском и Тамбовском восстаниях в современной России // После бунта: память о Тамбовском и Западно-Сибирском восстаниях. URL: <http://warandpeasant.ru/dossier/7>.
- Лейбович 2019 — *Лейбович О. В.* «Теперь не время помнить...» Большевизация исторической памяти в 1920–1930-е годы // *Технологос*. 2019. № 3. С. 38–46.
- Нора 1999 — *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // *Нора П. и др. Франция-память* / Пер. с фр. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Омельченко, Андреева 2017 — *Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В.* Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // *Социологические исследования*. 2017. № 11. С. 147–156.
- Хальбвакс 2005 — *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память / Пер. с фр. // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
- Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. М.: Нов. изд-во, 2007.

References

- Assman, A. (2014). *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaiia politika* [Trans. from Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Beck]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriei* [Trans. from Assmann, A. (2016). *Formen des Vergessens*. Wallstein Verlag]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Assman, Ia. (2004). *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Trans. from Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Beck]. *Iazyki slavianskoi kul'tury*. (In Russian).
- Khal'bvaks, M. (2005). *Kollektivnaia i istoricheskaiia pamiat'* [Trans. from Halbwachs, M. (1997). *La mémoire collective*. Albin Michel]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2005(2–3(40–41)), 8–27. (In Russian).
- Khal'bvaks, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamiat'* [Trans. from Halbwachs, M. (1994). *Les cadres sociaux de la mémoire*. Albin Michel]. *Novoe izdatel'stvo*. (In Russian).
- Kravchenko, A. V., Sklez, V. M., & Sokolova, A. D. (n. d.). *Pamiat' o Zapadno-Sibirskom i Tambovskom vosstaniakh v sovremennoi Rossii* [Memory of the West Siberian and Tambov uprisings in modern Russia]. In *Posle bunta: pamiat' o Tambovskom i Zapadno-Sibirskom vosstaniakh*. <http://warandpeasant.ru/dossier/7>. (In Russian).

- Leibovich, O. V. (2019). “Teper’ ne vremia pomnit’...” Bol’shevizatsiia istoricheskoi pamiati v 1920–1930-e gody [“Now is not the time to remember...” Bolshevization of historical memory in the 1920s–1930s]. *Tekhnologos*, 2019(3), 38–46. (In Russian).
- Nora, P. (1999). Mezhdū pamiat’iu i istoriei. Problematika mest pamiati [Trans. from Nora, P. (1986). Les lieux de mémoire. Gallimard]. In P. Nora et al. *Frantsiia-pamiat’* (pp. 17–50). Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. (In Russian).
- Omelchenko, E. L., & Andreeva, Iu. V. (2017). Chto ostaetsia v semeinoi istorii: pamiat’ o sovetskom skvoz’ razgovor trekh pokolenii [What remains in family history: Memory of the Soviet through the conversation of three generations]. *Sotsiologicheskies issledovaniia*, 2017(11), 147–156. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Артем Владимирович Кравченко

МА

стажер-исследователь, отдел русского народа, Институт этнологии и антропологии РАН

Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (495) 938-17-93

старший преподаватель, исторический факультет, Московская высшая школа социальных и экономических наук

Россия, 119571, Москва, пр-т

Вернадского, д. 82

Тел.: +7 (495) 564-85-82

✉ artemioskravchenko@gmail.com

Artem V. Kravchenko

MA (Public History)

Researcher, Russian Department, Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences

Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt, 32a

Tel.: +7 (495) 938-17-93

Senior Lecturer, History Department, Moscow School of Social and Economic Sciences

Russia, 119571, Moscow, Prospekt

Vernadskogo, 82

Tel.: +7 (495) 564-85-82

✉ artemioskravchenko@gmail.com

Э.-Б. М. Гучинова

ORCID: 0000-0002-9901-0131

✉ bairjan@mail.ru

Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, Элиста)

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДЕПОРТАЦИЮ КАЛМЫКОВ: ОТ ПОЕЗДОВ ПАМЯТИ К МЕДИАПРОЕКТАМ

Аннотация. Статья посвящена исторической политике в области культуры на материале Калмыкии. Проанализировано, как актуальная для калмыцкой идентичности тема тотальной депортации калмыков и их жизни в Сибири в качестве спецпереселенцев в 1943–1957 гг. отражается в организованных государством театрализованных акциях (таких как митинги памяти, Поезда памяти) и в визуальных медиапроектах (документальные фильмы «Они смогли и мы сможем», 2017, «Калмыки: Возвращение», 2018, «Сестры», 2020). Показана динамика в трактовке этого периода, еще недавно закрытого для публичного обсуждения, с 1990-х годов по настоящее время: от драматизированных оценок к более мягким, вписывающим историю депортации калмыков в историю Великой Отечественной войны. Автор делает вывод, что театрализованные мероприятия и визуальные медиапроекты — важное поле культурного производства, в котором государство видит не только зрелищную составляющую, но и лабораторию, в которой произрастают новые смыслы социального.

Ключевые слова: депортация, калмыки, сталинизм, репрессии, Сибирь, политика памяти, театрализация, общество спектакля, Поезда памяти, медиапроекты, документальные фильмы

Для цитирования: Гучинова Э.-Б. М. Представляя депортацию калмыков: от Поездов памяти к медиапроектам // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 117–135. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-117-135>.

Статья поступила в редакцию 20 мая 2020 г.

Принято к печати 9 ноября 2020 г.

E.-B. M. Guchinova

ORCID: 0000-0002-9901-0131

✉ bairjan@mail.ru

*Kalmyk Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Elista)*

PERFORMING THE DEPORTATION OF KALMYKS: FROM MEMORY TRAINS TO MEDIA PROJECTS

Abstract. The article raises questions of historical policy in the fields of culture and especially media-projects in the Republic of Kalmykia. As a topic that until recently (until 1990) was impossible to discuss in public, but is very important to Kalmyk identity, Stalin's total deportation of the Kalmyks to Siberia in 1943–1957 — is reflected in theatrical actions organized by the state (such as rallies of Memory, Memory Trains), as well as visual Internet projects (documentary films *They could and we can*, 2017, author of the project — television host Sangadji Tarbaev; *Kalmyks: Return*, 2018, *Sisters* by Mingiyar Mandjiev). The author traces the dynamics of the interpretation during the last 30 years: from dramatized assessments to softer ones that inscribe the history of the deportation of the Kalmyks within the history of the Great Patriotic War. The author argues that theater and Internet projects are an important field of cultural production, in which the state sees not only an entertainment component, but also a laboratory that grows new meanings of the social. Theatricalization of the traumatic past becomes an instrument of reconciliation with the past: this leads to a change in the historical discourse in the community, which perceives such spectacles as allowing them to become eyewitnesses to a distant event. As for documentaries with oral testimonies about the deportation, they are perceived as a dialogue with relatives with whom the viewers did not get to speak.

Keywords: deportation, Kalmyks, Stalinism, repressions, Siberia, politics of memory, theatricalization, society of performance, Memory Trains, media projects, documentary films

To cite this article: Guchinova, E.-B. M. (2021). Performing the deportation of Kalmyks: From Memory Trains to media projects. *Shagi / Steps*, 7(1), 117–135. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-117-135>.

Received May 20, 2020

Accepted November 9, 2020

© E.-B. M. GUCHINOVA

Эта статья посвящена репрезентации депортации калмыков в исторической политике, начиная с Поездов памяти, которые организовывались с 1993 по 2004 г., до современных медиапроектов, созданных за последние пять лет. Такие мероприятия, как Поезда памяти, а также театральные постановки (спектакль «Араш» и опера «Калмычка»¹) и медиапроекты приобретают все большую значимость, поскольку «история перемещает центр тяжести из университетов (науки) на рынок культуры» [Ассман 2019: 524]. Однако рассматриваемые в статье проекты стали возможны, потому что вписались в историческую политику государства и в ее конкретные задачи. Мы наблюдаем, как историческая политика использует визуальные проекты, когда надо предложить обществу государственное видение той или иной исторической проблемы. Ведь «культурные конструкции всегда — ответ на запрос политического свойства» [Добренко 2020: 17]. Я постараюсь ответить на вопрос, как государство в общественном пространстве с помощью акций и зрелищ влияет на нарратив о депортации калмыков.

В качестве источников используются опубликованные хроники двух из четырех Поездов памяти [Панькин, Папуев 1994; Бакаев и др. 2002], телевизионные передачи Калмыцкого ТВ, видеопроекты и записи некоторых мероприятий, размещенных в общем доступе на Фейсбуке и на платформе YouTube.

Краткий экскурс

Указом 27 декабря 1943 г. Верховный Совет СССР, обвинив калмыцкий народ в нелояльности советской власти, ликвидировал Калмыцкую АССР. В ходе операции «Улусы» целый народ (примерно 110 тыс. чел.) был депортирован в Сибирь. Утром 28 декабря 1943 г. в каждый калмыцкий дом пришли солдаты, зачитали указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» [Бакаев и др. 1993: 18–19] и дали растерянным людям до двух часов на сборы. Большая часть взрослых мужчин (21 129 чел.) была на фронте [Максимов 2010: 344]. В марте 1944 г. их отозвали с фронтов; рядовые и сержанты оказались в трудовом лагере Широлаг, а офицеры добивались права вернуться на фронт или ехать в Сибирь к своим семьям.

Долгая транспортировка людей зимой в неотапливаемых скотских вагонах, первые месяцы в Сибири и Широлаг остались в социальной памяти калмыков как самые болезненные пункты. Другими травмирующими факторами стали большие человеческие потери (за первый год после выселения погибло 18% сосланных калмыков [Очирова 2009: 588]), а также то, что на протяжении 13 лет калмыки были в положении народа-изгоя. В марте 1956 г. вышел указ Верховного Совета СССР о снятии ограничений с калмыков; в 1957–1958 гг. большинство высланных вернулось в повторно образованную Калмыцкую автономную область (с 1958 г. — Калмыцкая АССР), однако молчание о самом факте выселения не только в публичном пространстве, но даже в частной

¹ Подробнее об этом см. статью автора «Историческая политика в России и опыт театрализации травматического события: депортация калмыков (1943–1956)», готовящуюся к публикации в журнале «Inner Asia» (2021).

сфере (калмыки вспоминали эпизоды о жизни в Сибири, но не рассказывали, почему они там оказались и в каком статусе) сохранялось еще тридцать лет: эпоха гласности в республике началась в 1990 г., когда появились первые публикации о депортации в республиканской прессе.

В начале 1990-х годов тема депортации калмыков была остро актуальной, а сам народ виктимизировался; в последние годы эта тема преподносится в смягченной форме и ежегодно актуализируется 28 декабря. В этот день, являющийся в республике траурным и нерабочим, у мемориала «Исход и возвращение» (скульптор Эрнст Неизвестный; 1996) проводится митинг, на котором выступают высшие чиновники республики.

Память о депортации актуализируется также 9 Мая. В последние годы этот день трактуется как праздник победы не только над врагом, но и над всеми тяготами военных и послевоенных лет. Поскольку тотальные депортации возмездия, или депортации «наказанных народов» (термин А. М. Некрича), осуществлялись в военные годы, официальная идеология стремится объединить все испытания и потери этих лет под одним знаком — знаком войны.

Так дважды в год достигается «синхронизация коллективных эмоций» [Oushakine 2013: 274] народа, что способствует укреплению его идентичности на основе прошлых испытаний. В этом и заключено «аффективное управление историей, цель которого связать вспоминающих людей вместе, предоставив им социальное пространство и символические инструменты, которые могут помочь сделать такую связь ощутимой» [Ibid.: 275].

Производством смыслов в сфере исторических оценок этого периода в истории народа занимаются республиканские власти. Память о депортации поддерживается таким образом, что она мобилизует чувства людей, становится перформативным актом и не столько описывает историю, сколько воссоздает ее.

Сейчас депортация в Сибирь осмысляется калмыками как испытание народа на крепость духа и на верность родине. Очевидцы вспоминают жизнь в Сибири не как сплошную черную полосу, а как период, в котором было много плохого, но хорошего было больше. Калмыки испытывают имплицитную гордость за то, что смогли пережить годы испытаний и вернуться без озлобления, не отягощая карму себе и детям. Этому способствует и утверждающийся в последние десятилетия в республике буддизм, согласно которому верующий должен быть милосерден даже к тем, кто поступает к нему несправедливо.

В то же время слышны и противоположные голоса: экономическая ситуация в дотационной республике рассматривается как символически близкая к депортации — безработица в Калмыкии вынуждает трудоспособное население искать работу в других регионах страны, дети снова растут без родителей, которые уехали на заработки. В социальных сетях распространялся рисунок А. Ю. Давыдова «Circles» (2013), где изображены современные автобусы, в которых калмыки едут на работу в Москву, и эшелоны, увозящие калмыков в Сибирь в 1943 г. (см. с. 121). Сообщество, особенно оппозиционные круги, допускают перспективу ликвидации Калмыкии как субъекта РФ путем объединения с соседней областью или краем, тем более учитывая уже имевшие место прецеденты объединения нескольких субъектов федерации. Подобные страхи регулярно проговариваются в социальных сетях и на митингах оппозиции, но этот сценарий все же остается маловероятным.



А. Ю. Давыдов. Circles. 2013

A. Yu. Davydov. Circles. 2013

Общество спектакля в годы репрессий

Постановочные мероприятия, организованные властью на местах, нередко были адресованы и депортированным. Фальшь массовых постановок в условиях репрессий бросается в глаза современному человеку, но в период депортации и ссылки она часто не осознавалась калмыками. Например, калмыки, отозванные с фронта под предлогом формирования национальной части, в марте 1944 г. были направлены в Молотовскую область (ныне Пермский край), в лагерь принудительного труда Широлаг. На станции Половинка эшелоны с красноармейцами-калмыками торжественно встречали с духовым оркестром и приветственной программой. Узник Широлага Улюмджи Даваев в передаче Калмыцкого ТВ вспоминал: «...мы себя почувствовали участниками праздничного действия. Нам дали концерт, и мы приняли в нем участие» [Мукабенова 2000]. Это свидетельство подтверждает правоту слов Михаила Рыклина, что «тоталитаризм — это спектакль, создаваемый для внешнего мира, реальность которого определяется именно этим пространством взгляда» (цит. по: [Жеребкина 2006: 54]).

Для чего же нужен был такой спектакль? Торжественная встреча будущих узников должна была иметь свои цели. Видимо, эта постановка была задумана, чтобы успокоить сотни фронтовиков, не подозревающих, что они скоро станут заключенными. Конвоиры опасались бунта сотен красноармейцев, прибывших с передовой, пусть и разоруженных, ведь они как никто понимали ложность обвинения. Торжественный прием успокаивал прибывших, и после концерта они строевым шагом маршировали в лагерь. Эти постановочные мероприятия фиксировались в ведомственных отчетах и, возможно, освещались в прессе, где искусственность таких мероприятий нельзя было опознать.

Перформанс продолжался в лагере — заключенные были организованы в военные подразделения; действовали комсомольская и партийная организации, и вообще имитировались многие элементы обычной жизни [Неяченко 1994: 28]. Это были симулякры социальных отношений, конструировавшиеся в соответствии с замыслом руководителей (см.: [Debord 1983: 4]).

Участник строительства Широковской ГЭС Ц. Х. Бамбышев вспоминал:

Истощенные, измученные люди не выполняли установленные планы и задания. Осенью руководство стройки выступило с большевистским призывом: «Коммунисты и комсомольцы! Вы зачислены в отдельную ударную бригаду, будете работать в ночную смену» [Неяченко 1994: 32].

Самым распространенным спектаклем советской эпохи были выборы. Чтобы выборы были «общенародными», нужно было обеспечить возможность участия в них многочисленных групп репрессированных. Без специального разрешения коменданта ссыльные калмыки не имели права выезжать за 5 км от населенного пункта, в котором они проживали [Гучинова 2020b: 99]. Другое дело — выборы, участие в которых было обязанностью и долгом каждого советского гражданина, поэтому поддерживалось руководством. Для самих калмыков выборы были отдушиной, возможностью участвовать в общественной жизни наравне с другими гражданами СССР. Для них, как и для миллионов сограждан, «было крайне важно участвовать в самом акте голосования, но не так важно, за кого...» [Юрчак 2016: 71]. Участие в выборах было однодневной формой социальной реабилитации, возможностью забыть о поражении в других правах.

Видимо, поэтому для многих калмыков, чье детство пришлось на годы ссылки, с выборами были связаны самые праздничные воспоминания. Перформативная составляющая для сосланных во время выборов удваивалась. Во-первых, это была редкая возможность публично продемонстрировать локальному сообществу, что они такие же граждане страны, что они — не лишены, поэтому люди ехали голосовать в приподнятом настроении, в нарядной одежде. Во-вторых, во многих районах выселения с преимущественно европеоидным населением калмыки чувствовали себя расиализированным меньшинством. На выборах их присутствие было заметно, но в эти дни они не стеснялись своей антропологической инаковости. Более того, в этом случае расовая перформативность становилась способом протеста и проявления солидарности (см.: [Roxworthy 2008: 14]).

Поезда памяти

В 1993 г. в Калмыкии была апробирована новая — мягкая (ср. [Эткинд 2016: 228]) форма работы с травматическим прошлым — Поезда памяти. Эти поезда были организованы администрацией президента Республики Калмыкия (далее — РК) в 1993, 2001, 2002 и 2013 гг. Не исключено, что специальный указ президента республики о формировании Поезда памяти, например в 2002 г. [Бакаев и др. 2002: 12–14], был также репликой на указ ВС СССР от 27 декабря 1943 г., давший старт операции «Улусы».

Первый Поезд памяти «Калмыкия — с благодарностью сибирякам» (1993) совершил поездку по маршруту Тюмень — Омск — Барнаул — Томск — Красноярск — Новосибирск². Мероприятие проводилось в первый год президентства в РК 33-летнего Кирсана Илюмжинова. В поезде ехали 324 пассажира, которым этот маршрут был знаком по 1943 году. Акция была согласована с федеральными чиновниками, что вывело ее за локальные рамки республики. Поезд проследовал мимо центров регионов, в которых в годы депортации проживали калмыки, хотя высланных распределяли не в крупные города, а в дальние села и деревни. Целью властей зимой 1943–1944 г. было не только «наказать провинившихся», но и восполнить нехватку рабочих рук в глубинке. Поселиться в городах, особенно расположенных на узловых железнодорожных станциях, стало возможно только после 1955 г., поэтому такое представление, несомненно, предлагает смягченную версию истории.

Организаторы акции хотели не только выразить благодарность сибирякам «за доброту, милосердие, поддержку в трудные для калмыцкого народа годы», как сформулировал президент РК Кирсан Илюмжинов [Панькин, Папуев 1994: 20], но и показать, каких успехов достигли калмыки на своей вновь обретенной родине, чтобы местные жители могли оценить социальные достижения бывших спецпереселенцев. Для этого в поезде ехали четыре творческих коллектива, составляя примерно треть состава.

Многие пассажиры хотели посетить места своей юности, встретиться с друзьями детства, помянуть погребенных в сибирской земле родственников. Для совершения поминальных обрядов в поезде ехал буддийский священнослужитель.

Первый Поезд памяти отличался от регулярных составов. Для проведения акции Северо-Кавказская железная дорога выделила новые теплые вагоны и квалифицированную поездную бригаду, работавшую на международной линии Минеральные Воды — Варшава. Расписание поезда было составлено так, чтобы он мог проходить большие расстояния без остановок [Там же: 258].

Кроме маршрута из Калмыкии в Сибирь, этот состав напоминал поезда 1943 г. наличием охраны — но уже в интересах пассажиров; в каждом вагоне выбирался старший. Как и в эшелонах зимы 1943 г., в нем ехали люди монголоидного облика. Поезд приходил на станции и уходил без обычного объявления по громкой связи; случайных свидетелей озадачивали таблички «Минеральные Воды — Варшава». На вокзалах двери вагонов не открывались, люди не выходили. В окнах многих купе были видны горящие лампы [Гучинова 2005а: 258–260].

² Сюжет о Поездах памяти был впервые разобран мною в [Гучинова 2005а: С. 257–262].

Наряду с этим, условия в Поезде памяти существенно отличались от условий в «эшелонах бесправия». Не полагаясь полностью на организацию питания в поезде, организаторы предусмотрели запас продуктов; теперь пассажиры получали не бесплатную баланду («один мешок, два ведра» на вагон), а питание в двух вагонах-ресторанах. Вагоны были пассажирскими, мягкими, утепленными; если в 1943 г. о медицинской помощи нечего было и думать, то в 1993 г. и в последующие годы пассажиры перед выездом проходили медицинский осмотр, а в составе команды были врачи.

В каждом городе поезд встречали хлебом-солью представители местной администрации. В 1944 г. председатели колхозов тоже встречали приехавших калмыков, чтобы отобрать нужное количество работников, обеспечить транспортировку депортированных в села и их принудительное расселение по домам сибиряков. Таким образом, Поезд памяти редактировал историю «эшелонов бесправия», переписывая ее в гуманном варианте. Как писали авторы книги об этой акции, «Поезд Памяти стал настоящим Поездом Дружбы между народом Калмыкии и сибиряками» [Панькин, Папуев 1994: 3].

Опыт Поездов памяти был полезным и для рядовых граждан, и для представителей власти, потому что обычно память не хранит готовые тексты, «как было», но всякий раз редактирует запрос о прошлом, обновляя дискурсивные оценки. Об успешности этого мероприятия говорит то, что поезда отправлялись в места выселения четырежды, желающих поехать в них каждый раз было все больше, и количество мест в каждом следующем составе только увеличивалось.

Второй Поезд памяти (май 2001 г.) шел до Красноярска и был рассчитан уже на 450 человек. Третий поезд (май 2002 г.) назывался «Дети войны — дети Сибири». В эту поездку отправились 500 человек, родившихся на сибирской земле. Их можно назвать «поколением полтора»³: они не относятся ни к «поколению 1», представители которого были депортированы, ни к «поколению 2», которое родилось после возвращения. Называя их «поколением полтора», я имею в виду, что они родились за Уралом, имели личный опыт жизни в статусе спецпереселенцев, но все-таки не испытали тех трудностей, которые достались на долю их родителей. Один из них так описывал свои чувства:

Мы отправляемся той же дорогой, что и наши родители. И если для них декабрь 1943-го, когда всех увозили в неизвестность, стал страшной датой, как и в истории калмыцкого народа, то сегодня мы уезжаем в Страну детства и юности [Поезд 2002].

Поезда памяти можно сравнить с акциями движения «Redress», которое в 1970–1988 гг. добивалось извинений от правительства США за незаконные превентивные массовые депортации американцев японского происхождения с западного побережья США в лагеря в пустынные штаты страны после бомбардировки Пёрл-Харбора. Активисты устраивали маленькие спектакли, разыгрывая сцены выселения зимой 1941–1942 гг. Например, несколько семей паковали вещи, собирали еду и вместе с детьми в определенный час собирались на железнодорожной станции, где несколько часов сидели, как будто

³ Я благодарна Г. Шагоян за эту формулировку.

ожидая поезд [Takezava 1995: 53]. Важное различие между этими акциями состоит в том, что Поезда памяти были организованы государством и задуманы как диалог с сибирским населением, а акции движения «Redress» проводились по инициативе активистов. Поезда памяти получили поддержку со стороны администрации, поскольку снаряжались с позитивными целями: скрепляли разные регионы страны благодарной памятью и показывали другим травмированным в советскую эпоху народам и социальным группам, как работать с прошлым в современной России.

В 2007 г. вышел фильм «Агитбригада “Бей врага!”» (сценарист и режиссер В. Мельников), в котором рассказана другая сибирская история. Летом 1944 г. агитбригада едет по селам вдоль реки, чтобы показать актуальные фильмы и провести политинформацию для местного населения. В фильме есть эпизод: по Оби плывет баржа, на которой везут калмыков. Режиссер специально показывает их с маркерами этничности, которые позволили бы за полминуты узнать представителей народа: женщины с традиционными калмыцкими прическами, в национальных платьях, с конем и собранной юртой. Поезда памяти в чем-то напоминали агитпоезд. Поездки открывались и завершались митингами, имели фиксированный маршрут, встречи в населенных пунктах были запланированы, в их рамках проводились концерты калмыцких творческих коллективов, на вокзалы городов приходили сибиряки, которые помнили своих друзей детства — калмыков; многие узнавали друг друга. По радио и телевидению транслировались воспоминания о жизни в Сибири участников поездок, которые рассказывали в том числе о своих школьных учителях, в результате дети и внуки этих учителей приезжали приветствовать учеников своей мамы-бабушки. Совместные воспоминания сближали людей, и итоги встреч были позитивными. После проведения первых двух поездок вышли обобщавшие этот опыт книги, в которых публиковались не только воспоминания участников, но и маршрут, состав ехавших, расписание мероприятий, сценарии митингов, благодарственные письма, фотографии [Панькин, Папуев 1994; Бакаев и др. 2002].

Поезда памяти можно отнести к нерелигиозному паломничеству — паломничеству к корням, поскольку «они в определенном смысле обращены на преобразование внутреннего мира участника через телесные практики перемещения и позволяют в некоторой степени отождествить себя» [Габович 2020: 400] с воображаемыми персонажами коммеморируемых исторических событий. Как и после паломничества, люди возвращались домой иными, нежели уезжали. Эти мобильные путешествия в прошлое с целью пережить и переосмыслить травмирующий депортационный опыт стали психологической терапией самого калмыцкого общества, которому они были необходимы. Поезда памяти помогли переоценить историю депортации, дав людям возможность увидеть в прошлом немало позитивного, примириться с ним. Такая оценка прошлого совпадает и с буддийскими подходами к пережитым трагедиям.

Поезда памяти можно также представить как форму мобильных массовых мероприятий, в которых режиссером и сценаристом выступает государство, а участники «иммерсивного театра» — простые люди, которые поехали Поездом памяти в собственное прошлое. Во время многих встреч и митингов на сибирской земле пассажиры рассказывали свои семейные истории, а сибиряки

вспоминали, как они жили в одном сообществе со ссыльными калмыками. Так встречались два нарратива о совместном трудном прошлом, и через десятилетия люди медленно поднимались над своей травмированностью — навстречу пережитым бедам собеседников. Ведь сосланным калмыкам тогда было не так очевидно, насколько тяжело было сибирякам, к которым в деревню или село в течение 15 лет привозили немцев, эстонцев, поляков, латышей, литовцев, калмыков, чеченцев, армян и др., заселяя «врагов народа» в частное пространство однокамерной сибирской избы. Местные жители, например алтайских сел, не относились к «наказанным» группам, но их положение часто не отличалось от положения репрессированных: они не имели паспортов, не могли поехать в другие города страны, их также могли принудительно призвать в трудовую армию — на лесоповал и т. п., в их дома принудительно вселяли семьи депортированных [Щеглова 2019: 212–213].

Создание совместного нарратива становилось общегражданским переосмыслением советской истории, в которой побеждали человечность, дружба и другие нравственные символы советской эпохи. Меняя акценты в прожитой истории, пассажиры Поезда памяти и их сибирские ровесники поднимались над обыденными сюжетами, ведь те, кто рассказывает историю, формируют коллективные представления.

Визуальные интернет-проекты

В последние годы в Интернете появились документальные фильмы, посвященные депортации калмыков. В 2012 г. был начат национальный проект «Они смогли, и мы сможем», задуманный к 70-летней годовщине депортации. Главным результатом проекта стал одноименный документальный фильм, размещенный в YouTube 27 сентября 2014 г. [Тарбаев 2014]. На 15 ноября 2020 г. было зафиксировано 31 139 просмотров. Автор идеи и проекта — Сангаджи Тарбаев, бывший кавээнщик, член Общественной палаты РФ (2014 г.). Проект, частично получивший финансирование правительства РК, был осуществлен калмыцким медиахолдингом «Бумба». Кроме указанного фильма, в YouTube под тем же названием размещены три коротких ролика на основе заснятых в проекте материалов (например: [Санджиев 2020]).

Организаторы проекта записали на камеру рассказы 327 человек о Сибире; в фильме материал нарезан по 1–2 мин. Используются черно-белая хроника военного времени и современная цветная съемка, которая проходила как в домах рассказчиков, так и в сакральных для калмыцкого народа местах — в буддийских храмах (хурулах) и у священного одинокого тополя. Когда рассказчики говорят на калмыцком языке, идут титры с русскоязычным переводом. Под размещенным в YouTube видеофильмом выложена аннотация:

Без вины виноватые, наши аавы и ээжи⁴, наши мамы и папы, прошедшие 13-летнюю сибирскую ссылку, перенесшие все тяготы депортации... И не сломавшиеся под гнетом геноцида... Вам посвящается! «Они смогли, и мы сможем» — проект Сангаджи Тарбаева.

⁴ Дедушки и бабушки (калм.).

Некоторые рассказчики сняты в сценической национальной одежде. Это может говорить о том, что для разговора о периоде, когда быть калмыком было трудно, люди маркируют свою этничность, которая уже перестала быть стигмой. В то же время сценическая одежда в домашней обстановке намекает на некоторую постановочность.

Интересно название проекта, особенно вторая часть: «...и мы сможем». Что стоит за этим своего рода «сможем повторить»? Сможем сохранить самосознание народа в условиях репрессий по этническому признаку? Но разве в наши дни есть угроза существованию калмыцкой идентичности или государственности? Хотя в 1943 г. калмыки не чувствовали угрозы для своей автономии, но сейчас, кажется, совсем другие времена.

На мой вопрос, что значит «...и мы сможем», один из исполнителей проекта ответил: «Преодолевать трудности». «Мы сможем» работать на лесоповале? Есть падаль? Зимовать в землянке? Эти испытания мне, например, не по силам. Молодежь, называющая так национальный проект, недооценивает трудности старшего поколения, нормализуя их.

Совет молодых ученых Института комплексных исследований аридных территорий снял документальный фильм о депортации «Калмыки: возвращение» [Чемидова 2018]. Фильм был представлен в Интернете 28 декабря 2018 г., на сегодняшний день его просмотрело свыше 23 700 человек. Первые семь с половиной минут фильма авторы представляют тех, кто участвовал в съемке — 38 человек, при этом представлены не только их имена, отчества и фамилии, но и важная в данном контексте биографическая информация: в каком возрасте человек был депортирован и куда именно. Далее следуют нарезанные в хронологической последовательности фрагменты нарративов: разделы «Как выселяли» (25 мин.), «На земле Сибирской» (30 мин.) и «Вдохнуть полынный запах степи» (25 мин.). Нарезая интервью фрагментами по 30–40 секунд, авторы проекта сами отбирают сюжеты, которые им показались яркими, таким образом формируя дискурс при помощи чужих слов, отводя каждому участнику не более двух минут на весь фильм. Конструкт коллективной вины, согласно которому был наказан весь народ, отразился в коллективном нарративе, в котором за одну-две минуты человек не может рассказать ни семейную, ни личную историю. В конструировании коллективной памяти авторами проекта он теряет субъектность.

Название фильма вновь вызывает удивление. Он посвящен годам в Сибири, примерно треть хронометража (25 мин.) отдана рассказам о возвращении, а большая часть ленты повествует о процессе депортации и о жизни «на земле Сибирской», как назван раздел фильма. Почему же акценты в названии смещены? Возвращение — хороший финал фильма о сибирской эпопее, но это название не соответствует содержанию фильма. Почему авторы проекта стремились избежать слова *депортация*? Если авторам не хочется вспоминать об унижении народа, то для чего они включают рассказы об этом в фильм? Очевидно, что они реализовали свой замысел, но название фильма неадекватно содержанию. Если отказаться от идеи внешних ограничений, то остаются рациональные причины: например, получить финансирование на создание продукта с позитивным названием легче, чем с негативным. Можно также предположить, что в республике еще не сложился язык описания этого пери-

ода, нет надежных терминов для осмысления этой истории. Первоначальный замысел содержал идею издания устных историй о депортации, но фонд Президентских грантов был готов поддержать заявку не на издание книги, а на создание визуального продукта, потому что молодежь, целевая аудитория программы фонда, предпочитает смотреть, а не читать.

Оба видеофильма ценны зафиксированными свидетельствами. Но ценность проведенной работы была бы существенно выше, если бы полнометражные записи рассказов стариков были выложены в онлайн-архив, подобно тому как в Мемориальном музее Холокоста представлены 200 часов видеоматериалов, отснятых для фильма «Шоа» Клода Ланцмана (1985).

Отсутствие языка для описания истории депортации — не только научная, но и социальная проблема, которая стала очевидной на вечере памяти «Душа моя жестоко ранена», состоявшемся 22 декабря 2018 г. в Калмыцкой этнокультурной гимназии в Элисте и запись которого также размещена на YouTube [Вечер памяти 2018]. Мероприятие, посвященное 75-летию со дня депортации калмыцкого народа, было организовано учащимися 8-х классов. Вначале школьники демонстрировали свои работы в рамках проекта «История моей семьи в истории моего народа», затем выступали приглашенные гости. Кульминацией мероприятия стало выступление заслуженной артистки РК Гиляны Убушиевой, которая прочитала стихотворение поэта Василия Шакуева «Исповедь каторжанки».

Сюжет стихотворения — рассказ калмычки, который она произносит с того света, — о том, как она, вдова солдата, погибшего под Москвой, с тремя детьми оказалась «в деревне Енисейские дали» и на лесоповале попала под упавшее дерево. Женщина рассказывает, как ее привезли домой и она успела дать последние распоряжения детям. В конце стихотворения героиня проклинает Сталина и его «волчий указ», заканчивая свой монолог пожеланием всем людям:

Молюсь за вас, мои родные люди!
Желаю счастья, мира и труда!
Страданий наших пусть у вас не будет
На белом свете больше никогда!
[Шакуев 2018]

Видно, что героиня, 29-летняя женщина, выросшая при советской власти, вполне впитала советскую риторику и объединяет в своем монологе повествование о своей смерти, первомайские лозунги, молитву, проклятия виновным (калм. *харалы*) и благопожелания (калм. *йоряли*).

Вновь смущает заголовок произведения. Слово *исповедь* дезориентирует читателя, уводя его ассоциации от буддийской традиции гелугпа, к которой относят себя верующие калмыки, к традиции христианской, а слово *каторжанка* отсылает из советского сталинского времени к более ранним, царским временам. Есть еще одно существенное различие — каторжанка осуждена, а калмыки были «наказаны властью» во внесудебном порядке, согласно указу Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. Автор использует слова, не задумываясь о том, что в таком сочетании они дискурсивно меняют существо вопроса юридически и исторически, представляя слушателю или читателю

ложную интерпретацию истории. Не только запись вечера, но и текст стихотворения тиражируется в Интернете в соответствующие даты. Как отмечалось выше, язык описания истории депортации в Калмыкии еще не выработан, поэтому неудивительно, что никто в республике не пытался корректировать заголовок, так как читателям кажутся важными сама тема депортации и рассказанная история.

В 2020 г. в Инстаграме и в YouTube появился документальный фильм Мингияна Манджиева «С е с т р ы» [Манджиев 2020]. Будущий режиссер кино и ТВ, студент Государственного института телевидения и радиовещания стал снимать небольшие бюджетные зарисовки. Ролик «Сестры» отражает тему депортации непрямо: сняты рассказы не калмыков, переживших депортацию, а двух сестер, Зои Матвеевны Гавшаевой и Нины Матвеевны Халгаевой, в девичестве Гайкиных. Нина Матвеевна вышла замуж за калмыка-спецпереселенца и приехала с ним в Калмыкию, а ее младшая сестра Зоя Матвеевна приехала в гости к старшей сестре и вышла замуж за местного калмыка. Сестры покинули Сибирь, признав Калмыкию новой родиной, всю жизнь проработали на животноводческой стоянке (чабанской точке), значит, приняли самый настоящий калмыцкий образ жизни.

Автор фильма — режиссер, оператор и монтажер в одном лице — узнал, что в пос. Яшкуль живут бабушки с сибирско-калмыцкой судьбой. Утром сел в машину, через час был в поселке и в течение дня отснял материал. Женщины, уже вдовы, рассказали о своей жизни. Как повествует Нина Матвеевна —

Мне 22 года было, а Бадме — 25. Ну, как молодые влюбляются? Мы стеснялись... Его мама сначала ругалась: «Русскую бережь...» Моя мама тоже не одобряла. Ну, я отмолчусь... Когда мы сюда ехали, мне говорили: «Куда едешь, там же голая степь кругом...» Когда мы приехали в 1958 году, я этой водой не могла голову промыть, плакала... А теперь мне ничего другого не надо.

Фильм получил теплый отклик в Сети — за первые две недели его посмотрели более 60 тыс. человек (в соцсети «ВКонтакте», в Инстаграме и на YouTube). Чем он отличался от рассмотренных выше видеопроектов? Кроме отличной истории, перед нами иной тип повествования. Нина Матвеевна и Зоя Матвеевна — в полном смысле героини фильма. Автор строит повествование, в котором сестры и их рассказы находятся в центре внимания, в то время как рассказы героев предыдущих видеопроектов вставлены в заранее выбранные рамки. В своей естественной обстановке — в доме, во дворе, на улице сестры с удовольствием рассказывают о прожитом. История сестер Гайкиных показана просто и узнаваемо; похоже, что зритель с ними давно знаком.

Самое важное — в фильме нет жесткой нарезки, оставляющей от рассказов приглашенных отрывки длиной в одну-две минуты. В фильме Манджиева сестры рассказывают только о своей жизни, но целых 13 минут 38 секунд. В нем нет посредника — монтажера с «ножницами», которые становятся инструментом власти. Между рассказчицами и зрителем нет иерархически заданного формата, героини сами создают в кадре смыслы, понятные зрителям. Как сформулировала одна из зрительниц, «последняя сцена с песней и отъезжающей машиной создает ощущение закрытия — как будто сначала мы

zoomed in в жизнь сестер, а потом zoomed out»⁵. Этот проект удался, потому что автор абсолютно свободен в своем творчестве, он снимал, исходя из своего вкуса и ресурсов — «просто для людей»⁶.

Концерт в Кремле. Историческая политика государства в последнее время вписывает истории тотальных депортаций «возмездия» в рамки истории Великой Отечественной войны, в которой вину за все разрушения и человеческие потери несет агрессор — нацистская Германия. Сокращающаяся коммуникативная память вызывает к жизни феномен постпамяти (Марианна Хирш), который в Калмыкии проявляется эмоциональными постами в социальных сетях 28 декабря и 9 Мая и накануне этих дней. В текстах, которые своим драматизмом могут привести к повторной травматизации, число погибших во время выселения растет с каждым годом: от «одной трети» всего народа до «больше половины». Именно такая оценка демографических потерь прозвучала на концерте мастеров искусств РК в честь 100-летия калмыцкой автономии, и это многократно преувеличенное число становится почти официальной оценкой со стороны республиканских властей, если она озвучивается в самом «сердце страны» и в Кремле, являющемся символом власти государства. Однако это число существенно превышает данные ведомственных документов, которые свидетельствуют о том, что в дороге погибло 1164 человек [Бакаев и др. 1993: 123].

Концерт, состоявшийся 11 марта 2020 г., стал центральным событием юбилейных торжеств (см.: [Концерт 2020]). Никогда до этого мероприятие, посвященное калмыцкой культуре, не проводилось в столь престижном месте. Удачное время его проведения — до введения самоизоляции в связи с пандемией коронавируса — позволило собраться в Кремлевском дворце съездов калмыкам, проживающим в Москве, и большому количеству гостей из республики. Крупные предприятия снаряжали автобусы для своих сотрудников. Блогеры начинали стримы за час до открытия, приветствуя сотни земляков, пришедших на концерт.

Представление открылось музыкально-хореографическим прологом, повествующим об истории народа. Организаторы представили исторический экскурс в традициях советского прочтения истории, в котором все развивалось в сторону «светлого будущего»: иное прочтение истории в Калмыкии еще не сформировано. На сцене интересующий нас период выглядел следующим образом. После того как была сыграна сцена, изображающая объявление войны и прощание с подругами мобилизованных на фронт парней, прозвучал текст указа от 27 декабря 1943 г. о ликвидации Калмыцкой АССР. 13-летний период депортации был проиллюстрирован танцем Зеленых Тар — бодхисаттв, родившихся из слезы Будды, оплакивавшего страдания мира. Только фотографии калмыков, сделанные в Сибири и проецировавшиеся на задник сцены, говорили зрителям о том, что речь идет о периоде 1943–1956 гг. Таким образом, история выселения народа была вписана не в историю СССР, а в круговорот страдания как неотъемлемую часть буддийской картины мира, в которой нет виновных.

⁵ Переписка в мессенджере с А. Мухлаевой.

⁶ Переписка в мессенджере с М. Манджиевым.

* * *

Как и некоторые авторы документального кино, о которых речь была выше, я тоже собираю антропологические интервью о депортации калмыков. Практически все собеседники (их более 20) в целом спокойно вспоминают те годы, иногда ностальгируя по сибирской юности (см., например: [Гучинова 2005b; 2008; 2019a; 2019b; 2019c; 2020a; 2020b]).

За годы гласного обсуждения депортации калмыков мы наблюдаем в публичном дискурсе разворот от трагического нарратива к позитивному [Александр 2013:164] с акцентом на благодарность жителям Сибири. В приватном пространстве, рассказывая о собственной судьбе, мои собеседники никогда не акцентировали травматическую часть семейной истории. Для всех моих собеседников эта история — горькая и трудная — пережита и осталась в XX в.

Политика благодарности, которую мы видим в Калмыкии, обусловлена в том числе тем, что республика — экономически дотационный регион и ее руководители не могут предъявлять исторические счета руководству страны. Эта политика, кроме того, актуализируется там, где «те, кто должен был покаяться, не готов к этому, а группа “жертв” не хочет жить с неразделенной памятью, а потому ищет нового адресата для разделения своей памяти. Но поскольку травматическую память сложнее разделить, ее трансформируют в позитивное чувство благодарности, забывая множество тяжелых сюжетов» [Шагоян 2021], забывая об обидах и помня о помощи, солидарности и дружбе.

Представление травматических событий прошлого через театрализованные практики катарсиса или духовные практики медитации и молитв позволяют редактировать травматическую память в смягченной версии примирения с прошлым. Поставленные сцены и записанные видеовоспоминания, просмотренные тысячами зрителей, становятся частью воображаемого политического калмыцкого национализма.

13 лет в Сибири стали своего рода перековкой народа. В лагерях заключенные погибали, исчезая из социального пространства, или после освобождения предпочитали жить по правилам, установленным государством. Депортация успешно перековала калмыков в советских калмыков, этничность которых была переформатирована.

Как уже отмечалось, калмыки не делились пережитым в Сибири со своими детьми, но те, кто дожил до взрослеющих внуков, решились рассказать о прошлом третьему поколению (см.: [Шевенова, Гучинова 2005]). В последние десятилетия возник запрос на живые устные рассказы о депортации; по существу, это запрос на коммуникативную память, доступ к которой был далеко не у всех. Потому так востребованы последние проекты документального кино с рассказами живых свидетелей. Их лица, возраст, личные имена и упоминаемые ими названия сибирских населенных пунктов придают документированность свидетельствам.

К кому же были обращены скрытые спектакли — мобильные постановки — кроме их участников? Через разные медиа они адресовались многим пострадавшим от сталинизма группам населения и их потомкам как пример работы с травматическим прошлым в публичном пространстве. Если не разбираться в истории депортации народа и ее причинах, следующее поколение воспримет этот период в «софт-версии», тем более что после Поездов памяти свидетелей такой версии истории — эшелоны.

Источники

Публикации

- Бакаев и др. 1993 — Книга памяти ссылки калмыцкого народ: Сб. документов и материалов / [Сост. П. Д. Бакаев и др.; Вступ. ст. В. Б. Убушаева и др.]. Т. 1: Ссылка калмыков: как это было. Кн. 1. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1993.
- Бакаев и др. 2002 — Память сердца (Воспоминания участников Поезда Памяти «Дети войны — дети Сибири (1943–1957 гг.)») / [Под ред. К. Н. Илюмжинова; Ред. кол.: П. Д. Бакаев и др.]. Элиста: АПП «Джангар», 2002.
- Поезд 2002 — Поезд Памяти свяжет прошлое и настоящее // Известия Калмыкии. 2002. 1 окт.
- Неяченко 1994 — Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 2: Широкой: Широкой: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / Сост. и вступ. ст. Р. В. Неяченко. Элиста: Джангар, 1994.
- Панькин, Папуев 1994 — *Панькин А., Папуев В.* Дорогой Памяти. Элиста: АПП «Джангар»; ИЧП «Алтин Туг», 1994.
- Шакуев 2018 — *Шакуев В.* Исповедь каторжанки // Стихи.ру. 2018. 14 нояб. URL: <https://stihi.ru/2018/11/14/5130>.

Видеоисточники

- Вечер памяти 2018 — Вечер памяти «Душа моя жестоко ранена»: [Видеозапись] // Калмыцкая этнокультурная гимназия. 2018. 27 дек. URL: <http://school08.ru/2018/12/27>.
- Концерт 2020 — Концерт мастеров искусств Калмыкии к 100-летию автономии РК: [Видеозапись] / Бумба Медиахолдинг. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3v5iu5ELWzk>.
- Тарбаев 2014 — Они смогли, и мы сможем: [Док. фильм] / Проект С. Тарбаева; Бумба Медиахолдинг. 2014. 36:40 мин. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QJJJ4SpyvA0>.
- Санджиев 2020 — О проекте «Они смогли и Мы сможем» / Авт. сценария А. Санджиев. 2020. 4:57 мин. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Vmk_aDt1deI&feature=share&fbclid=IwAR0EXFVGywuRz731ZTPHrxeJQ0KtnU1V5ayjDatjGcqpb6nkqNRlsRVSU49Q.
- Манджиев 2020 — Сестры: [Док. фильм] / Реж. М. Манджиев. 2020. 13:38 мин. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p4dFtVbYtbk&t=610s>.
- Мукабенова 2000 — Страницы печали... Широкой: [Передача Калмыцкого ТВ] / Авт. И. Мукабенова. Ч. 1. 2000. 35 мин. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vryM4FwYV3c>.
- Чемидова 2018 — Калмыки: Возвращение: [Док. фильм] / Руководитель проекта, авт. сценария Л. С. Чемидова; СМУ ИКИАТ. 1 час 28:41 мин. URL: https://www.youtube.com/watch?v=hSB_CYGsAO8&t=54s.

Литература

- Александр 2013 — *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: культур-социология / Пер. с англ. Г. Ольховикова. М.: Практис, 2013.
- Ассман 2019 — *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2019.
- Габович 2020 — *Габович М.* Святой остров Трептов: постмигрантские и трансграничные военно-мемориальные практики в современном Берлине // Памятник и праздник: этнография Дня Победы / Под ред. М. Габовича. М.: Нов. лит. обозрение, 2020. С. 383–410.

- Гучинова 2005а — *Гучинова Э.-Б.* Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы. Штутгарт: Ibidem, 2005.
- Гучинова 2005б — *Гучинова Э.-Б.М.* У каждого своя Сибирь: Два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. № 3. 2005. С. 400–442.
- Гучинова 2008 — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя «Сибирь». Ссылные калмыки в Средней Азии // Диаспоры. 2008. № 1. С. 194–220.
- Гучинова 2019а — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь. Две истории о депортации калмыков (интервью с С. М. Ивановым и С. Э. Нарановой) // *Oriental Studies*. 2019. No. 3. P. 397–422. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422>.
- Гучинова 2019б — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь. Интервью с В. П. Санчи-ровым // *Монголоведение*. 2019. № 3. С. 543–563. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-32-543-563>.
- Гучинова 2019с — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь: Биографическое интервью с Е. А. Буджаловым. Введение // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 1. С. 222–269. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-1-9-222-269>.
- Гучинова 2020а — *Гучинова Э.-Б. М.* У каждого своя Сибирь. Интервью с О. Л. Манджиевым // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 212–228. <https://doi.org/10.17223/2312461X/28/13>.
- Гучинова 2020б — *Гучинова Э.-Б. М.* Депортация калмыков в Сибирь (1943–1956 гг.): устные рассказы как мягкие формы памяти // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 95–100. <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2020-4-95-100>.
- Добренко 2020 — *Добренко Е.* Поздний сталинизм: Эстетика политики. Т. 1. М: Нов. лит. обозрение, 2020.
- Жеребкина 2006 — *Жеребкина И.* Феминистская интервенция в сталинизм, или Сталина не существует. СПб.: Алетей, 2006.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010.
- Очирова 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т. / Отв. ред. Н. Г. Очирова. Т. 2. Элиста: ИД «Герел», 2009.
- Шагоян 2021 — *Шагоян Г.* Предисловие ко второму изданию // *Гучинова Э.-Б.* Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. Элиста: КНЦ РАН. (В печати).
- Шевенова, Гучинова 2005 — Память в наследство: Депортация калмыков в школьных сочинениях / Сост. С. И. Шевенова, Э.-Б. М. Гучинова. СПб.: Алетей, 2005.
- Щеглова 2019 — *Щеглова Т. К.* Антропология экстремальности: социальная и культурно-бытовая адаптация этнических депортантов (1939–1949 годы) и принимающего сельского общества на юге Западной Сибири в контексте принудительных переселений // Мир Большого Алтая. Т. 5. № 2. 2019. С. 197–231. <https://doi.org/10.31551/2410-2725-2019-5-2-197-231>.
- Юрчак 2016 — *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.
- Эткинд 2016 — *Эткинд А.* Кривое горе: Память о непогребенных. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.
- Debord 1983 — *Debord G.* Society of the spectacle. Detroit: Black & Red, 1983.
- Oushakine 2013 — *Oushakine S.* A remembering in public: On the affective management of history // *Ab Imperio*. 2013. No. 1. С. 269–302.
- Roxworthy 2008 — *Roxworthy E.* The spectacle of Japanese American trauma: Racial performativity and World War II. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 2008.

Takezawa 1995 — Takezawa Y. Breaking the silence: Redress and Japanese American ethnicity. Ithaca: Cornell Univ. Press.

References

- Aleksander, Dzh. (2013). *Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tur-sotsiologiya* [Trans. from Alexander, J. (2003). *The meanings of social life: A cultural sociology*. Praktis. (In Russian).
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii — odezhimost' istoriei* [Trans. from Assmann, A. (1999). *Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit: Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945*. Deutsche Verlags-Anstalt; (2018). *Formen des Vergessens*. Wallstein Verlag; (2014). *Geschichte im Gedächtnis: Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung*. Beck]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Gabovich, M. (2020). Sviatoi ostrov Treptov: postmigrantskie i transgranichnye voenno-memorial'nye praktiki v sovremennom Berline [Holy island Treptow: Post-migrant and cross-border war memorial practices in contemporary Berlin]. In M. Gabovich (Ed.). *Pamiatnik i prazdnik: etnografiia Dnia Pobedy* (pp. 383–410). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2005a). *Pomnit' nel'zia zabyt': Antropologiya deportatsionnoi travmy* [Forget not remember: Anthropology of deportation trauma]. Ibidem. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2005b). U kazhdogo svoia Sibir': Dva rasskaza o deportatsii kalmykov [Everyone has his own Siberia: Two stories about the deportation of Kalmyks]. *Antropologicheskii forum*, 3, 400–442. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2008). U kazhdogo svoia “Sibir’”. Ssyl'nye kalmyki v Srednei Azii [Everyone has his own “Siberia”: Exiled Kalmyks in Central Asia]. *Diaspory*, 2008(1), 194–220. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2019a). U kazhdogo svoia Sibir'. Dve istorii o deportatsii kalmykov (interv'iu s S. M. Ivanovym i S. E. Naranovoi) [Everyone has his own Siberia: Two stories about the deportation of Kalmyks (interviews with S. M. Ivanov and S. E. Naranova)]. *Oriental Studies*, 2019(3), 397–422. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2019b). U kazhdogo svoia Sibir'. Interv'yu s V. P. Sanchirovym [Everyone has his own Siberia: Interview with V. P. Sanchirov]. *Mongolovedenie*, 2019(3), 543–563. (In Russian).
- Guchinova E.-B. M. (2019c). U kazhdogo svoia Sibir': Biograficheskoe interv'iu s E. A. Budzhalovym [Everyone has his own Siberia: Biographical interview with E. A. Budzhalov]. *Biulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2019(1), 222–269. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2020a). U kazhdogo svoia Sibir'. Interv'iu s O. L. Mandzhiyevym [Everyone has his own Siberia: Interview with O. L. Mandzhiyev]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2020(2), 212–228. (In Russian).
- Guchinova, E.-B. M. (2020b). Deportatsiia kalmykov v Sibir' (1943–1956 gg.): ustnye rasskazy kak miagkie formy pamiatii [Deportation of the Kalmyks to Siberia (1943–1956): Oral stories as soft forms of memory]. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2020(4), 95–100. <https://doi.org/10.31551/2410-2725-2019-5-2-197-231>. (In Russian).
- Debord, G. (1983). *Society of the spectacle*. Black & Red.
- Dobrenko, E. (2020). *Pozdnii stalinizm: Estetika politiki* [Late Stalinism: The aesthetics of politics] (Vol. 1). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Etkind, A. (2016). *Krivoe gore: Pamiat' o nepogrebennykh* [Crooked grief: Memory of the unburied]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Maksimov, K. N. (2010). *Velikaia Otechestvennaia voina: Kalmykiia i kalmyki* [Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks]. Nauka. (In Russian).

- Ochirova, N. G. (2009). *Istoriia Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of Kalmykia from ancient times to the present day] (Vol. 2). ID “Gerel”. (In Russian).
- Oushakine, S. (2013). A remembering in public: On the affective management of history. *Ab Imperio*, 2013(1), 269–302.
- Roxworthy, E. (2008). *The spectacle of Japanese American trauma: Racial performativity and World War II*. Univ. of Hawai'i Press.
- Shagoyan, G. (2021). Predislovie ko vtoromu izdaniiu [Foreword to 2nd edition]. In E.-B. Guchinova. *Pomnit' nel'zia zabyt'*. *Antropologiya deportatsionnoi travmy kalmykov*. KNTs. (Forthcoming). (In Russian).
- Shcheglova, T. K. (2019). Antropologiya ekstremal'nosti: sotsial'naia i kul'turno-bytovaia adaptatsiia etnicheskikh deportantov (1939–1949 gody) i primimaiushchego sel'skogo obshchestva na iuge Zapadnoi Sibiri v kontekste prinuditel'nykh pereselenii [Anthropology of extremeness: social, cultural and everyday adaptation of ethnic deportees (1939–1949) and the host rural society in the south of Western Siberia in the context of forced resettlements]. *Mir Bol'shogo Altai*, 5(2), 197–231. <https://doi.org/10.31551/2410-2725-2019-5-2-197-231>. (In Russian).
- Shevenova, S. I., & Guchinova, E.-B. M. (Eds.) (2005). *Pamiat' v nasledstvo: Deportatsiia kalmykov v shkol'nykh sochineniiakh* [Inherited memory: Deportation of Kalmyks in school essays]. Aleteia. (In Russian).
- Takezawa, Y. (1995). *Breaking the silence: Redress and Japanese American ethnicity*. Cornell Univ. Press, 1995.
- Yurchak, A. (2016). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Zherebkina, I. (2006). *Feministskaia interventsia v stalinizm, ili Stalina ne sushchestvuet* [Feminist intervention in Stalinism, or Stalin does not exist]. Aleteia. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Эльза-Байр Мацаковна Гучинова

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник,
Калмыцкий научный центр РАН
Россия, 358000, Элиста, ул. Илшикина, д. 8
Тел.: +7 (84722) 3-55-06
✉ bairjan@mail.ru

Elza-Bair M. Guchinova

Dr. Sci. (History)
Leading Researcher,
Kalmyk Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences
Russia, 358000, Elista, Ilshkina Str., 8
Tel.: +7 (84722) 3-55-06
✉ bairjan@mail.ru

Н. С. Петрова

ORCID: 0000-0002-6514-5601

✉ pena.talya@gmail.com

*Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)*

ОЛИМПИАДА, ДАННАЯ НАМ В ОЩУЩЕНИЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОЕКТА «НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ»)

Аннотация. В статье на материале интервью по устной истории, собранных в рамках проекта «Народная история России», рассмотрены воспоминания горожан о проходивших в Москве XXII Олимпийских играх, сороковая годовщина которых отмечалась в 2020 г. В медийном дискурсе педалировались международный статус и роль этого события в истории спорта, а иллюстрациями «личных историй» Олимпиады-80 выступали преимущественно интервью профессиональных спортсменов либо организаторов мероприятия. Цель статьи — сопоставить формы трансляции воспоминаний и оценки происходившего в зависимости от степени включенности вспоминающего в событие. Для выделения режимов рассказывания о прошлом используется психологическая классификация позиций (В. В. Нуркова) вспоминающего субъекта по отношению к историческому событию (Участник, Очевидец, Современник, Наследник). Как показал проведенный анализ текстов, в памяти москвичей, напрямую не связанных с организацией Олимпиады, это скорее событие, изменившее город (в аспекте практик потребления, через появление новых городских объектов). В любом из этих случаев рассказчики концентрируются не на внешнем событийном ряде (расписание и результаты соревнований и т. п.), а на лично проживаемом (в ощущениях) олимпийском времени либо пространстве.

Ключевые слова: устная история, Олимпийские игры 1980 г., «Народная история России», воспоминания, коллективная память, memory studies, нарративные стратегии

Для цитирования: Петрова Н. С. Олимпиада, данная нам в ощущениях (по материалам проекта «Народная история России») // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 136–150. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-136-150>.

*Статья поступила в редакцию 14 ноября 2020 г.
Принято к печати 3 декабря 2020 г.*

N. S. Petrova

ORCID: 0000-0002-6514-5601

✉ pena.talya@gmail.com

*Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

OLYMPIC GAMES RECOUNTED VIA FEELINGS (BASED ON MATERIALS OF THE PROJECT “THE PEOPLE’S HISTORY OF RUSSIA”)

Abstract. The 22th Summer Olympic Games took place in Moscow in 1980. For their fortieth anniversary in 2020 many publications appeared in the mass media. In media discourse Olympics-80 is treated as an international event that was important in the history of sports. Personal stories from interviews with professional athletes are sometimes used to illustrate this position, while the opinions of ordinary city residents are voiced much less often. The aim of the work was to compare the forms of memories transmission and assessment of what took place, depending on the degree of involvement in the event by the recalling person. To highlight the modes of telling about the past, the psychological (V. V. Nourkova) classification of the positions of the recalling subject in relation to the historical event (Participant, Witness, Contemporary and Successor) was used. As the analysis of the texts has shown, in the memory of Muscovites who were not directly connected to the organization of the Olympics, it is basically an event that changed the city (in consumption practices, through the appearance of new urban objects). In all of these cases the storytellers concentrate not on the external event series (the schedule and the results of the competitions, etc.), but on the personally experienced Olympiad time or space (recounted via feelings).

Keywords: oral history, Olympic Games 1980, “The People’s History of Russia”, memories, collective memory, memory studies, narrative strategies

To cite this article: Petrova, N. S. (2021). Olympic Games recounted via feelings (based on materials of the project “The People’s History of Russia”). *Shagi / Steps*, 7(1), 136–150. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-136-150>.

Received November 14, 2020

Accepted December 3, 2020

Двадцать вторые Олимпийские игры, прошедшие в Москве в 1980 г., были событием международного масштаба и вошли в «большую историю» страны, представленную как на страницах школьных учебников (вопрос об Играх встречается в Едином государственном экзамене по истории¹), так и в медийном дискурсе. В 2020 г. в связи с сорокалетней годовщиной Олимпиады-80 вышло множество юбилейных публикаций. Так, информационное агентство Sputnik запустило мультимедийный проект «Москва-80: Ретроtube»², рассказывающий «не о спортивных результатах, а, скорее, об атмосфере, царившей в олимпийской Москве и стране» [Sputnik 2020]. Названный проект проявляет двойственность подхода к событию: оно, с одной стороны, безусловно предстает как явление культурной истории, запечатленное и воспроизводимое в коллективной памяти (этот ракурс рассмотрения иллюстрируют кадры официальных хроник, архивные материалы, фотографии олимпийских экспонатов из спортивных музеев и сама идея юбилейного проекта), с другой стороны, входит в исторический опыт в рамках индивидуальных биографий, передаваемый в устных нарративах (создатели проекта представили воспоминания спортсменов, журналистов, организаторов Олимпиады), и может осмысляться в рамках концепции коммуникативной памяти, предполагающей наличие неспециализированных носителей, которые транслируют живые воспоминания в ситуации непосредственного общения (см. об этом: [Асман 2004]). Примером такого личного воспоминания является рассказ завоевавшего золотую медаль пловца Сергея Фесенко: «Я вернулся в Олимпийскую деревню, лег спать и в четыре утра проснулся от ощущения: а что же я сделал» [Курманова 2020].

Юбилейные интервью со спортсменами публиковались и в других изданиях. Павел Смолянский, во время Олимпиады бывший тренером сборной команды СССР по легкой атлетике, для журнала «Москвич Mag» кратко подытожил значение этого события в истории спорта и международных отношений:

Мы не поехали на Олимпиаду в США, а американцы бойкотировали нашу, но многие страны прислали своих лучших представителей. Приехало много спортсменов и зрителей. Это лучшее выступление советской сборной команды. Мы стали доминировать в тех видах

¹ См., например, задание № 18 ЕГЭ по истории (30 мая 2013 г.), основная волна, вариант 1: «Какие суждения, связанные с данным изображением (эмблема в виде шести беговых дорожек, сходящихся в высотное здание, увенчанное пятиконечной звездой, и рисунок олимпийского мишки. — Н.П.), являются верными? Выберите два суждения из пяти предложенных. Запишите в таблицу цифры, под которыми они указаны.

1) В период проведения Олимпиады, символика которой представлена на изображении, Советским Союзом руководил Н. С. Хрущёв.

2) Олимпиада, символика которой представлена на изображении, стала второй Олимпиадой, проведённой на территории СССР.

3) На данном изображении представлена символика Зимних Олимпийских игр, проходивших в Москве.

4) В Олимпиаде, символика которой представлена на изображении, не принимала участия команда США.

5) СССР бойкотировал следующие Олимпийские игры, которые проходили в США после Олимпиады в Москве» [Сдам ГИА б. д.].

² <https://www.youtube.com/playlist?list=PL6VrBqjispnyqRYGfLjC8A17F91PwAAM>.

спорта, где чемпионами были представители других стран. Например, в спринте, в беге на 400 метров. Установили много рекордов. Мне больше всего понравились соревнования в беге на средние дистанции. Мы победили англичан [Участники 2020].

Здесь мы находим не столько отражение личных впечатлений, сколько подведение итогов глобального исторического события.

Воспоминания об Олимпиаде встречаются не только в интервью непосредственных участников спортивных событий, но и в рассказах «обычных» москвичей, заставших это время (см., например: [Гунеев 2020]). Кажется интересным сопоставить формы трансляции воспоминаний и оценки происшедшего в зависимости от степени включенности вспоминающего в событие: одинаковой ли «видят» московскую Олимпиаду спортсмены и горожане?

Здесь мы можем обратиться к материалам проекта «Народная история России» (pastandnow.ru), посвященного неофициальной истории Москвы и других городов (см. подробнее об этом: [Петров 2019]). В отличие от юбилейных журналистских публикаций, целенаправленно собиравших (и отбиравших) содержательные высказывания именно об Олимпиаде-80, интервью «Народной истории России» охватывают более широкий круг исторических тем и отнюдь не требуют от респондентов сколько-нибудь экспертной позиции по любой из них и завершенных развернутых текстов.

Тема московских Олимпийских игр в ходе интервью могла возникнуть как благодаря вопросам собирателей (например, о событиях, особенно повлиявших на историю города или района):

Соб.: Как ты думаешь, какие события давнего или недавнего прошлого, на твой взгляд, больше всего повлияли на жизнь нашего района?

Инф.: События... Мне кажется, строительство Чертанова Северного. Потому что вот это вот происходило как раз на моих глазах. Вот в том месте, где сейчас стоит Чертаново Северное. То есть современный такой... Ну, вернее, он уже тоже не очень современный район, но... я не помню, когда его построили. По-моему, это было как раз под Олимпиаду-80 [НАВ]³ —

так и более ассоциативно, когда отсылки к Олимпиаде появлялись в других рассказах спонтанно («Вот, а к [19]80-му году, значит, его решили превратить в парк к Олимпиаде» [АБМ]). Во втором случае событийность Олимпиады чаще не раскрывается, а ее упоминание выполняет роль временного маркера — ориентира для событий, произошедших до либо после нее. Скажем, в интервью, посвященном Марьиной Роще, к 1980 г. привязан рассказ о работах по благоустройству парковой зоны:

Инф.: Какое-то вроде бы наметилось серьезное изменение в облике района перед Московской Олимпиадой...

Соб.: Вот, как раз хотела спросить, да.

³ Здесь и далее материалы проекта «Народная история России» (pastandnow.ru) цитируются по архиву проекта.

Инф.: Ну, в общем, такой садовый ландшафтный дизайн осуществлялся. Но, как и предполагалось, что... Ну, в общем, под флагом подготовки к Олимпиаде — тем более, что Олимпийский парк с комплексом, в принципе так, это... близко. Не так уж и далеко от Марьиной Рощи. Значит, вот эти вот работы начались. <...> Какое-то время благодаря Московской Олимпиаде, вот, жители Марьиной Рощи имели такое место для... детей выгуливания там и с собаками [ВНП].

В психологии памяти⁴ используется классификация позиций вспоминающего субъекта по отношению к историческому событию, согласно которой *Участник* опирается на непосредственный личный опыт, который может быть фрагментарным, *Очевидец* хотя и не принимал прямого участия в событии, но совпал с ним и в пространстве, и во времени, *Современник* — только во времени, а *Наследник* является потребителем готовых схем презентации во внешних источниках событий, произошедших до его рождения (см. об этом, например: [Bernstein et al. 2008]). Предложенная градация достаточно условна, но кажется продуктивной для разведения различных режимов рассказывания о прошлом опыте. Среди респондентов нашего проекта, в чьих интервью упоминается Олимпиада-80, к Участникам кажется возможным отнести тех, кто в качестве зрителей посещал отдельные олимпийские мероприятия, к Очевидцам — тех, кто во время Игр находился в Москве, к Современникам — тех, кто провел это время за пределами столицы, к Наследникам — москвичей, родившихся после 1980 г. либо незадолго до Олимпиады и не имеющих личного опыта осмысленного проживания этого события. Рассмотрим далее примеры рассказов об Олимпийских играх, представленные с этих четырех позиций (в отдельных случаях в одном тексте встречаются переклочки нескольких режимов) и характерные для них нарративные стратегии.

Участник

Так вот, я была беременная, и Олимпиаду, вы знаете, бойкотировали⁵, и нужно было присутствие людей на стадионах, и профком выдавал билеты на то, чтобы все ходили. Ну, я была самой главной ходильщицей на Олимпиаду, потому что я была беременна, и меня посылали на бокс, на легкую атлетику. [Смеется.] Я с удовольствием ходила. Почему? Потому что тогда появились вот эти финские соки: малиновый, вишневый. С трубочками. Первый раз их увидели. Ну, и я с авоськами шла на стадион [смеется], стадион «Олимпийский», который на «Проспекте Мира» как раз тогда построили к Олимпиаде, и закупалась всеми этими вкусняшками, которых советские люди не видели. А! А сколько я обуви себе купила! Без очереди! Которая столько лет прослужила потом! То есть качественная, немецкий Clarks, английские туфли. А! И Кутузовский пустой был! Идешь по Кутузовскому — в магазинах никого! И продукты есть! И просто... У меня про Олимпиаду самые хорошие... [ФЭА].

⁴ Направление психологии, изучающее механизмы сохранения следов прошлого опыта, различные виды памяти.

⁵ Московская Олимпиада была бойкотирована частью зарубежных делегаций (например, США, Китаем) в знак протеста против ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. См. об этом: [Добосова 2013; Корнеев 2017].

Соб.: Вы не помните, во время Олимпиады-80 были ли слухи в Москве о жвачках, которые раздают иностранцы, и вы заразитесь чем-нибудь?

Инф.: Нет, нет, нет, нет... Нет, этого не было.

Соб.: Не слышали никогда?

Инф.: Нет, не слышала. Для меня ничего такого не было. Зато была сметана, которая была упакована, как пачки масла. Такая густая сметана производства отечественного. Ну, появились всякие финские продукты, сервелаты... Рассказывали, что просто действительно город был пуст и тих. Только в местах событий, так сказать, в этих спортивных — там было людно. А так народ... город был пустой.

Соб.: А почему?

Инф.: Ну потому что многие уехали, детей увезли в пионерлагеря. Так... Я даже покупала билет, значит, на Большую спортивную арену, были какие-то соревнования легкоатлетические, и на гребной канал в Крылатском. Но это такое впечатление: сидишь, жарко, кто-то бегаёт, кто-то бросает, это самое, копье... Кто-то прыгает, и все это одновременно происходит. Жарко! Кто-то прибежал, там был марафон, и, значит, финал марафона на стадионе. Ну, я, быть может, не спортивный человек, я не понимаю, в чем азарт... [Смеется.] Ну, азарт был у участвующего. А здесь было трудно, на самом деле [ЯКГ].

Очевидец

[19]80-й год, Олимпиада. В Москве вычистили, совершенно дикое впечатление: пустая Москва, идеальная чистота, пустынно, красиво, всё вылизано просто. И киосочки вот с этими, разовые упаковки сока бумажные, вот проткнул, пьёт — и выбросил, и всё. И пиво в банках, не было же ничего этого. В банках пива не было. Олимпиада [19]80-го года. Это всё быстро кончилось [АС].

Инф.: А в [19]80-е [годы], когда Олимпиада, на Чистых Прудах в этом кафе, которое сейчас сделали фитнес или что там... всегда была какая-то кафешечка, всегда можно было чаю попить там, индийский ресторан там был, когда у меня, по-моему, Лена была маленькой, то есть уже в [19]80-е... И вот этот ассортимент летний необыкновенных продуктов, которые к Олимпиаде [выпустили]: сок в стаканчиках маленьких, эти вот в железных баночках уже что-то, уже вот такое вот, то, что мы никогда раньше нигде не видели, на Чистых Прудах в этой кафешечке стеклянной, «стекляшка» мы её называли, сейчас там фитнес, по-моему, вот это большое что-то... маленький он был, такой павильончик небольшой, кафе летнее, там на улице грибочки стояли, на улицу, на прудик можно было выйти посидеть, мороженое поесть, то есть кафе-мороженое типа было. И вот там в Олимпиаду можно было такое всё [попробовать].

Соб.: К Олимпиаде появились?

Инф.: Вот именно в этом месте. Я попробовала в этом месте в [19]80-й год. Вот в этом месте на Чистых Прудах. <...> И еще первые

такие продукты, которые были несвойственные, несвойственные постоянному образу нашей жизни, они появились к Олимпиаде, то есть мы попробовали ветчину в банках, у нас никогда этого не было, печенье, какие-то конфеты. <...>

Соб.: А в какие годы они были?

Инф.: В Олимпиаду.

Соб.: До этого не было?

Инф.: До этого таких не было. Импортных вот этих не было. Это именно к Олимпиаде появились. Конфеты на палочке, круглые такие, а там какой-то рисунок... очень были вкусные, тоже к Олимпиаде они появились [ШТИ].

Современник

Лето я проводила всегда как раз у бабушки в Мамадыше. А тот [19]80-й год я помню очень хорошо, потому что папа сохранил билеты на баскетбол. И билеты на баскетбол — они были отпечатаны на такой бумаге, как вот сейчас... точнее, в те времена самолетные билеты печатались. То есть она такая была серая, с перфорацией, меня так удивило. Ну, обычные советские билеты что такое — штампик 10 копеек, а тут прям такое. Билет-разбилет, очень красивый билет был. Я говорю: «А что?..» — «Это, — говорит, — билет на Олимпиаду, вот ходил на баскетбол». Я ему еще пожаловалась так: «Вот, — говорю, — ты меня не взял!» Он говорит: «Вот, ты же была в Мамадыше». Я говорю: «Ты меня специально не взял!» Говорит: «Ну, не взял, не взял» [МН].

Инф.: В этом же году происходила в Москве Олимпиада.

Соб.: Да.

Инф.: И всем настоятельно рекомендовали: если вы можете уехать — уезжайте. Вот здесь вот уже пугали. Вот это я сейчас вспомнила, что пугали и венерическими заболеваниями, и какими-нибудь некачественными продуктами, которые будут что-то куда-то подсыпаться. Но в основном, конечно, очень настойчиво на всех предприятиях говорили: если вы можете уехать, мы вам дадим отпуск — уезжайте. И у нас тогда сыну четыре года было... Нет, больше. [19]80-й год — а, нет, четыре года, да, четыре года. И мы уехали.

Соб.: И вас не было в Москве?

Инф.: Нас не было в Москве, да. Поэтому вот как бы Олимпиаду как таковую я, естественно, не помню. Но потом ее долго вспоминали. Во-первых, появился сыр, который тонко нарезан и проложен папиросной бумагой — очень вкусно было. И от, видимо, тех поставок осталось — вот заменитель женского молока «Туттели» Я хорошо помню: у меня в [19]82-м году родилась дочь, потом я попала в больницу, дочка была с мужем — он только «Туттели» спасался.

Соб.: Ух ты!

Инф.: То есть вот он говорит: «Чем я помню Олимпиаду-80 — в магазинах еще был “Туттели”». Даже название: финское, наверное, было молоко [ФИН].

Н а с л е д н и к

Ну, Тропарево-Никулино — я помню, что это деревня Тропарево. Вот все эти новостройки, где сейчас я живу, и институты (здания МПГУ и МИТХТ) — они были к Олимпиаде-80 построены. Там чуть ли не как санатории, по-моему, они строились, потому что в МПГУ, когда я учился, там маленькие аудитории [ЧАЮ (1994 г. р.)].

Соб.: Может, еще знаете какие-нибудь исторические факты про Москву, точнее, про район Тропарево-Никулино?

Инф.: Вообще есть интересная вещь, у нас на нашем районе есть Олимпийская Деревня, я там проживала в детстве. <...> Олимпийская Деревня была построена для Олимпиады 1980 года, которая проходила в Москве, и там жили олимпийцы [ДЛВ (1999 г. р.)].

Приведенные примеры показывают, что при большей вовлеченности рассказчика увеличивается количество частных деталей, подтверждающих не столько знание внешней событийной рамки (где, когда проходила Олимпиада, кто в ней участвовал, каковы результаты соревнований), сколько собственное проживание, буквально телесное погружение в событие: апелляция не к фактам, а к чувствам и физическим ощущениям («с удовольствием», «жарко», «вкусно» и т. п.⁶), буквально по Хальбваксу: «Наша память опирается не на выученную, а на прожитую историю» [Хальбвакс 2005: 15].

Такая физиологичность присуща воспоминаниям не только Участников, но и Очевидцев (в которых превращаются и зрители отдельных соревнований, вспоминающих период Олимпиады в целом), «пересекшихся» с Олимпиадой, ощутивших на себе этот период через непривычные продукты и товары (немецкая обувь и финские соки [ФЭА], сервелат [ЯКГ], баночное пиво [АС], импортные конфеты [ШТИ] — то, что можно попробовать на вкус или ощутить тактильно), поступившие в продажу для демонстрации показного изобилия («Говорили “в народе”, что в дни Олимпиады Москва будет завалена товарами и продуктами» [Черняев 2008: 413]). Олимпиада-80 спровоцировала не только временный всплеск товарного разнообразия, но и изменения в сфере услуг, нацеленные на повышение качества индустрии гостеприимства и затронувшие общепит, гостиницы и т. п. заведения (см. об этом: [Попов 2013]). Ориентированность олимпиадных нововведений не на внутреннего потребителя, а на внешнего зрителя вполне осознавалась самими москвичами:

Инф.: И мы приходим, и мне папа покупает тоже лимонад, а лимонад разливается не в обычный стаканчик, а такой, я помню, красный клетчатый стаканчик, и у него еще так вот сбоку, это самое, отгибаются...

⁶ В опубликованных к годовщине Олимпиады интервью также можно встретить примеры подобных «чувственных» воспоминаний. Так, Сергей Кондратенко из Балашихи (в то время — поселок Заря), посетил один из футбольных матчей и особо отметил непривычно шумное поведение чужих болельщиков: «Помню футбольный матч — Россия играла с какой-то африканской страной на стадионе “Динамо”. Охраны было очень много: по всей кромке поля стояли милиционеры. Африканские фанаты били в барабаны. Советские болельщики вели себя абсолютно спокойно — без кричалок и файеров. Было не принято истерически проявлять гордость за страну и безумный восторг» [Гунеев 2020].

Соб.: Ручки.

Инф.: Ручки, и его можно так вот в руках держать. Меня это просто заворожило. Я говорю: «Папа, — говорю, — а откуда такой стаканчик?» Он говорит: «Стаканчик из Финляндии». «А почему, — говорю, — у нас появились финские стаканчики?» И папа — диссидент, Буковский [с иронией] — говорит: «А это специально такие стаканчики завезли, чтобы все думали, что вот, мы хорошо живем! Что у нас всё есть!» [МН].

Любопытным образом позиции Участника и Очевидца обыгрываются при трансляции воспоминаний о бытовавших в период Олимпиады городских легендах об опасных дарах чужаков-иностранцев (отравленные жвачки, одежда и т. п., см. об этом: [Архипова, Кирзюк 2020: 367–374]). В случае, если такие слухи пересказываются с позиции Участника, который слышал их лично, рассказчик дистанцируется от них различными формулами сомнения в достоверности и негативными оценочными характеристиками:

Соб.: А никто, кстати, легенд никаких не было, что там к Олимпиаде какое-нибудь отравленное могли подослать?

Инф.: Откровенно говоря, у меня был ребенок маленький, и у нас круг-то уже был цивилизованных людей, нам уже много было лет.

Соб.: То есть слухов никаких?

Инф.: Нет, слухи, может быть, и были... как сказать, ну, были какие-то, но я не придавала, то есть я уже нормальный была человек... то есть этому я значения уже не придавала. Говорили, что жвачки отравленные, что детям раздают — не берите. Эти разговоры ходили, но досужие такие сплетни [ШТИ].

Другой прием дистанцирования — переключение в режим Современника, более знакомого с контекстом и причинами каких-то исторических явлений, чем ограниченный рамками личного фрагментарного опыта Участник. Так, С. (1973 г. р.) вспоминает, что в детстве он слышал пугающие слухи об иностранцах и они обсуждались в среде его сверстников:

Это специфическая «Березка», насколько я понимаю, по-моему, у нее вообще была специализация продуктовая или что-то такое. То есть именно туда просто ездили иностранцы, дипломаты в первую очередь, поэтому вот какого-то сообщества вокруг него не наблюдалось. Но это было очень интересно, конечно. Вот все эти рассказы, перед Олимпиадой запущенные (разрядка моя. — Н. П.), что «бойтесь иностранцев, они дадут жвачки там какие-то отравленные» и так далее, то есть это всё тоже в детской среде, да, обсуждалось, что вот... Но тем не менее это всё тянуло, это было очень интересно, это был другой мир. То есть к «Березке» мы ходили гулять [С].

При этом он характеризует такие сюжеты как «перед Олимпиадой запущенные», т. е. осмысляет их с точки зрения конспирологических концепций об инспирированных властями пугающих слухах, что явно не было актуально для него семилетнего.

Некоторые подобные сюжеты пересказывались в интервью с позиции Очевидца и апеллировали к опыту лично знакомых рассказчику Участников:

Соб.: Ты не помнишь, что после Олимпиады ходили слухи, что враги что-то подбрасывают, ручки, которые взрываются?

Инф.: Нет, это не слухи были, а у меня была знакомая девчонка, которая училась на филфаке [МГУ]. Вот, их забрали переводчицами, весь курс. Она какой-то там изучала, иностранные языки, и их всех инструктировали, и это не слухи никакие, она мне рассказывала, у меня глаза вылезали на лоб от этого инструктажа, который им давали. Вот. Ну, инструктировали. Им говорили, что вот отраву... Нет, а очень интересно. «Что вы будете делать, если вам будут предлагать подарки?» Вот как ты думаешь, как они должны были отреагировать?

Соб.: Отказаться?

Инф.: Вот ничего ты не понимаешь. Они были обязаны подарок принять и сдать его государству. Взять и сдать государству. Они не имели права отказаться. Так их инструктировали — сдавать государству. И причем, значит, особо им говорили, что: «Это для вашей же безопасности, потому что вам могут подарить нижнее белье, которое может быть отравленным». И рассказывали случаи, что одна, значит, вот такая легкомысленная девушка приняла в подарок бюстгальтер, а он оказался отравленным, и сиськи пришлось ампутировать. Это им рассказывали в университете на официальном инструктаже [ФДЯ].

Если для сравнения взять синхронные упоминания таких слухов (воспользуемся базой личных дневников «Прожито»⁷), то в них также могут использоваться риторические приемы отсылки к авторитетному источнику (ЖЭК как относительно официальная инстанция, сосед-офицер как представитель силовых структур):

В Москве в связи с Олимпиадой полно слухов и кривотолков. Девочек (Таню-Олю), прежде чем распустить на каникулы, предупреждали, чтоб не смели брать-подбирать на улицах, на скамейках жевательную резинку и все прочее, яркое и манящее (всё будет заражено!). На каком-то собрании в ЖЭКе, где была мама, рассказывали, что на днях в Москве исчезла целая семья, что какого-то шофера такси какие-то иностранцы убили за несговорчивость, что-то такое вспрыснув ему в лицо. А тетя Лена, которую мы навестили, рассказала, что по точным сведениям (подтвердил сосед-офицер) в Олимпийской деревне уже нашли подложенную мину... [Дедков 2005: 286].

Риторическими отсылками к авторитетным источникам — лично знакомым Участникам или Очевидцам (отцу [МН], мужу [ФИН]) — повышают истинность своих воспоминаний о событии, в котором не участвовали, и Современники Олимпиады-80. Взаимосвязь с воспоминаниями других людей и апелляция к чужому опыту подкрепляют их собственную уверенность и убедительность: «Структуре воспоминаний свойственны взаимоналожения, взаимные подхваты,

⁷ <https://prozhitо.org>.

а потому воспоминания подтверждают и упрочают друг друга. Благодаря этому они приобретают не только согласованность и достоверность, но и объединяющую силу, способность формировать сообщества» [Асман 2014: 21].

Другая риторическая стратегия Современников, приближающая их позицию к позиции Участников или Очевидцев, — это рассказ о физическом (тактильном) соприкосновении с артефактами события (билеты на баскетбол [МН]).

Похожий прием обнаруживаем и в воспоминаниях Наследников, незначительно дистанцированных во времени с историческим событием (родившихся за несколько лет до либо после Олимпиады): они подчеркивают сопричастность, контактирование (пусть и только визуальное) с материальными олимпиадными объектами:

Инф.: Тут павильон «Юный натуралист», «Юный техник» — не помню, кто из них кто. О байках. Там стоял в конце [19]80-х — начале [19]90-х, стоял Олимпийский Мишка. Вроде бы тот самый, деревянный, большой, который в [19]80-м году улетал. Вы помните, была Олимпиада, и улетал оттуда Олимпийский Мишка?

Соб.: Там стоял в одном из этих павильонов или рядом?

Инф.: Я помню, что он стоял там. Да, в дальнем вот, прямо внутри. Входишь, так встает вот такой большой деревянный, упитанный. Вроде бы говорили, что это тот самый Мишка, но, может быть, это лишний Мишка, который запасной, не знаю. Но потом он чуть ли не сгнил, его чуть ли не выкинули. Что-то там. Но она же пришла в упадок...

Соб.: И в детстве вы его прямо видели, заходили?

Инф.: Прямо он стоял, да. Мне кажется, что это он был, Мишка, в дальнем. Вот может это был «Натуралист», а этот «Техник», я не помню [РМВ (1977 г. р.)].

Там что было в реальности: ты заходишь в парк, проходишь, это цивилизованная часть такая... Вообще он делится на совсем теменную часть, это со стороны Балаклавского проспекта, и дикую — все остальное — большую, значительно бóльшую. Вот этот вход — это тоже цивильный вход. И проходишь, попадаешь на эту гору. Там, кстати, я не знаю, есть ли до сих пор или нет, или демонтировали (но мне показалось в последний раз, что, я там был, что демонтировали)... С Олимпиады-80 там стояли прямо в голом поле восемь или десять флаштов очень высоких, на которых в то время были, ну, видимо, флаги. Я их [флаги] никогда, по-моему, ни одного раза в жизни не видел, но они стояли, это был такой... таким символом, что вот ничего нет вроде бы уже... [М (1988 г. р.)].

Здесь можно говорить о своеобразном метонимическом эффекте «соприкосновения» с событием через связанные с ним предметы. Доступность последних была крайне высокой: выпущенной с символикой Олимпиады сувенирной продукции (сумок, брелоков, значков, календарей и т. п.) и посвященных мероприятию медийных текстов (включая тематические мультфильмы, например, специальную серию «Ну, погоди!» и др.) было достаточно для того, чтобы «каждый представитель “последнего советского поколения” практически ежедневно сталкивался с соответствующей культурной продукцией и ма-

териальными предметами», что способствовало формированию позитивного мемориального фона [Орлов, Попов 2020: 372].

Несколько иначе проговаривают свою связь с Олимпиадой более отдаленные во времени Наследники: для них актуальны уже не столько события, сколько возникшие благодаря им локусы — построенные для Олимпиады-80 здания или микрорайоны, где они учились [ЧАЮ (1994 г. р.)] либо жили [ДЛВ (1999 г. р.)], т. е. для их личного опыта характерно проживание не олимпийского времени, а постолимпийского пространства. Соответственно, для таких москвичей групповая «олимпиадная» идентичность будет формироваться не вокруг времени («люди, прожившие Олимпиаду»), а вокруг места («жители/посетители связанного с Олимпиадой локуса»). Неофициальные топонимы, своеобразные «слова, понятные только местным» подчеркивают такое смещение смысла со времени на пространство:

Соб.: Вы сказали про Олимпийскую Деревню, про улицу, на которой живете сейчас. Существуют ли у них какие-то неофициальные названия? Может быть, сленговые словечки, которые внутри молодежи как-то используются?

Инф.: Да, и не только среди молодежи. Всю Олимпийскую Деревню называют «Олимпийка», а Никулинскую улицу называют «Никулка». У нас вообще любят сокращать названия улиц, так сказать, для удобства. Допустим, у нас вот тоже есть улица Покрышкина — ее все называют «Покрышка». Забавно. А вот еще — метро Юго-Западная называют «Южкой». Это так сложилось [ДЛВ (1999 г. р.)].

Олимпийка здесь выступает маркером принадлежности к локальной группе, владеющей этой неформальной терминологией.

* * *

Мы рассмотрели, как выстраиваются воспоминания о XXII летних Олимпийских играх в зависимости от позиции вспоминающего субъекта по отношению к историческому событию (Участник, Очевидец, Современник, Наследник) и от того, какие риторические приемы используют рассказчики для повышения убедительности своих свидетельств.

Если в официальном дискурсе подчеркивается значимость этого события в спортивной либо политической истории (особенно в контексте холодной войны)⁸, то в памяти москвичей, напрямую не связанных с проведением этого мероприятия (не спортсмены, не журналисты, не сотрудники обеспечивающих техническое сопровождение служб и т. п.), Олимпиада-80 — это скорее событие, изменившее город: на время (в практиках потребления, через возможность попробовать непривычные продукты или приобрести другие това-

⁸ См., например, оценочные характеристики Олимпиады в юбилейных медийных публикациях: «Великолепная и триумфальная Олимпиада-80 — событие, которое изменило и сознание, и судьбы. И как потом оказалось, стало началом грандиозных перемен, не только в спортивной истории» [Богманшина и др. 2020]; «В соревнованиях приняли участие 5 тысяч спортсменов из 80 стран, было установлено огромное количество мировых рекордов, проведение этого крупного спортивного мероприятия стало знаковым для СССР» [Гунеев 2020].

ры) либо навсегда (через появление новых городских объектов). В любом из этих случаев рассказчики концентрируются не на внешнем событийном ряде (расписание и результаты соревнований и т. п.), а на лично проживаемом (в ощущениях) олимпиадном времени либо пространстве.

В попытках объяснить такое «невидение» московской Олимпиады как спортивного события горожанами следует, вероятно, учитывать, что среди наших респондентов вспоминающими Участниками были не спортсмены или организаторы соревнований, но зрители, посетившие отдельные игры, иногда по воле случая («нужно было присутствие людей на стадионах, а профком выдавал билеты на то, чтобы все ходили» [ФЭА]), а не в силу пристального интереса болельщика. Также важным кажется сам формат мероприятия: оно регулярно повторяется в разных местах. Олимпиада в Москве проводилась один раз, но если человек не посещал соревнования лично, то узнавал об их ходе и результатах ровно так же, как об олимпиадах, проходивших в любых других городах и странах, — через внешние источники (газетные публикации, теле- и радиорепортажи⁹). В этом смысле никакого нарушения повседневного порядка не происходило. При этом появление новых товаров, непривычный вид опустевшего города — это как раз влиявшие на рядовой быт моменты¹⁰, которые по причине их аномальности особенно врезаются в личную память.

Кроме того, Олимпийские игры при всей своей масштабности — это не-обязательное к посещению и включенному участию событие, оно для многих могло остаться эмоционально нейтральным, в отличие от резко негативных или позитивных глобальных потрясений, объединяющих большие группы, т. е. это не травма или победа, пронизывающая все общество и требующая повторяющихся проговариваний, нарративных фиксаций такого опыта в коллективной памяти, — напротив, Олимпиада способна остаться сугубо индивидуальным, прожитым в телесных ощущениях событием.

Информанты

АБМ — муж., 1965 г. р., зап. О. В. Белова.

АС — муж., 1952 г. р., зап. Н. С. Петрова.

ВНП — муж., 1948 г. р., зап. Ю. И. Козиорова.

ДЛВ — жен., 1999 г. р., зап. Е. Д. Мартынова.

М — муж., 1988 г. р., зап. Д. Ю. Доронин.

МН — жен., 1975 г. р., зап. А. С. Архипова.

НАВ — муж., 1962 г. р., зап. И. А. Низский.

РМВ — жен., 1977 г. р., зап. Е. А. Кузнецова.

С — муж., 1973 г. р., зап. М. В. Ахметова.

ФДЯ — муж., 1954 г. р., зап. М. В. Ахметова

⁹ Так, москвич Юрий Протопопов, будучи тренером по академической гребле при добровольном спортивном обществе «Спартак», смог посетить четыре олимпийских состязания, однако на церемонии открытия и закрытия Игр попасть было сложно, поэтому он «наблюдал за всем происходящим по телевизору. Телевизионщики такие моменты вылавливали!» [Гунеев 2020], т. е. тут он разделил опыт множества других дистанционных зрителей.

¹⁰ Алексей Пищулин из Королева вспоминал: «Меня очень удивила образцовая чистота в городе и свободная продажа «Пепси-колы» и импортных сигарет в киосках. Такого раньше никогда не было!» [Гунеев 2020].

- ФИН — жен., 1952 г. р., зап. Э. Г. Матвеева.
ФЭА — жен., 1956 г. р., зап. Н. В. Петров, А. В. Чернецова.
ЧАЮ — муж., 1994 г. р., зап. Н. С. Петрова.
ШТИ — жен., 1949 г. р., зап. И. В. Козлова.
ЯКГ — жен., 1961 г. р., зап. Н. Н. Рычкова.

Источники

- Богоманшина и др. 2020 — *Богоманшина Ю., Глебова М., Султанов А., Шаракин Д.* Воспоминания Москвы: 40 лет назад зажегся огонь Олимпиады-80 // ТВ Центр. 2020. 19 июля. URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/188330>.
- Гунеев 2020 — *Гунеев С.* Жители Москвы и Подмосковья: про Олимпиаду-1980, «Пепси-колу» и Мишку // РИАМО. 2020. 19 июля. URL: <https://riamo.ru/article/148865/zhiteli-moskvy-i-podmoskovyu-pro-olimpiadu-1980-pepsi-kolu-i-mishku.xl>.
- Дедков 2005 — *Дедков И. А.* Дневник. 1953–1994 / Сост. Т. Ф. Дедковой. М.: Прогресс-Плеяда, 2005.
- Курманова 2020 — *Курманова Д.* Истории из жизни: о чем проект Sputnik, посвященный Олимпиаде-80 // Sputnik Узбекистан. 2020. 21 июля. URL: <https://uz.sputniknews.ru/olimpiada-1980/20200721/14590814/Istorii-iz-zhizni-o-chem-proekt-Sputnik-posvyaschen-nyu-Olimpiade-80.html>.
- Сдам ГИА б. д. — Сдам ГИА: Решу ЕГЭ: Образовательный портал для подготовки к экзаменам. URL: <https://hist-ege.sdamgia.ru/problem?id=3377>.
- Участники 2020 — Участники Олимпиады-80: «Иностранцы были крайне удивлены нашей гостеприимностью» // Москвич Маг. 2020. 3 авг. URL: <https://moskvichmag.ru/lyudi/uchastniki-olimpiady-80-inostrantsy-byli-krajne-udivleny-nashej-gostepriimnostyu>.
- Черняев 2008 — *Черняев А. С.* Совместный исход: Дневник двух эпох, 1971–1991 годы. М.: РОССПЭН, 2008.
- Sputnik 2020 — Sputnik запустил спецпроект про Олимпиаду-80 // РИА Новости. 2020. 20 июля. URL: <https://ria.ru/20200720/1574488611.html>.

Литература

- Архипова, Кирзюк 2020 — *Архипова А., Кирзюк А.* Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М.: Нов. лит. обозрение, 2020.
- Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Ассман 2014 — *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Добосова 2013 — *Добосова Л. Г.* Олимпийские игры-1980: создаем бренд государства // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2013. № 1 (10). С. 48–55.
- Корнеев 2017 — *Корнеев И. Е.* Олимпиада-80 в советской пропаганде: сотрудничество и конфронтация в международной спортивной политике 1975–1989 гг. // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2017. № 1. С. 39–44.
- Орлов, Попов 2020 — *Орлов И. Б., Попов А. Д.* Олимпийский переполох: забытая советская модернизация. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
- Петров 2019 — *Петров Н.В.* Фольклор как public history: традиции в медиаформате (pastandnow.ru) // Новые российские гуманитарные исследования. № 14. 2019. С. 14.
- Попов 2013 — *Попов А. Д.* «Марафон гостеприимства»: Олимпиада-80 и попытка модернизации советского сервиса // Cahiers du monde russe. Vol. 54. № 1–2. 2013. P. 265–295.

Хальбвакс 2005 — Хальбвакс М. Историческая и культурная память / Пер. с фр. // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.

Bernstein et al. 2008 — Bernstein D. M., Nourkova V., Loftus F. From individual memories to oral history // *Advances Psychology Research*. Vol. 54. 2008. P. 157–181.

References

- Arkhipova, A., & Kirziuk, A. (2020). *Opasnye sovetskie veshchi: Gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet things: Urban legends and fears in the USSR]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Assman, A. (2014). *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naiia kul'tura i istoricheskaiia politika* [Trans. from Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Beck]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Assman, Ia. (2004). *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Trans. from Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Beck]. *Iazyki slavianskoi kul'tury*. (In Russian).
- Bernstein, D. M., Nourkova, V., & Loftus, E. F. (2008). From individual memories to oral history. *Advances Psychology Research*, 54, 157–181.
- Dobosova, L. G. (2013). Olimpiiskie igry-1980: sozdaem brend gosudarstva [The 1980 Olympic Games: State brand building] *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Politologiiia. Religiovedenie*, 2013(10), 48–55 (In Russian).
- Khal'bvaks, M. (2005). Kollektivnaia i istoricheskaiia pamiat' [Trans. from Halbwachs, M. (1950). *Mémoire collective et mémoire historique*. In M. Halbwachs. *La Mémoire collective*. Les Presses universitaires de France]. *Neprikosnovemyi zapas*, 2005(2–3), 8–27. (In Russian).
- Korneev, I. E. (2017). Olimpiada-80 v sovetskoii propagande: sotrudnichestvo i konfrontatsiia v mezhdunarodnoi sportivnoi politike 1975–1989 gg. [The 1980 Olympics in Soviet Propaganda: Cooperation and confrontation in international sports policy 1975–1989]. *Vestnik RGGU, Ser. Politologiiia. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017(1), 39–44. (In Russian).
- Orlov, I. B., & Popov, A. D. (2020). *Olimpiiskii perepolokh: zabytaia sovetskaia modernizatsiia*. [Olympic trouble: Forgotten Soviet modernization]. *Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ekonomiki*. (In Russian).
- Petrov, N. V. (2019). Fol'klor kak public history: traditsiia v mediaformate (pastandnow.ru) [Folklore as public history: Tradition in the media format (pastandnow.ru)]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia*, 14, 148. (In Russian).
- Popov, A. D. (2013). “Marafon gostepriimstva”: Olimpiada-80 i popytka modernizatsii sovetskogo servisa [“Marathon of hospitality”: The 1980 Olympics and an attempt to modernize the Soviet service]. *Cahiers du monde russe*, 54(1–2), 265–295. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Наталья Сергеевна Петрова

кандидат филологических наук
научный сотрудник, Центр типологии
и семиотики фольклора,
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва,
Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-69-31
✉ pena.talya@gmail.com

Natalia S. Petrova

Cand. Sci. (Philology)
Researcher, Centre for Typological
and Semiotic Folklore Studies,
Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-69-31
✉ pena.talya@gmail.com

С. Г. Маслинская

ORCID: 0000-0001-7911-4323

✉ braunknopf@gmail.com

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Россия, Санкт-Петербург)*

«КАК В ДЕТСТВЕ ПОБЫВАЛА»: МНЕМОНИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ РЕСАЙКЛИНГА СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ КНИГИ

Аннотация. В статье рассматривается издательский ресайклинг в области детской книги. В центре исследовательского внимания — изучение переиздания советской детской литературы в 2007–2019 гг. и реакция читателей на предлагаемые издания. На основе анализа состава наиболее тиражных авторов советской детской литературы выявлено, что самыми популярными у издателей оказываются Корней Чуковский, Агния Барто, Самуил Маршак, Николай Носов и Александр Волков, соответственно их произведения можно считать ядром канона советской детской литературы. Среди социальных практик, направленных на консервацию и воспроизведение канона чтения, рассмотрены как издательские (выпуск серий, отбор переиздаваемых авторов), так и читательские практики: составление ретроспективных списков чтения, сравнение современных переизданий с советскими первоисточниками (сличение текстового и визуального материала), чтение переизданий с издательскими комментариями. Ностальгический дискурс о книгах, прочитанных в детстве, направлен на поддержание групповой идентичности читателей, основанной на общем опыте чтения в детстве.

Ключевые слова: советская детская книга, формы культурного ресайклинга, ностальгия, переиздание, канон чтения, память

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00414, «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)»).

Для цитирования: Маслинская С. Г. «Как в детстве побывала»: мнемонические эффекты ресайклинга советской детской книги // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 151–167. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-151-167>.

*Статья поступила в редакцию 14 сентября 2020 г.
Принято к печати 3 декабря 2020 г.*

S. G. Maslinskaya

ORCID: 0000-0001-7911-4323

✉ braunknopf@gmail.com

*Institute of Russian Literature (The Pushkin House),
Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg)*

“AS IF I VISITED MY CHILDHOOD”: MNEMONIC EFFECTS OF CULTURAL RECYCLING OF SOVIET CHILDREN’S BOOKS

Abstract. In this article the process of cultural recycling is discussed using the case of children’s books. The focus of the research is on the reprinting of Soviet children’s literature during 2007–2019, as well as readers’ reviews of these reprinted editions. Analysis of the print runs reveals that Kornei Chukovsky, Agniia Barto, Samuil Marshak, Nikolai Nosov and Alexander Volkov were the five top best-selling Soviet children’s authors in this period. Hence their works may be considered the core of the Soviet literary canon for children. Social practices that support conservation and reproduction of the canon of children’s reading are discussed. Publishers devote book series to the reprints of Soviet works and engage in the selection of the reprinted authors. Readers, for their part, compile retrospective reading lists, compare modern reprinted versions with the original editions (looking for mismatches in text and illustrations), and pay attention to editors’ comments in the reprinted editions. Nostalgic discourse about Soviet children’s books serves contemporary Russian parents to reinforce their group identity based on the common reading experience in childhood. The preservation and revival of a book is enabled by three key features: a weak connection of the book’s content to the Soviet political agenda, a renowned illustrator and recognizable book design, and, finally, adult nostalgia for the book read in childhood.

Keywords: Soviet children’s books, forms of cultural recycling, nostalgia, reprint, reading canon, memory

Acknowledgements. This research was supported with a grant of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00414, “Soviet Culture Today (Forms of Cultural Recycling in Russian Art and Aesthetics of the Everyday Life. 1990s–2010s”).

To cite this article: Maslinskaya, S. G. (2021). “As if I visited my childhood”: Mnemonic effects of cultural recycling of Soviet children’s books. *Shagi / Steps*, 7(1), 151–167. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-151-167>.

Received September 14, 2020

Accepted December 3, 2020

Остается только вспоминать,
какие были книжки для детей...
Реплика в Интернете

Воспоминания о круге детского чтения — заметная часть ностальгического дискурса о детстве. Проблема забывания или припоминания книг из круга чтения тесно связана с поддержанием памяти о собственном детстве. В припоминании детства XX в. книги как материальные объекты можно поставить в один ряд с игрушками, фотоальбомами, рисунками, поделками, одеждой, сохранившимися на чердаках и антресолях. В отличие от названных «ностальгических предметов», составляющих семейный архив, книги обладают большей витальностью: те, кто хранит «книги детства» в домашних библиотеках, могут их перечитывать и читать своим детям. Впрочем, и фотоальбом можно перелистывать и умиляться временам, «когда мы были молодыми», и перебирать детские вещицы 50-летней давности... Однако в случае с книгами есть важное отличие: их можно печатать заново, переиздавать. Конечно, и советские игрушки вроде «неваляшки» или юлы сейчас выпускаются, но их тиражи и соответственно распространенность гораздо ниже, чем книг, написанных в советское время и переиздаваемых сейчас десятками издательств. Книги в этом контексте скорее сопоставимы с мороженым «Как раньше» или дисками с песенками из советских мультфильмов. Припомнить вкус детства, голоса актеров и иллюстрации в книге — важная сенсомоторная составляющая ностальгии о прошлом. Покупка утраченной книги в букинистическом магазине или приобретение ее нового переиздания — типичный путь обретения связи с детством; в нашем случае речь пойдет о позднесоветском детстве. Здесь возникает напряжение между узнаваемым, припоминаемым и забытым. Изучению этого напряжения посвящена предлагаемая статья.

Читательские списки и издательские серии

У носителей памяти о книгах, прочитанных в детстве, есть потребность воспользоваться одной из мнемонических техник — записать то, что боишься забыть. В различных сообществах и социальных сетях это могут быть записи о какой-нибудь одной книге¹, а могут быть списки таких припоминаемых книг, которые публикуются с преуведомлениями:

С этими книжками мы прятались под одеялом с фонариком, потом под партой на скучных уроках. Они уносили нас в другие миры. И мы устремлялись сквозь пространство и время — в волнующие космические дали, в интригующий двадцать первый век... Возможно некоторые из них вам захочется перечитать! [Сергей 2015]².

Ретроспективные списки могут иметь жанровые ограничения (как в приведенном выше примере), но в подавляющем большинстве это смешанные ре-

¹ Примером такого индивидуального блога является рубрика «Была такая книжка» Александра Ливенцова в Facebook.

² Здесь и далее в цитатах сохранены орфография и пунктуация источников.

естры, куда попадают произведения разных авторов, разных жанров, разного объема и размера, разного типа издания и оформления. Объединяющий принцип один — воля составителя списка. А сам список становится индивидуальным ядром коллективного ностальгического канона.

Формирование последнего можно уподобить возникновению небесных тел под влиянием сил гравитации. Сначала некие любители советской детской книги собирают ее в списки: «11 советских книг-шедевров для детей, которые забыли совершенно незаслуженно», «Лучшие советские книги для детей», «Лучшая советская литература», «30 детских книг, которыми зачитывались советские школьники» или «С любовью из прошлого: лучшие советские детские книги». Как правило, это не очень большие списки (10–20 произведений или изданий). Эти подборки призваны напомнить о статусе советской детской книги и о составе «золотой полки»³. К совершенствованию списка подключаются его читатели, в комментариях предлагающие его дополнить (редко предлагают что-нибудь исключить). Гравитационные силы спрессовывают канон: какие-то произведения дублируются (сопровожаемые репликами читателей «да-да, я помню эту книгу, у меня была такая в детстве») — ядро как бы становится плотнее; какие-то произведения добавляются к списку или маячат рядом, не привлекая внимания других читателей списка.

Набор книг в этих списках варьируется. Списки ширятся, дополняются новыми и новыми названиями, вытасканными из закров памяти о чтении в детстве. На отдельных ресурсах можно обнаружить списки, состоящие из сотен книг. Так, на сайте русскоязычного интернет-проекта LiveLib был опубликован список «Забытые детские и подростковые книги», состоящий из 756 книг [shila 2013]. Очевидно, что речь не идет об индивидуальной памяти, такое количество произведений выходит за ее границы. Задача такого списка — манифестация масштаба и объема поколенческой коллективной памяти о круге чтения. Ее функция, как пишет М. Б. Ямпольский, «не сохранение прошлого, но сохранение коллектива и трансляция общего для него “архива”» [Ямпольский 2007: 54]. Архив такого масштаба по определению не может быть общим, однако он помогает его пользователям идентифицировать себя с кругом людей на основе частичного совпадения интересов. В конечном итоге этот список прежде всего нужен для внимательного прочтения его (и аннотаций к изданиям), он вряд ли способен выполнить характерные для таких списков, создаваемых библиотекарями, рекомендательные функции⁴. Чтение такого списка с начала (или с середины) и до того места, «пока не надоест», определяется его мнемоническим эффектом, а припоминание книг — достаточное следствие ознакомления с ним.

Ознакомиться со списком — это способ обозначить групповую идентичность тех, кто читал и ценит «лучшую советскую детскую литературу». В то

³ Бывают и списки с более широким охватом книжной продукции («Коллекция книг из детства», «Любимые книжки нашего детства» и пр.), в которые входят и зарубежная литература, и русская хрестоматийная классика (сказки Пушкина и пр.). В фокусе моего внимания только списки советской детской литературы.

⁴ Об отличии обсуждаемых списков от тех, что выпускаются под грифом различных культурных институций, и о характерных особенностях этих реестров см.: [Головин и др. 2013].

же время можно встретить списки, имеющие дополнительную прагматику — сформировать круг чтения для нынешних детей-читателей (и соответственно название у списка будет несколько иное: «30 советских детских книг, которые стоит прочесть с детьми»). В этом случае запускается другая функция таких реестров — представить канон не как список для ознакомления и припоминания, а как набор книг для обязательного прочтения новым поколением читателей — детьми. Фрагментированный индивидуальный круг чтения суммируется такими списками в некое единое целое, которое призвано не только объединить читателей в воображаемое сообщество ценителей советской детской книги, но и зафиксировать некий самодетальный канон. Это та эманация канона, которая возникает независимо от институционального влияния, для его создания не нужны специальные усилия издателей, учителей и книгопродавцев.

Как бы в ответ на такой запрос издатели группируют выпускаемые книги в специальные серии: «Любимая мамина книжка» и «Любимая папина книжка» (издательство «Речь»), «Вся детская классика» (АСТ и «Астрель»), «Новые старые книжки» («Энас-книга»). Как видно, названия этих серий варьируют названия списков, составленных из ностальгических и мнемонических соображений, однако определение *советский* из них изъято. Издатели не берутся эксплуатировать советский бренд, рассчитывая, что взрослые, покупающие книги для детей, ориентируются на свою индивидуальную память о книгах, прочитанных в детстве: «Серия “Новые старые книжки” воссоздает классику отечественной литературы для детей. Чтобы помнили, чтобы ценили, чтобы гордились», — утверждает заведующая детской редакцией издательства «Энас-книга» Наталья Ерофеева [б. д.]. И не столь существенным оказывается, было это детство советским или постсоветским. Люди разных поколений, в том числе выросшие в 1990-е годы и покупающие сейчас книги своим детям, выбирают из того круга книг, которые они читали в своем детстве, независимо от того, было оно советским или нет.

Что и как воссоздается в современных переизданиях советской детской литературы?

Кого переиздают чаще

Фокусируясь вокруг переизданий советских авторов для детей, хочется понять, какие авторы советского периода российского книгоиздания остаются в читательском поле, а какие вышли из него и рискуют быть забытыми. Российская книжная палата в последние годы публикует статистические данные о наиболее издаваемых и тиражных авторах детской литературы. С 2005 г. публиковались сведения «10 авторов детской литературы, произведения которых были изданы в России наибольшими тиражами», с 2012 г. открытыми стали данные о 20 наиболее тиражных авторах⁵. Анализ состава наиболее издаваемых авторов показывает, что общий тираж всех авторов детской литературы стабильно падает в течение последних 15 лет. В 2006 г. было издано почти

⁵ См. данные статистического сборника «Печать Российской Федерации» за 2012–2019 гг. (<http://www.bookchamber.ru/statistics.html>).

16 млн экз., к 2019 г. — всего около 7 млн экз. Общая доля всех советских авторов в тираже топ-10 колеблется вокруг отметки в 50% (трехлетнее среднее держится в пределах 45–55%) с отдельными провалами и взлетами, которые, скорее всего, объяснимы разными случайными и внешними факторами. Резкий провал доли советских авторов в 2006–2007 гг. (около 35%) объясняется публикацией в этот момент высокотиражных книг Дж. Роулинг. В топ-10 из авторов, которые состоялись как детские писатели в советское время и ушли из жизни до 1985 г., вошли Корней Чуковский, Агния Барто, Самуил Маршак, Николай Носов, Александр Волков. Стоит включить в этот список и Сергея Михалкова (умер в 2009 г.), известность к которому пришла в 1930-е годы⁶. Такой состав самых публикуемых авторов говорит о том, что в последние 14 лет востребованы стихи поэтов, адресованные самым маленьким читателям (Чуковский, Барто, Маршак, Михалков), и сказки прозаиков, писавших для дошкольников и младших школьников (Носов и Волков).

Общая доля поэзии для дошкольников держится вокруг отметки в 40%, а доля прозы для младших школьников — 10%. Другими словами, $\frac{4}{5}$ (80%) от самых тиражируемых советских книг приходится на поэзию для дошкольников (т. е. прежде всего на Чуковского и Барто как самых тиражируемых), хотя и наблюдается тенденция к постепенному снижению этой доли. Очевидное объяснение такому издательскому ответу на читательский запрос состоит в том, что для этой возрастной группы читателей (от двух до пяти) авторитетными взрослыми, выбирающими книгу для чтения, являются прежде всего родители (в меньшей степени воспитатели дошкольных учреждений и учителя начальной школы, хотя их приоритеты — склонность к «советской детской классике» — тоже стоит учитывать). Пристрастие к поэзии как виду литературы для детей от двух до пяти — часть более общих тенденций в педагогике детского чтения, нежели может показаться на первый взгляд. Это не специфическая черта именно российской истории чтения родителей детям, однако значимость поэзии в современной России как материала для первого чтения родителей детям стоит отметить.

Какие издательские тенденции, связанные с этими авторами, можно обнаружить? Чуковский с 2005 г. удерживает первое место среди переиздаваемых советских авторов (пик переизданий — более 3,5 млн экз. в 2010 г., менее 2 млн в 2019 г.). За ним следует Барто (пик — чуть более 2 млн экз. в 2008 г., около 0,5 млн в 2019 г.). Тиражи остальных советских авторов из списка остаются примерно на одном уровне, с периодическими провалами (как тиражи Маршака в 2014 г.) и подъемами. Резкое снижение показывает Михалков — после 2008 г. вообще исчезает из топа и ненадолго возвращается обратно на более низких позициях с примерно вдвое меньшими тиражами только в 2016–2017 гг. С 2016 г. в топ-20 входят ранее не достигавшие таких тиражей советские авторы — Владимир Сутеев и Виталий Бианки — с общей тиражностью книг на уровне Волкова и Драгунского. Это может объясняться как ростом их собственной популярности, так и выпадением прежних «лидеров» (например, Михалкова) из топ-20 на фоне общего снижения объема и диверсификации рынка.

⁶ Вне рассмотрения по разным причинам оставляю Эдуарда Успенского, Григория Остера и Андрея Усачева, также вошедших в топовые списки Книжной палаты. Кроме того, в топ-20 из советских авторов с 2012 г. вошел Денис Драгунский.

Тем не менее тенденция спустя сто лет переиздавать поэтов, начинавших в 1920-е годы, и прозаиков, опубликовавших свои первые произведения в самом конце 1930-х годов и продолживших творить в два послевоенные десятилетия, требует комментария. Поэты, работавшие в разных жанрах — поэмы (сказки Чуковского), стихотворных миниатюр (цикл Барто «Игрушки») и сюжетных стихотворений («Пожар», «Багаж», «Почта» Маршака), — после двух десятилетий жесткой критики и вынужденного конформизма достигли пика своей славы и тиражей в 1950–1960-е годы и удерживали первенство до заката советской власти. Их феноменальная известность и даже культ, сложившийся еще при жизни каждого из них (и основания культа, и среда почитателей их талантов сильно различились и покрывали в общем-то вкусовые предпочтения и мировоззренческие установки самых разных групп и слоев советского общества), способствовали устойчивости их репутации как главных советских поэтов для детей. Сравнимый с ними по популярности в то время Михалков, занимавший высокие административные посты и писавший сервильные стихи вроде «В музее Ленина» (и ревниво относившийся к конкурентам), в последние годы заметно подрастерял своих почитателей, его издательский рейтинг падает год от года и можно прогнозировать, что будет и дальше снижаться⁷. В то же время статус тех, кто был в авангарде создававшейся советской поэзии для детей в 1920-е годы, оказался устойчивее, чем статус тех, кто творил позже в обход запретов, — обэриутов, поэтов «лианозовской школы» и тех, кто, например, след в след шел по стопам титанов, как, например, Борис Заходер, Валентин Берестов и Елена Благинина. Отцы-основатели Чуковский и Маршак и примкнувшая к ним Барто создали прецедентные тексты и получили такие возможности к их тиражированию, что большинство советских и постсоветских русскоязычных читателей хранят их названия и строчки в своей памяти. Многолетнее перечитывание (точнее, чтение детям, а затем и внукам) способствует сохранению их имен в издательском топе.

Несколько иная ситуация сложилась вокруг серийных сказочников Волкова и Носова (для популярности Носова, конечно, важны и его юмористические рассказы). По-видимому, основной причиной сохранения их в каноне детского чтения стало включение их произведений в списки внеклассного чтения для младших классов, хотя, конечно, абсолютизировать этот критерий нельзя. Оба автора были действительно очень популярны в военную и послевоенную пору. Сохранилось много свидетельств об этом читателей 1940–1980-х годов. Более того, тиражи Волкова были стабильно высокими не только в советское время, но и в 1990-е годы (за период с 1997 по 2012 г. только в Москве «Волшебник Изумрудного города» был переиздан 85 раз тиражом около 1,5 млн экз. [Гончарова 2014: 47]). Можно высказать предположения о причинах этой популярности, но все они будут грешить спекулятивностью (юмористические

⁷ Можно предполагать, что снижение рейтинга Михалкова объясняется очевидной укорененностью его поэзии в реалиях советской повседневности, а не только их политической ангажированностью. Необходимы дополнительные сравнительные исследования поэтики названных авторов, чтобы прояснить, насколько наличие в произведениях утративших актуальность реалий советской жизни влияет на популярность произведений у современных читателей. «Рассказ о неизвестном герое» Маршака и «Дядя Степа» Михалкова сейчас потеряли благосклонность читателей, а переводы английской детской поэзии, выполненные Маршаком, — нет.

рассказы для младших школьников в советское время писал не только Носов, да и циклы сказок — не уникальное достижение Волкова и Носова). Думается, что основная причина популярности сказок была сформулирована еще Маршаком — они «немножко вне времени» [Маршак 1972: 155]. Маршак и сам свои стихи для детей 1920-х годов, которые как раз и переиздаются, писал «для вечности», в отличие от стихов 1930-х, когда «натиск времени на вечность стал сильнее» [Гаспаров 2001: 412, 416]. Незнайка Носова тоже оказался героем вне времени.

Так или иначе, Чуковский, Маршак, Барто, Волков и Носов на данный момент составляют ядро канона советской детской литературы. Их произведения — ключевые тексты русской литературы. Мария Литовская предложила относить советскую детскую литературу к ключевым текстам наравне со школьной классикой:

При сложившейся в России практике раннего знакомства ребенка с чтением, воспитываемого отношения к книге как сакральному предмету, довольно четко обозначенном круге обязательного дошкольного чтения (стихотворения Агнии Барто, Елены Благиной, Самуила Маршака, Сергея Козлова, Сергея Михалкова, Корнея Чуковского и др.) именно предназначенная для детей литература оказывается самым массовым чтением. Характерное для детского типа знакомства с литературой многократное перечитывание одних и тех же текстов приводит к тому, что именно эти любимые ребенком тексты усваиваются лучше всего. Многие стереотипные представления и образы, речевые клише и формулы именно на этом этапе прочно входят в картину мира носителя определенной культуры [Литовская 2012: 68–69].

В силу этих свойств усвоения детской литературы любые искажения при перепечатке текстов произведений названных авторов воспринимаются с настороженностью. Так, в издании «Мойдодыра» в серии «Любимая мамина книжка», вышедшем в «Речи» в 2018 г., читательница обнаружила замену слова:

По тексту нашла небольшое отличие, здесь напечатано:

А за ним и бутерброд:
Подбежал — и прямо в рот!

Нам привычнее, что бутерброд подскочил, но это мелочи (Labirint.ru, 2017).

Здесь не столько важна снисходительная оценка этой замены, сколько показательно пристальное внимание к точному воспроизведению канонического текста. Размеры этих произведений столь невелики, а сохранность их в памяти столь высока (перечитывание Чуковского и Маршака в современной русскоязычной культуре на порядок выше, чем Пушкина или Лермонтова), что требование их точного печатного воспроизведения становится близким к акаде-

мическим требованиям издания школьных классиков. Заметим в скобках, что академических изданий названных авторов не существует. Текстовую цензуру изданий осуществляют не научные институты, а массовый взрослый читатель, знающий их наизусть и узнающий их «в лицо».

В попытках узнать

Взрослые читатели покупают «советскую детскую классику» по тем же причинам, по которым они читают списки оной в Интернете, — чтобы вспомнить свое детство. Ср. отзывы на сайте онлайн-магазина «Лабиринт»:

Ах, книжки моего детства!!! «Речь» сделала этой серией («Любимая мамина книжка». — С. М.) огромный приятнейший сюрприз!! Книги именно в том виде, как были изданы первоначально! И в отличном качестве как бумаги, так и исполнения! Супер! (Labirint.ru, 2019; о Н. Носове).

Книжка из детства. Зачитана в свое время до дыр. Купила для дочери, но и сама иногда рассматриваю ее и погружаюсь в ностальгию (Labirint.ru, 2017; о С. Маршаке).

Это была моя любимая книга в детстве. Помню, как я, затаив дыхание, слушала эту сказку и просила читать еще и еще (Labirint.ru, 2016; о К. Чуковском).

Нам с сыном очень нравится эта книга. Когда взяла в первый раз книгу в руки, то будто детство вновь вернулось..... Такая же книга была и у меня с братом, да и картинки такие знакомые и пахнут детством и беззаботной радостью! (Labirint.ru, 2018; о Я. Тайце).

Замечательная книга! С детства знакомые рисунки Конашевича :) Как увидела, сразу в памяти все всплыло. Качество печати отличное. Спасибо издательству «Мелик-Пашаев» за переиздание (Labirint.ru, 2014; о С. Маршаке).

С удовольствием прочитали эту книгу с сыном первоклассником по очереди за два дня! Оторваться невозможно от этого текста, от этих замечательнейших иллюстраций В. Чижикова, иллюстраций из моего детства! !! Мои сыновья разделяют мою любовь к творчеству Чижикова, мы вместе собираем коллекцию книг с его работами! (Labirint.ru, 2020; о К. Чуковском).

Для большинства откликов характерны формулировки наподобие «купила книжку из ностальгических чувств — у меня такая же была в детстве». Издательство «Росмэн» запустило серию с близким названием «Та самая книжка», в которой выходят репринты изданий Аркадия Гайдара, Татьяны Александровой, Николая Носова, Геннадия Цыферова и др. В обращении к покупателям издатели пишут:

Дорогие мамы и папы, бабушки и дедушки! С какой теплотой и любовью мы порой вспоминаем книги нашего детства, которые оставили неизгладимый след в нашей душе! И если вдруг на книжном развале или в витрине букинистического магазина встречаем одну из тех книг — в потрепанной обложке, зачитанную до дыр, — с каким удовольствием мы берем ее в руки, перелистываем и вспоминаем те радостные минуты, которые она когда-то подарила нам... «Та самая книжка!» — хочется воскликнуть и поделиться этой радостью от встречи с книгой из детства со своими детьми и внуками, чтобы и они, открывая для себя мир книги, могли испытать подобные чувства. Но книги из нашего детства становятся все большей редкостью. «Та самая книжка» — это двойная радость. Радость наших детей от первой, запоминающейся на всю жизнь встречи с удивительными героями детских книг и наша собственная радость от встречи со старыми, любимыми друзьями. «Та самая книжка» — это возможность представителям нескольких поколений семьи познакомиться с лучшими детскими книгами вместе. Ведь после их прочтения и у нас, и у наших детей возникнет столько новых впечатлений и дорогих воспоминаний, которыми можно обменяться (Livelib.ru, б. д.).

В этом издательском манифесте представлены опоры ностальгического дискурса о книге детства: тактильное узнавание («мы берем ее в руки, перелистываем и вспоминаем те радостные минуты»), эмоциональные переживания узнавания («радость от встречи со старыми, любимыми друзьями»), межпоколенческий и межличностный каналы связи через уподобление («они [дети], открывая для себя мир книги, могли испытать подобные чувства») и обмен впечатлениями («возникнет столько новых впечатлений и дорогих воспоминаний, которыми можно обменяться»).

«Узнавание» — это ключевая категория при описании социальных практик, связанных с переизданными советскими книгами. Первое, что обращает на себя внимание, это регулярное сопоставление читателями купленного переиздания с книгами, которые сохранились в библиотеке с советских времен, или другими переизданиями, купленными позже:

Наткнулась случайно на данную книгу и какую бурю эмоций испытала!!!! Такая же была у меня в детстве и как я её любила!!!!
И картинки один в один. Обязательно закажу, моя бесследно пропала (Labirint.ru; 2019).

Максимально точное совпадение с той книгой, которую читал в детстве, — достаточный критерий для высокой оценки переиздания. Впрочем, тем фактом, что одна и та же книга в советское время издавалась в нескольких версиях, в особенности с разными иллюстрациями, обусловлено детальное сравнение переизданий, предпринимаемое читателями.

В отзывах на книготорговых сайтах покупатели сравнивают цветопередачу, расположение иллюстраций на странице, полноту деталей и др. Такое серьезное внимание читателей к оформлению видно, например, в отзывах об издании «Волшебника Изумрудного города» Волкова, вышедшем в издательстве «Малыш» (АСТ) в 2020 г.:

Но главный сюрприз меня ждал, когда я открыла книгу — знакомые до последней черточки иллюстрации Владимирского заиграли здесь новыми радужными красками, они значительно более светлые и воздушные, чем те, что были в моей детской книге.

По сравнению с современными детскими изданиями, в которых порой ярких картинок больше, чем текста, здесь иллюстраций не слишком много, однако они удачно расположены, хотя, конечно, не на каждой странице. Иллюстрации разнокалиберные — есть и крупные, и средние, и маленькие. Форзацы цветные, традиционно представляют карту страны Гудвина.

Бумага в данном издании офсетная, белая, средней плотности. Шрифт очень четкий, крупный, для самостоятельного чтения детьми самый подходящий (Book24.ru, 2015).

Для сравнения выкладываю несколько иллюстраций из своей старой книги (издательство «Советская Россия» Москва 1971 г.) (Labirint.ru, 2014).

При сравнении данного экземпляра с книгой 1980 года выпуска я обнаружила, на мой взгляд, пару минусов в новом издании:

1. Несколько рисунков оказались «разорванными» и их части расположили на разных страницах (фото 7 и 8). В принципе, на восприятие иллюстраций новое размещение картинок не влияет, но, по моему, в старом варианте они смотрелись более целостно.

2. В новой книге не досчиталась порядка 3 иллюстраций, например, не обнаружила этого замечательного Страшилу (фото. 9) (Labirint.ru, 2014).

Книга достаточно большого формата. Иллюстрации Леонида Владимирского присутствуют не полностью, в отличие первых изданий книги. Нет, например крупной интересной иллюстрации, где Элли разговаривает с королевой полевых мышей (Labirint.ru, 2020).

«Волшебника изумрудного города» с иллюстрациями Леонида Владимирского удалось заполучить только с третьего раза. Мой домашний экземпляр 1958 года издания достался мне уже изрядно потрепаным, без первых страниц, с «дополненными» чьей-то детской рукой иллюстрациями. И вот после полугодовой охоты издательства «Малыш» у меня в руках. (...) Иметь именно этот вариант одной из самых популярных детских книг в домашней библиотеке, конечно же, нужно. Но... стала сравнивать иллюстрации в книге 1958 года и полученной только что — недоумение! А далее игра «Найди 10 отличий». Иллюстрация «Встреча с Виллиной»: дорисованные на дереве груши, иное расположение цветов на первом плане. Иллюстрация «У замка Людоеда»: башни замка поменяли форму, зато башня крепостной стены украсилась вилкой и ножом, которых ранее не было; белку же на иллюстрации просто замазали. На иллюстрации «Секреты Гудвина» у Льва и Тотошки дорисованы красные языки, а вазу в нижнем правом углу снабдили неудачными, на мой взгляд, цветовыми акцентами. И т. д. Да и общее цветовое решение стало блеклым,

будто кто-то хотел намеренно лишить иллюстрации былой выразительности. Вопросы: какова цель подобных «улучшений» и кто их автор? (Labirint.ru, 2020).

В данном случае читатели скрупулезно сличают советские издания (1958, 1971 и 1980 гг.) с новейшим переизданием. Издательство публикует произведение с теми же иллюстрациями Леонида Владимировского, что были размещены в советских изданиях. Очевидно, что читатели более активно реагируют на переиздания книг с устоявшимся и тиражируемым еще в советское время оформлением: републикации, воспроизводящие иллюстрации, выполненные некогда признанными художниками — Владимиром Лебедевым, Владимиром Конашевичем, Валерием Алфеевским, Виктором Чижиковым, Леонидом Владимировским и др., провоцируют более энергичное обсуждение, нежели те, которые были оформлены менее прославленными иллюстраторами или вовсе не имели иллюстраций.

Малейшие отклонения от «первоисточника» у покупателей вызывают отторжение и даже негодование. Комментаторы соревнуются в дотошном сравнении редакций, сопоставляют варианты изданий внутри серии (малый и увеличенный форматы), сравнивают с публикацией этого произведения в других издательствах. Время от времени они вступают в диалог, но более заметна тенденция к изолированной реплике — читатель публикует свой разбор нового переиздания, не стараясь отозваться на опубликованные выше. В этом видится скорее потребность высказать индивидуальные наблюдения и оценки относительно новой книги из домашней библиотеки, нежели соотнести свою позицию с другими. Групповая идентичность важна здесь в меньшей степени, чем частный взгляд на прошлое сквозь призму настоящего — на книгу из детства в ее новом материальном воплощении (но тут важно учитывать и специфику жанра отзыва на книготорговых сайтах, где дискуссия мало приветствуется).

В оценках отклонений от изданий детства доминирует охранительный дискурс, приветствуется точное воспроизведение, а отклонения (о чем было сказано выше) трактуются как порча и даже надругательство над памятью:

Сейчас при наличии такой техники книгопечатания неужели нельзя не коверкать, иначе не скажешь, эту книгу ведь она можно сказать стала нашим достоянием, не одно поколение выросло на этой сказке и любят ее по сей день. <...> Господа давайте уважать свое прошлое каким оно бы не было, свою культуру и искусство, а детскую литературу особо ибо то, что прочитано в детстве никуда не уйдет из памяти. Надо беречь и бережно относиться к сказкам, к другой большой литературе и поэзии. Тем самым мы отдаем дань памяти нашим предкам... (Labirint.ru, 2020; об А. Волкове).

Абсолютизация свойств памяти о книгах, прочитанных в детстве («никуда не уйдет из памяти»), в сочетании с генерализацией («дань памяти нашим предкам») задает аксиологическую планку, призванную увеличить символический капитал некогда прочитанных книг, встроить их в ряд неоспоримых символов прошлого. Тонкие механизмы настройки индивидуальной памяти

(воспроизведение некогда пережитой эмоции при помощи тактильных и зрительных ассоциаций) в таких рассуждениях заслоняются охранительной риторикой, направленной на монополизацию права на ресайклинг материальных и символических объектов из прежних эпох. Для этой риторики характерна инструментализация результатов технологического прогресса («при наличии такой техники книгопечатания»): достижения настоящего должны использоваться для точного дублирования продуктов прошлого⁸.

«Книжный дозор» не только присматривает за соблюдением традиций российского книгопечатания для детей, но и следит за максимально приближенным к оригиналу тиражированием, дублированием артефактов (и смыслов) из прошлого. Защита прошлого — это и защита своего детства, а следовательно, надежное средство защиты себя в мире текущих вызовов — «ты с кем?» В рефлексиях о тех самых книгах можно видеть возвращение не к роду, не к племени, а к себе-ребенку. Уже не столь важно то, что беспокоило Высоцкого: нужные или ненужные книги ты читал в детстве. Идентичность на книготорговых сайтах конструируется за счет чтения тех книг. *Те* в данном случае — это указательное местоимение, дейктический элемент, маркирующий уподобление этих книг и тех самых. А чтобы опознать те или не те, их нужно увидеть, потрогать, прочитать тот текст и таким образом обрести себя.

Другим способом актуализировать память детства стали переиздания советских детских книг с комментариями. В этом случае именно содержание произведения (а не иллюстрации или точное воспроизведение текста) становится фокусом внимания взрослых читателей, а комментарии к произведению — слоем, который дает данные о быте той эпохи, помогает ее припомнить и узнать, а детям комментарий должен помочь правильно понять текст. Издатели берут на себя обязанность растолковать и взрослым, и детям послание, отправленное несколько десятилетий назад. Если взрослые припоминают известные им некогда реалии, то дети узнают их впервые, приближаясь тем самым, по мнению издателей, к прочтению знающих взрослых. Наиболее заметным примером таких изданий стала серия книг издательского проекта Ильи Бернштейна «А и Б» [Коваль 2016; Драгунский 2017; Некрасов 2017]. В отзыве на переиздание трилогии Юрия Коваля читательница пишет:

Отличная книга! Ребенок увлечен приключениями Васи, а мы с мужем с ТАКИМ удовольствием прочитали комментарии! Они не занудно-детальные, а яркие, дающие возможность вспомнить приметы и быт того времени. Очень рекомендую :-) (Labirint.ru, 2017).

Под «тем временем» читательница, видимо, имеет в виду 1970-е годы или следующее десятилетие (первая часть трилогии была опубликована в 1971 г.), однако исследователи трилогии указывают на многочисленные анахронизмы, которые можно обнаружить у Коваля: «...с предметным миром 1960-х в “Приключениях Васи Куролесова” соседствуют реалии из более раннего времени» [Лекманов и др. 2016: 198], и сам писатель это подтверждал: «...какого време-

⁸ Эта стратегия редизайна используется и в других контекстах и дискурсах: в воссоздании брендов «Сделано в СССР», «ГОСТ» и т. п.

ни мои детективы — это трудно очень сказать. Они вроде и сегодня, а вроде и вчера, не поймешь («...» примет времени я стараюсь не делать. Скажем, сегодняшнего дня. Как бы немножечко все же вчера» (цит. по: [Там же: 198–199]). Для читательницы столь разное «то время» спрессовалось в некое единое прошлое, которое можно «вспомнить», прочитав комментарии (включающие в том числе фотографии отдельных предметов быта и культурного ландшафта). Здесь мы имеем дело с парамнезией — ложными воспоминаниями. Впрочем, для идентификации себя с теми, кто любит книги «советского века» детской литературы, этого достаточно. Советское здесь не специфично — это позавчерашнее время, не очень удаленное, это не незапамятные времена, а памятные — времена детства, когда были красивые и хорошие книги⁹. Поэтому в списках литературы, созданных теми, кто «вырос в 90-е», можно обнаружить и Чуковского, и Носова, и детективы из серии «Черный котенок», и романы сестер Воробей.

Потребители переизданий советских книг, таким образом, конструируя свою ретроидентичность, нацелены на то, чтобы получить точное воспроизведение текста как последовательности буквенных знаков — полноту и соответствие текста авторитетному источнику (как правило, той версии, которая была в детстве), полноту состава сборников и циклов произведений¹⁰, точное воспроизведение иллюстраций и точное понимание смысла («правильно понять»). Точному воспроизведению текста-образа-смысла способствует точное возобновление тактильных¹¹ и зрительных ощущений, характер которых соотносится с припоминаемыми детскими ощущениями. Детское не проблематизируется в подобном дискурсе, оно лишено травматичности, фрагментировано и стянуто к одному из артефактов детства — прочитанной некогда книге. Аллан Мегилл писал, что «ностальгия связана с ощущением удовлетворенности идентичностью настоящего, порождающим эту ностальгию» [Мегилл 2009: 148]; читатели переизданий советских книг — это люди, укорененные в «счастлимом детстве с книгой в руках».

Заключение

Вынесенное в название статьи понятие *ресайклинг* трактуется мною в соответствии с концепциями культурного ресайклинга как повторного использования (или переработки) культурного материала [Moser 1998]. Нельзя сказать, что все советские детские книги «перерабатывают», что они макулатура, под-

⁹ Ср. ошибочную атрибуцию времени создания иллюстраций Конашевича в читательском отзыве о переиздании «Веселого счета» (2017) Маршака: «Так как я мама 3-х летнего сына, то эту книгу покупала для того, чтобы приятное совмещать с полезным:). Спасибо издательству “Мелик-Пашаев” за серию “Тонкие шедевры [sic!] для самых маленьких”, вы возвращаете нашим детям хорошие книги из далеких 80-х годов» (Labirint.ru, 2014). Иллюстрации к этому произведению Конашевич создал много ранее, но для читательницы точкой отсчета становится момент ее собственного знакомства с книгой Маршака.

¹⁰ Особенно это заметно при обсуждении переизданий Драгунского, для которых характерно усиленное внимание к тому, «все» или «не все» Денискины рассказы вошли в обсуждаемый сборник.

¹¹ «Книга получилась ладненькая, приятная, полное ощущение, что держишь в руках советское издание, привередам будет трудно к чему-либо придраться» (Labirint.ru, 2017).

вергаемая переработке. Однако метафора ресайклинга кажется вполне применимой к изложенному материалу. С одной стороны, речь идет о непрерывном обращении (и издателей, и читателей) к какой-то части советской детской литературы (ее переиздании и перечитывании), но с другой — какая-то часть, не вошедшая в читательские списки и издательские каталоги, превратилась в макулатуру, отринута и погибла на задворках памяти и библиотек. Произведения Агнии Барто и Александра Волкова переиздаются, а Иосифа Ликстанова и Антонины Голубевой — нет¹². Разрыв 1990-х годов не преодолели очень многие авторы советской детской литературы, некогда обласканные премиями и тиражами (причины забвения их творчества еще предстоит изучить). Однако те, кто преодолел рубеж веков, держатся не только за счет книгоиздательской инерции, но и по причинам, связанным со спецификой «ключевых текстов» литературы. Во-первых, они хорошо сохраняются в памяти в силу того, что передаются из поколения в поколение в процессе чтения вслух взрослыми детям (содержательной доминантой переиздаваемой советской классики являются сюжеты игровой поэзии 1920-х и сказочной прозы 1950-х годов), а во-вторых, сопровождаются специфическим культом советского оформления детской книги (прежде всего иллюстрирования), сложившимся еще в советское время и сохраняющимся после окончания советской эры. Следствием этого культа у современных читателей является потребность воссоздать зрительные и тактильные впечатления, полученные в детстве при чтении советских изданий. В то же время важное значение, как я пыталась показать, имеет и культивируемая память о счастливом детстве и детском чтении как части этого феномена. Складывается впечатление, что знаменитая литературоцентричность российской культуры в последние годы проявляется и в моде на потребление «тех самых книжек», среди которых не только (и не столько) Пушкин и Ершов.

На сохранение книги в товарообороте влияет сразу несколько факторов: и актуальное (т. е. вневременное) содержание, которое должно быть лишено сиюминутной политической злободневности (поэтому можно прогнозировать устаревание творчества Михалкова), и иллюстрирование изданий, признанное некогда шедеврами оформительского искусства (поэтому те книги, что иллюстрировались успешными художниками, имеют больше шансов на выживание), и коллективное желание ностальгирующих о детстве взрослых удержать книгу в поле зрения и чтения за счет внесения в самые разные публичные списки «лучших книг» и готовности покупать переиздания с известными с детства иллюстрациями. Совпадение всех перечисленных свойств способствует тому, что не все книги советских детских писателей закончили свой век в фондах «дальнего хранения» публичных библиотек и пунктах переработки бумажного и картонного сырья.

Источники

Драгунский 2017 — *Драгунский В.* Рыцари и ещё 60 историй: Собрание Денискиных рассказов с комментариями Ольги Михайловой, Дениса Драгунского, Ильи Бернштейна. М.: Изд. проект «А и Б», 2017.

¹² До второй половины 1980-х «Малышок» Ликстанова и «Мальчик из Уржума» Голубевой переиздавались регулярно и значительными тиражами.

- Ерофеева б. д. — [Ерофеева Н.] О чувстве ностальгии и любимых старых книжках // Лабиринт. Б. д. URL: <https://www.labirint.ru/child-now/novaya-staraya-knizhka>.
- Коваль 2016 — Коваль Ю. Приключения Васи Куролесова; Промаях гражданина Лошакова; Пять похищенных монахов: Трилогия о Васе Куролесове с комментариями Олега Лекманова, Романа Лейбова и Ильи Бернштейна. М.: Изд. проект «А и Б», 2016.
- Маршак 1972 — Маршак С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Худ. лит., 1972.
- Некрасов 2017 — Некрасов А. Приключения капитана Врунгеля / Авт. коммент. И. Бернштейн, Р. Лейбов, О. Лекманов. М.: Изд. проект «А и Б», 2017.
- Сергей 2015 — Сергей. Это просто фантастика! Детская. Советская // Назад в СССР / Back in USSR. 2015. [5] февр. URL: <https://back-in-ussr.com/2015/02/eto-prosto-fantastika-detskaya-sovetskaya.html>.
- shila 2013 — shila. Забытые детские и подростковые книги // LiveLib. 2013. 20 янв. URL: <https://www.livelib.ru/selection/14444-zabytye-detskie-i-podrostkovye-knigi>.

Литература

- Гаспаров 2001 — Гаспаров М. Маршак и время // Гаспаров М. О русской поэзии. СПб.: Азбука, 2001. С. 410–430.
- Головин и др. 2013 — Головин В., Лучкина О., Маслинская С., Сергиенко И. Еще раз о списке «100 книг» // Детские чтения. Т. 4. № 2. 2013. С. 190–200.
- Гончарова 2014 — Гончарова Д. В. История издания сказочной повести А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» (1939–2012): Диплом. работа / Санкт-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2014.
- Лекманов и др. 2016 — Лекманов О., Лейбов Р., Бернштейн И. Комментарий // Коваль Ю. Приключения Васи Куролесова; Промаях гражданина Лошакова; Пять похищенных монахов: Трилогия о Васе Куролесове с комментариями Олега Лекманова, Романа Лейбова и Ильи Бернштейна. М.: Изд. проект «А и Б», 2016. С. 196–284.
- Литовская 2012 — Литовская М. А. Ключевые тексты русской литературы в программе преподавания русского языка как неродного // Филология и культура = Philology and Culture. 2012. № 2 (28). С. 68–70.
- Мегилл 2009 — Мегилл А. Историческая эпистемология / Пер. с англ. М.: Канон +; РООИ «Реабилитация», 2009.
- Ямпольский 2007 — Ямпольский М. Настоящее как разрыв: заметки об истории и памяти // Новое литературное обозрение. 2007. № 1. С. 51–74.
- Moser 1998 — Moser W. Recyclages culturels. Élaboration d'une problématique // La Recherche littéraire: Objets et méthodes / Sous la dir. de C. Duchet, S. Vachon. Montréal (Québec): XYZ, 1998. P. 433–445.

References

- Gasparov, M. (2001). Marshak i vremia [Marshak and time]. In M. Gasparov. *O russkoi poezii* (pp. 410–430). Azbuka. (In Russian).
- Golovin, V., Luchkina, O., Maslinskaya, S., & Sergienko, I. (2013). Eshche raz o spiske “100 knig” [Once again about the list of “100 books”]. *Detskie chteniia*, 4(2), 190–200. (In Russian).
- Goncharova, D. V. (2014) *Istoriia izdaniia skazochnoi povesti A. M. Volkova “Volshebnik Izumrudnogo goroda” (1939–2012)* [The history of publishing the fairy tale by A. M. Volkov *The Wizard of the Emerald City* (1939–2012)] [Unpublished diploma work]. Saint-Petersburg State University of Culture and Arts. (In Russian).

- Iampol'skii, M. (2007). *Nastoiashchee kak razryv: zametki ob istorii i pamiati* [The present as a gap: Notes on history and memory]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2007(1), 51–74. (In Russian).
- Lekmanov, O., Leibov, R., & Bernshtein, I. (2016) *Kommentarii* [Commentaries]. In Iu. Koval'. *Priklucheniia Vasi Kurolesova; Promakh grazhdanina Loshakova; Piat' pokhishchennykh monakhov: Trilogiia o Vase Kurolesove s kommentariiami Olega Lekmanova, Romana Leibova i Il'i Bernsheina* (pp. 196–284). Izdatel'skii proekt "A i B". (In Russian).
- Litovskaia, M. A. (2012). *Kliuchevye teksty russkoi literatury v programme prepodavaniia russkogo iazyka kak nerodnogo* [Key texts of Russian literature in the program of teaching Russian as a foreign language]. *Filologiia i kul'tura = Philology and Culture*, 2012(2(28)), 68–70. (In Russian).
- Megill, A. (2009). *Istoricheskaia epistemologiia* [Historical epistemology; Trans. from selected works by A. Megill]. *Kanon+*; ROOI "Reabilitatsiia". (In Russian).
- Moser, W. (1998) *Recyclages culturels. Élaboration d'une problématique*. In C. Duchet, S. Vachon (Eds.). *La Recherche littéraire: Objets et méthodes* (pp. 433–445). XYZ. (In French).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Светлана Геннадьевна Маслинская

*кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, 4
Тел.: + 7 (812) 328-19-01
✉ braunknopf@gmail.com*

Svetlana G. Maslinskaya

*Cand. Sci. (Philology)
Senior Research Fellow, Research Center
for Russian Children's Literature, Institute
of Russian Literature (The Pushkin House),
Russian Academy of Sciences
Russia, 199034, St. Petersburg, Makarov
Emb., 4.
Tel.: +7 (812) 328-19-01
✉ braunknopf@gmail.com*

Н. Ю. Костенко

ORCID: 0000-0001-7137-6919

✉ n.kostenko71@mail.ru

*Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)*

АРХИВ О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ КАК ИНТЕНЦИЯ: МОТИВЫ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ

Аннотация. Во всем разнообразии личных архивов отдельную группу представляют собой те, которые формировались их создателями целенаправленно. Их объединяет типологическое сходство, связанное прежде всего с особенностями личности их составителей, выявление которых помогает получить представление о замысле, мотивах и целях, которыми те руководствовались, собирая архив. Осмысление архива с позиции постмодернизма как формирующего прошлое, настоящее и будущее социума может быть отнесено не только к государственным архивам, но и к частным собраниям как продуктам намеренного действия. Получая от государства или общества примеры того, что важно и необходимо сохранять, будущие «архивисты» используют эту информацию как матрицу для формирования собственного архива. Именно в таком аспекте в статье рассматривается архив выдающегося филолога-классика О. М. Фрейденберг. На основании анализа его материалов и переписки Фрейденберг с Борисом Пастернаком можно определить принципы, которыми она руководствовалась, составляя архив как способ сохранения своего творческого наследия в условиях его категорического неприятия и государством, и научным сообществом.

Ключевые слова: О. М. Фрейденберг, личный архив, Б. Л. Пастернак, мотивация, принципы отбора архивных документов, мемуары, автобиография, память, блокада Ленинграда

Для цитирования: Костенко Н. Ю. Архив О. М. Фрейденберг как интенция: мотивы и целеполагание // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 168–182. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-168-182>.

*Статья поступила в редакцию 16 ноября 2020 г.
Принято к печати 8 января 2021 г.*

N. Iu. Kostenko

ORCID: 0000-0001-7137-6919

✉ n.kostenko71@mail.ru

Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

O. M. FREIDENBERG'S PERSONAL ARCHIVE AS INTENTION: MOTIVES AND GOAL-SETTING

Abstract. Among all the varieties of personal archives, those that were formed on purpose by their creators constitute a separate group. They are united by typological similarity, which is primarily associated with the personality traits of their compilers; identifying these traits helps us gain insights into the plan, motives and goals they were guided by while gathering the archive. Understanding the archive from the position of postmodernism as shaping the past, present and future of society can be applied not only to state archives, but also to private collections as products of deliberate action. With the state or society creating examples of what is important and necessary to preserve, future “archivists” use this information as a matrix for forming their own archives. This article examines the archive of O. M. Freidenberg — an outstanding Russian classicist, philologist, Leningrad State University professor, author of memoirs, including her notes on the Siege of Leningrad, the first woman in the USSR to become a Doctor of Philology, and Boris Pasternak’s cousin — precisely in these terms. Analysis of the archive materials and correspondence between Freidenberg and Boris Pasternak allows us to determine the principles that guided her in compiling the archive as a way to preserve her creative heritage in the face of categorical rejection of her scientific ideas and civic position both by the state and the scientific community.

Keywords: O. M. Freidenberg, personal archive, B. L. Pasternak, motivation, principles for the selection of archival documents, memoirs, autobiography, memory, the Siege of Leningrad

To cite this article: Kostenko, N. Iu. (2021). O. M. Freidenberg’s personal archive as intention: Motives and goal-setting. *Shagi / Steps*, 7(1), 168–182. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-168-182>.

Received November 16, 2020

Accepted January 8, 2021

Формирование собственного архива при жизни — явление само по себе не уникальное. Это может выражаться в простом разделении бумаг (рукописей, писем, документов и др.) на важные, по мнению составителя, и неважные и соответственно в хранении первых и уничтожении последних. Уже один такой отбор документов может сказать что-то о личности составителя, как личная библиотека или любая другая коллекция говорит о вкусах и интересах своего владельца. Но рассмотрение замысла и мотивов составителя далеко не всегда является первоочередной задачей исследователя или архивиста. В первую очередь интерес представляют сами документы, особенно если они касаются известных персон или важных исторических событий. Собственно исследованию феномена личных архивов уделяется значительно меньше внимания. К таким работам относится, например, статья А. Ю. Веселовой [2009]. На примере двух архивов, составленных «обычными людьми», исследовательница выделила присущие подобного рода частным собраниям документов общие типологические черты.

Первый из рассмотренных архивов принадлежал Андрею Тимофеевичу Болотову (1738–1833), агроному и писателю, личности довольно известной отечественным историкам благодаря знаменитым запискам, давшим много сведений о русском дворянском быте его времени. Материалы его архива хорошо известны специалистам в самых разных областях знаний, но привлекались они «обычно изолированно друг от друга и без учета личности Болотова, накладывавшей отпечаток не только на то, что он делал, но и на все, о чем писал, в том числе на общеизвестные факты» [Там же].

Второй — Михаилу Андриановичу Червочкину (1914–1994), также агроному, но ставшему партийным функционером.

Оба персонажа считали себя «частными лицами» и «обычными людьми» и были, по выражению Веселовой, «адекватны системе», т. е. лояльны к власти. Оба с юности проявляли стремление к фиксации событий своей жизни: собирали различные ее документальные свидетельства, вели дневники, составляли многочисленные перечни (книг, прочитанных и имеющих, просмотренных кинофильмов, деревьев в саду), а также хранили и систематизировали письма. Постепенно накопленные материалы стали превращаться в архивы, причем оформлялись они по всем правилам, с которыми оба составителя были знакомы по долгу своей службы. Болотов, служивший несколько лет в русской канцелярии правителя Восточной Пруссии, переписывал поступавшие туда документы в толстую тетрадь, таким же образом он затем переписывал свои разрозненные заметки и наблюдения, сгруппированные по хронологическому или тематическому принципу в небольшие томики, озаглавленные, пронумерованные и снабженные перекрестными ссылками. Червочкин, работавший в отделе кадров, раскладывал свои материалы по папкам «Дело № ...», также пронумерованным, снабженным перекрестными ссылками и пометой «хранить постоянно».

Веселова рассматривает феномен создания частных архивов в тесной связи с развитием мемуарного жанра, появление которого обусловлено формированием комплекса представлений о ценности частной жизни. В центре архива, логически связывая и поясняя все его документы, в обоих рассмотренных ею случаях находились мемуары. Оба составителя приступили к их написанию,

когда у них образовались уже достаточно большие архивы, требовавшие комментариев. Обоих также объединяет ощущение необходимости зафиксировать события своей жизни и окружающей действительности и последовательное отстаивание права на собственное жизнеописание и его значимость для общества и потомков. Кроме того, примечательно, что оба составителя — люди, по словам автора, «нового типа», «нарушающие определенную семейную преемственность»; на мой взгляд, даже шире — преемственность среды: Болотов оставил службу и посвятил себя литературе и наукам, а Червочкин, вышедший из крестьян, большую часть жизни прожил в городе, получил образование и занимал руководящие должности.

Автор статьи делает вывод, что такого рода архивы требуют комплексного изучения, «опирающегося на личность составителя и его мировоззрение, так как оно служит связующим звеном между разными и на первый взгляд не имеющими между собой ничего общего сферами деятельности “архивиста” и объясняет их взаимное притяжение» [Веселова 2009] и что при публикации материалов из такого архива и их комментировании нужно пытаться учесть замысел составителя. Не раскрывая, в чем состоял конкретный замысел Болотова и Червочкина, Веселова отмечает его обязательное присутствие в подборе документов архива и мемуарных свидетельств.

В статье М. В. Черкасовой [2012] показано, что в современную эпоху изменилось представление об архиве «как пассивной информационной системе, отражающей жизнь общества». Автор анализирует размышления специалистов в различных областях знания о проблемах отбора, сохранения и использования архивной информации в современном обществе. М. Фуко определял «архив как институт власти и порабощения». Ж. Деррида считал, что принцип архива основан на «властной интенции, благодаря которой архив формирует прошлое, определяя его познание в будущем». А поскольку архивы сохраняют не то, что было, и даже не то, что осталось, но лишь отобранное властями из оставшегося, «архив минуты так же невозможен, как архив дня или года». Отсюда автор делает вывод, что архивы (архивное законодательство, принципы архивирования) «одновременно сохраняют и конфискуют историческую память социума», а также «обладают властью над обществом, формируя его прошлое и тем самым определяя его настоящее и будущее» [Черкасова 2012: 239]. Сказанное по большей части относится к государственным архивам, но может быть применено и к частным собраниям: человек, сохраняя или уничтожая свидетельства своей жизни, формирует свой образ в глазах потомков.

Целенаправленное составление людьми собственных архивов можно рассматривать как попытку сохранения своей личности, борьбу со смертью и забвением: вот он я, я был такой, затем стал вот такой, у меня было в жизни это и то, но что будут знать обо мне, когда я умру, каким я буду представлен в глазах потомков? Возможно, за этим вопросом стоит неудовлетворенность от собственной нереализованности или недооцененности, а может, наоборот, человек считает свою жизнь примером для потомков. Составление архива и/или написание мемуаров — средство, с помощью которого человек пытается предстать в глазах потомков именно в том свете, в каком он сам этого хочет. И общество предлагает такому мемуаристу и архивисту самые разнообразные жанры и образцы. Так, Болотов руководствовался галантными и приключен-

ческими романами (его записки озаглавлены «Жизнь и приключения Андрея Болотова»), а Червочкин брал пример с мемуаров революционеров и военных, популярных биографий из серии «Жизнь замечательных людей», а при составлении своих архивов оба руководствовались навыками, полученными на службе [Веселова 2009]. В свою очередь, мемуарист или архивист пополняет запас знания общества сведениями и документами, которые считает нужным и уместным сохранить в качестве памяти о себе.

Изучая личные архивы в таком контексте, интересно и важно попытаться реконструировать мотивы составителя (что не удовлетворяло его при жизни, что он не смог осуществить и какие качества своей личности он не смог реализовать или чем он хотел, но не смог поделиться с потомками) и понять принципы отбора документов для его архива, иными словами, то, каким он хотел быть представленным потомкам¹.

Архив выдающегося филолога-классика О. М. Фрейденберг — тщательно отобранное ею самой собрание документов. Частично его история описана Н. В. Брагинской при публикации переписки Фрейденберг с Пастернаком и в предисловиях к изданию работ ученого [Брагинская 1998; Брагинская и др. 1988]. Систематизация и научное описание архива Фрейденберг начаты в начале 1990 г. стараниями М. Ю. Сорокиной — архивиста, сотрудника Института высших гуманитарных исследований РГГУ до 2003 г. Позже предварительное описание архива было опубликовано в приложениях ко второму, полному изданию «Мифа и литературы древности» [Сорокина 1998]. Однако его обзор, включающий историю, состав и содержание собрания, впервые был сделан в моей работе [Костенко 2017], где я также попыталась реконструировать замысел Фрейденберг как составителя архива. Не надеясь на учеников и историков науки, она сама тщательно отбирала для него материалы. Полнота, документальное подтверждение каждого мгновения жизни или лаборатория исследователя Фрейденберг не интересуют². Задуманный как «полная система духовного наследства» архив должен был содержать только научные работы и мемуарно-дневниковый комплекс «Пробег жизни», который можно назвать развернутой научной автобиографией Фрейденберг³.

¹ Интересным примером мотивации к составлению архива и в особенности мемуаров служат архив и мемуары В. Гёте «Из моей жизни: поэзия и правда». Гёте удалось полностью воплотить в жизнь свои замыслы: начальство нисколько не стесняло его, жизнь он прожил долгую, и изначальная попытка расположить в хронологическом порядке свои поэтические произведения вылилась в написание им развернутой автобиографии. Другой, более близкий к Фрейденберг по времени и смыслу пример — автонекролог ее университетского учителя С. А. Жебелева, написанный к своему 65-летию в июне — сентябре 1932 г. Редкий по объективности и честности самоотчет, составленный от третьего лица, адресован будущим историкам науки. Это своеобразная исповедь советского ученого, в конце 1920-х подвергшегося гонениям и травле и вынужденного занять лояльную по отношению к марксизму позицию в своей области исследований [Тункина, Фролов 1993; Жебелев 1993].

² В отличие от, например, А. А. Зиминой, который, заботясь именно о будущих исследователях, сожалел об уничтоженных черновиках своих опубликованных работ, из-за чего «творческую историю и лабораторию исследователя проследить невозможно будет» [Зимин 2015: 365].

³ В процессе работы над мемуарами, которая велась параллельно с формированием архива, Фрейденберг использовала отобранные документы, письма, газетные вырезки, стихи, либо переписывая их в текст мемуаров, либо вшивая или просто вкладывая в тетради своих воспоминаний. Как правило, полностью переписанные документы за небольшим исключе-

Попробуем рассмотреть архив Фрейденберг с точки зрения типологии, выявленной Веселовой.

1. Фрейденберг не считала себя обычным человеком и не была «адекватной системе», наоборот, по большей части противопоставляла себя ей. Но, так же как и герои статьи Веселовой, нарушила преемственность среды и своей собственной семьи. Будучи женщиной и уже в зрелом возрасте, она поступила в университет вопреки воле отца, сбежавшего даже из гимназии и считавшего, что она «предала его идеалы и пала до ценза и цехового знания» [Фрейденберг 1939–1950 (4): Л. 4]. Фрейденберг стала пионером во многих областях — впервые высказала множество научных концепций, защитила первую после революции диссертацию, стала одной из первых в СССР женщин, ведущих кафедру, и первой женщиной — доктором литературоведения.

2. Фрейденберг составляла перечни книг, спектаклей, стихов, записывала в блокноты и записные книжки⁴ цитаты из книг и свои собственные размышления, делала выписки из отправленных писем, но не собирала и не систематизировала свои документы хотя бы для удобства использования (кроме научных работ), не хранила черновики (то, что сохранилось, — случайность или свидетельство незаконченности работы), а письма друзей, коллег и знакомых не хранила вообще. Фрейденберг любила и умела писать, еще в гимназические годы обмениваясь с подругами многостраничными посланиями, но, ведя обширную переписку, периодически «чистила» входящую корреспонденцию, либо просто уничтожая, либо используя обороты для других записей. Например, фрагмент письма гимназической подруги Е. С. Лившиц сохранился только благодаря тому, что на обороте было записано стихотворение Б. Л. Пастернака, письмо ее ученицы С. В. Поляковой было разрезано на куски и использовано для указателя. Целенаправленно Фрейденберг сохранила только все письма Б. Л. Пастернака, часть писем Л. О. Пастернака, своих университетских учителей С. А. Жебелева и И. И. Толстого, остальные сохранились выборочно и случайно.

3. Фрейденберг, закончив гимназию и не поступив на Высшие женские курсы, пробовала давать уроки, работала фальцовщицей (что дало ей представление о тяжелом женском труде, которого она как обеспеченная барыш-

нием уничтожались. В некоторых частях мемуаров такие документальные вставки, включая переписанные стихи, выписки из записных книжек и т. п., занимают от 30 до 50% текста. В целом биографические и бытовые документы, а также документы по деятельности (включая деловую переписку) и иные материалы составляют не более 20% архива Фрейденберг, тогда как доля служебно-биографических материалов в архиве среднестатистического деятеля литературы и искусства составляет примерно 47%, иных документов — 18% и только 35% — материалы творческого характера (см.: [Бурова 2018: 413]). Кроме того, доподлинно неизвестно, что в предназначенный для хранения архива сундук было сложено самой Фрейденберг и что после ее смерти туда добавила ее душеприказчица Р. Р. Орбели.

⁴ Сохранившиеся в архиве несколько записных книжек были начаты еще в гимназические времена, но записи на свободные места вносились и позже, вплоть до 1950-х. Эти записи использовались затем в мемуарах как своеобразный «лирический дневник», составляя в них целые разделы, внесенные в мемуары записи в книжках зачеркивались. Подробнее о записных книжках шла речь в моем докладе «Круг чтения Ольги Фрейденберг» на XXV Лотмановских чтениях (2018 г., см. видеозапись: <https://www.youtube.com/watch?v=wc0gW6jKpGo>). Мемуары Фрейденберг не были завершены, поэтому, возможно, эти записные книжки сохранились благодаря более поздним и пока не использованным записям.

ня не знала), затем секретарем отца — журналиста в одной из петербургских газет, где получила богатые впечатления о журналистской среде и известных людях. Она много путешествовала, изучала языки, чтобы читать литературу в оригинале. Первая мировая война застала ее в Швеции. Во время войны она была сестрой милосердия, а когда после революции университет стал доступен для женщин (и вообще для всех желающих), поступила в университет и стала ученым. Ничто из ее собственной административной практики не могло помочь ей в составлении архива (хотя в блокаду она некоторое время работала в Центральном государственном историческом архиве, но, разумеется, не в качестве архивиста), да и само слово *архив* появилось в воспоминаниях Фрейденберг только после войны, когда ей поступило приглашение из Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина передать на хранение свои документы. Но способность видеть явление шире, чем другие, позволила Фрейденберг отнестись к формированию личного архива с учетом всего своего богатого научного опыта.

Фрейденберг не делала принципиального различия между своей повседневной жизнью и наукой. Блокадный опыт хождения по высоким инстанциям в попытках получить рабочую карточку отразился в монографии «Лекции по теории фольклора», где она в качестве примера «рациональной традиции» приводит зависимость величины кабинета и размера письменного стола от должности [Фрейденберг 1998: 178].

В неоконченной монографии «Происхождение литературного описания» (1939–1941) она писала:

Полиистор Александр, как рассказывает <...> Берос в I книге «Вавилонии», говорит, <...> что Оанн написал о происхождении мира и государства, и это слово передал людям. Каким бы поздним и легендарным ни был этот миф, но он очень типичен. Описание мира есть его сотворение; Логос, первоначало, основа бытия; написать это значит создать. При этом, конечно, речь не идет о письменности и датировке ее возникновения; книга, письмо <...> сперва означает космос, тотем, а потом уже получает то значение, которое мы сейчас вкладываем, и получает его именно потому, что это тотем и космос [Фрейденберг 2018: 50].

А позже, прочитав в 1949 г. мемуары отца («Воспоминания изобретателя», 1913), ни одно из главных изобретений которого (автоматическая телефонная станция, кинетоскоп, подводная лодка) не было реализовано, напишет:

Так вот откуда у меня эти мои записки, апелляция к истории, острый глаз; и трагическая судьба. Я поняла значение «написанного». Написать — это самое главное. Написанное созидает. Там, где его нет, хаос и обрыв. Кто мог бы сотворить прошлое, если б его не сделал настоящим сам отец? <...> И я, единственная из всей семьи, последний ее живой остаток, обязана была найти эти рукописи и взять патент на отцовскую жизнь. Вера в историю пересиливала в отце отчаянье. И я точно так же, подавленная трагизмом отцовской судьбы, восприняла эти записки [«Воспоминания изобретателя»], как оправданное упование [Фрейденберг 1939–1950 (33): Л. 14].

Центральной частью архива Фрейденберг являются ее записки, представляющие собой большой и неоднородный мемуарно-дневниковый комплекс, который состоит из нескольких частей, написанных в разное время, иногда с большими перерывами.

Первый мемуарный опыт она приобрела еще до оформившегося желания составлять архив. Потребность написать воспоминания первоначально появилась в связи с очень конкретным примером и имела столь же конкретную причину.

В 1932 г. вышла монография ее дяди Л. О. Пастернака [Osborn 1932]. Получив экземпляр книги, Фрейденберг написала ему 2 августа:

Автобиография — эта утоленная страсть сказать художнику о себе еще и в обыденном слове; эта репродукция детства, кино воспоминаний, добровольно развернутых в новое бытие, выведенных из ночной бессонницы, где они прячутся в подполье и давят тоской, в широкую публику выведенных вдруг на свет — и, оказывается, они не грустны, а радостны и светлы до неузнаваемости! Эта реабилитация ночи, личного plus-quam-perfectum'a, оживание дней и мертвецов... Это переключение небытия в бытие, эта дозволенность сокровенного! И тут же главные создания [картины Л. О. Пастернака], уже в иной форме, овеществляющие то, что рассказано в словах! [Флейшман, Костенко 2018: 56–57].

Через пять лет, 6 февраля 1937 г., она сообщила ему о своем желании писать «автобиографию “в художественной форме”»:

Вы правы, дорогой дядя, — я мечтаю-таки написать; тяга у меня есть, но выйдет ли что, не знаю. Еще недавно я перечитывала Вашу, в монографии. Тонко Вы ее делаете, «с настроением», и с большим художественным вкусом, где много и красивого, и остроумного, с улыбкой и грустью. Да, тянет и меня; хочется разделаться со многим [Там же: 151].

С января 1937 г. она начинает вести «краткую конспективную запись», где тезисно для памяти записывает последовательность событий из своей жизни и собственные впечатления о них. За зиму 1939/1940 г. она написала воспоминания о детстве и юности до поступления в университет, о той себе, которую в ученой среде никто не знал, — для любимого человека. Однако намерения продолжать у нее не было. Более того, весной 1940 г. в письме к любимой ученице С. В. Поляковой, заболевшей туберкулезом, она пишет, переполненная отчаяньем и разочарованием в академическом окружении, в учениках, в своих научных работах:

Я страшно мучусь, что не на кого оставить маму и поехать покататься на лодке Харона. Рядом с этой актуальной темой меня ничто больше не интересует. Наука моя угасла. Мой единственный пафос — передать Вам свою бор-машинку и щипцы, увидеть Вас на ногах и за работой. Ваша болезнь лишает меня и этого. Я пишу «описание».

Мои последние работы вялы и бездарны. Я доказываю вздор, парадоксы, которые никогда ни один наборщик не наберет. Что в Илиаде нет описаний. Что сравнения — от регресса. Что гомеровский реализм есть (...) описание описания, что он антиреален. Кому это все нужно — не знаю; не мне, во всяком случае. Но черт с ним, со всем! [Брагинская, Костенко 2019: 330].

Начало войны Фрейденберг встретила опустошенной и измученной: детективная история ареста ее монографии «Поэтика сюжета и жанра», попытки ее отстоять, проработки на факультете, невозможность печататься, усталость от борьбы за свою науку.

Следующую часть воспоминаний, «Осада человека», она написала во время блокады. Мотивация здесь тоже более чем очевидна. Как в целом во время войны, так и в блокадном Ленинграде многие вели дневники, это даже поначалу поощрялось партийным начальством [Гусев и др. 2004: 8–9]. Но приступила к письму она только в мае 1942 г., и ее записки этого времени наполнены пафосом обличения советского государства и лично Сталина, наряду с врагом губившего население блокадного города непродуманными решениями и непосильным и бессмысленным, по мнению Фрейденберг, трудом. Жизнь в блокадном Ленинграде позволила Фрейденберг почувствовать себя свободной от идеологического давления и ограничений. Раскрепощенная, она описывает блокадный быт как преступление тоталитарных режимов против человечности и пишет научные работы, понимая, что при существующем режиме они не будут опубликованы. Этот опыт позволил ей сохранить себя и прийти к убеждению, что ей не нужны ни государственные институты, ни ученики, ни историки науки, чтобы обобщить свой научный и человеческий опыт и описать свой научный путь. Две обобщающие монографии, вошедшие в первую опубликованную после ее смерти книгу «Миф и литература древности», — это именно работы, написанные в блокаду и после изгнания из университета в 1951 г. Блокадные записки Фрейденберг заканчивает не прорывом блокады или окончанием войны, а смертью матери, и это не только личная драма, это потеря жизненных корней и смысла жизни. А их возобновление в 1945 г. — попытка воскресить мать и свою жизнь вместе с ней. Но, сразу поняв тщетность своих усилий, она обрывает воспоминания. Блокадная часть будет дописана почти через два года — летом 1947-го. Все это время она обдумывала, стоит ли жить дальше и как жить. Особое значение приобретает ее переписка с Б. Л. Пастернаком, в которой тема творчества становится приоритетной [Микурова, Матвеева 2019]. Для Пастернака оно осознавалось как спасение от жизненных невзгод, а затем от смерти и забвения. В 1945 г. он тоже потерял горячо любимого отца, который был для него примером и в творческой, и в повседневной жизни. Сходными у них оказались и жизненные обстоятельства. У Фрейденберг — возвращение университета из эвакуации, восстановление в должности заведующей кафедрой и защиты диссертаций ее ученицами сопровождались сложными и неприятными взаимоотношениями на кафедре. Пастернак же подвергся травле в прессе за «оторванность от социальной действительности». Все это почти одновременно заставило обоих задуматься о том, как дальше жить в сложившихся условиях.

13 октября 1946 г. Пастернак сообщил Фрейденберг о начале работы над романом:

Я уже говорил тебе, что начал писать большой роман в прозе. Собственно это первая настоящая моя работа. Я в ней хочу дать исторический образ России за последнее сорокапятилетие, и в то же время всеми сторонами своего сюжета, тяжелого, печального и подробно разработанного как, в идеале, у Диккенса или Достоевского, — эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое. <...> Это все так важно и краска так впопад ложится в задуманные очертания, что я не протяну и года, если в течение его не будет жить и расти это мое перевоплощение, в которое с почти физической определенностью переселились какие-то мои внутренности и частицы нервов [Пастернак 2000: 286–287].

Фрейденберг ответила глубоким анализом его предисловия к шекспировским трагедиям (так тогда и не напечатанном):

Что-то есть в этом от протокола истории. Твои мысли о Шекспире выглядят, как документ из архива бессмертия, хранящегося, разумеется, в рукописном виде. Теперь уже печатные буквы — нечто проходящее и несовершенное. Стертая машинка куда красноречивей и громче. Она перекричит все радио и литографии —

и словами, в которых угадывается и ее выход из критического состояния:

Не раз я тебе писала, что моя жизнь есть только прохождение через время. Я приспособилась к далекому путешествию, уселась, приобрела навыки опытного истопника, которого уже не пугает количество километров. Что делать! Я осталась жить [Там же: 289].

Где-то в это время она получила из Публичной библиотеки письмо с предложением передать свой архив. Государственное учреждение показало, как и что надо хранить:

...рукописи, письма, заметки, материалы к биографии, записки и т. д., а также фотографии. «Любые из этих материалов по Вашему указанию могут быть опечатаны и не будут никому выдаваться до установленного Вами срока». <...> Отныне я имела цель жизни: жить для смерти! Срочно готовить архив [Фрейденберг 1939–1950 (26): Л. 3 об.].

Но Фрейденберг видит гораздо шире:

Можно себе представить, как меня подняло и воодушевило это предложение! Чувство истории, как объективного процесса, всегда говорило во мне с огромной силой. Здесь лежала моя уверенная вера, абсолютное мое преклонение перед объективным надчеловеческим

процессом, — мой, если угодно, матерьялизм, для которого единая человеческая жизнь составляла составную часть всего сущего. Я говорю не об историографии, этой жалкой науке, а об истории, как мировом процессе. Здесь ничто не бывает презрено или забыто. Это абсолютная жизнь бытия и небытия, выражающаяся в вечной изменчивости. Рай, который строили народы, бессмертие, «тот свет» — это все существует, но его зовут не небом, не парадизом, не вальгаллой, а историей. Обмануть ее невозможно, сколько бы ни фальсифицировались документы и ни искажались или утаивались факты; это можно обмануть только историографию. Не раз я слышала от друзей: «Этого никто никогда не узнает! Все источники будут подделаны, все следы преступлений скрыты. Никогда не узнает история нашей жизни!» [Там же: Л. 4].

Она делится с Пастернаком образом Бетховена, о котором вспомнила, услышав по радио, как, оглохнув, он продолжал сочинять музыку, «продолжал осуществлять человеческое значение». Композитор, сочиняющий музыку, которому он не может услышать, подобен ученому, продолжающему заниматься наукой и писать научные работы, хотя его наука в этом государстве никому не нужна и работы не будут напечатаны или прочитаны⁵.

Предложение государственного учреждения передать свои документы на хранение дало Фрейденберг импульс к формированию собственного архива, но ни о какой передаче его государству и речи быть не могло, поскольку передать документы — значит дать власть над своей жизнью, над своей наукой. Тем более государству, по меткому выражению Н. В. Брагинской, она доверяла не больше, чем бандиту [Braginskaja, Kostenko 2014: 111]. Она принялась формировать архив и дописывать мемуары.

Архив, согласно ее замыслу, должен был содержать только законченные и отпечатанные на машинке научные работы и мемуарно-дневниковый комплекс, совокупно представлявшие ее научную и человеческую биографию, далеко не полную, но именно ту, которую она предпочла составить сама. Фрейденберг назначила посмертного хранителя в надежде, что когда-нибудь ее наследие станет известно миру.

Последняя часть записок датирована декабрем 1950 г. О дальнейшей жизни Фрейденберг мы почти ничего не знаем, потому что она об этом не написала. Сохранилась только переписка с Б. Л. Пастернаком, с которым она шла параллельными путями, но в полном взаимопонимании. Нам неизвестно, знал ли он хоть что-то об архиве и его значении в жизни двоюродной сестры, но, возможно, именно глубокое понимание ее замысла позволило ему совершенно не участвовать в вопросах, связанных с устройством ее наследства и бумаг. В письме к двоюродной сестре Фрейденберг, М. А. Марковой, Пастернак писал:

Пусть тебя не ранят никакие непредвиденности. Оля была хранительницей семейных преданий, вещей, писем. Не думай, что я забыл тебя, или отношусь безразлично к папиной или Олиной памяти.

⁵ Подзаголовок последней монографии Фрейденберг «Образ и понятие» — «Немые лекции».

Просто-напросто я все время чем-нибудь да занят и считаю, что самая лучшая память об умерших — напряженная, близостью с ними связанная и производительно наполненная деятельность остающихся. Да и устраивать там, по-моему, ничего не надо [Пастернак 2000: 384].

Фрейденберг удалось осуществить свой замысел: она успела сформировать архив — завершила и привела в порядок научные работы и написала воспоминания — подробную автобиографию, правильно выбрала хранилище, и дальше ей осталось лишь дожидаться своего исследователя.

Источники

Фрейденберг 1939–1950 — *Фрейденберг О. М.* Пробег жизни. Тетр. 4, 26, 33 (Hoover Institution Archives. Pasternak Family papers. Box 155. Folder 5; Box 157. Folder 2, 6).

Литература

- Брагинская 1998 — *Брагинская Н. В.* Послесловие к 2-му изданию // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / Сост., подгот. текста, коммент. и послесл. Н. В. Брагинской. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит. РАН, 1998. С. 744–765.
- Брагинская, Костенко 2019 — Ольга Михайловна Фрейденберг. Письма, 1911–1940 гг. / Публ. и коммент. Н. В. Брагинской, Н. Ю. Костенко // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2019. Т. 2. № 4. С. 304–339. URL: <https://phillet.hse.ru/article/view/10258/11100>.
- Брагинская и др. 1988 — *Брагинская Н. В., Пастернак Е. Б., Пастернак Е. В.* [Предисл. к: Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг. Письма и воспоминания] // Дружба народов. 1988. № 7. С. 201–208.
- Бурова 2018 — *Бурова Е. М.* Личные архивы в контексте репрезентативности архивного фонда Российской Федерации // Документ. Архив. Информационное общество: Сб. материалов III-ей Междунар. науч.-практ. конф., Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 28 сент. 2017 г., Пушкино, Московский архивный центр, 29 сент. 2017 г. / Сост. Е. М. Бурова, О. Е. Антонова. М.: Термика.ру, 2018. С. 406–425.
- Веселова 2009 — *Веселова А. Ю.* Архив частного человека: проблема типологии // Архив петербургской русистики: К 60-летию Павла Анатольевича Клубкова. [2009]. URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/veselova.html#t4>.
- Гусев и др. 2004 — *Гусев В. С., Кутузов В. А., Старков Б. А., Ломагин Н. А.* Предисловие // Блокадные дневники и документы / Сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. СПб.: Европ. Дом, 2004. С. 5–11.
- Жебелев 1993 — *Жебелев С. А.* [Предисловие к автонекрологу]; Автонекролог / [Публ. и коммент. И. В. Тункиной, Э. Д. Фролова] // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 173–201.
- Зимин 2015 — *Зимин А. А.* Храм науки (размышления о прожитом) // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А. Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. С. 35–384.
- Костенко 2017 — *Костенко Н. Ю.* «Я не нуждаюсь ни в современниках, ни в историографах»: история архива Ольги Фрейденберг // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 4 (25). С. 117–127.

- Микурова, Матвеева 2019 — *Микурова П. Л., Матвеева И. И.* Тема творчества в переписке Б. Пастернака и О. Фрейденберг 1930–1940-х гг. // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 2 (34). С. 50–57.
- Пастернак 2000 — Борис Пастернак. Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг / Сост., вступ. и примеч. Е. В. и Е. Б. Пастернак. М.: Арт-Флекс, 2000.
- Сорокина 1998 — Краткое описание материалов личного архива О. М. Фрейденберг / Сост. М. Ю. Сорокина // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / Сост., подгот. текста, коммент. и послесл. Н. В. Брагинской. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит. РАН, 1998. С. 776–784.
- Тункина, Фролов 1993 — *Тункина И. В., Фролов Э. Д.* Историографические этюды С. А. Жебелева (Из неизданного научного наследия) // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 172–173.
- Флейшман, Костенко 2018 — Из семейной переписки Пастернаков. Письма О. М. и А. О. Фрейденберг к родным в Германии / Публ. Н. Костенко, Л. Флейшмана; предисл. и коммент. Л. Флейшмана // Новое о Пастернаках: материалы Пастернаковской конференции 2015 года в Стэнфорде / Под ред. Л. Флейшмана. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2017. С. 21–155.
- Фрейденберг 1998 — *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности / Сост., подгот. текста, коммент. и послесл. Н. В. Брагинской. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит. РАН, 1998.
- Фрейденберг 2018 — *Фрейденберг О. М.* Происхождение литературного описания / Публ. и примеч. Н. Костенко при участии Н. Брагинской // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: Коллективная монография / Под науч. ред. Т. Автухович, при участии Р. Мниха. Siedlce: Instytut kultury regionalnej i badań literackich im. Franciszka Karpińskiego, 2018. С. 38–76.
- Черкасова 2012 — *Черкасова М. В.* «Власть архивов и власть над архивами: опыт осмысления архива в постмодернистской традиции // Культура и история в компаративном измерении: Материалы I Всерос. науч.-методолог. семинара (Самара, 12 мая 2011 г.) / [Отв. ред. Л. М. Артамонова]. Самара: ООО «Книга», 2012. С. 238–241.
- Braginskaja, Kostenko 2014 — *Braginskaja N., Kostenko N.* Archives et destin d'un chercheur en U. R. S. S. Ol'ga Mixaiajlovna Frejdenberg (1890–1955) // *Revue des études slaves*. T. 85. Fasc. 1. 2014. P. 109–129.
- Osborn 1932 — *Osborn M.* Leonid Pasternak: mit 77 Textabbildungen und 67 Tafeln in Autotyp-, Offset- und Farbendruck; mit 4 Fragmenten aus der Selbstbiographie des Künstlers. Warschau: Stybel-Verlag, 1932.

References

- Braginskaja, N., & Kostenko, N. (2014). Archives et destin d'un chercheur en U. R. S. S. Ol'ga Mixaiajlovna Frejdenberg (1890–1955). *Revue des études slaves*, 85(1), 109–129. (In French).
- Braginskaya, N. V. (1998). Posleslovie k 2-mu izdaniiu [Afterword to the second edition]. In O. M. Freidenberg. *Mif i literatura drevnosti* (N. V. Braginskaya, Ed., 2nd ed., pp. 744–765). Vostochnaia literatura RAN. (In Russian).
- Braginskaya, N. V., & Kostenko, N. Iu. (Eds. and Comment.) (2019). Ol'ga Mikhailovna Freidenberg. Pis'ma, 1911–1940 gg. [Ol'ga Mikhailovna Freidenberg. Letters, 1911–1940]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, 2(4), 304–339. <https://phillet.hse.ru/article/view/10258/11100>. (In Russian).

- Braginskaya, N. V., Pasternak, E. B., & Pasternak, E. V. (1988). [Predislovie k: Boris Pasternak — Ol'ga Freidenberg. Pis'ma i vospominaniia] [Foreword to: Boris Pasternak — Olga Freidenberg: Letters and memoirs]. *Druzhba narodov*, 1988(7), 201–208. (In Russian).
- Burova, E. M. (2018). Lichnye arkhivy v kontekste reprezentativnosti arkhivnogo fonda Rossiiskoi Federatsii [Personal archives in the context of the representativeness of the Archival fond of the Russian Federation]. In E. M. Burova, & O. E. Antonova (Compls.), *Dokument. Arkhiv. Informatsionnoe obshchestvo: Sbornik materialov III-ei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 28 sent. 2017 g., Pushkino, Moskovskii arkhivnyi tsentr, 29 sent. 2017 g.* (pp. 406–425). Termika.ru. (In Russian)
- Cherkasova, M. V. (2012). Vlast' arkhivov i vlast' nad arkhivami: opyt osmysleniia arkhiva v postmodernistskoi traditsii [Power of archives and power over archives: An experiment in comprehending the archives in the postmodern tradition]. In L. M. Artamonova (Ed.). *Kul'tura i istoriia v komparativnom izmerenii: Materialy I Vserossiiskogo nauchno-metodologicheskogo seminara (Samara, 12 maia 2011 g.)* (pp. 238–241). OOO “Kniga”. (In Russian).
- Fleishman, L., & Kostenko, N. (Eds.) (2018). Iz semeinoi perepiski Pasternakov. Pis'ma O. M. i A. O. Freidenberg k rodnym v Germanii [From the Pasternaks' family correspondence. Letters by O. M. and A. O. Freidenberg to relatives in Germany]. In L. Fleishman (Ed.). *Novoe o Pasternakakh: materialy Pasternakovskoi konferentsii 2015 goda v Stenforde* (pp. 21–155). Izdatel'skii tsentr “Azbukovnik”. (In Russian).
- Freidenberg, O. M. (1998). *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity] (N. V. Braginskaya, Ed., 2nd ed.). Vostochnaia literatura RAN. (In Russian).
- Freidenberg, O. M. (2018). Proiskhozhdenie literaturnogo opisaniia [Origin of literary description] (N. Braginskaya, & N. Kostenko, Eds.). In T. Avtukhovich, & R. Mnikh (Eds.). *Teoriia i istoriia ekfrasisa: itogi i perspektivy izucheniia: Kollektivnaia monografiia* (pp. 38–76). Instytut kultury regionalnej i badań literackich im. Franciszka Karpińskiego. (In Russian).
- Gusev, V. S., Kutuzov, V. A., Starkov, B. A., & Lomagin, N. A. (2004). Predislovie [Foreword]. In S. K. Bernev, S. V. Chernov (Eds.). *Blokadnye dnevniki i dokumenty* (pp. 5–11). Evropeiskii Dom. (In Russian).
- Kostenko, N. Iu. (2017). “Ia ne nuzhdauius' ni v sovremennikakh, ni v istoriografakh”: istoriia arkhiva Ol'gi Freidenberg [“I need neither contemporaries, nor historians”: The history of Olga Freidenberg's archive]. *Vestnik RGGU. Seriia “Istoriia. Filologiya. Kul'turologiia. Vostokovedenie”*, 2017(4(25)), 117–127. (In Russian).
- Mikurova, P. L., & Matveeva, I. I. (2019). Tema tvorchestva v perepiske B. Pasternaka i O. Freidenberg 1930–1940-kh gg. [Theme of creativity in B. Pasternak's correspondence with O. Freidenberg: 1930–1940]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. Filologiya. Teoriia iazyka. Iazykovoie obrazovanie*, 2019(2), 50–57. (In Russian).
- Osborn, M. (1932). *Leonid Pasternak: mit 77 Textabbildungen und 67 Tafeln in Autotypie-, Offset- und Farbendruck; mit 4 Fragmenten aus der Selbstbiographie des Künstlers*. Stybel-Verlag. (In German).
- Pasternak, E. V., & Pasternak, E. B. (Eds. and Comments.) (2000). *Boris Pasternak. Pozhiznennaiia priviazannost': perepiska s O. M. Freidenberg* [Boris Pasternak. A lifelong affection: Correspondence with O. M. Freidenberg]. Art-Fleks. (In Russian).
- Sorokina, M. Iu. (Compl.) (1998). Kratkoe opisaniie materialov iz lichnogo arkhiva O. M. Freidenberg [Brief description of materials from the personal archives of O. M. Freidenberg]. In O. M. Freidenberg. *Mif i literatura drevnosti* (N. V. Braginskaya, Ed., 2nd ed., pp. 776–784). Vostochnaia literatura RAN. (In Russian).
- Tunkina, I. V., & Frolov, E. D. (1993). Istoricheskie etiudy S. A. Zhebeleva (Iz neizdannogo nauchnogo naslediia) [Historiographic studies by S. A. Zhebelev (From the unpublished scientific heritage)]. *Vestnik drevnei istorii*, 1993(2), 172–173. (In Russian).

- Veselova, A. Iu. (2009). Arkhiv chastnogo cheloveka: problema tipologii [Archives of a private person: Problems of typology]. In *Arkhiv peterburgskoi rusistiki: K 60-letiiu Pavla Anatol'evicha Klubkova*. <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/klubkov60/veselova.html#t4>. (In Russian).
- Zimin, A. A. (2015). Khram nauki (razmyshleniia o prozhitom) [Temple of science (reflections on the lived through)]. In A. A. Khoroshkevich (Ed.). *Sud'ba tvorcheskogo naslediiia russkikh istorikov vtoroi poloviny XX veka* (pp. 35–384). Akvarius. (In Russian).
- Zhebelev, S. A. (1993). Predislovie k avtonekrologu; Avtonekrolog [Foreword to autonecology; Autonecology] (I. V Tunkina, & E. D. Frolov, Eds. and Comment.). *Vestnik drevnei istorii*, 1993(2), 173–201. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Наталья Юрьевна Костенко

научный сотрудник
Институт высших гуманитарных
исследований им. Е. М. Мелетинского,
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва,
Миусская пл., д. 6.
Тел.: +7 (495) 250-66-68
✉ n.kostenko71@mail.ru

Natal'ia Iu. Kostenko

Researcher Fellow
E. M. Meletinsky Institute of Higher Studies
in the Humanities, Russian State University
for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-66-68
✉ n.kostenko71@mail.ru

D. S. Nikolaev^{ab}

ORCID: 0000-0002-3034-9794
✉ dnikolaev@fastmail.com

M. V. Shumilin^{ac}

ORCID: 0000-0002-4348-3909
✉ mvlshumilin@gmail.com

^a Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)

^b Стокгольмский университет (Швеция, Стокгольм)

^c Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)

IDENTIFYING LATIN AUTHORS THROUGH MAXIMUM-LIKELIHOOD DIRICHLET INFERENCE: A CONTRIBUTION TO MODEL-BASED STYLOMETRY

Аннотация. В статье предлагается новый алгоритм для определения авторов латинских прозаических текстов, основанный на Дельте Берроуза и распределении Дирихле. Для демонстрации эффективности алгоритма проводится анализ фрагментов текстов 36 авторов классического и средневекового периода. Наш алгоритм показывает результаты, сопоставимые с результатами, полученными за счет применения Random Forest, одного из самых мощных универсальных классификационных алгоритмов. Преимущество нашего алгоритма заключается в том, что он требует очень мало времени и вычислительных ресурсов для обучения, его легко имплементировать на любом языке программирования общего назначения и его тривиально параллелизовать. Кроме того, поскольку алгоритм основан на эксплицитной модели порождения текста, параметры натренированной модели поддаются интерпретации: точность распределения (сумма его параметров) прямо соответствует стилистической гомогенности текстов соответствующего автора.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: стилометрия, латинская литература, распределение Дирихле, Дельта Берроуза, Random Forest, атрибуция текстов, стилистический анализ, машинное обучение

Для цитирования: Nikolaev D. S., Shumilin M. V. Identifying Latin authors through maximum-likelihood Dirichlet inference: A contribution to model-based stylometry // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 183–198. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-183-198>.

Статья поступила в редакцию 9 апреля 2020 г.
Принято к печати 3 августа 2020 г.

D. S. Nikolaev^{ab}

ORCID: 0000-0002-3034-9794
✉ dnikolaev@fastmail.com

M. V. Shumilin^{ac}

ORCID: 0000-0002-4348-3909
✉ mvlshumilin@gmail.com

^a *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*

^b *Stockholm University (Sweden, Stockholm)*

^c *A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*

IDENTIFYING LATIN AUTHORS THROUGH MAXIMUM-LIKELIHOOD DIRICHLET INFERENCE: A CONTRIBUTION TO MODEL-BASED STYLOMETRY

Abstract. The last two decades saw a dramatic increase in the number of papers published on the subject of stylometry, which is often narrowly understood as the task of identification of the author of a particular text fragment based on its stylistic properties. We present a new lightweight algorithm for stylometric identification of authors of Latin prose texts based on Burrows's Delta, computed over relative frequencies of 244 manually selected genre and topic neutral words, and the Dirichlet distribution, whose parameters we estimate using an iterative maximum-likelihood algorithm. In order to demonstrate the effectiveness of the method, we present a case study of 3000-word fragments of texts by 36 classical and medieval authors and show that our method performs on par with Random Forest, a powerful general-purpose classification algorithm. We provide summary statistics of our algorithm's performance together with confusion matrices demonstrating pairwise discriminability of texts by different authors. The advantages of our method are that it is very simple to implement, very quick to train and do inference with, and that it is very interpretable since it is a model-based algorithm: precision of the fitted Dirichlet distributions directly corresponds to the stylistic homogeneity of the texts by different authors. This makes it possible to use the algorithm as a general research tool in Latin stylistics.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Keywords: stylometry, Latin literature, Dirichlet distribution, Burrows's Delta, Random Forest, text attribution, stylistic analysis, machine learning

To cite this article: Nikolaev, D. S., & Shumilin, M. V. (2021). Identifying Latin authors through maximum-likelihood Dirichlet inference: A contribution to model-based stylometry. *Shagi/Steps*, 7(1), 183–198. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-183-198>.

Received April 9, 2020

Accepted August 3, 2020

1. Introduction

The last two decades saw a dramatic increase in the number of papers published on the subject of stylometry, which is often narrowly understood as the task of identification of the author of a particular text fragment based on its stylistic properties. Stylometry was launched as a computational discipline in the 1960s with the celebrated analysis of the Federalist Papers in [Mosteller, Wallace 1964]; see [Holmes 1998; Holmes, Kardos 2003] for an overview of the early developments.

The statistical-learning boom of the early 21st century, following the seminal early work, such as [Vapnik 1999; Breiman 2001], gave rise to a plethora of new algorithms and approaches to the analysis of textual data. Many of those algorithms have a natural application in stylometry, while others were created specifically for this purpose.

Contemporary approaches can be roughly divided in two groups:

1. **Feature-based** approaches rely on features extracted from texts to ascertain their authorship. Counts of function words, most-frequent words, or word or character N-grams, and different combinations thereof are usually employed as features. Texts are then clustered or directly compared based on some distance measure, such as Burrows's Delta [Burrows 2002]. Function words have been traditionally considered as good features for stylometric analysis because they are not tied to particular genres and it is hard for authors to deliberately manipulate their frequencies.

2. **Model-based** approaches aim to directly model the distribution of features in texts by different authors. A text-generating model for an author is created, which makes it possible to directly estimate the posterior probability (in a Bayesian setting) or likelihood (in a frequentist one) that the fragment of interest was composed by this author. Decisions about authorship are then made based on these estimates.

Work on stylometric attribution of Latin texts was mostly done using the discriminative approach. A notable, albeit controversial example, is the attempt by Justin Stover to prove that the Latin fragment preserved in the 13th-century manuscript MS Vat. Reg. lat. 1572 is the long-lost Book 3 of the treaty *De dogmate Platonis* by Apuleius. In his edition of the text [Stover 2015] and several co-authored articles [Stover et al. 2016; Stover, Kestemont 2016a], Stover employed PCA, Burrows's Delta-based Bootstrap-Consensus Trees [Eder et al. 2016], and the Impostor Method [Koppel, Winter 2014] in order to substantiate his claim. Stover and his co-authors also tried to apply a similar methodology to the problem of the authorship of other texts, including the *Corpus Caesarianum* [Kestemont et al. 2016]. Related work was reported in [Kabala 2020], who applied a distance-based classification ("let text segment A be attributed correctly if the next closest text segment in its cor-

pus belongs to the same author class as A”) and logistic regression to the problem of the authorship of the twelfth-century Latin works *Translatio s. Nicolai* and *Gesta principium polonorum*.¹

Feature-based approaches are sometimes performant, but they are nearly always uninterpretable and therefore inflexible. Both sides of the problem—how exactly a given author produces texts of a particular type and how exactly do we ascertain that a given text was written by her—remain totally obscure even if the attribution is successful. More worryingly, there is often no clear way to estimate the degree of our uncertainty in the attribution and to check how well it is actually supported by the data.

Model-based approaches offer a way to overcome these limitations. These approaches regard text fragments by different authors as draws from a probability distribution characterizing this author’s style. If we know the parameters of this distribution, we can directly estimate how likely it is that a given text was composed by this author.

In an ideal scenario, we should be able to estimate the probability that a given text was written by this author. It is easy to see, however, why this estimation is infeasible: in order for it to work, we need to construct a probability distribution over all possible author-text combinations, and we usually do not have access to the complete set of authors in any given language or genre.

Moreover, even if we had restricted the possible authors to some finite set, we still would not have had access to the joint probability of authors and textual fragments because they were not sampled in any meaningful sense. As a consequence of this issue, the current model-based approaches tend also to be partly feature based: the parameters of the model are estimated from the data, and their parameter vectors are then used as features in subsequent analysis.

The most important decision to be made here is what probability distribution to use for modelling feature distributions. The current instrument of choice is the multinomial distribution. This distribution models the probability of the event that after n trials each of which may result in K different outcomes the result will be equal to (p_1, p_2, \dots, p_k) , where p_i is the number of trials ending in the outcome and all p_i ’s sum to n . Given a fixed vocabulary and a fixed text length, the probability distribution corresponding to a particular author computes the posterior probability or likelihood that she composed a given text sample based on counts of different words in it.

After choosing an appropriate model, the crucial task is to estimate its parameters, which will then be interpreted directly or serve as feature vectors. Scholars following the model-based approach [Gill et al. 2007; Gill, Swartz 2011] work in the Bayesian setting, and their methodology demands some assumptions about the probability distributions of values of these parameters (so-called *priors*). The multinomial distribution is parameterized by a vector of k values corresponding to probabilities of different outcomes in individual trials, which are assumed to be independent. These probabilities must sum to 1, and the logical prior to use here is the Dirichlet distribution. This distribution assigns probabilities to points in N -dimensional spaces with positive coordinates, whose values sum to 1.

¹ A radically different approach was employed in [Chaudhuri et al. 2018], who use syntactic features in order to distinguish between prose and verse. An interactive toolkit for syntax-centred stylistometric analysis of Latin texts was recently published in [Bolt et al. 2019]. Other related work includes [Campbell et al. 2007] and [Stover, Kestemont 2016b].

The Dirichlet distribution is itself parameterized by a vector of k values usually denoted α . The Bayesian methodology demands that some values for these parameters are provided by the researcher. An ‘uninformative’ α with all elements equal to 1 or some other fixed value is usually chosen.

We focus on the use of Dirichlet distribution as a prior in detail because we think that it can be also profitably used as the primary modelling distribution. Ever since the work of Burrows, the research on stylometry made use of relative frequencies of function words. Burrows’s approach was to normalize differences in relative frequencies of function words using z-scores.² It is possible, however, to treat the whole range of relative frequencies for a fixed vocabulary as a sample from the Dirichlet distribution characterizing the style of a particular author. This approach has the advantage that we directly model the quantity of interest and do not assume, as it happens when using the multinomial distribution, that words in the text were chosen independently of each other. In this study, we use maximum-likelihood inference to fit a Dirichlet distribution to the data.

The contributions of the paper are the following:

- We propose an interpretable, easily implementable, and very fast model-based probabilistic stylometric algorithm for authorship verification.

- We test the algorithm by assessing its ability to correctly attribute 21 different fragments for each author with a big enough œuvre in the reference corpus. We compare the performance of the algorithm with that of the random-forest classifier, an industry-standard ensemble method.

- We further ‘stress test’ the algorithm by limiting the number of training samples available to it from each author. The results of this procedure simultaneously assess the strength of the algorithm and show the degree of confusability between different authors in the corpus as well as general stylistic individuality. (E. g., fragments by Jerome and Marcus Terentius Varro remain fully identifiable even when the number of training samples is reduced to five while the success rate for Tacitus and Macrobius falls dramatically.)

The rest of the paper is organized as follows. Section 2 provides an overview of the corpus of Latin texts we used to test the new method. In § 3, we present the Dirichlet distribution in more detail, describe the algorithm used for estimating its parameters from the data, and the decision rule. The results of the analysis are presented in § 4. Section 5 presents our conclusions.

2. Data

We used all classical and medieval Latin prose writers whose body of work represented in the PHI5³ and digilibLT⁴ databases included more than 21 3000-word-long samples. This left us with 36 authors and 2395 text samples (i. e. 66.5 samples per author on average). See the full list of authors in § 4 below. We removed all non-alphabetic characters from the texts, lower-cased them, and replaced all v ’s with u ’s.

² A z-score for the relative frequency of a given word in a given text is computed by subtracting from it the mean relative frequency of this word in all texts from the corpus and dividing the result by the standard deviation of the same relative frequencies.

³ <https://latin.packhum.org>.

⁴ <http://digiliblt.lett.unipmn.it/index.php?lang=en>.

Following standard practices in stylometric research [Stover 2015; Stover, Kestemont 2016a], we selected 244 most-frequent genre and subject neutral words, predominantly function words, to construct vectors of relative frequencies (a ‘non-round’ number comes from the fact that we selected all common function words and then enlarged the list by adding topic independent most frequent content words; exploratory experiments with a smaller word set of 150 function words showed that it leads to a poorer performance).⁵

3. Methods

3.1. Dirichlet distribution

The Dirichlet distribution, also known as multivariate beta distribution, assigns probabilities to points in the open standard $(K - 1)$ -simplex, i. e., a set of points in a K -dimensional space whose coordinates are positive and sum to 1 (the simplex itself is thus a $(K - 1)$ -dimensional object because any set of $K - 1$ coordinates uniquely determines the remaining one). The coordinates of a given point may be regarded as the probabilities of a K -way categorical event.

The probability density function of the Dirichlet distribution is defined as

$$f(x; \alpha) = \frac{\Gamma(\sum_{i=1}^k \alpha_i)}{\prod_{i=1}^k \Gamma(\alpha_i)} \prod_{i=1}^k x_i^{\alpha_i - 1}$$

where x is a point in a standard $(K - 1)$ -dimensional simplex and α is the parameter vector.

For the purpose of this study, we take relative frequencies of selected function words in a text to be x vectors. In order to make the relative frequencies sum to 1, we collapse frequencies of all other words in a single additional category. The Dirichlet distribution demands that all elements of x be strictly positive. However, not all words are found in all text samples, which leads to zero frequencies. We normalize the data by adding very small positive constants to all relative frequencies in order to obviate this problem; this does not lead to issues with inference.

⁵ et, in, non, ut, ad, cum, ab, sed, ex, si, de, etiam, enim, aut, ac, nec, per, atque, nam, uel, ne, quidem, autem, tamen, neque, uero, ita, iam, quoque, nihil, pro, modo, quia, quasi, inter, nisi, tunc, post, sic, igitur, tam, qua, ante, an, nunc, apud, magis, sine, ergo, at, deinde, ubi, dum, semper, minus, unde, contra, maxime, itaque, sicut, satis, denique, ob, simul, uti, sub, saepe, quamquam, numquam, ideo, propter, siue, quippe, prius, adhuc, quoniam, usque, inde, bene, sane, mox, item, super, quin, adeo, quamuis, cur, tamquam, postea, praeterea, potius, statim, uelut, postquam, supra, ceterum, certe, omnino, licet, forte, o, circa, rursus, tandem, diu, praeter, umquam, tot, ibi, hinc, haud, necesse, melius, paene, fere, namque, amplius, uix, scilicet, quom, iterum, aliquando, aduersus, seu, parum, plerumque, interim, prope, plus, intra, partim, olim, iuxta, ultra, male, quare, aliter, dolorem, fortasse, malis, primis, studio, agere, immo, quanto, domine, eiusdem, opera, oportet, publicam, tota, usus, aetatis, boni, locis, plurimum, potestate, saepius, antea, demum, dolore, imperatori, latine, malo, potuit, quadam, quondam, quosdam, sumus, dicuntur, diuina, lege, ordinem, postremo, regnum, solet, tribus, fama, patre, putat, hi, iubet, pluribus, quarum, sancti, solus, uera, uirtutes, uolunt, annis, dicam, dicta, domi, homo, ingenio, militum, studiis, uoce, a, aetate, castra, exercitum, genera, maior, summum, equidem, eundem, gratiam, loci, magnum, naturam, num, profecto, amicis, consules, etsi, honore, honorem, multos, quidquid, quisquam, dein, mali, mecum, sapientia, uiginti, accepit, cuiusque, exercitu, fuisset, plura, secum, domus, oratio, principis, uirtutis, iter, liberos, modi, ualde, alioquin, aqua, augusti, locus.

The Dirichlet distribution can be characterized by its mean

$$E[X_i] = \frac{\alpha_i}{\sum_{k=1}^K \alpha_k}$$

and precision

$$s = \sum_k \alpha_k$$

When precision is high, samples from the distribution are likely to be near the expected value; when precision is small, they are distributed more diffusely. This allows for straightforward interpretation of fitted models. In our case, authors, whose associated Dirichlet distribution has high precision, are likely to have text samples that are similar to each other in their use of function words, while samples from authors with low precision are expected to be more varied. See [Bela et al. 2010] for more details.

3.2. The Dirichlet process and Latent Dirichlet Allocation

There is an important generalization of the Dirichlet distribution, the Dirichlet process. It allows researchers to model texts as mixtures of words taken from a number of different sources. The relationship between sources in this model is unequal: each next element is drawn proportionally to the number of elements from each source already in the set, thus giving rise to the ‘rich get richer’ model (a. k. a. the Chinese-restaurant process: elements from different sources are envisaged as patrons in a restaurant with an infinite number of tables preferring tables at which many people are already sitting).

The Dirichlet process is commonly used to model topic content of a collection of texts. As a result of this type of analysis, each text in the corpus is split into groups of words presumably connected to a different subject matter (such as *sports* or *politics*; the labels for topics are chosen by the researcher based on an analysis of word groups). Texts with similar proportions of elements from different classes are supposed to be thematically similar. Latent Dirichlet Allocation (LDA) [Blei et al. 2003] is a prominent example of this methodology.

LDA has been applied in a stylometric setting. One approach is to represent authors’ styles as a distribution over topics extracted from a corpus and then compare these distributions for the purpose of analysis or attribution [Seroussi et al. 2014]. A more advanced approach is to jointly learn topical preferences and more fine-grained lexical preferences as ‘the variations in choosing different words to convey a similar meaning introduce the lexical bias for an author to construct the document’ [Ding et al. 2017: 4].

These models are very powerful and can be applied to large corpora of texts with very few assumptions. However, their reliance on topic modelling, with or without additional refinements, makes them vulnerable to the pitfalls of genre-induced similarities. In the present study, we have solid background knowledge about the texts’ language and are confident in the discriminative power of our features (i.e., function words). Therefore, we resort to a simpler approach, one based on the basic Dirichlet distribution.

3.3. Inference and decision rule

There is no analytical solution for the problem of maximum-likelihood estimation of the parameters of a Dirichlet distribution from data. However, this distribution belongs to the exponential family of distributions, and therefore its log-likelihood function is convex. This makes it possible to use convex-optimization techniques for estimation. Several iterative algorithms for estimating α from data were proposed in [Minka 2012]. We adopted the approach formulated in his Equation 9:

$$\Psi(\alpha_k^{new}) = \Psi\left(\sum_k \alpha_k^{old}\right) + \frac{1}{N} \sum_i \log x_{ik}$$

where N is the number of observations and Ψ is the digamma function.⁶ We did not try to make a good first guess as to the seed values of α and set them all to $\frac{1}{K}$. This did not impact convergence.

36 authors with at least 21 3000-word-long samples were selected for the analysis. The analysis consisted of 21 iterations. Each iteration went as follows:

1. A test sample was randomly selected for each author; parameters of a Dirichlet distribution were estimated on the remaining 20+ samples. No test sample was selected twice (therefore, authors with the minimal number of samples, 21, had all their samples used as test samples).

2. For each test sample of each author, all author models were used to estimate the likelihood of this sample.

3. The author with the highest likelihood was selected as the best candidate author. The pair (real author, candidate author) was recorded for each sample.

Julia and R code together with the corpus are available at a public GitHub repository <https://github.com/macleginn/dirichlet-stylometry-src>.

4. Results

The results of identifying held-out test fragments (21 for each author, 756 altogether) using models fitted on all remaining training samples (only one held-out fragment was excluded each time) are shown in Table 1.⁷ It should be noted

⁶ Minka also proposes an algorithm for estimating the inverse of the digamma function, needed for the update, but we simply used the function `invdigamma` provided by the `SpecialFunctions.jl` module for the Julia programming language.

⁷ The abbreviations stand for the following names: AGell: Aulus Gellius, AmmMarcell: Ammianus Marcellinus, Apul: Apuleius (spurious works excluded), Boeth: Anicius Manlius Severinus Boethius, CaelAurel: Caelius Aurelianus, Caes: Julius Caesar, Cels: Aulus Cornelius Celsus, Chalcid: Chalcidius, Cic: Cicero, Colum: Columella, Curt: Curtius Rufus, Digesta: the compiler of the *Digesta*, Diomed: Diomedes, FirmMatern: Firmicus Maternus (only the *Matheseos libri*), Hegesipp: Pseudo-Hegesippus, Hier: Jerome (only Biblical translations), LactPlac: Pseudo-Lactantius Placidus (the author of the extant scholia to Statius' *Thebaid*), Liv: Livy, Macrob: Macrobius, MarcellEmpir: Marcellus Empiricus, MartCap: Martianus Capella, NonMarcell: Nonius Marcellus, PlinMin: Pliny the Younger, PlinSec: Pliny the Elder, PompPorph: Pomponius Porphyrio,

that some of these texts are arguably not by a single author: the *Digesta* are a compilation from different juristic authorities of the 1st cent. BC through 4th cent. AD (mainly of the 2nd and 3rd cent. AD); Nonius Marcellus' *De compendiosa doctrina* and some parts of Macrobius' *Saturnalia* are basically long lists of quotations; Jerome's *Vulgate* is heavily indebted to the earlier *Vetus Latina*, which is probably not by a single translator (see [Kraus 2017: 121–124]), and some parts of the *Vulgate* may not be by Jerome at all (see [Rebenich 2002: 53]); Marcellus Empiricus' *De medicamentis* 'is a work of pure compilation which draws on the work of predecessors, above all Scribonius..., both Pliny [the Elder]... and the *Medicina Plinii*..., and Vindicianus...; Marcellus reproduces even the dedicatory epistles... and some statements in the first person of the authors he uses' [Langslow 2000: 66–67]; Servius (together with the additions of Servius Danielis, which are based on a different commentary), Pomponius Porphyrio, Pseudo-Lactantius Placidus, and the *Adnotationes super Lucanum* are sets of scholia, and such texts often reproduce verbatim numerous statements from earlier commentaries by different authors (see [Cameron 2004: 197–212, Zetzel 2018: 126–158]). Nevertheless, as shown by our experiments, the distribution of function words in these texts transcends their amalgamated nature and makes it possible to identify the compiler.

Values on the main diagonal indicate how many times the fragments were attributed correctly. The average attribution success rate for all authors is 93.9%, and for individual authors or text collections it ranges from 100% (AmmMarcell, Caes, Cic, Curt, and others) to 71% (Martianus Capella, the only author whose score is below 75%).

A high attribution success rate for a given author is not, however, to be interpreted straightforwardly as directly dependent on the originality of the author's style; for instance, there are hardly any reasons to doubt the originality of Apuleius' style, although his score is only 81%. The instances of confusion in Table 1 can virtually always be explained by affinities caused by imitation (e. g., Quintilian taken for Cicero; in total, at least 3 instances out of 46), chronological vicinity (e. g., Apuleius taken for Pliny the Younger; in total, 33 instances out of 46) or shared genre (e. g., Columella taken for Vegetius who also writes technical treatises; in total, 35 instances out of 46, 27 of them connected with technical style).⁸ The last two kinds of affinities can actually also imply less readily recognizable imitation of one author by the other or imitation of a common source by both. Thus, a low attribution rate can mean three things: (i) the author is engaged in imitation of other authors in the corpus; (ii) the author is imitated by other authors in the corpus; (iii) the author is a typical exponent of a certain shared style represented in the corpus (generic, popular in a certain period, etc.). A high attribution rate, on the other hand, means that none of these conditions is satisfied and the author is less engaged in the network of connections established by the corpus, to an extent sufficient to let the algorithm reliably identify his style.

Quint: Quintilian, Sen: Seneca the Younger, SenMai: Seneca the Elder, Serv: Servius (as edited in [Thilo 1881–1887], i. e., Servius Danielis included), Suet: Suetonius, Symmach: Quintus Aurelius Symmachus, Tac: Tacitus, ValMax: Valerius Maximus, Varro: Marcus Terentius Varro, Veget: Vegetius, AdnSupLuc: the anonymous author (or compiler) of the *Adnotationes super Lucanum*.

⁸ The only instance of confusion this classification does not account for is that between Suetonius and Macrobius.

	AGell	AmmMarcell	Apul	Boeth	CaelAurel	Caes	Cels	Chalcid	Cic	Colum	Curt	Digesta	Diomed	FirmMatern	Hegesipp	Hier	LactPlac	Liv	Macro	MarcellEmpir	MartCap	NonMarcell	PlinMin	PlinSec	PompPorph	Quint	Sen	SenMai	Serv	Suet	Symmach	Tac	ValMax	Varro	Veget	AdmSupLuc	
AGell	19																																				
AmmMarcell		21																																			
Apul			17						2												1		1														
Boeth				20					1																												
CaelAurel					20																1																
Caes						21																															
Cels							19																	1		1											
Chalcid								20																													
Cic									21																												
Colum			1							18																											1
Curt											21																										
Digesta												21																									
Diomed				1									19																								
FirmMatern														20																							
Hegesipp															21																						
Hier																21																					
LactPlac																	21																				
Liv																		21																			
Macro				1															18		4																
MarcellEmpir																				1	19															1	
MartCap				1																		15															
NonMarcell																							21														
PlinMin																								20													
PlinSec																									21												
PompPorph																										20											
Quint								1			1																										
Sen																											18										
SenMai																												19	2								
Serv																													2	19							
Suet																														20							
Symmach																															20						
Tac																																	20				
ValMax																																		21			
Varro																																			21		
Veget																																			21		
AdmSupLuc																																				21	

Table 1. Confusion matrix for author identification of held-out samples by models trained on all available data. Empty cells indicate zeros

Indeed, the authors our algorithm has particular problems with in this and the following experiments, like Martianus Capella or Macrobius, are all engaged in some forms of technical writing (a genre particularly well-represented in our corpus; for attempts at identifying features common to Latin technical texts that are connected with the use of functional words, see [Cousin 1943: 48–52; Langslow 2005: 297–298]). At the same time historians, who are also numerous in our corpus, almost always get very high attribution success rates, which is probably connected with the fact that their shared stylistic features seem to be rather connected with the general attitude towards innovation and archaism than with, say, particular formulaic expressions [Lebek 1970; Adams 2013: 260–267]. This kind of generic style does not prove a serious obstacle to our algorithm.

The author who gets the highest possible attribution success rates in all of our experiments is Caesar; among non-historians, the authors who succeed best are Jerome and Varro. Caesar and Varro can perhaps be seen as particularly non-typical

Table 2. *Precision of Dirichlet distributions fitted for each author*

Author	Precision
ValMax	1276
AmmMarcell	1203
AdnSupLuc	1178
Suet	1155
LactPlac	1120
Caes	1110
Curt	1098
Symmach	1047
AGell	1012
Hegesipp	1008
MarcellEmpir	1001
Serv	980
Liv	965
Tac	964
SenMai	962
Chalcid	961
Plin	953
NonMarcell	953
PompPorph	948
Sen	886
Cels	872
Veget	842
Colum	832
Digesta	831
Macrob	750
Varro	725
Cic	716
CaelAurel	703
Apul	691
Quint	665
PlinSec	620
Hier	591
MartCap	516
Diomed	513
FirmMatern	484
Boeth	325

representatives of their genres: Caesar is the earliest historian in the corpus and is not yet under the influence of Sallust, which, according to [Lebek 1970], was decisive for the later development of the style of Roman historians; Varro is also the earliest representative of the technical style in the corpus. Jerome's translations, despite their undoubted influence, are basically on their own in our corpus from the point of view of genre.

The precision of Dirichlet distributions (truncated to the integer part) fitted for different authors is shown in Table 2. Unsurprisingly, authors with high precision are easy to identify while authors characterized by low precision are among the most problematic for the classifier, especially when the number of training samples was restricted (see below). The upper part of the rating is again mostly occupied

by historians, while technical authors are concentrated at its bottom. Some authors with high attribution success rate get low precision though, notably Cicero, Varro, Jerome and the compiler of the Digesta; in these cases, the algorithm succeeds well in identifying texts by these authors even despite their stylistic non-uniformity.

A random-forest classifier [Breiman 2001] with 300 trees repeatedly fitted on all training data except for the same held-out fragments using the same features achieved a comparable, albeit slightly lower, attribution success of 91%. Importantly, it took 40 minutes to train the models and make predictions. Fitting 21 Dirichlet models for all authors took less than a minute, and the algorithm can be easily parallelized. This shows that the proposed approach is much more scalable.

The results of attributing the held-out fragments after restricting the training set for each author to 10 and 5 samples are shown in Tables 3 and 4 respectively. The accuracy with these training regimes dropped to 88% and 80.3% respectively showing the relative robustness of the methods to small training samples.

	AGell	AmmMarcell	Apul	Boeth	CaetAurel	Caes	Cels	Chalcid	Cic	Colum	Curt	Digesta	Diomed	FirmMatern	Hegesipp	Hier	LactPlac	Liv	Macro	MarcellEmpir	MartCap	NonMarcell	PlinMin	PlinSec	PompPorph	Quint	Sen	SenMai	Serv	Suet	Symmach	Tac	ValMax	Varro	Veget	AdnSupLuc		
AGell	19																																					
AmmMarcell		21																																				
Apul			18										2																									
Boeth				21										1																								
CaetAurel					18										1																							
Caes						21																																
Cels							20																															
Chalcid								20																														
Cic									20																													
Colum										15																											3	
Curt											2																											
Digesta												19																										
Diomed													20																									
FirmMatern														21																								
Hegesipp															18																							
Hier																20																						
LactPlac																	20																					
Liv																		21																				
Macro																			11																			
MarcellEmpir																				20																	1	
MartCap																					15																	
NonMarcell																						20																
PlinMin																							18															
PlinSec																								12														
PompPorph																									19													
Quint																										19												
Sen																											15											
SenMai																													1									
Serv																																						
Suet																																						
Symmach																																						
Tac																																						
ValMax																																						
Varro																																						
Veget																																						
AdnSupLuc																																						

Table 3. Confusion matrix for author identification of held-out samples by models trained on 10 samples for each author. Empty cells indicate zeros

	AGell	AmmMarcell	Apul	Boeth	CaelAuret	Caes	Cels	Chalcid	Cic	Colum	Curt	Digesta	Diomed	FirmMatern	Hegesipp	Hier	LactPlac	Liv	Macro	MarcellEmpir	MartCap	NonMarcell	PlinMin	PlinSec	PompPorph	Quint	Sen	SenMal	Serv	Suet	Symmach	Tac	ValMax	Varro	Veget	AdnSupLuc	
AGell	19																																				
AmmMarcell		20													1																						
Apul			12	5																	3			1													
Boeth				19											1						1																
CaelAuret					17										1						3																
Caes						21									1																						
Cels							1														2			1													
Chalcid								17													3			1													
Cic									4												1																
Colum										1											1	1			1											3	
Curt											2															1											
Digesta																																					
Diomed																																					
FirmMatern																																					
Hegesipp																																					
Hier																																					
LactPlac																																					
Liv																																					
Macro																																					
MarcellEmpir																																					
MartCap																																					
NonMarcell																																					
PlinMin																																					
PlinSec																																					
PompPorph																																					
Quint																																					
Sen																																					
SenMal																																					
Serv																																					
Suet																																					
Symmach																																					
Tac																																					
ValMax																																					
Varro																																					
Veget																																					
AdnSupLuc																																					

Table 4. Confusion matrix for author identification of held-out samples by models trained on 5 samples for each author. Empty cells indicate zeros

5. Conclusions

In this paper, we demonstrated the effectiveness of a simple and well-motivated method for author identification based on the Dirichlet distribution. It can be easily implemented in any general-purpose programming language (although using a special-purpose one, such as Julia or R, makes the implementation easier) and has good performance. Its practical application, e. g. in order to ascertain the authorship of a new fragment, consists of the following steps:

1. A table of relative frequencies of a set of words should be compiled based on a reference collection of text samples. Importantly, unlike when using Burrows's Delta, relative frequencies are not normalized, and there is no need to recompute them when the corpus is modified. This makes it possible to easily add new texts or subsample from the training data for testing purposes.

2. Models for different authors represented in the corpus are fit using the iterative method.

3. For a new sample, the likelihoods are computed estimating the confidence of different models that the sample was created by the respective author. The highest-likelihood model can be selected as the potential author or the results can be interpreted in another way.

The method does not provide an easy way to aggregate the results in order to ascertain, for instance, if the text was created by some author represented in the sample or yet another one. However, this problem is by its nature not well defined statistically (unless there is some solid preliminary knowledge that can be encoded as a prior in a Bayesian setting), and we do not strive to solve it.

Furthermore, we do not claim that our approach provides the best possible results given the data. It may turn out that a well-tuned generalist model, such as a random-forest classifier or gradient-boosting machine, will outperform our algorithm on a particular dataset. However, the simplicity, performance, and interpretability of our approach make it a viable argument in favor of model-based approaches in stylometry.

References

- Adams, J. N. (2013). *Social variation and the Latin language*. Cambridge Univ. Press.
- Bela, A., Frigyik, A., & Gupta, M. (2010). *Introduction to the Dirichlet distribution and related processes*. Technical Report UWEETR-2010-0006. Department of Electrical Engineering, Univ. of Washington.
- Blei, D. M., Ng, A. Y., & Jordan, M. I. (2003). Latent Dirichlet allocation. *Journal of Machine Learning Research*, 3(4–5), 993–1022.
- Bolt, T. J., Flynt, J. H., Chaudhuri, P., & Dexter, J. P. (2019). A stylometry toolkit for Latin literature. In S. Padó, R. Huang (Eds.). *Proceedings of the 2019 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing and the 9th International Joint Conference on Natural Language Processing (EMNLP-IJCNLP): System Demonstrations* (pp. 205–210). Association for Computational Linguistics.
- Breiman, L. (2001). Random forests. *Machine Learning*, 45(1), 5–32.
- Burrows, J. (2002). ‘Delta’: A measure of stylistic difference and a guide to likely authorship. *Literary and Linguistic Computing*, 17(3), 267–287.
- Cameron, A. (2004). *Greek mythography in the Roman world*. Oxford Univ. Press.
- Campbell, G., Corns, T. N., Hale, J. K., & Tweedie, F. J. (2007). *Milton and the manuscript of De Doctrina Christiana*. Oxford Univ. Press.
- Chaudhuri, P., Dasgupta, T., Dexter, J. P., & Iyer, K. (2018). A small set of stylometric features differentiates Latin prose and verse. *Digital Scholarship in the Humanities*, 34(4), 716–729.
- Cousin, J. (1943). Les langues spéciales. In *Mémorial des études latines: Publié à l’occasion du vingtième anniversaire de la Société de la Revue des études latines, offert par la Société à son fondateur J. Marouzeau* (pp. 37–54). Les belles lettres. (In French).
- Ding, S. H. H., Fung, B. C. M., Iqbal, F., & Cheung, W. K. (2017). Learning stylometric representations for authorship analysis. *IEEE Transactions on Cybernetics*, 49(1), 107–21.
- Eder, M., Rybicki, J., & Kestemont, M. (2016). Stylometry with R: A package for computational text analysis. *The R Journal*, 8(1), 107–121.

- Gill, P. S., & Swartz, T. B. (2011). Stylometric analyses using Dirichlet process mixture models. *Journal of Statistical Planning and Inference*, 141(11), 3665–3674.
- Gill, P. S., Swartz, T. B., & Treschow, M. (2007). A stylometric analysis of King Alfred's literary works. *Journal of Applied Statistics*, 34(10), 1251–1258.
- Holmes, D. I. (1998). The evolution of stylometry in humanities scholarship. *Literary and Linguistic Computing*, 13(3), 111–117.
- Holmes, D. I., & Kardos, J. (2003). Who was the author? An introduction to stylometry. *Chance*, 16(2), 5–8.
- Kabala, J. (2020). Computational authorship attribution in medieval Latin corpora: The case of the Monk of Lido (ca. 1101–08) and Gallus Anonymus (ca. 1113–17). *Language Resources and Evaluation*, 54, 1–32.
- Kestemont, M., Stover, J., Koppel, M., Karsdorp, F., & Daelemans, W. (2016). Authenticating the writings of Julius Caesar. *Expert Systems with Applications*, 63, 86–96.
- Koppel, M., & Winter, Y. (2014). Determining if two documents are written by the same author. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 65(1), 178–187.
- Kraus, M. A. (2017). *Jewish, Christian, and classical exegetical traditions in Jerome's translation of the Book of Exodus: Translation technique and the vulgate*. Brill.
- Langslow, D. R. (2000). *Medical Latin in the Roman Empire*. Oxford Univ. Press.
- Langslow, D. R. (2005). 'Langues réduites au lexique?' The languages of Latin technical prose. In T. Reinhardt, M. Lapidge, J. N. Adams (Eds.). *Aspects of the language of Latin prose* (pp. 287–302). Oxford Univ. Press.
- Lebek, W. D. (1970). *Verba prisca: Die Anfänge des Archaaisierens in der lateinischen Beredsamkeit und Geschichtsschreibung*. Vandenhoeck und Ruprecht. (In German).
- Minka, T. P. (2012). *Estimating a Dirichlet distribution*. <https://tminka.github.io/papers/dirichlet>.
- Mosteller, F., & Wallace, D. L. (1964). *Applied Bayesian and classical inference: The case of the Federalist Papers*. Addison-Wesley.
- Rebenich, S. (2002). *Jerome*. Routledge.
- Seroussi, Y., Zukerman, I., & Bohnert, F. (2014). Authorship attribution with topic models. *Computational Linguistics*, 40(2), 269–310.
- Stover, J. A. (Ed. & Trans.) (2015). *A new work by Apuleius: The lost third book of the De Platone*. Oxford Univ. Press.
- Stover, J. A., Winter, Y., Koppel, M., & Kestemont, M. (2016). Computational authorship verification method attributes a new work to a major 2nd century African author. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 67(1), 239–242.
- Stover, J. A., & Kestemont, M. (2016a). Reassessing the Apuleian corpus: A computational approach to authenticity. *The Classical Quarterly*, 66(2), 645–72.
- Stover, J. A., & Kestemont, M. (2016b). The authorship of the *Historia Augusta*: Two new computational studies. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 59(2), 140–157.
- Thilo, G. (Ed.). (1881–18877). *Servii grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii*. Teubner. (In Latin).
- Vapnik, V. N. (1999). An overview of statistical learning theory. *IEEE Transactions on Neural Networks*, 10(5), 988–999.
- Zetzel, J. E. G. (2018). *Critics, compilers, and commentators: An introduction to Roman philology, 200 BCE — 800 CE*. Oxford Univ. Press.

* * *

Информация об авторах

Дмитрий Сергеевич Николаев

*кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория теоретической
фольклористики, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119606, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
научный сотрудник,
факультет лингвистики,
Стокгольмский университет
Швеция, SE-106 91, Стокгольм
Тел.: +46 (8) 16-20-00
✉ dnikolaev@fastmail.com*

Михаил Владимирович Шумилин

*кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория античной культуры,
Школа актуальных гуманитарных
исследований, Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
старший научный сотрудник,
отдел античной литературы,
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская,
д. 25а
Тел.: +7 (495) 690-50-30
✉ mvlshumilin@gmail.com*

Information about the authors

Dmitry S. Nikolaev

*Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher,
Center for Theoretical Folklore Studies,
School for Advanced Studies
in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119606, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Researcher,
Department of Linguistics,
Stockholm University,
Sweden, SE-106 91 Stockholm
Tel.: +46 (8) 16-20-00
✉ dnikolaev@fastmail.com*

Mikhail V. Shumilin

*Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher,
Laboratory of Classical Studies,
School for Advanced Studies
in the Humanities, The Russian
Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Senior Researcher,
Department of Classical Literature,
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya Str.,
25a
Tel.: +7 (495) 690-50-30
✉ mvlshumilin@gmail.com*

Н. М. Долгорукова ^а

ORCID: 0000-0002-5553-0581

✉ natalia.dolgoroukova@gmail.com

К. В. Бабенко ^а

ORCID: 0000-0001-9101-2098

✉ ksieniya.babenko@gmail.com

^а Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

«IN TABERNA QUANDO SUMUS» КАК PARODIA SACRA

Аннотация. Статья посвящена анализу песни «In taberna quando sumus» из латинско-немецкой рукописи начала XIII в. «Carmina Burana». Текст повествует о происходящем в таверне и содержит множество элементов, характерных для так называемой parodia sacra («священной пародии»): перифразы и прямые цитаты из Библии и других важных для Католической церкви текстов (например, Римского миссала), помещенные в контекст трактирного застолья, переосмысление христианской символики и обрядов (молитвы превращаются в тосты и т. д.), общая формульность текста. Все эти элементы, вкупе с традиционным мотивом memento mori, позволяют отнести рассматриваемое стихотворение к характерной для зрелого Средневековья пародийной латинской литературе, возникшей как реакция на «официальную», по выражению М. М. Бахтина, иерархичную культуру Средних веков.

Ключевые слова: таверна, пародия, parodia sacra, ваганты, голиарды, Carmina Burana, латинская литература, застольные песни, Бахтин

Благодарности. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

Для цитирования: Долгорукова Н. М., Бабенко К. В. «In taberna quando sumus» как parodia sacra // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 199–210. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-199-210>.

Статья поступила в редакцию 31 июля 2020 г.
Принято к печати 10 сентября 2020 г.

N. M. Dolgorukova^a

ORCID: 0000-0002-5553-0581

✉ natalia.dolgoroukova@gmail.com

K. V. Babenko

ORCID: 0000-0001-9101-2098

✉ ksieniya.babenko@gmail.com

^a National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)

‘IN TABERNA QUANDO SUMUS’ AS PARODIA SACRA

Abstract. *Carmina Burana* is a Latin-German manuscript written in the beginning of the 13th century. Our article is devoted to an analysis of the song ‘In taberna quando sumus’ from this collection. The poem describes the daily life of a medieval tavern and contains several typical elements of *parodia sacra*, ‘sacred parody’. In particular, it is characterized by multiple periphrases and direct quotations from the Bible and various important Catholic texts (for instance, the Roman Missal), placed in the context of a tavern feast. *Parodia sacra* is often constructed out of formulas and marked by reinterpretations of Christian symbols and rituals. These characteristics can be found in the song ‘In taberna quando sumus’. The tavern is a Church of drunkards, where money and not the Lord rules everything. Here, instead of hard work, people debauch, cast lots, similar to Roman soldiers, drink enormously (liturgical wine is replaced by profane, Bacchus takes the place of Christ). In the tavern, they drink to people instead of praying for them, and make thirteen toasts, and those who dare to scold these drunkards would face the same punishment as the enemies of King David. All of these elements, connected to the traditional motif of ‘memento mori’, allow us to consider the poem as a typical High Medieval Latin parody, which, in the words of M. M. Bakhtin, arose as a reaction to the ‘official’ hierarchical culture of the Middle Ages.

Keywords: tavern, parody, *parodia sacra*, vagantes, goliards, *Carmina Burana*, Latin literature, drinking songs, Bakhtin

Acknowledgements. The study was carried out as part of the HSE Program of Fundamental Research in 2020.

To cite this article: Dolgorukova, N. M., & Babenko, K. V. (2021). ‘In taberna quando sumus’ as *parodia sacra*. *Shagi / Steps*, 7(1), 199–210. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-199-210>.

Received July 31, 2020

Accepted September 10, 2020

Во введении к книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» М. М. Бахтин пишет о так называемой *parodia sacra*, т. е. «священной пародии», которую он называет «одним из своеобразнейших и до сих пор недостаточно понятых явлений средневековой литературы» [Бахтин 1990: 20]. *Parodia sacra* включала в себя пародийные литургии, молитвы, евангелия, псалмы, гимны и даже завещания.

Подобные тексты были неотъемлемой частью творчества вагантов, или голиардов, о котором М. Л. Гаспаров писал: «Для поэтов, монтировавших свои стихи из набора крепко запоминавшихся со школьной скамьи штампов и полустампов, самым естественным соблазном было вдвинуть благочестивейший текст в нечестивейший контекст (или наоборот)» [Гаспаров 1975: 484–485].

Вероятно, результатом именно такой школярской шутки и является «*In taberna quando sumus*» — одна из самых известных средневековых песен. Несмотря на то что это стихотворение вряд ли является пародией на какой-либо конкретный церковный текст, оно, тем не менее, содержит ряд пародийных элементов, что позволяет рассматривать его, помимо всего прочего, как *parodia sacra*.

Текст включен в иллюминированную рукопись Clm4660, датируемую первой половиной XIII в. и названной по месту открытия «*Carmina Burana*»¹. Манускрипт включает более двухсот стихотворений на латыни (а также несколько произведений на верхненемецком языке), которые принято делить на четыре части: моралистические и сатирические песни, любовные песни, застольные песни и драмы [Schaller 1983: 1514–1515].

Анализируемое стихотворение относится к разделу застольных песен и традиционно числится под номером СВ196. Хотя некоторые фрагменты «*In taberna quando sumus*» были обнаружены в других рукописях, полностью ее текст сохранился только в списке «*Carmina Burana*» [Walsh 1976: 67]. Как и большая часть голиардских текстов, наша песня анонимна и не может быть точно датирована.

Первая строфа звучит следующим образом²:

In taberna quando sumus,
non curamus, quid sit humus;
sed ad ludum properamus,
cui semper insudamus.
Quid agatur in taberna,
ubi nummus est pincerna,
hoc est opus, ut quaeratur.
Sed quid loquar, audiatur.

Когда мы в таверне,
Мы не волнуемся о том, что такое прах,
Но спешим к игре,
Над которой всегда потеем.
Что творится в таверне,
Где монета — виночерпий?
Нужно, чтобы кто-то поинтересовался,
Так что послушайте, что я скажу.

Ключом к пониманию анализируемого текста являются две его начальные строки — «Когда мы в таверне, / Мы не волнуемся о том, что такое прах» (*In taberna quando sumus / non curamus quid sit humus*). Первое же самостоятельное слово песни (*taberna*) сразу же создает у читателя или слушателя отчетливый и живой образ, погружает его в атмосферу таверны. Постоялые двory, тавер-

¹ Рукопись была найдена в монастыре Бойерне (Бенедиктбойерн, Германия) — лат. *Burina* (прил. *Buranus*).

² Здесь и далее тексты «*Carmina Burana*» цитируются по [Traill 2018].

ны и трактиры были важной частью повседневной жизни средневекового города. Из-за большого количества деревянных построек всегда существовала угроза пожара, поэтому значительная часть домов обходилась без собственного очага. Таверны, таким образом, были всегда обеспечены посетителями — эти заведения попросту кормили большую часть городского населения. Как следствие, таверна была одним из важных социальных центров города. Жак Ле Гофф писал: «Там распространялись новости, слухи и легенды. Беседы формировали там менталитет, а поскольку выпивка распяляла умы, таверны способствовали тому, что средневековое общество обрело свою возбужденную тональность» [Ле Гофф 2005: 380]. Песни голиардов не могли не впитать в себя весь колорит подобных заведений. Ле Гофф отмечает, что приходские священники порицали таверны, «этот центр порока, где процветали пьянство и азартные игры», ощущая в них «соперника приходу с его проповедями и церковными службами» [Там же: 380]. Подобно тому как, по выражению Бахтина, «официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья» противостоял «целый необозримый мир смеховых форм и проявлений» [Бахтин 1990: 8], замку или приходу с их строгой иерархической структурой противопоставлялась таверна с ее внеклассовым устройством. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на пассаж «*Vibit hera...*» (см. далее): пьют абсолютно все, вне зависимости от половой и возрастной принадлежности или социального статуса.

Вместе с тем вторым важным слагаемым для понимания текста является слово *humus* ‘земля; прах’ во второй строке. Как и *taberna*, оно находится в сильной позиции: это первое и последнее самостоятельные слова в рифмованном двустиишии. Пока герои песни в таверне, их не заботит, «что такое прах» (*quid sit humus*). Это, с учетом народной смеховой культуры, вводит вторую важную составляющую рассматриваемой песни: ее цель — борьба со страхом смерти (что подтверждается дальнейшими словами «*Ibi nullus timet mortem*» — «Здесь никто не боится смерти»). Примером подобного эскапизма, присущего творчеству вагантов, является строчка «Исповеди» Архипииты Кёльнского (СВ191), одной из самых известных застольных песен сборника: «*Meum est propositum in taberna mori*» («Мое желание — умереть в таверне»)³.

Как отмечает Д. Парлетт, первые две строфы песни отведены экспозиции [Parlett 1986: 236]. Текст представляет собой рассказ о том, что происходит в таверне, благодаря чему он воспринимается как универсальная картина средневековой кабацкой жизни. Слушателю сообщается, что страху смерти завсегда таверны противопоставляют азартные игры. П. Г. Уолш проводит параллель между *insudamus* в «*In taberna quando sumus*» и строкой «*frigidus exterius, mentis estu sudo*» упомянутой выше «Исповеди» Архипииты [Walsh 1976: 67] (когда Архипиита проигрывает свою одежду, он «мерзнет снаружи, но рассудком потеет»). Вместе с тем *insudamus* напоминает о Быт. 3:19 — «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься». Если Адам должен в поте (*in sudore*)

³ Ср. вариацию того же мотива в песне «*Chevaliers de la table ronde*» («Рыцари круглого стола»), зафиксированную в песенных сборниках XVIII в. и исполняющуюся и поныне: «*Si je meurs, je veux qu'on m'enterre dans une cave où il y a du bon vin...*» («Если я умру, я хочу, чтобы меня похоронили в погребе с хорошим вином»).

лица возделывать хлеб и ждать смерти, то обитатели таверны не думают о грядущей участи, и потеть их заставляют вовсе не тяжкий труд, а азартные игры. Далее следует риторический вопрос, в котором таверна определяется как место, где «монета — виночерпий» (*nummus est pincerna*). Т. Лехтонен рассматривает аллегорическую фигуру Монеты (*Nummus*) в вагантской лирике как воплощение (наравне с Фортуной) земной силы в противовес силе небесной, приводя в подтверждение своих слов цитату из Евангелия от Матфея: «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24) [Lehtonen 1995: 125–127]. Таким образом, слушателю еще раз напоминают о том, что таверна — это не церковь, здесь властвует все земное, а вопросы духовного характера остаются за порогом. Из трактирного хора выделяется один голос, как бы отстраненно (в следующих строфах, вплоть до последней, используется 3-е лицо) повествующий обо всем, что происходит в таверне. Однако в конце песни этот голос, заканчивая тем же, с чего начал, — темой денег, — вновь вольтется в лирическое, гимническое «мы», чтобы завершить свою речь коллективным манифестом.

Quidam ludunt, quidam bibunt,
quidam indiscrete vivunt.
Sed in ludo qui morantur,
ex his quidam denudantur,
quidam ibi vestiuntur,
quidam saccis induuntur.
Ibi nullus timet mortem,
sed pro Baccho mittunt sortem.

Кто-то играет, кто-то пьет,
Кто-то нескромно живет,
Но из тех, кто задерживается за игрой,
Кто-то остается голым,
Кто-то приодевается,
Кто-то облачается в мешковину.
Здесь никто не боится смерти,
Зато мечут жребий за Вакха.

Первые две строки второй строфы определяют основные занятия посетителя таверны: азартные игры, пьянство и разврат. В этих же трех пороках признается и Архипиита в «Исповеди». Рассказчик предупреждает об опасности увлечься игрой и проиграться догола — это тоже свойственный лирике вагантов мотив: «игра отправляет меня голым» (*ludus corpore me dimittit nudo*, СВ191); «Из-за игры / часто голы / мои приятели» (*Causa ludi / saepe nudi / sunt mei consortes*, СВ195); «Спутники игры — ложь, ссоры, голытьба» (*Sunt comites ludi mendacia, iurgia, nudi*, СВ207). Далее в рассматриваемом тексте следует ремарка о том, что в таверне никто не боится смерти, перекликающаяся с его началом. Структурно две последние строки второй строфы совпадают со строками 2–3 первой: в обоих случаях говорится об отсутствии страха смерти, что объясняется увлеченностью игрой. Сведения, полученные из первой строфы, конкретизируются: сообщается, что игроки мечут жребий за Вакха. Последняя строка второй строфы интересна по двум причинам. Во-первых, Вакх здесь служит метафорической заменой вина (т. е. вино выступает призом за победу) [Walsh 1976: 67]. Подобный троп является поэтическим клише еще со времен античности (можно вспомнить, например, 27-е стихотворение Катулла, «Мальчик, распорядись фалерном старым»). В христианскую эпоху, однако, вино стало обозначать кровь Христа. Называя вино Вакхом, певец, возможно, обыгрывает обряд причастия: выпивая вино, посетители таверны вкушают не Христа, а Вакха. Во-вторых, под метанием жребия, вероятно, может пониматься любая игра; эта формулировка скорее отсылает слушателя к Священному Писанию, чем обозначает конкретное действие. «Mittere

sortem» — это аллюзия на Библию, жребий (*sors*) метали римские солдаты, разыгрывая одежды Христа (ср. Мф. 27:35: «diviserunt vestimenta eius sortem mittentes» — «распявшие же Его делили одежды Его, бросая жребий»). Таким образом, игроки в своем грехе уподоблены распявшим Спасителя.

Primo pro nummata vini;
ex hac bibunt libertini.
Semel bibunt pro captivis,
post haec bibunt ter pro vivis,
quater pro Christianis cunctis,
quinquies pro fidelibus defunctis,
sexies pro sororibus vanis,
septies pro militibus silvanis.

Octies pro fratribus perversis,
novies pro monachis dispersis,
decies pro navigantibus,
undecies pro discordantibus,
duodecies pro paenitentibus,
tredecies pro iter agentibus.
Tam pro papa quam pro rege
bibunt omnes sine lege.

Во-первых, за грошовое вино,
Которое пьют освобожденные.
Разок пьют за заключенных,
После этого пьют, в третий раз, за живых,
В-четвертых, за всех христиан,
В-пятых, за праведных покойников,
В-шестых, за суетных сестер,
В-седьмых, за лесных рыцарей,

В-восьмых, за братьев-отступников,
В-девятых, за бродячих монахов,
В-десятых, за плавающих в море,
В-одиннадцатых, за ссорящихся,
В-двенадцатых, за кающихся,
В-тринадцатых, за тех, кто в пути.
Как за папу, так и за короля
Пьют все без разбора.

После двух строф экспозиции следуют две строфы с тостами. Хотя всего произносится 15 тостов, два из них — за короля и за папу — стоят особняком и служат скорее дополнением к основному перечню. Таким образом, с помощью счета внимание слушателя акцентируется на числе 13, имеющем отрицательные коннотации в христианской культуре: в евангельском эпизоде Тайной вечери среди тринадцати собравшихся (двенадцать апостолов и Христос) был Иуда, предавший Мессию. Сам перечень тех, за кого пьют, тоже не случаен. Уолш отмечает, что список из третьей и четвертой строф «In taberna quando sumus» частично соответствует перечню из *Missale Romanum* (Римского миссала), где в разделе «Вотивные мессы» (*Missae Votivae*) и в приложенных к ним «Различных молитвах» (*Orationes diversae*) можно найти мессы «За живущих на чужбине и путешествующих» (*Pro peregrinantibus et iter agentibus*) и «В поминовение всех верных почивших» (*In commemoratione omnium fidelium defunctorum*), молитвы «За заключенных в темнице или находящихся в плену» (*Pro constituto in carcere vel in captivitate*), «За здоровье живых» (*Pro salute vivorum*), «За плавающих в море» (*Pro navigantibus*), «За недругов» (*Pro inimicis*; ср. «undecies pro discordantibus»), «За публично кающихся» (*Pro publice paenitentibus*) [Walsh 1976: 67]. В том же разделе Миссала находятся молитвы «За папу» (*Pro papa*) и «За короля» (*Pro rege*) [Missale 1962: 291]. Таким образом, пародируется христианская литургия: если в церкви за этих людей произносят молитвы, то в таверне — тосты.

Первый тост — «pro nummata vini, ex hac bibunt libertini». Д. А. Трейлл переводит *nummata vini* как «тот, кому оплачивать счет за вино» [Traill 2018: 303]. В переводе О. А. Добиаш-Рождественской этот тост звучит как «за само вино» [Dobiash-Rozhdestvenskaia 1931: 202], а Уолш трактует *nummata* как «грошовый» [Walsh 1976: 67], что, по всей видимости, ближе всего к исти-

не, так как в словаре Я. Ф. Нирмайера одно из значений *nummata* — «товар, который можно купить на один грош» [Niermeyer 1976: 724]. Таким образом, первый тост — за вино, которое можно купить за одну монету (т. е. самое дешевое) и которое пьют освобожденные. П. Рейни видит в этом своеобразную игру — за вино на одну монету пьют это самое вино («ex has») [Raineу 1993: 62]. Слово *libertini* ‘освобожденные’ здесь использовано, вероятно, не только в прямом значении (как антоним слова словом *captivi* ‘заключенные’ в следующей строке), но и метафорически. Во второй строфе упомянут Вахх, одно из имен которого — Лиэй, что в переводе с греческого значит «освобождающий» [Anthon 1871: 453]. Таким образом, *libertini* — это пьющие Вахха, освобожденные от общественных устоев, правил и предрассудков. Далее следуют тосты за заключенных, за живых, за всех христиан и за праведных покойников. Шестой тост — «pro sororibus vanis». Гаспаров переводит это словосочетание как «девки совращенные» [Гаспаров 1975: 71], Уолш полагает, что это может означать «суетные монахини» [Walsh 1976: 68], Трейлл и Добиаш-Рождественская переводят его как «безрассудные сестры» и «безрассудные девы» соответственно [Traill 2018: 302; Dobiash-Rozhdstvenskaia 1931: 202]. Трейлл отмечает и довольно очевидную параллель между «sogores vanae» и «fratres perversi» и предполагает, что речь идет о бродячих нищенствующих монахинях и монахах. При этом он допускает, что в таком случае песня была написана после 1210 г., когда папа утвердил первый нищенствующий орден францисканцев, что делает ее самой поздней из датированных песен сборника [Traill 2018: 688–689]. В переводе Гаспарова «fratres perversi» — «братья блудные» [Гаспаров 1975: 71], а Уолш пишет, что *perversus* значит «отвертывшийся от религии», антоним «новообращенного» [Walsh 1976: 68]. С учетом этого толкования наиболее уместной интерпретацией слова *vanus* в данном контексте действительно становится «суетный», «мирской»: пьют за братьев, отступивших от веры, и за сестер, заботящихся о мирском вместо небесного. Говоря о тосте «pro monachis dispersis», Уолш замечает, что жизнь монаха — в монастыре, а монах «dispersus», таким образом, — монах бродячий, т. е. такой же отступник от религиозных правил, как суетные сестры и отвертывшиеся братья [Ibid.: 68]. Парлетт пишет, что все эти категории отступников (братья, сестры и монахи) описаны в песне СВ219, более известной как «Чин голиардский» [Parlett 1986: 239]. Тем не менее мы считаем, что в этой песне столь явных параллелей рассматриваемому нами тексту нет (разве что в ней упоминается «monachus cum gasa sogona» — «монах с выбритой тонзурой»), хотя лейтмотив обоих текстов схож: как в таверне пьют не только за благочестивых христиан, но и за разного рода отступников, так и Голиардский орден принимает всех, включая тех, «кого благочестивые монахи толкают за ворота» (quos devoti monachi dimittunt extra fores). Источником такого представления о равенстве людей различных профессий, возрастов, полов и т. д. могут быть цитаты из посланий Павла, например, Гал 3:28 или Кол 3:11⁴. И братья Голиардского ордена, и обитатели таверны равны между собой так же, как равны все люди во Христе.

⁴ Гал 3:28: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»; Кол 3:11 «...где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос».

Последние шесть тостов — за плавающих в море, за ссорящихся, за кающихся, за тех, кто в пути, за папу и за короля — соответствуют, как было показано Уолшем [Walsh 1976: 67], некоторым мессам и молитвам из Миссала.

Если третья и четвертая строфы были посвящены перечислению тех, за кого выпивают в таверне, то пятая и шестая являют собой уже список тех, кто, собственно, пьет:

Bibit hera, bibit herus,
bibit miles, bibit clerus,
bibit ille, bibit illa,
bibit servus cum ancilla,
bibit velox, bibit piger,
bibit albus, bibit niger,
bibit constans, bibit vagus,
bibit rudis, bibit magus.

Пьет хозяйка, пьет хозяин,
Пьет рыцарь, пьет клирик,
Пьет тот, пьет та,
Пьет раб с рабыней,
Пьет проворный, пьет ленивый,
Пьет белый, пьет черный,
Пьет оседлый, пьет бродячий
Пьет невежда, пьет ученый,

Bibit pauper et aegrotus,
bibit exul et ignotus,
bibit puer, bibit canus,
bibit praesul et decanus,
bibit soror, bibit frater,
bibit anus, bibit mater,
bibit ista, bibit ille,
bibunt centum, bibunt mille.

Пьет бедняк и больной,
Пьет изгнанный и прощенный,
Пьет мальчик, пьет седой,
Пьет епископ и декан,
Пьет сестра, пьет брат,
Пьет старуха, пьет мать,
Пьет та, пьет тот,
Пьют сотня, пьют тысяча.

Существует ошибочное мнение, что этот пассаж пародирует гимн «Lauda Sion» Фомы Аквинского (об этом пишет, к примеру, Д. А. Симондс [Symonds 2001: 133]). Между текстами действительно прослеживается четкая параллель: строки Аквината «Sumit unus, sumunt mille, / quantum isti, tantum ille» («Вкушает один, вкушают тысяча, / как тот, так и этот») очень похожи на строки «Bibit ista, bibit ille, / bibunt centum, bibunt mille», а строка Фомы «Sumunt boni, sumunt mali» («Вкушают хорошие, вкушают плохие») вообще ассоциируется со всем этим пассажем (строфы 5–6). Уолш, однако, справедливо отмечает, что «Lauda Sion» был написан позже (в 1264 г.), чем анализируемый текст, и поэтому не может являться его источником. Пытаясь объяснить подобное сходство, он предполагает, что это «форма, характерная для силлабики» [Walsh 1976: 68], однако это объяснение выглядит неубедительно, так как сходство существует не только на ритмическом, но также на лексическом и смысловом уровнях (в одном случае речь идет о распитии вина, а другом — о вкушении причастия). В другой работе, посвященной латинской гимнографии, Уолш допускает, что у «Lauda Sion» и «In taberna quando sumus» был общий источник [Walsh, Husch 2012: 497]. На наш взгляд, такое предположение возможно, однако пока этот общий источник найден не был.

Итак, первые в списке пьющих — хозяйка и хозяин. Учитывая, что действие происходит в таверне и что первый тост был за вино, можно предположить, что речь идет о хозяйке и хозяине этой самой таверны. Следом за ними идут рыцарь и клирик, чьи образы часто противопоставлялись (например, СВ92 посвящена спору рыцаря и клирика о том, кто из них лучший лю-

бовник) [Raineу 1993: 64]. Еще одна антонимичная пара — белый и черный. Между тем в классической латыни слова *albus* и *niger* не являются общепринятыми антонимами (противоположностью *albus* скорее будет *ater*, а противоположностью *niger* — *candidus*). Тем не менее исключения встречаются, и одно из самых известных — стих Мф. 5:36, где говорится, что «non potes unum capillum album facere aut nigrum» («не можешь ни одного волоса сделать белым или черным») [Lewis, Short 1879: 81], что подтверждает трактовку Рейни, которая предполагает, что «белый» и «черный» в данном контексте может означать «светловолосый» и «темноволосый» [Raineу 1993: 64]. *Albus* и *niger* могут образовать пару и по другому принципу — в отличие от *ater* и *candidus*, они обозначают также оттенки кожи (бледный и смуглый) [Дворецкий 1976: 54, 670]. Еще одну пару значений, характерных для средневековой латыни, можно найти в словаре Нирмайера, согласно которому *albus* может означать монаха-августинца [Niermeyer 1976: 33], а *niger* — монаха-бенедиктинца [Ibid.: 717].

Таким образом, в средневековой таверне, как и в средневековом карнавале, уничтожается любая иерархия: пьют люди обоих полов, различных социальных положений (хозяин, хозяйка, слуга, служанка), любого возраста (мальчик, старик) и т. д.

Parum durant [centum] sex nummatae
ubi sic immoderate
bibunt omnes sine meta,
quamvis bibant mente laeta.
sic nos rodunt omnes gentes,
et sic erimus egentes.
Qui nos rodunt confundantur,
et cum iustis non scribantur!

Ненадолго хватит шестисот монет там,
Где так неумеренно
Пьют все без предела,
Хотя и пьют радостно.
Пусть нас ругают все народы,
И пусть мы обнищаем,
Кто нас ругают, да смутятся
И с праведниками да не напишутся!

В последней строфе вновь возвращается лирическое «мы», что превращает ее в своего рода манифест посетителей таверны. Первую строку принято читать как «Parum durant sex nummatae», хотя в рукописи в этом месте отчетливо читается «Parum durant centum sex nummatae» (CIm 4660: fol. 88r), так что, вероятно, речь идет о шестистах монетах (здесь *nummata* является синонимом *nummus* [Du Cange 1732: col. 1248]), а не о шести. Причина, по которой издатели отдают предпочтение такому прочтению текста, понятна — в противном случае нарушается количество слогов и, соответственно, ритм строки. Однако, делая выбор в пользу этого чтения, издатель несколько искажает смысл, ведь речь идет о том, что если все пьют так неумеренно, то даже большая сумма денег будет потрачена очень быстро. Как отмечает Парлетт, последняя строфа стихотворения перекликается с первой [Parlett 1986: 237]: снова возникает тема денег.

Следующая строка тоже является темным местом. В рукописи читается «ubi ipsi immoderate» (CIm 4660: fol. 88r), однако фраза не имеет смысла, поэтому вслед за Р. Пайпером ее традиционно читают «ubi sic immoderate» [Walsh 1976: 69]. Таким образом, сообщается, что шестьсот монет быстро исчезнут, если все пьют в таких количествах, хотя пьют при этом «mente laeta», т. е. радостно, что вновь напоминает о борьбе со страхом смерти. В последних

строках говорится, что пьяниц, «нас», ругают «все народы» и что «мы» обнищаем (это перекликается с первой строкой строфы). В «omnes gentes» Уолш усматривает отсылку на Пс. 46:2 («omnes gentes, plaudite manibus» — «восплещите руками все народы») [Ibid.: 69]. Последние две строки — это проклятие и вместе с тем дословная цитата из Пс. 68:29 («deleantur de libro viventium et cum iustis non scribantur» — «да изгладятся они из книги живых и с праведниками да не напишутся»), что отмечают многие комментаторы [Walsh 1976: 69; Traill 2018: 689; Bayless 1996: 95]. В этом же псалме есть стих 13 («adversum me exercebantur qui sedebant in porta et in me psallebant qui bibebant vinum» — «о мне толкуют сидящие у ворот, и поют в песнях пьющие вино»), т. е. если в библейском тексте гонителями были в том числе пьющие вино, против которых отчасти и звучало это прошение, то в данном случае происходит смена ролей: теперь это проклятие направлено против тех, кто ругает пьющих вино.

Можно сделать вывод, что песня «In taberna quando sumus» содержит элементы так называемой *parodia sacra*, которая обыгрывает некоторые ритуалы христианского богослужения (в частности, обряд причастия), а также ряд фрагментов Священного Писания. М. Бэйлесс пишет, что пьянство — идеальный порок для литературной игры, так как, в отличие от других грехов (например, праздности), оно подразумевает обращение к множеству повседневных практик и обычаев [Bayless 1996: 94]. Таким образом, питейные литургии создают особую версию мира — мир пьяниц, в котором застольно-комедийная иконография заменяет христианскую [Ibid.: 98]. Так, в нашем тексте таверна — это церковь пьяниц, где всем вместо Господа заправляют деньги. В таверне, вместо того чтобы усердно трудиться, развратничают, кидают жребий, подобно римским солдатам, пьют, при этом литургическое вино заменяется профанным, а место Христа занимает Вахх. В таверне выпивают за людей, вместо того чтобы молиться за них, причем ясно и четко выделяют 13 тостов. Список пьющих разнороден, пьют все «без разбора» (*sine lege*), ведь в таверне, в отличие от церкви, иерархии не существует, а тех, кто посмеет ругать этих веселых пьяниц, ждет та же кара, что и врагов царя Давида.

Вместе с тем не следует думать, что «In taberna quando sumus» — это сатирическое переосмысление евхаристической гимнографии. Анализируя подобные тексты, важно помнить замечание Бахтина: «Специфическая природа народного смеха воспринимается совершенно искаженно, так как к нему прилагают совершенно чуждые ему представления и понятия о смехе, сложившиеся в условиях буржуазной культуры и эстетики Нового времени» [Бахтин 1990: 8]. Этот смех — древний по своей природе, дуалистичный, снижающий и возвышающий одновременно. Перед нами не просто кощунственная песня, кажется уместным предположить, что само по себе легитимное существование подобного юмора в Средневековье возможно лишь по двум причинам: 1) непогрешимость объекта, который он высмеивает (в данном случае это Церковь и христианское учение) абсолютна, никто даже не думает о том, что пародия может как-либо повредить его репутации; 2) этот объект вызывает страх, для преодоления которого и создаются подобные тексты.

Человека во все времена страшила неизвестность, ожидающая его после смерти: Страшный суд, чистилище, рай, ад. Мысли о собственной смертности и быстротечности времени ужасают, единственным спасением становится

забвение в веселье, ведь только «когда мы в таверне, мы не заботимся о том, что такое прах». Игры, вино, радостное опьянение и сложенные в честь этого песни — вот что помогало средневековому человеку временно забыть о тяготах жизни и о неминуемо грядущей смерти. «In taberna quando sumus» контекстуально вписывается в широкий круг текстов, *parodiae sacrae*, характерных для искусства и — шире — культуры западноевропейского Средневековья.

Источники

Clm 4660 — Clm 4660. Munich, Bayerische Staatsbibliothek.

Missale 1962 — *Missale Romanum. Novum Eboracum*: Benziger Brothers Inc., 1962.

Словари

Дворецкий 1976 — *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976.

Anthon 1871 — *A new classical dictionary of Greek and Roman biography, mythology and geography* / Rev. by C. Anthon. New York: Harper and Brothers, 1871.

Du Cange 1732 — *Du Cange C.* Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. T. 4. Parisium: [s. l.], 1732.

Lewis, Short 1879 — *Lewis C. T., Short C.* A Latin dictionary. Oxford: The Clarendon Press, 1879.

Niermeyer 1976 — *Niermeyer J. F.* Mediae Latinitatis Lexicon Minus. Leiden: Brill, 1976.

Литература

Бахтин 1990 — *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990.

Гаспаров 1975 — *Поэзия вагантов* / Подгот. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1975.

Ле Гофф 2005 — *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.

Bayless 1996 — *Bayless M.* Parody in the Middle Ages: The Latin Tradition. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1996.

Dobiash-Rozhdstvenskaia 1984 — *Les poésies des Goliards* / Trad. par O. A. Dobiash-Rozhdstvenskaia. Paris: Les éditions Rieder, 1931.

Lehtonen 1995 — *Lehtonen T.* Fortuna, money, and the sublunar world: Twelfth-century ethical poems and the satirical poetry of the Carmina Burana. Helsinki: Finnish Historical Society, 1995.

Parlett 1986 — *Parlett D.* Selections from the Carmina Burana: A verse translation. London: Penguin Books, 1986.

Rainey 1993 — *Rainey P.* Medieval Latin lyric. Vol. 3. Bryn Mawr: Bryn Mawr College, 1993.

Schaller 1983 — *Schaller D.* Carmina Burana // *Lexikon des Mittelalters*. Bd. 2. München; Zürich: Artemis-Winkler, 1983. S. 1512–1515.

Symonds 2001 — *Symonds J. A.* Wine, women and song: Students' songs of the Middle Ages. Mineola, N. Y.: Dover Publications, 2001.

Traill 2018 — *Carmina Burana*. Vol. 2 / Ed. and trans. by D. Traill. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2018.

Walsh 1976 — *Walsh P. G.* Thirty poems from the Carmina Burana. London: Bloomsbury Academic, 1976.

Walsh 2012 — *One hundred Latin hymns. Ambrose to Aquinas* / Ed. and trans. by P. G. Walsh, C. Husch. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2012.

References

- Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renesansa* [Rabelais and his world]. Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).
- Bayless, M. (1996). *Parody in the Middle Ages: The Latin tradition*. The Univ. of Michigan Press.
- Dobiash-Rozhdestvenskaia, O. A. (Trans.) (1931). *Les poésies des Goliards*. Les éditions Rieder. (In French).
- Gasparov, M. L. (Ed.). (1975). *Poeziia vagantov* [Poetry of goliards]. Nauka. (In Russian).
- Le Goff, J. (2005). *Tsivilizatsiia srednevekovogo Zapada* [Trans. from Le Goff, J. (1984). *La civilisation de l'Occident médiéval*. Arthaud]. U-Faktoriia. (In Russian).
- Lehtonen, T. (1995). *Fortuna, money, and the sublunar world: Twelfth-century ethical poetics and the satirical poetry of the Carmina Burana*. Finnish Historical Society.
- Parlett, D. (1986). *Selections from the Carmina Burana: A verse translation*. Penguin Books.
- Rainey, P. (1993). *Medieval Latin lyric* (Vol. 3). Bryn Mawr College.
- Schaller, D. (1983). *Carmina Burana*. In *Lexikon des Mittelalters* (Vol. 2, pp. 1512–1515). Artemis-Winkler. (In German).
- Symonds, J. A. (2001). *Wine, women and song: Students' songs of the Middle Ages*. Dover Publications.
- Traill, D. (Ed.). (2018). *Carmina Burana* (Vol. 2). Harvard Univ. Press.
- Walsh, P. G. (Ed., Trans.) (1976). *Thirty poems from the Carmina Burana*. Bloomsbury Academic.
- Walsh, P. G., & Husch, C. (Trans., Eds.). (2012). *One hundred Latin hymns. Ambrose to Aquinas*. Harvard Univ. Press.

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Наталья Михайловна Долгорукова
кандидат филологических наук, PhD
доцент, Школа филологических наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая,
д. 11
Тел.: +7 (495) 771-32-32
✉ natalia.dolgoroukova@gmail.com

Natalia M. Dolgorukova
Cand. Sci. (Philology), PhD
Docent, School of Philological Studies,
National Research University Higher School
of Economics
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya Str.,
11
Tel.: 8 (495) 771-32-32
✉ natalia.dolgoroukova@gmail.com

Ксения Вадимовна Бабенко
студентка, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая,
д. 11
Тел.: +7 (495) 771-32-32
✉ ksieniya.babenko@gmail.com

Kseniia V. Babenko
Student, National Research University
Higher School of Economics
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya Str.,
11
Tel.: +7 (495) 771-32-32
✉ ksieniya.babenko@gmail.com

Г. В. Зыкова^a

ORCID: 0000-0002-1453-2791
✉ gzykova@mail.ru

Е. Н. Пенская^b

ORCID: 0000-0003-2469-584X
✉ e.penskaya@gmail.com

^a Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

^b Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

«ДЕТСКИЙ СЛУЧАЙ» ВСЕВОЛОДА НЕКРАСОВА В ПАМЯТИ СВИДЕТЕЛЯ

Аннотация. «Детский случай» (2008) — последняя прижизненная книга Вс. Н. Некрасова. Книга включает стихи разных лет, от самых ранних (конец 1950 х — начало 1960 х годов) до текстов, дописывавшихся, когда корректура уже вычитывалась, и потому может быть воспринята как «служба литературной памяти», программный жест. Поскольку читатель воспринимает книгу как целостное произведение, представляется существенным уточнить особенности истории ее создания, повлиявшие на ее характер. Уточнения, составляющие предмет статьи, опираются на воспоминания ее авторов и материалы, сохраненные Е. Н. Пенской. В составлении книги участвовали жена поэта А. И. Журавлева, С. В. Митурич (глава издательства «Три квадрата») и Е. Н. Пенская. Митурич предложил структуру, отчасти реализованную в издании; Журавлева и Пенская влияли на отбор стихов, пытались адресовать книгу по возможности широкой, в том числе детской аудитории; были устранены подчеркнута «взрослые» стихи. «Детский случай» стал плодом коллективной работы, к результату которой у Некрасова было непростое отношение. В статье приводится первоначальный авторский план книги. Его неочевидная художественная логика, связанная как с существенными особенностями поэтики Некрасова, так и с некоторыми важными принципами построения авторской поэтической книги XX в., еще должна стать предметом филологического осмысления.

Ключевые слова: Вс. Н. Некрасов, текстология поэтического сборника, композиция поэтического сборника, авторство, воспоминания

Для цитирования: Зыкова Г. В., Пенская Е. Н. «Детский случай» Всеволода Некрасова в памяти свидетеля // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 211–238. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-211-238>.

Статья поступила в редакцию 10 октября 2020 г.
Принято к печати 15 декабря 2020 г.

G. V. Zykova ^a

ORCID: 0000-0002-1453-2791

✉ gzykova@mail.ru

E. N. Penskaya ^b

ORCID: 0000-0003-2469-584X

✉ e.penskaya@gmail.com

^a *Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)*

^b *National Research University
Higher School of Economics (Russia, Moscow)*

“CHILDREN’S CASE” BY VSEVOLOD NEKRASOV IN THE MEMORY OF A WITNESS

Abstract. The collection of poems “Children’s Case” (2008) is the last book by Vsevolod Nekrasov published during his lifetime. It has a special status within Nekrasov’s legacy, including as it does poems from various periods: from the earliest (late 1950s — early 1960s) to texts that were finalized when the proofs were being checked. “Children’s Case” can be viewed as “a service of literary memory”, perceived as a deeply meaningful gesture. Since the reader naturally perceives this book as an integral work by Nekrasov himself, it seems essential to clarify certain features of the history of its creation that directly influenced its character and possible audience. These clarifications, which constitute the subject matter of the article, are made on the basis of personal memories of its authors and materials preserved in the personal archive of one of the authors, E. N. Penskaya. The book was compiled with the active participation of the poet’s wife, A. I. Zhuravleva, as well as S. V. Miturich (head of the “Three Squares” publishing house) and E. N. Penskaya. Miturich proposed a structure that was partly implemented in the publication. Zhuravleva and Penskaya influenced the selection of the poems, seeking to aim the book at the widest audience possible, including children; compared to the author’s original plans, some obviously “adult” poems were removed. The book was thus the fruit of teamwork, and Nekrasov had mixed feelings about the result (as manifested in interviews given after the book was published, and also in notes preserved in Nekrasov’s personal archive).

The article presents the poet’s original plan for the book. Its subtle artistic logic, that is connected not only with essential features of Nekrasov’s poetics, but also with some important principles of construction of authorial poetic books in the 20th century, is described here in the most general terms and is yet to become the subject of philological reflection.

Keywords: Vs. Nekrasov, textual criticism of the poetry collection, composition of the poetry collection, authorship, memories

To cite this article: Zykova, G. V., & Penskaya, E. N. (2021). “Children’s Case” by Vsevolod Nekrasov in the memory of a witness. *Shagi / Steps*, 7(1), 211–238. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-211-238>.

Received October 10, 2020

Accepted December 15, 2020

Последний прижизненный сборник стихов Всеволода Некрасова «Детский случай» [Некрасов 2008a] имел сложную историю; хотя посторонний наблюдатель неизбежно воспринимает эту книгу как смысловое единство, произведение Некрасова, к выбору стихотворений и композиционным решениям здесь имел отношение не только сам поэт. Авторам этой статьи — не только свидетелям, но в некоторой степени и участникам процесса, — представляется нужным описать эту относительно недавнюю историю; она поясняет, между прочим, представления Некрасова о природе поэтической книги и о ее возможной структуре, а также о пределах, в которых поэт был готов передоверить составление такой книги другим людям (случай в истории прижизненных публикаций Некрасова не единственный).

О сборнике писали немного: нам известны две рецензии [Осипова 2008; Степанов 2008] и упоминания в статье, непосредственно посвященной не самой этой книге, а представлениям Некрасова о поэзии для детей и его взаимоотношениям с советской детской литературой [Сухотин 2011]; сам «Детский случай», заметим сразу, — не вполне книга для детей.

Книга задумывалась в ноябре — декабре 2007 г. Среди поводов для ее выпуска можно назвать, например, юбилеи: жене Некрасова Анне Ивановне Журавлевой¹ исполнилось в 2008 г. 70 лет, а в 2009 — 75 лет Некрасову; идея подарка обсуждалась и была поддержана Э. В. Булатовым, художником и старым другом Некрасова. Но для Некрасова важнее оказывались совсем другой «юбилей» и другая «память»: 50 лет его отсутствия в литературе, детской в частности. И вокруг этого отрицательного юбилея им строился «Детский случай». Сам Некрасов придумал это название для книги, которую он считал предъявлением того, что сделано им в детской литературе.

При этом едва ли не основная роль в практическом составлении сборника, в отборе и расположении текстов — и это выяснялось по мере того, как продвигалась работа, — принадлежала Журавлевой, давно мечтавшей о чисто лирической книге, которая включала бы, условно говоря, пейзажную лирику или «стихи о путешествиях»².

С. В. Митурич, главный редактор издательства «Три квадрата», готовил книгу к выпуску и трижды ее переверстывал, учитывая противоречивые поже-

¹ Филологу, профессору Московского университета, учителю нас обеих.

² Последний замысел был отчасти реализован уже после смерти Журавлевой и Некрасова, см.: [Некрасов 2013b].

лания и намерения автора. Г. О. Павловский полностью финансово поддержал весь сложный процесс.

Работа над книгой проходила в несколько этапов: Некрасов менял ее текст и на стадии верстки, и даже на стадии типографской печати, менял и композицию, и принципы оформления текстов (в частности, знаки препинания, прописные и строчные буквы в начале строк, межстрочные интервалы).

Первоначальный состав книги отличался от того, что было опубликовано в итоге (см. приложение).

Корпус, предложенный Некрасовым еще до того, как его стали изменять другие составители, отвечал намерению поэта сохранить принципиальную бесструктурность. С самого начала для Некрасова в будущей книге определялись два главных «ядра»: «Стихи о всякой, любой погоде»³ и стихи о художниках. Стихи Некрасов собирался сопроводить вклейкой с репродукциями работ (О. Я. Рабина, Э. В. Булатова, О. В. Васильева, Ф. Инфанте) из его коллекции⁴.

Еще на ранней стадии обсуждения Некрасов в устном разговоре с Е. Н. Пенской сформулировал свое отношение к тому, как должна быть устроена поэтическая книга (и не только конкретный «Детский случай», а именно поэтическая книга вообще):

Как только читателю померещится хоть какой-то намек на композицию, возникнет ожидание привычной последовательности стихов, тогда — дело дрянью⁵.

Это очень важный принцип, многое объясняющий в логике авторского плана книги, не вполне воплотившегося в том, что оказалось издано; насколько нам известно, так ясно (да и вообще как бы то ни было) об этом Некрасов больше никогда не говорил (и можем уверенно утверждать, что не писал).

Скептически относясь к наглядно проявленной композиции (отчетливости тематического отбора?), поэт предлагал свой проект — без логически последовательно обозначенных разделов и очевидного принципа, который объединял бы вошедшие в книгу стихи разных лет (при этом хронологический принцип расположения стихов, вообще Некрасову не чуждый, см., например: [Некрасов 2002], соблюдать не предполагалось); не анализируя здесь авторский проект книги детально, приводим его в приложении.

³ «Стихи о всякой, любой погоде» — составленная Некрасовым книга его стихов (конец 1950-х — 1970-е), предложенная им в издательство «Детская литература» в середине 1970-х годов. «Стихи о всякой, любой погоде» в начале 1980-х годов с небольшими изменениями и дополнениями составили третий блок авторского канонического свода [Некрасов 2012]; в версии середины 1970-х воспроизведены в [Некрасов 2013а]; в архиве автора сохранились как самодельная книжечка, переплетенная Дмитрием Ивановичем Журавлевым, дядей Анны Ивановны.

Из 77 предложенных Некрасовым стихотворений в редакции «Детской литературы» было отобрано и представлено рецензентам 28 текстов; в 1977 г. появилась отрицательная внутренняя рецензия Б. А. Бегака, писавшего о «бестактности» автора, не учитывающего «общепринятый переносный смысл слова ОКТЯБРЬ» (цитату из этого отзыва Некрасов ввел как сноску в новую редакцию «Стихов про календарь», см., например: [Некрасов 2012]). Во многом из-за этого отзыва книга издана не была (или Бегаку заказали именно такой отзыв, который однозначно мотивировал бы отказ от издания).

⁴ Так же устроено и издание [Некрасов 2002].

⁵ Из разговора, записанного Е. Н. Пенской 11 февраля 2008 г.

Основа композиции этого проекта — не объединяющая «тема», а лейтмотивы, лексические и даже фонетические:

Что такое речевой мини-цикл из двух-трех стихотворений, иногда подряд — как «Ока Москва одна река», «Ока река // фантастика»⁶ или «изо всех нас / и за всех / одна сосна», «сосны / и ничего / страшного», иногда вразбивку? Это обыкновенный случай, скорее графический, ритмический, когда у события речи возникает желание продолжиться, досказать, уточнить, дополниться⁷.

Многие из мини-циклов, из которых Некрасов складывал свою последнюю книгу, формировались десятилетиями и присутствуют, например, в авторском своде, сложившемся к началу 1980-х (в том числе и цикл про Оку — Прилуки, куда в начале 1960-х Некрасов приезжал погостить к В. Н. Немухину)⁸.

Некрасов видит причины и следствия соседства конкретных стихотворений и то, как речевой жест — конкретный, вот этот — отзовется еще и в других стихотворениях книги и тем самым сделает их необходимыми⁹. Мини-циклы, по словам Некрасова,

...держатся неизрасходованным материалом и запасом речевого ритма. Этот запас может не сразу проявиться. Он обнаруживается, например, спустя какое-то время... Стихи эти возникали по-разному, но вот в такой компоновке полезны для читателя и готовы продемонстрировать остановки, перерывы, паузы, их новые возможности и рисунков. «Детский случай» образовался еще в Лианозове, прояснял себя именно в Лианозове. Евгений Леонидович Кропивницкий учил технике пробела, учил наглядно, как снимать условные границы в стихах. Для такого бесциклового цикла, цикла без границ образцом был Рабин на показах, предлагавший зрителю одну картину за другой. И это была как бы одна длящаяся картина. Без перерывов, без разделений, без границ. Так и я видел. «Детский случай» — соединение всего. Здесь пригодились считалки, пейзажные картинки. И всё-всё. Получается такое длинное, длящееся стихотворение, разматываемое, как клубок¹⁰.

⁶ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, одинарный слеш означает одинарный межстрочный интервал, большее количество слешей — двойной, тройной и пр. межстрочные интервалы.

⁷ Из разговора, записанного Е. Н. Пенской 11 февраля 2008 г.

⁸ Добавим, что в архиве Некрасова сохранились следы попыток составить циклы из некоторых текстов, входивших в авторский свод 1956–1983 гг.; при этом использовались машинописные «четвертушки» листа — те, что были отпечатаны в начале 1980-х годов для авторского свода стихов (соответственно сами попытки циклизации можно датировать временем не раньше 1982–1983 гг.); листочки нумеровались; циклизация осуществляется по очевидно тематическому принципу (и отчасти по формальному): есть, например, стихи, объединенные, скажем так, лексемой *Бог*; публиковать эти циклы (не сами стихи, а определенную их последовательность) Некрасов, насколько нам известно, не пытался.

⁹ Рискнем предположить, что здесь, видимо, проявились те особенности композиционного мышления Некрасова, которые обусловили незавершенность (действительную, не кажущуюся, не «образ незавершенности») его больших поэтических текстов 1990–2000-х годов (некоторые из них см. в [Некрасов 2013а]).

¹⁰ Из разговора, записанного Е. Н. Пенской 11 февраля 2008 г.; так Некрасов комментировал стихи, предназначенные для «Детского случая», когда передавал их тексты Е. Н. Пенской.

Высказывание Некрасова о «технике пробела», которой, по его словам, учил Евгений Леонидович Кропивницкий, о том, что Кропивницкий «учил (...) снимать условные границы в стихах», для нас, признаемся, не вполне ясно, если судить о Кропивницком (как мы только и можем делать сейчас) по письменной его практике, по циклам стихов, зафиксированных в машинописи (см.: [Кропивницкий 2004]): стихи в таких циклах у Кропивницкого как раз представляются вполне традиционно объединенными и тематически, и формально. Возможно, Некрасов опирается здесь на какой-то другой опыт общения с Кропивницким (чтения вслух? разговоры?). Гораздо понятнее то, что показы картин у Рабина Некрасов вспоминает как акцию, демонстрацию «одной длящейся картины»; возможно, именно так Некрасов действительно воспринимал происходившее в Лианозове в начале 1960-х, но, возможно, на воспоминания о прежних впечатлениях здесь повлиял более поздний опыт демонстрации серий Кабакова. Об этих сериях Некрасов писал в конце 1980-х:

Кабаков, например, чертит идиотскую рамочку, форматочку, в левом верхнем углу, аккуратно, по прописи пишет слово *Небо* и проводит по краю рамочки легкую горизонталь — и всё, и на это, кстати, можно смотреть (...) до моего <т. е. из коллекции Некрасова>¹¹ неба было такое же, но с точками, в которые превращались улетающие от зрителя авиаторы — предположим, Сидоров и Ковалев. При том что на предыдущем листе они гляделись еще птичками. А после будет «небо», лишенное даже и синей полоски. А затем — и без надписи: пустая рамка. И, наконец, без всякой рамки, без ничего, лист и лист, который, представьте, тоже, однако, как-то смотрится, имеет место в ряду других, перелистываемых при демонстрации «альбома» (на самом деле альбом — это папка). Хоть на стенку уж совсем пустой лист, даже вышедший из мастерской Кабакова, кажется, никто все-таки не вешал... Так, последовательно доведя до нуля чисто художественный материал, художественные средства воздействия, полного нуля воздействия, нуля искусства = *безразличия*, однако, не достигли [Некрасов 2020].

Отсутствие разделов и перерывов/границ, по мысли Некрасова, должно было обеспечить единство и незавершенность текста, а кроме того, дать возможность аудитории стать в каком-то смысле соавтором объекта: неочевидность связей между текстами заставляет воспринимающего искать их самому. Некрасов словно бы предлагает для известного и неоднократно опубликованного материала новые ракурсы и точки отсчета. Намеренное отсутствие композиционной стройности задает целостность другого порядка, рассчитанного на включение читателя/зрителя в процесс рождения отдельного текста, а затем его вхождения в книгу, — включенность не столько как наблюдателя, а и как участника и в каком-то смысле помощника, давшего согласие принять стилевой и тематической разброс. Между читателем/зрителем и автором отсутствует дистанция, иерархия. Читатель — там же, где и автор: не снаружи, а внутри. И запас речи, не израсходованный в одном стихотворении, реализуется в другом, следующем.

¹¹ Примечание в публикации.

В первой некрасовской версии книга открывалась ранним стихотворением, отдельные строки которого могут быть поняты как формула ее композиции («чутьем... течем»):

Молчу
молчи

Молчу
молчи

Чутьем чутьем

Течем течем

Я думал мы о чем молчим

А мы молчали

Вот о чем

Потом шел раздел «Художники» с лианозовским — «домашним» — посвящением: «Евгению Леонидовичу [Кропивницкому] и Ольге Ананьевне [Потаповой]» (только имена, без фамилий). Так же подавал эти стихи Некрасов и раньше¹², объясняя:

Потому что все знают, кто такие, — родоначальники. Учителя. И родители этой книги тоже. В этом есть что-то школьное. Семейное. И начало начал — в Лианозове¹³.

Раздел «Художники» как целое с соответствующим названием долго сохранялся на разных стадиях книги, но в конце концов исчез, подчиняясь некрасовской логике построения:

Параллельный, одновременный ход. Как на лыжах. Чтобы стихи о художниках были рассыпаны по всему полю книги, а не сосредоточены где-то... Стихи о художниках повсюду¹⁴.

Альтернативный план, предложенный Митуричем и детализированный Журавлевой и Пенской, появился как реакция на «хаотический» план Некрасова; и Митурич, и Журавлева надеялись, что книга сможет быть доступна сравнительно широкой (в том числе и детской) аудитории; между тем ассоциативность композиции, предложенной Некрасовым, заведомо усложняла вос-

¹² См., например: [Некрасов 2002: 27].

¹³ Разговор Некрасова с Е. Н. Пенской, записанный 9 февраля 2008 г.

¹⁴ Там же. Представление о «нелинейности» как наиболее плодотворном способе организации произведения, в том числе и словесного, — представление, столь важное, как известно, для искусства XX в. вообще, — обсуждалось, например, в манифестарной статье Некрасова «Объяснительная записка» (1979–1980) (см., например: [Некрасов 1991: 38–41]).

приятие книги и могла «отпугнуть» от нее. Журавлева и Митурич видят в композиции будущей книги прежде всего крупные блоки: с предложениями этих «соавторов» связано разделение «Детского случая» на две части и не вполне удавшаяся попытка организовать одну из частей как движение по годовому кругу. Митурич на первом же этапе взял на себя роль редактора, помогал находить правильные решения, давал рекомендации, которые, с его точки зрения, могли бы способствовать успеху книги. Именно он предложил приблизительную группировку поэтических сюжетов по темам. Поскольку в сборнике отсутствует «содержание» и какой-либо навигации нет, такое упорядочивание помогло хотя бы внешне проявить контуры двух «ядер», важных для Некрасова: «сезонных» стихов и стихов о художниках.

С предложенным альтернативным планом Некрасов начал работать; некоторые эпизоды этой работы, зафиксированные в черновых версиях книги и письмах к составителям¹⁵, мы опишем ниже.

После первого проекта Некрасов предложил еще два; изначальный набор расширился незначительно, но положение текстов существенно менялось: они двигались по всему полю книги. Внимательнее всего Некрасов отнесся к началу и финалу. «Молчу / молчи» стало началом второй части; первая часть, а вместе с ней и вся книга, открывалась «Стихами про календарь». За ними шел раздел «Осень»¹⁶ (из всех времен года только осень превратилась в название раздела), менявший собственную структуру и двигавшийся по книге, но все-таки тяготевавший к ее началу (так что слово «Осень» почти превращалось во второе заглавие). В финальной версии название раздела снято.

Особенно долго достраивался финал. Решения финала — и предложенное первоначально (посвященная Сапгиру «Считалочка» «зима лето»), и данное в итоге (тоже ранняя детская считалочка¹⁷: «Это что / Это что») — оба примерялись на роль финальных текстов еще в разных версиях старого самодельного сборника «Стихи про всякую, любую погоду». Посвященная Сапгиру «Считалочка» (в «Детском случае») посвящение осталось, а название снято: обычная для Некрасова судьба названий) использована как финал первой части книги, получившей тем самым некоторую самостоятельность; позволим себе предположить, что для финала всей книги «Считалочка» не подошла потому, что обладала чрезмерной («материальной») определенностью:

Сапгиру

зима лето

зима лето

зима лето

конца нету

¹⁵ Материалы сохранились в личных архивах автора и Е. Н. Пенской.

¹⁶ «Осень» — единственный, кроме «Художников», раздел книги, определенный и названный самим Некрасовым и сохранивший свою целостность.

¹⁷ Получилось, кстати, кольцо: «Детский случай» и открывается считалками («И сентябрь / На брь», «пяты шесть»), и заканчивается считалкой. Не подчиненная слишком прямолинейной логике смены времен года, книга, однако, движется по кругу («круглого года»).

лета зимы
лета зимы

лета
легче выносимы

зима лето
зима лето

на зиме
кончать нелепо

где хочу
там кончУ

я хочу
лето

В окончательной версии книги финал (графически никак не выделенный) по существу образуют шесть стихотворений: «поживем // поглядим», «вот // а нельзя остаться», «вот // так и я», «**Вот** и год», «Бог / Вот», «Это что». Некоторые из них, совсем не «детские», прямо говорят о приближающемся конце индивидуального существования; некоторые — о бесконечности смены времен года; самый последний текст был когда-то предложен «Детской литературе» как стишок для детей и в самом деле может быть воспринят именно так (см., однако, мрачное и политизированное, притом что и вполне мыслимое как одно из возможных, прочтение этого стихотворения: [Ujvary 1975: 10]).

К началу апреля 2008 г. макет вчерне был готов; Некрасов продолжал править прямо в верстке. Межстрочные интервалы (паузы?), пробелы, взаимное расположение колонок (в тех случаях, когда текст ветвится) для Некрасова важны в «Детском случае» в той же высокой степени, в какой это было важно для него всегда. Новые версии старых текстов, которые до самого последнего момента продолжают появляться в книге, — это в большинстве случаев новый характер межстрочных интервалов (например, они могут увеличиваться в конкретных местах текста), работа со знаками препинания, от которых Некрасов то отказывается, то возвращается к ним¹⁸, работа со строчными и прописными буквами и иные визуальные решения.

Так, например, предлагается «несколько новая версия текста»¹⁹ «что дважды два» (первая редакция — 1978–1979 гг.). Это стихотворение существует в трех редакциях, отличающихся друг от друга только визуально — тем, как на пространстве листа расположены друг относительно друга слова, из которых состоят взаимоисключающие утверждения (видимо, высокая вариативность

¹⁸ Заметим, что в пределах одного текста знаки препинания могут использоваться эпизодически: нет последовательно проводимого жесткого принципа (и это свойственно Некрасову не только в 2000-е годы).

¹⁹ Из письма к Е. Н. Пенской от 18 апреля 2008 г. (личный архив адресата).

текста, вообще Некрасову свойственная, в этом случае провоцируется еще и конкретными особенностями его содержания); варьируются разделение текста на строки, межстрочные интервалы, выравнивание колонок и их расположение. Приведем, не комментируя, все три редакции.

I. Авторский свод 1956–1983 гг. [Некрасов 2012: 513]

что дважды два
все ж-таки да
дважды два

одна надежда

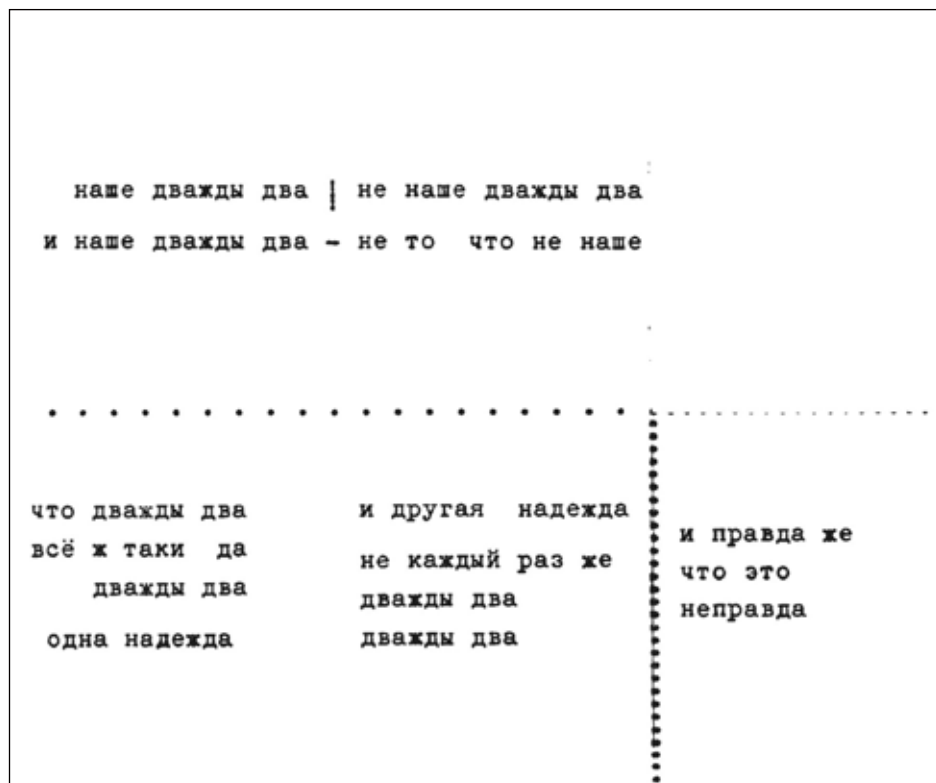
и другая надежда
надежда

не каждый раз же
дважды два
дважды два

и правда же
что это
неправда

II. Публикация 1987 г. [Некрасов 1987]

(Первые две строки в авторском своде даны перед «что дважды два» как отдельный текст; см.: [Некрасов 2012: 513]; в «Детском случае» их нет вовсе.)



Ш. «Детский случай»

(Приведено по [Некрасов 2008: 181] и письму Некрасова к Е. Н. Пенской.)

что дважды два	и другая
всё ж таки да	надежда
дважды два	
	не каждый раз же
одна надежда	дважды два
дважды два	и правда же
	что это
	неправда

В уже цитированном выше письме Некрасова к Е. Н. Пенской содержится предложение ей самой выбрать визуальное решение из двух возможных:

...резюме <...> может заканчивать собой вторую колонку, но лучше, если будет сдвинуто на середку между колонками.

Учитывая, что ничто не препятствовало автору самому решить, как именно «лучше», эта обращенная к составителю-«соавтору» реплика выглядит характерным для Некрасова делегированием полномочий (концептуалистское провоцирование ситуации?): выбери вместо меня, и посмотрим, что получится; выбери не только тексты для книги, но и вариант текста.

Продолжают уточняться «мини-циклы»; так, меняется контекст стихотворения «что-то / как хорошо». Сначала его «окружение» выглядело так: «облако как облако»²⁰ — «что-то / как хорошо» — «Жива / Земля-то». На стадии редактуры и верстки устанавливается найдено окончательное: «Чуть / Почти» — «что-то / как хорошо» — «по-моему / это прямо на пойму». Уже в верстке появилась и новая редакция стихотворения «Что-то / как хорошо», когда-то посвященного И. И. Кабакову («Толику»; отсюда «только» как паронимический лейтмотив²¹), а в «Детском случае» сменившего адресата²².

Если пытаться реконструировать поэтическую логику Некрасова (а, судя по рабочим записям, он к этому «внутреннему циклу-трехстишию» приложил руку и компоновка была авторской), то он шел от пейзажных и речевых абстракций к более фактурной и конкретной предметности и визуализации: «птичий свет», «встать и полететь». В центральном тексте этот «отрыв» от земли продолжается и уточняется. Появляется фигура-персонаж — деловой ангел. А завершается группа уже совсем знакомой географией полета: «открытое место», все четыре стороны света. Возникают имена и топонимы: Красково, Малаховка, Франциско Инфанте. Такое радикальное переписывание показательно и в том смысле, что стихи о художниках (как и о чем-либо другом) невозможно выделить в отдельную рубрику.

²⁰ Позднее стихотворение; потом переместилось в часть II.

²¹ Исходную редакцию, вошедшую в авторский свод 1956–1983 гг., см., например, в [Некрасов 2012: 226].

²² Интересно, что стихотворение, не содержащее — в грамматическом отношении — прямого обращения к адресату, удерживает тем не менее имплицитный смысл обращения к человеку.

* * *

Оформление «Детского случая» также претерпело изменения. Некрасов предполагал «двойное присутствие» иллюстраций: картинки Инфанте между стихами²³ и отдельную вкладку, воспроизводящую картины художников. Но пробы макета убедили всех в стилиевой несовместимости элементов.

Трижды переверстывалась вкладка, первоначально включавшая преимущественно лианозовских художников — Евгения и Льва Кропивницких, Потапову, Рабина и других. Затем лианозовцев уравнивали Булатов и Васильев.

Некрасов долго не мог согласиться с оформлением обложки: шрифт представлялся ему слишком «красивым» и потому не позволяющим воспринять полемический смысл заглавия. 17 февраля 2008 г. он написал Митуричу руководство-послание, стараясь воспроизвести наглядно то, что ему хотелось видеть:

ДЕТСКИЙ
СЛУЧАЙ
1958–2008 = (–50)

Пояснял:

Даты 1958–2008 1) не пляшущим, а обыкновенным ровным набором; в одну строчку

2) Во-вторых, после дат в круглых скобках надо написать (–50), а перед ним знак равенства, так что:

1958–2008 = (–50). Можно –50 по крупнее шрифтом, можно жирным (не слишком жирным, но жирнее, чем предыдущие цифры)²⁴.

Предполагалось, что книга выйдет в мае 2008 г. Торопились с выпуском еще и для того, чтобы Эрик Булатов смог взять ее с собой в Париж, но многочисленная правка и переверстывание задержали тираж настолько, что понадобилось еще несколько дополнительных месяцев.

С самого начала Некрасов предполагал включить в книгу предисловие, в котором была бы описана история его отношений с миром детских издательств и детской литературы в целом; это предисловие грозило «перевесить» собственно поэтическую часть и разрушить замысел «лирической» книги (желательно, книги и для детей, не только для взрослых)²⁵.

²³ Инфанте сделал примерный дизайн: книжку-раскладушку с геометрическими элементами и «зеркальными отражениями» стиховых частей друг в друге. На этот тип Некрасов сначала ориентировался.

²⁴ Цитируется по файлу, переданному Митуричу через Пенскую; сохранилось также в компьютере автора.

²⁵ Сопровождать книги своих стихов статьями Некрасов стремился начиная со «Справки» [Некрасов 1991]; иногда полемическая и литературно-автобиографическая проза существовала в книге на равных со стихами [Некрасов 1999; 2002]; иногда требование включить в книгу стихов полемическую статью приводила к конфликту с издателем (с А. Л. Сосной, издавшим «Справку», в экземпляры которой Некрасов вкладывал отдельно и независимо от издателя допечатывавшийся самим поэтом вкладыш); из-за такого конфликта в начале 2000-х годов не вышла книга стихов Некрасова, готовившаяся в издательстве «Новое литературное обозрение».

Составители (прежде всего А. И. Журавлева и Е. Н. Пенская) присутствию предисловия в книге решительно воспротивились; тогда Некрасов попробовал предложить вместо пространный предисловия фрагменты-вкладыши, в которых описывались бы ключевые эпизоды полемики и конфликтов с детской литературой: эти вкладыши должны были крепиться в зазорах между стихами на границе условных циклов. В издательстве уже готовили верстку прозаических фрагментов, но составители опять воспротивились: были убеждены, что вкладыши, постоянные напоминания о литературных спорах делали бы книгу «антидетской»²⁶.

Обычно ссорившийся со своими издателями, Некрасов здесь все-таки пошел на компромисс (хотя и остался им недоволен, см.: [Некрасов 2009]); пятидесятилетнее (1958–2008) отсутствие Некрасова в детской литературе стало главным сюжетом пространной аннотации на задней стороне обложки:

Сборник детских стихов составлен так, что его в равной мере могут читать как дети, так и «дети изрядного возраста». В него вошли стихотворения, которые пятьдесят лет назад автор предлагал к печати. Эта история подробно изложена в книге «Пакет» (1996). Вс. Некрасов объяснял:

«Хотелось — да и хочется — языка, по возможности свободного от советской литературности... всё хождение в детскую литературу около 60 года, чуть раньше–позже, вся волна детской литературы с 60х по 90е плюс те же мульты так или иначе связаны именно со стараниями по возможности освободиться от советской литературы внутри советской литературы»²⁷. В книге нет обычных разделов, циклов. В ней есть одно непрерывное стихотворение — «круглый год» — зима, весна, лето. А еще есть стихи о художниках, близких Вс. Некрасову. — В таком виде сборник выходит впервые²⁸.

Долго не складывалась фраза, ради которой это послесловие-аннотация размещалось: «В него вошли стихотворения, которые пятьдесят лет назад автор предлагал к печати», «...стихотворения, которые пятьдесят лет назад автор безуспешно предлагал...», «стихи предлагались в печать с результатом, близким к нулевому»²⁹.

Отвергнутое составителями предисловие между тем продолжало дописываться и сохранилось в компьютере Некрасова в виде нескольких файлов — текстов разной степени незавершенности, подступов к теме. После выхода

²⁶ Отчасти сопоставимая гетерогенная структура в книге «Пакет» [Журавлева, Некрасов 1996], только здесь основа — проза, а «в зазорах» появляются стихи.

²⁷ Письменный источник цитаты не обнаружен (например, в тех местах книги «Пакет», где говорится о детской литературе, этих слов нет); видимо, поскольку аннотация подается от лица издательства, заковыченные слова должны восприниматься как слова из разговора издателей с поэтом.

²⁸ Текст составлен самим Некрасовым, должен был выполнять роль аннотации, оказавшейся слишком длинной для книги маленького формата; в части книг тиража отсутствует; печатался отдельно и наклеивался на заднюю страницу вручную; в части тиража напечатан на обложке.

²⁹ Приводим варианты формулировок аннотации, сохранившиеся в файлах авторского компьютера.

книги в свет Некрасов читал эти наброски на ее презентациях; дать интервью для «Русского журнала»³⁰ Некрасов тогда отказался, но разрешил Журавлевой и Зыковой использовать свои прозаические заготовки в тексте, который был подан как интервью от его лица [Некрасов 2008b]; некоторые фрагменты несостоявшегося предисловия были опубликованы в «Русском журнале» после смерти Некрасова, к его сороковинам [Некрасов 2009].

На сороковой день после смерти поэта в «Русском журнале» был опубликован подписанный именем Некрасова текст-пояснение «“Детский случай” — вдогонку...» [Некрасов 2009], представляющий контаминацию набросков Некрасова для неосуществленной «второй» вкладки и записей, сделанных им после презентации книги в «Русском журнале» / клубе «Русского института» в ноябре 2008 г. Заметим, что здесь прорывается некоторое недовольство тем, что вышедшую книгу воспринимали как лирический сборник, и только.

Приведем здесь некоторые еще не публиковавшиеся фрагменты из набросков предисловия:

Детским обычно называют или что-то, специально предназначенное детям: *детская* одежда, *детское* питание, или — если речь о задачах, заботах и т. п. — такие заботы, проблемы и затруднения, которые взрослому человеку просто покажутся смешными. А тут нам годятся оба значения сразу.

Хотя значение специального предназначения как раз и под вопросом — думаю, не только в этих стихах.

Стихи (или проза — без разницы) написанные специально для кого-то — для рабочего класса, трудового крестьянства, большого начальства, детского сада — всегда стихи хоть чуть, да ненастоящие. Поддельные, под-деланные под кого-то, что-то. Нормальные, настоящие всегда для себя и про себя самого. Тогда они и для всех: всякого, кому смогут понадобиться.

И что значит *для детей*; а люди кто — не бывшие дети? Необязательно оглохшие-отупевшие с годами. Хоть всякие, конечно, бывают. А стихи не могут быть всякие. А только такие, какими должны быть, чтоб действовать, передавать мысль и состояние. И если приплетать сюда еще какие-то приводящие соображения — всё, толку не жди. Советские, детские — как их ни зови.

На случай же, если станут насаждать на кого с *детскими* вопросами (на меня, случалось, наседали) — вопросами: да как же так получилось. Да что-где-когда, да откуда же, да почему это все мы первый раз видим и т. п., на все такие вопросы ответ и вовсе уж детский: — А по-вашему всё и сделалось³¹.

...В принципе эти стихи если и *детские*, то без заранее обдуманного намерения. По крайней мере процентов на 95. <...> Думаю, никакая реальная детская аудитория не может служить некой окон-

³⁰ Точнее — написать текст, который мог бы быть опубликован как интервью; свои интервью Некрасов предпочитал давать именно в письменной форме.

³¹ Цитируется текст файла из компьютера автора (условное название «вдогонку к Детскому случаю»).

чательной инстанцией для стихов — как, впрочем, и любая другая. Просто автор, если угодно, — человек, который в своей голове несет аудиторию самую-самую большую, какая может быть, со всеми ее реакциями и поправками, какие только можно предложить, учесть осознанно ли, нет — и в этом-то, собственно, и состоит создание текста...

На деле глухой забор между “детскими” и “недетскими” стихами — конечно, нелепость. При том, что есть же как те, так и другие; есть (вернее, *бывает*) какая-то разница между ними, а значит, есть и граница. Но она явно небесспорна по природе, бывает размыта и подвижна. И *спорные* территории — может быть, самое интересное. Если *специально детское* может вопреки всем речам и тостам ощущаться как ненастоящее, *игрушечное*, то «всевозрастное» может, наоборот, означать поэтическое. И случай называется не «детским», а «диким» <...> Не может быть такого дикого случая — на виду у всех на 50-то лет. Тут не *случай*, это как-то еще называется. Как раз очевидная общая закономерность, система. Не шуточки³².

Проговаривая одно и то же по нескольку раз, возвращаясь к одной и той же точке, Некрасов нашел точную формулу:

Детское/недетское — дела темноватые. Идут споры. И не первый век. <...> и в итоге здесь, например, что-то, что иные, наверно, назовут *эклехтика*... Не беда: решает думаю, практика. Какие вышли стихи.

Хорошие? Или не очень? А *детские* или не детские... «Ребенку, который мечтает быть взрослым, и взрослому, который помнит себя ребенком», — лучше Конан Дойла сказать трудно³³.

Итак, детское понимается Некрасовым как соединяющее звено, основа и фундамент искусства, оно возникает из «первооткрытия» мира и опирается на умение говорить «о себе» так, что это касается и других. Детское — общая память, опыт, ничья территория. Некрасов настаивает, что, кроме очевидного утверждения детского как простого, естественного, тождественного взрослому по степени качества, существует еще целый ряд возможных представлений о детском. Детское для Некрасова предполагает отказ от специализации, отмену границ.

* * *

12 ноября 2008 г. состоялась презентация книги — она стала последним выступлением Некрасова в редакции «Русского журнала» в Гнездиновском переулке (Москва) и вообще последним некрасовским авторским вечером³⁴. Поэт читал стихи, не вошедшие в книгу, и, в частности:

³² Цитируется текст файла из компьютера автора (условное название «Детподвал»).

³³ Там же. В конце цитируется эпитафия Конан Дойла самому себе.

³⁴ Велись стенограмма и аудиозапись, находящиеся сейчас, видимо, в законсервированном архиве «Русского журнала»; Е. Н. Пенская присутствовала на вечере и делала записи, использованные в настоящей статье.

Включили

чик

И отлично

Чик чик

И всё

Ничего

Электричество

Весело интересно

И еще ничего

Не исключено

И чего хочется

Так только так

Подключиться³⁵

На последних словах отключили свет в Гнездиновском и, как оказалось, во всем квартале. Вечер прервался. Присутствующие начали расходиться.

Вдруг Некрасов достал карманный фонарик, предложил остаться и продолжил чтение:

Мостовая

Сплошной и вымытый

Майский жук

А какие-то

Что — какие-то?

Снега ждут

Они тут они

Вот они

Фонари

Особенно — ртутные

Фонари³⁶

³⁵ 1973–1978 гг. (здесь и ниже датировка М. А. Сухотина); здесь, как и два следующих стихотворения, дается по [Некрасов 2012: 488].

³⁶ 1960–1961 гг.

* * *

День окончен
Дело к ночи

У кого
дело к ночи?

Сумерки
мягки мягки

должны мазать
как мелки

прямо
плавает глаз

Заждалась
зажглась

Вся фонаря светофория
и витринная
бутафория³⁷

* * *

Под ногой от порога
Чувствуешь
Что листва

Тут должна быть
Дорога

Там должна быть
Москва

Темнота
Нежилая

Дождевая
Тишина

Окликает
Дальним лаем

Один фонарь
Другой фонарь³⁸

³⁷ 1961 г.

³⁸ По прямому свидетельству Некрасова, это одно из первых его стихотворений, которые он признавал удавшимися; написано в октябре 1957 г.

Прочитав, заметил:

Кстати, эти три стишка вместе с «Электричеством» должны были войти в сборник «Сказки без подсказки»³⁹.

(Не совсем ясно, имелось ли в виду также и «Включили // чик», прочитанное до аварии.)

Чтение стихов сопровождалось отступлениями, например, таким:

Есть у меня большая книга «Живу вижу», я покажу. Может быть, кто не видел: жил-жил, а не увидел.

И тогда же Некрасов почитал выдержку из своего письма, адресованного в 1979 г. Николаю Константиновичу Бокову, прозаику и поэту, вынужденному эмигрировать, издававшему в Париже альманах «Ковчег»:

Знаешь, о чём я мечтаю? Учредить такую службу литературной памяти. Хотя бы один обычай — на той же обложке, где означен издатель-редактор, выпустившие книгу, печатать и всех других, не выпускавших. И тоже с датами. А для самых дурацких критических цитат приспособить какой-нибудь ещё один супер.

А взять эффект внезапных признаний — посмертных, например. Всю жизнь не был, помер — раз — и вдруг стал. Даже принято видеть в этом, не знаю, — благолепие, мистерию, доказательство истинности, что ли. Действо какое-то, чёрт знает, заранее предопределённое. Вот не хотел бы забавлять своим трупом уже заранее всё запланировавших и осуществивших. Будь моя воля, завещал бы никого, кто при мне имел отношение к литературному истаблишменту как тут, так и у вас (т. е. в эмиграции. — Г. З., Е. П.) близко к моим стихам не подпускать. Исключение — и тут и там — кто меня печатал живого⁴⁰.

Вспомнив это письмо Бокову, Некрасов подытожил: «“Детский случай” и есть такая служба литературной памяти».

* * *

Почти через три недели после смерти Некрасова и в день похорон Анны Ивановны Журавлевой С. В. Митурич переслал составителям книги письмо от совета литературной премии «Московский счет», подписанное поэтами Евг. Бунимовичем и Дм. Дмитриевым и сообщающее о решении награ-

³⁹ Сборник, собранный Некрасовым для издательства «Детская литература», вышел в 1981 г.; как вспоминал Некрасов, его собственные стихи, поданные им в составе книги, оказались выброшены из книги без предупреждения (подробнее см.: [Журавлева, Некрасов 1996: 213–214], а также нашу статью «Всеволод Некрасов и советская культура “для детей”»: хроника» (в печати).

⁴⁰ Цитируется по авторской машинописи, сохранившейся в личном архиве автора (передано в РГАЛИ). Переписка Некрасова и Бокова 1977–1979 гг. вошла в подготовленную нами для издательства Высшей школы экономики книгу «Всеволод Некрасов: Воспоминания. Письма. Разговоры».

дить дипломом «Лучшие книги года» за «Детский случай» издательство «Три квадрата».

* * *

Заканчивая этот рассказ, мы хотели бы позволить себе вспомнить одну дневниковую (1927 г.?) запись Лидии Яковлевны Гинзбург — вспомнить без очевидных рациональных причин, и не потому, допустим, что Некрасов был внимательным читателем Гинзбург (при нас, по крайней мере, не упоминал ее); да и сама эта запись Гинзбург имеет не академически-аналитическую, а вполне лирическую природу, так что для «истории вопроса» не годится (к тому же говорит здесь Гинзбург не о творчестве, а о восприятии его результатов — читательском). Однако то переживание мира, о котором здесь лирически свидетельствует Гинзбург, представляется нам сопоставимым с мироощущением и жизненным ритмом Некрасова, как оно отразилось в его стихах:

Мы умеем читать книги только в детстве и ранней юности. Для взрослого чтение — отдых или работа; для подростка — процесс бескорыстного и неторопливого узнавания книги. <...> никакая непосредственность для наслаждения чтением не нужна, — нужна бездельность. Нужна неповторимая уверенность молодости в том, что спешить некуда и что суть жизни не в результатах, а в процессах. Нужно вернуться из школы, после четырехчасового слегка отупляющего безделья, прийти в свою комнату, наткнуться на знакомую книгу, завалившуюся в угол дивана, рассеянно открыть на любую страницу (все страницы одинаково знакомы) — и читать, не шевелясь, иногда до вечера, испытывая то восторг от какого-нибудь нового открытия, то особый уют и почти хозяйскую уверенность оттого, что все слова известны [Гинзбург 1989: 32–33].

У Некрасова «все слова известны». А его «Детский случай» на самом деле универсален и объясняет не только соотношение детского и недетского, а самую суть искусства: «детский взгляд», визуальные и речевые открытия не взрослеющего ребенка, для которого важно своеволие бескорыстного процесса, а не результат.

Где хочу,
Там кончУ.

* * *

Так сложилось, что «Детский случай» оказался последней прижизненной книгой Некрасова. И хотя сам автор намеренно предлагал читателю сводку высказываний, неоднократно в тех или иных контекстах появлявшихся в печати (практически все стихи, вошедшие в книгу, публиковались ранее, некоторые неоднократно; о своей истории взаимодействия с советской детской литературой Некрасов довольно подробно писал уже в «Пакете» 1996 г.), — книга получилась новой. Спустя годы еще острее стало очевидно, как в «Детском случае» Некрасов подводил итоги своей полемики с литературной системой. Очевидно, что в конструкции «Детского случая» значимо то, что Некрасов на-

звал «рабочим моментом»⁴¹: принципы циклизации, ориентированные не на внешние тематические сцепления, а скорее на внутренние ритмические связи, визуальная организация речевого материала, соотношенная с практикой того круга художников, который был ему близок, сложившийся корпус текстов — неизменный и одновременно постоянно меняющийся, наконец, принципиальное нежелание самому составлять для печати подборки собственных стихов, делегирование прав составителей другому, — в этом можно увидеть концептуалистскую организацию ситуации, провоцирование, испытание воспринимающего (что выберет, как составит — как поймет) — и почти неизбежное недовольство результатом... Все эти особенности трудных поисков формы поэтической книги сошлись в «Детском случае».

Приложение

В личных архивах автора (на компьютере) и Е. Н. Пенской, взявшей на себя общение с издателем Митуричем, сохранились файлы, фиксирующие раннюю версию состава книги (январь 2008 г.). В одном из них есть единственное явное проявление полемики автора и составителей: диалог в примечании по поводу слова *голубой* (приводится ниже); в другом файле, помимо этого, некоторые тексты, очевидно «взрослые», предполагающие, что читатель способен оценить их идеологический, исторический, политический смысл, помечены (видимо, это сделали составители) словами «не надо». Заметим, что Некрасов все же протащил в книгу одно из подобных «взрослых» стихотворений, не замеченное составителями, — «Натерпелся / Натрепался»; в книге оно к тому же сопровождается посвящением Александру Ильичу Гинзбургу (с этим посвящением стихотворение жило всегда, но в файле первоначального проекта его нет).

Ниже описано содержание этих файлов, представляющих существенное историко-литературное свидетельство.

Прописные и строчные буквы воспроизводятся по авторскому набору; в некоторых случаях текст обозначается не одной первой строкой, а несколькими — членение на строки отмечается слешем (увеличенный межстрочный интервал передается соответственным количеством слешей). Варианты и редакции, отличные от опубликованных в [Некрасов 2008а], а также значимые перестановки маркируются здесь только в некоторых случаях. Стихи, отвергнутые составителями издания, отмечены нами жирным шрифтом (в файле, включающем первые замечания составителей, рядом с такими стихами стоят слова «не надо»). Курсивом в списке передаются названия или выступающие в их роли первые строки. Заголовки, в отличие от первых строк стихов без названия, заключаются в кавычки.

Молчу / Молчи

Далее следует название раздела: «Художники».

⁴¹ Авторское название одной из публикации стихов Некрасова на сайте А. Ш. Левина (http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/NEKRASOV/Stihi_2006.html).

*Тут и ель
Красный — ах — что — платок
(Эрику Булатову) За весь год
(Булатову) Открыть / Открыл
облако как облако / так
что-то как хорошо
Жива Земля-то
вот тебе и первый снег
Вот / Вот ты Франциско
Блеск / И если*

После этого написано: «(Здесь кончается раздел “Художники”)».

*по-моему / это прямо на пойму
«Календарь (что на что кончается)»⁴²
«Стихи» (Рост Всемерного дальнейшего развертывания
мероприятий)
«Стихи на русском языке» (беседа велкесеме)
Не люблю / Что я люблю
Домики домики
«ВРЕМЕНА РАБИНА»⁴³
«И я про космическое»
Говорила тетя Мотя*

Далее в обоих файлах слово *ЗИМА*, набранное прописными буквами и заключенное в круглые скобки; стоит после астерисков, разделяющих стихи, и непосредственно перед стихотворением «Ночью электричеству не спится»; не вполне понятно, относится ли оно к одному стихотворению как его возможное название или это обозначение группы из нескольких следующих далее стихотворений, графически неудачно оформленное. Почему в «зимние» стихи вклинивается «А вы слышали», неясно. В [Некрасов 2008а] этот текст убран из «зимних» и перемещен во вторую часть книги, оказавшись по соседству с другими ранними стихами, имеющими очевидно биографический смысл («И я про космическое», «Говорила тетя Мотя...» и т. п.).

*Ночью электричеству не спится
Звезды же / Как наждак
А вы слышали
На том месте / Где февраль
Зима / Зима зима
Март / Март март
Это что это гудит
сила сила / навалила*

⁴² Редкий для Некрасова случай: у стихотворения есть название и подзаголовок. Ни в авторском проекте, ни в изданной книге у этого стихотворения нет прозаического примечания о рецензии Б. А. Бегака, с которым оно публиковалось с конца 1970-х годов.

⁴³ Название, оно же часть текста: с ним рифмуется следующая строка; набрано прописными буквами.

День окончен
Мостовая / Сплошной и вымытый
Первое мая
окна все / распахнутые
Свобода есть
/право⁴⁴ же / не есть / право есть

Далее в обоих файлах слово *МЕСТО*, набранное прописными буквами и заключенное в круглые скобки (может относиться к следующим 10 стихотворениям); графически границы раздела не обозначены.

В небе / Копоть
(Валерию Стигнееву) Кавказ / Кавказ
Как Кавказ
Море море / Стало / тише
Ну / море волнуется
море / вроде / море море
Море / И кроме моря
море и море / море // и мы тоже
Ока-то а / какая
Как Ока луга-то
Я молчу я молчу

Далее в файле слово *ОСЕНЬ*, набранное прописными буквами и заключенное в круглые скобки; графически границы раздела не обозначены. Среди очевидно «осенних» стихов отметим внешне выбивающееся из ряда «Это я... А где моя... Яма» (1966); заметим, что с соседствующими стихами, в том числе и теми, которые находятся за пределами предполагаемого «осеннего» раздела, этот текст объединяет присутствие личного местоимения первого лица единственного числа (т. е. особый характер лиризма). В [Некрасов 2008а] это стихотворение убрано из «осенних», но сохранено его соседство с такими ««я»-текстами», как «Я молчу я молчу» и «Капли / Пакли / Облака».

Дома в комнате моей
тоже / не так / плохо
Это я
Капли / Пакли / Облака
Слушай / уйдем
пять шесть
Небо в тучах
Серый серый ветер
Относительно небес
Осень // Перекресток просек
Дятел / Бил
Осень осень осень-сень
Темнота // В темноту
И столбы / И провода

⁴⁴ См. оговорку в сноске 48.

Осень /// И остались / на самом краю
Сизый как на кухне
лед стал
По дорожке по дорожке
идет снег
вот туда / вот труба
Снегушки / Всей этой земле
И тёмное / но оно и белое
Пёс завыл
Ночью / Ничего нет
Ночью / очень чудно
Утро // Утро есть утро
Вот она / И наша / Зима-зима
тише / тише / тише / тише
Святят фары на театр
Крыши крыши
Выпускают огоньки
мороз / морозно
Солнце / видно совсем
солнце солнце / солнце-то солнце
лыжи лыжи
Сдвинулася / Зима
Опять опять / Метель метель
Пока вот так / Вот так и живем
Вода / Вода вода вода
ночь // дождь /// даже вот
Ночь / Не выдохлась еще
Весна весна весна весна / <...> И правда весна
Весной весной / Смешной смешной
небо / синело синело
Принимали светляки
Утром у нас / чай с солнцем
Я сучков не ломал
отошла весна
ишь ты / дожили что ли
и и и и
сон / сон / солнце
Ночь / Нынче ночью ночь
Утром / утром утром утром
нету ветра на траве
Поневоле / Превратился воздух
прыг прыг / прыг прыг
потом прыг / потом перерыв⁴⁵
сей час / зарастает всякий просек
Три четыре // Электричка
ишки на елке
Паровоз паровоз

⁴⁵ В издании «Детского случая» другая редакция: два текста про «прыганье» слиты в один [Некрасов 2008а: 79].

Там там // по дорогам
И опять / Тут как тут
Это там / Это там
Светит месяц / Месяц светит
Ветер ветер / Едет едет
лес и лес
сосны // и над соснами / звёзны
чего там // ветер
Гром ударил громко
Дождь и дождь
правда // трава
и здесь же / звезды же
утром // кому кому
Идут тучи
Какое утро
Когда камни
Каменеет
Это что / Это что // Это всё
к п р с т ф х
Двор / Твой ветер
Солнцепек
лес / и если
боишься / ты не боись
снегота / снегота / тогда
Ночью вода
Солнце / Хоть и задним числом
изо всех нас / и за всех / одна сосна
сосны / и ничего / страшного
вон туда / вот труба
да // куда / я знаю куда
И самолет над головой
нету ветра на траве⁴⁶
По всей видимости // здесь и озеро близко
Темнеет / нет
Висит // Белый свет
Кругом свет
Или // Или сумерки
Свет // То стоит стоит
...тучая гряда
он не низок не широк
Эх / Вода // И зари хватает
Да // Ага
закат / закат закат

⁴⁶ Стихотворение уже было выше и здесь или повторено по ошибке, или (одно другому не противоречит) Некрасов ищет для текста подходящее соседство (последовательность) и находит его сразу в двух версиях (правда, забывает отметить, что потом все-таки придется выбирать из двух версий). Такие повторения (речь идет не о повторе как приеме, а о поиске правильного места для фрагмента) присутствуют в поздних больших поэтических текстах Некрасова, набранных на компьютере, и тем самым определяют их черновой статус.

*всё / всё всё всё // или ничего
вот // давай тогда / думать так
вот /// а нельзя остаться / вот тут
да // давай тогда / думать так⁴⁷
нет нет / нет и нет
что дважды два / всё ж таки да
и наконец-то // без смеха
стало холодно /// хорошо / ладно
да / я так думаю
ты / я / и мы с тобой
день / где-нибудь
Включили // чик
Жила была кошка
Ты посмотри / Собаки
Псы / Коты
Под ногой от порога
и уже заранее // уже заранее / жара
лето // эх лето лето
Предположим / Скачет мяч
лес / и после леса
Чуть / Почти
эх / ты // и тут ты
передовые облака
⁴⁸ не наскучило / тучи тучи*

⁴⁷ Вряд ли Некрасов сознательно приводит здесь другую редакцию стихотворения, уже приведенного чуть выше («вот // давай тогда»); скорее всего, здесь он прямо в файле, имеющем практический смысл и адресата, продолжает перебирать версии, что-то уточнять и сравнивать (этот процесс был для него, в сущности, незавершенным). Заметим, что вторая редакция, в отличие от первой, визуально выразительнее: текст делится на два столбца, и эта редакция, как правило, и публикуется (в «Детский случай» в итоге вошла только она [Некрасов 2008: 179]).

⁴⁸ Первый слэш здесь воспроизводится по файлу и в этом тексте является и знаком препинания, и одновременно визуально выразительным элементом, так что заменять такие слэши в некрасовских текстах круглыми скобками, видимо, было бы неправильно.

*/не наскучило
тучи тучи
и не наскучило
тучи тучи
и не наскучило
тучи тучи
тучи тучи
тянуть тянуть*

*/ветер
и тебе ///*

Если пишущая машинка, которой Некрасов пользовался до 1994 г., имела один и тот же знак для слэша и скобок, то компьютер, как известно, предоставляет пользователю богатый выбор знаков; перейдя с машинки на компьютер, Некрасов, однако, продолжал обозначать скобки (?) слэшами.

////////⁴⁹ *то есть*
есть у нас / еще и леса
что / что / существо
Вот какой хороший стол
светит / месяц // бежит / заяц
Духота // пить охота
Натерпелся / Натрепался
Охотник / Выстрелил по зайцу
Ока Москва одна река
Ока река // фантастика
громадный гром
А ночью / Ночью / Ни чего
какой был / голубой уголок
день / да не любой
*Ты / Луна // Это да*⁵⁰
Деревенька
На водохранилище
Тихо ходы
Наверно / Уже не рано
Что / Сенеж
Бом бом бом
А за Клином
слово не воробей
зима лето

Источники

Журавлева, Некрасов 1996 — Журавлева А., Некрасов Вc. Пакет. М.: Меридиан, 1996.

Кропивницкий 2004 — Кропивницкий Евг. Избранное: 736 стихотворений + другие материалы / Сост. И. А. Ахметьев. М.: Культурный слой, 2004.

⁴⁹ Здесь слеш уже со всей очевидностью имеют иконический характер, Некрасов «рисует» ими что-то.

⁵⁰ В трех стихотворениях, идущих одно за другим («какой был / голубой уголок», «день / да не любой», «Ты / Луна // Это да») есть слова *голубой / полуголубой / голубая*, отмеченные астериском; в сноске разворачивается диалог в трех репликах между Некрасовым и Пенской:

«[Вс. Н.:] Знак * значит: это написано в такие мало продвинутые годы, когда сакральное актуальное значение слова голубой не все провидели еще и даже в Санкт-Петербурге (тогда Ленинград).

А здесь оно в смысле самом обычном, означает цвет. [Е. П.:] (я бы сняла) [Вс. Н.:] (я бы попробовал все же поискать побезобидней редакцию примечания: скажем, просто пояснение: голубого цвета.

А так, если о детях речь, так сейчас, небось, ведь 9 из 10 за это слово зацепятся — и именно дети...»).

В [Некрасов 2008a] напечатано, разумеется, без сноски; со сноской «Луна // Это да» (более поздней, чем само стихотворение) — например, в [Некрасов 1999: 3].

Искусственная последовательность стихотворений, мотивированная сноской, в [Некрасов 2008a] распалась: хотя в книгу вошли все три текста, они находятся довольно далеко друг от друга («какой был...» и «день...» в первой (и не рядом), а «Ты / Луна» во второй части).

- Некрасов 1987 — *Некрасов Вс.* 100 стихотворений. Кентукки: Листы, 1987. [Без пагинации].
- Некрасов 1991 — *Некрасов В. Н.* Справка: Стихи / Сост. Вс. Некрасов. М.: Постскриптум, 1991.
- Некрасов 1999 — *Некрасов Вс.* Лианозово. М.: Век XX и мир, 1999.
- Некрасов 2002 — *Некрасов Вс.* Живу вижу. М.: Крокин галерея, 2002.
- Некрасов 2008a — *Некрасов Вс.* Детский случай, 1958–2008. М.: Три квадрата, 2008.
- Некрасов 2008b — *Некрасов Вс.* «Я писал о двойной бухгалтерии...»: Интервью с поэтом Всеволодом Некрасовым по поводу выхода его книги // Русский журнал. 2008. 17 июня. URL: <http://www.russ.ru/Kniga-nedeli/YA-pisal-o-dvojnnoj-buhgalterii>.
- Некрасов 2009 — *Некрасов Вс.* «“Детский случай” — вдогонку...» // Русский журнал. 2009. 23 июня. URL: <http://www.russ.ru/pole/Detskij-sluchaj-vdgonku>.
- Некрасов 2012 — *Некрасов Вс.* Стихи, 1956–1983. Вологда: Б-ка Мос. Концептуализма Германа Титова, 2012.
- Некрасов 2013a — *Некрасов Вс.* Авторский самиздат (1961–1976). М.: Совпадение, 2013.
- Некрасов 2013b — *Некрасов Вс.* Самара (слайд-программа) и другие стихи о городах. Самара: [б. и.], 2013.
- Некрасов 2020 — *Некрасов Вс.* «Основная мысль Кошута...» (К столетию Игоря Холина) // Цирк «Олимп» + TV. 2020. 2 апр., №33 (60). URL: <https://www.cirkolimp-tv.ru/articles/914/osnovnaya-mysl-koshuta>.

Литература

- Гинзбург 1989 — *Гинзбург Л.* Записи 1920–1930-х годов // Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л.: Сов. писатель, 1989. С. 4–182.
- Осипова 2008 — *Осипова Н.* Всеволод Некрасов. «Детский случай» // Воздух. 2008. № 8. С. 203.
- Степанов 2008 — *Степанов Е.* Всеволод Некрасов, «Детский случай», 1958–2008. М.: издательство «Три квадрата», 2008: [Рецензия] // Дети Ра. 2008. № 11. С. 27. (Цит. по электрон. версии). URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2008/11/evgenij-stepanov-vsevolod-nekrasov-b-detskij-sluchaj-b.html>.
- Сухотин 2011 — *Сухотин М.* «Детское-взрослое» в ранних стихах Вс. Некрасова // Сайт Александра Левина. [2001]. URL: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/det-vzr.html#11>.
- Ujvary 1975 — *Ujvary L.* Inoffizielle sowjetische Dichtung: Eine Einführung // FREIHEIT IST FREIHEIT: Inoffizielle sowjetische Lyrik / Hrsg. L. Ujvary. Zürich: Verlag der Arche in Zürich, 1975. S. 9–15.

References

- Ginzburg, L. (1989). Zapisi 1920–1930-kih godov [Notes from the 1920s and 1930s]. In L. Ginzburg. *Chelovek za pis'mennym stolom: Esse. Iz vospominanii. Chetyre povestvovaniia* (pp. 4–182). Sovetskii pisatel'. (In Russian).
- Osipova, N. (2008). Vsevolod Nekrasov. “Detskii sluchai” [Vsevolod Nekrasov. “Children’s Case”]. *Vozdukh*, 2008(8), 203. (In Russian).
- Stepanov, E. (2008). Vsevolod Nekrasov, “Detskii sluchai”, 1958–2008. M.: izdatel'stvo “Tri kvadrata”, 2008 [A review of: Nekrasov, Vsevolod (2008). *Detskii sluchai, 1958–2008*. Moscow: Tri kvadrata]. *Deti Ra*, 2008(11), 27. <https://magazines.gorky.media/ra/2008/11/evgenij-stepanov-vsevolod-nekrasov-b-detskij-sluchaj-b.html>. (In Russian).

- Sukhotin, M. (2011). "Detskoe-vzrosloe" v rannikh stikhakh Vs. Nekrasova [Childish and adult in Vsevolod Nekrasov' early poems]. *Sait Aleksandra Levina*. <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/det-vzr.html#11>. (In Russian).
- Ujvary, L. (1975). Inoffizielle sowjetische Dichtung: Eine Einführung. In L. Ujvary (Ed.). *FREIHEIT IST FREIHEIT: Inoffizielle sowjetische Lyrik* (pp. 9–15). Im Verlag der Arche in Zürich. (In German).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Галина Владимировна Зыкова

*доктор филологических наук
профессор, кафедра истории новейшей
русской литературы и современного
литературного процесса, филологический
факультет, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
Россия, 119421, Москва, ГСП-1,
ул. Академика Хохлова, д. 1, стр. 51
Тел.: +7 (495) 939-26-42
✉ gzykova@mail.ru*

Galina V. Zykova

*Dr. Sci. (Philology)
Professor, Department of the History
of Contemporary Russian Literature
and Modern Literary Process, Faculty
of Philology, Lomonosov Moscow State
University
Russia, 119421, Moscow, GSP-1,
Academician Khokhlov Str., 1/51
Tel.: +7 (495) 939-26-42
✉ gzykova@mail.ru*

Елена Наумовна Пенская

*доктор филологических наук
ординарный профессор, Школа
филологических наук, факультет
гуманитарных наук, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, ул. Старая
Басманная, д. 21/4, корп. А
Тел.: +7 (495) 772-95-90
✉ e.penskaya@gmail.com*

Elena N. Penskaya

*Dr. Sci. (Philology)
Tenured Professor, The School
of Philological Studies, Faculty
of Humanities, National Research University
Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4, A
Tel.: +7 (495) 772-95-90
✉ e.penskaya@gmail.com*

Е. Ф. Югай^а

ORCID: 0000-0001-8612-1361
✉ leta-u@yandex.ru

И. С. Богатырёва^б

ORCID: 0000-0003-1405-5830
✉ folk.bogatyreva@gmail.com

^а *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

^б *независимый исследователь (Россия, Москва)*

«МУДРЕЦ В ПОЭЗИИ И ДУРЫНДА В ЖИЗНИ»: САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЭТА В ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются модели поведения поэтов в современной литературной среде, механизмы передачи этих моделей между поколениями и зависимость от принадлежности к той или иной литературной группе. Проанализированы актуальные для 1990–2000-х годов представления участников литературного процесса о том, что значит «быть поэтом», как поэт должен себя вести среди коллег и публики, что он может, а чего не должен делать. Собранный материал позволил нам выделить две поведенческие модели, характерные для современных поэтических сообществ: холистическую и редукционистскую. Каждая модель определяется через отношение к нескольким ведущим темам — к читателям (публика — заказчик, тактика принятия; поэт — просветитель, тактика освоения; ориентация на избранного читателя; полная автономия и тактика избегания читателя), к общественным нормам (от необходимости маргинального жизненного опыта до нежелательности и его избегания, от вписывания в социальные иерархии до противопоставления себя им) и, наконец, к собственному тексту (совпадение/несовпадение описываемого в стихах и проживаемого; разная степень важности написанного). Материалом исследования стали наблюдения на литературных мероприятиях и глубинные интервью, записанные авторами в начале 2020 г.

Ключевые слова: современный литературный процесс, антропология литературы, поэзия, писательские практики, литературное сообщество, биография, искусство биографии, холистическая модель, литература и читатель, образ поэта

Благодарности. Мы выражаем искреннюю благодарность нашим собеседникам. Статья написана при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-09-00318а «Стратегии порождения и тактики восприятия поэтического текста в традиционной и городской культуре».

Для цитирования: Югай Е. Ф., Богатырёва И. С. «Мудрец в поэзии и дурында в жизни»: самопрезентация современного поэта в повседневности // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 239–275. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-239-275>.

Статья поступила в редакцию 29 мая 2020 г.
Принято к печати 27 ноября 2020 г.

Shagi / Steps. Vol. 7. No. 1. 2021
Articles

E. F. Yugai^a

ORCID: 0000-0001-8612-1361
✉ leta-u@yandex.ru

I. S. Bogatyreva^b

ORCID: 0000-0003-1405-5830
✉ folk.bogatyreva@gmail.com

^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

^b *Independent Researcher (Russia, Moscow)*

“A SAGE IN POETRY, A FOOL IN LIFE”: SELF-REPRESENTATION OF THE CONTEMPORARY POET IN EVERYDAY LIFE

Abstract. In this article we present behavior models of poets in the contemporary Russian literary milieu, ways of transmission of such models from generation to generation, and their dependence on belonging to one or another literary group. On the basis of interviews with contemporary poets, we analyze the most frequent ideas about “how to be a poet” among participants of the literary process in the 1990s–2000s, how (s)he has to behave with colleagues and among the public, what (s)he may or may not do. The collected material allowed us to distinguish two behavioral models that are widespread among contemporary poetic communities: the holistic and the reductionist. Each model is determined through the attitude to several leading themes: to readers (the audience is the customer, the tactics of acceptance; the poet is the educator, the tactics of mastering; orientation on the chosen reader; complete autonomy and tactics of avoiding the reader), to social norms (from the necessity of at least a minimal life experience to its undesirability

and its avoidance, from fitting into social hierarchies to opposing oneself to them), and, finally, to one's own text (coincidence of / discrepancy between the image of the author and the person of writer; different degrees of importance of the written). The research is based on in-depth interviews and observations of literary events in the spring of 2020.

Keywords: anthropology of literature, contemporary literary process, poetry, writing practices, literary community, biography, the art of the biography, holistic model, literature and the reader, the image of the poet

Acknowledgements. We express our sincere gratitude to our respondents. This article was written under the support of a grant RFBR, project No. 20-09-00318a “The strategies of generation and tactics of reception of the poetic text in rural and urban cultures”.

To cite this article: Yugai, E. F., & Bogatyreva, I. S. (2021). “A sage in poetry, a fool in life”: Self-representation of the contemporary poet in everyday life. *Shagi / Steps*, 7(1), 239–275. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-239-275>.

Received May 29, 2020

Accepted November 27, 2020

Многое из того, что кажется индивидуальным выбором, вписывается в традиционные — для общества или группы внутри него — модели, базирующиеся на понимании мира. Повседневные жесты и реплики, а также эмоции и поступки могут быть культурно обусловленными. При этом модели остаются живыми и продуктивными, только пока воспринимаются как личные и спонтанные.

В нашем исследовании мы рассматриваем с этой точки зрения современное литературное сообщество. Что значит в наши дни «быть поэтом»? Как должен себя вести поэт, что он может, а чего не должен делать? А главное, какие модели поведения порождают те или иные представления о поэзии и роли поэта в обществе? На эти и другие вопросы мы попытаемся ответить в статье, причем в фокусе нашего внимания представлены сами поэты и их внутренний взгляд на эти проблемы.

Антропология литературного быта

Десять лет назад вышел номер журнала «Новое литературное обозрение» (2009, № 6), посвященный антропологическому изучению литературы. Несколькими годами позже в том же журнале была опубликована дискуссия, начальной репликой которой стала статья Николая Поселягина «Антропологический поворот в российских гуманитарных науках». В ней, в частности, говорилось: «Можно предварительно резюмировать, что конечный (идеальный) объект гуманитаристики в пределах антропологического поворота — человек

в его социально ориентированной знаковой деятельности» [Поселягин 2012: 28]. В рамках этой дискуссии поднимался вопрос, что может дать историку литературы в методологическом плане свойственная антропологии ориентация «на малые социальные группы, продолжительные полевые исследования, “насыщенное описание”, скрытые от внешнего наблюдателя формы общественного взаимодействия и коммуникации, “подразумеваемые значения”, “emic points of view” и т. д.» [Панченко 2012: 66]. Наше исследование представляет собой попытку такого антропологического анализа, выполненную на поле современной литературы.

Собственно, история и теория литературы подробно изучали то, как модели поведения формировались «литературным бытом» [Томашевский 1923; Эйхенбаум 1987], как работала семиотика бытового поведения [Барт 1989; Лотман 2002]. Однако чаще всего для литературоведения в центре внимания оставались художественно значимые тексты, в которых история их написания что-то объясняла. Если сместить фокус рассмотрения с литературы как ценности на поведенческие законы, то можно заметить обратное влияние. А. Л. Зорин [2016] показывает, как поведенческие выборы людей могут быть обусловлены созданными литературой эмоциональными матрицами.

И здесь возникает замкнутый круг. С одной стороны, среди поэтов возможны практики «жизнетворчества», более или менее сознательного воплощения шаблона в жизнь. С другой — тексты писателей и их жизни, точнее биографии, конструируемые в нарративе, могут выступать шаблонами, в соответствии с которыми действуют читатели или обучающиеся ремеслу младшие коллеги. Разобраться в этом помогают насыщенное описание на материалах включенного наблюдения и глубинные интервью с участниками литературного процесса.

Для описания собственно практик хорошо подходят инструменты социологии. В своей теории социальной драматургии Ирвинг Гофман разводит разные виды исполнения повседневных ролей (на примере ролей продавца и покупателя, хозяина и гостя и др.), в частности, по степени веры человека в исполняемую им роль и увлеченности ею. В некоторых случаях вовлеченное исполнение роли может привести к тому, что исполнители начинают верить в нее и превращаться в тех, кого играли, начиная испытывать те потребности, которые первоначально только демонстрировали для окружающих [Гофман 2000: 52]. В других возникает «циничное исполнение» (игра на публику). Гофман не рассматривает представления и их влияние на выбор ролей. Для нас будет важно, как представления о поэте, артикулируемые в интервью, воплощаются в действиях, речевом поведении и тактиках взаимодействия с читателем. В частности, «циничное исполнение» может быть следствием уверенности в том, что окружающие не разделяют как представления о поэте, которые в действительности существуют у автора, так и решения поэта соответствовать их ожиданиям (а не своим реальным представлениям). Но такое возможно, только если стоящие за этими ожиданиями концепты знакомы всем участникам взаимодействия.

То, что такие концепты во многом определяют жизнь творческого сообщества и нарративы внутри него, показывает Говард Беккер [2018] в книге «Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности», написанной им о

сообществе джазовых музыкантов 1940–1950-х годов, к которому он и сам принадлежал. Многие, сказанное информантами Беккера в интервью и проанализированное методами социологии, имеет переключки с тем, что мы описываем ниже, хотя современное писательское сообщество и живет в другой социальной реальности.

В этом исследовании Беккер не касается эстетических моментов. Мы тоже выносим за скобки обсуждение поэтики наших собеседников: связаны ли практики поведения с техниками письма — вопрос, заслуживающий отдельного изучения. По Гофману, роль может быть противопоставлена собственной работе: «И потому перед людьми часто встает дилемма: либо внешнее выражение действия, либо содержание самого действия. Тому, у кого есть время и талант хорошо выполнить свою задачу, именно поэтому может не хватить времени или таланта на демонстрацию другим, насколько хорошо он это делает» [Гофман 2000: 66]. «Поэт» как социальная роль и как автор текстов — это разные вещи, не всегда совпадающие, но и не всегда противопоставленные, однако их соотношение, а также отражение ролей в поэтических текстах, за неимением места мы здесь рассматривать не будем.

Поведенческие модели

Особая роль литературы в быту российского человека становилась предметом этнографического интереса в рамках антропологии чтения: Михаил Алексеевский, исследуя построение домашних библиотек и практики избавления от ненужных книг, зафиксировал сложные ритуальные отношения с книгами в силу их высокой символической ценности, практически сакрального статуса [Алексеевский 2014; 2015]. О «зарифмованном сообществе» советского времени писал Илья Кукулин [2012]. Современность отделена от времени формирования представлений об особом статусе литературы периодом, когда позднесоветские каноны передавались новым поколениям, по выражению Евгении Вежлян, «без “инструкции по применению”», т. е. без передачи практик и режимов чтения (которые изменились) [Вежлян (Воробьева) 2017]. В результате «образованный читатель» долгое время оказывался неспособен пополнить современной поэзией набор читаемого [Бабицкая 2012]. В то же время писатели, лишённые внимания институций, вынуждены были самостоятельно определять и держать границы «цеха», что в условиях доступности формальных показателей успеха, таких как публикация (сама по себе), вызывало обостренное внимание к критериям приобретения и поддержания литературного статуса. В 2020-е годы ситуация уже несколько иная.

Поведенческие модели культурно обусловлены. Строительный материал для них поставляли исторически и эстетически обусловленные идеи: классический поэт-просветитель; сентиментальный поэт, умеющий тонко чувствовать и говорить о своих чувствах; романтический поэт-медиатор, часто враждебный социуму; демократический поэт, готовый меняться в угоду своим читателям, и др. Частичное заимствование моделей или их элементов из другого времени подчас создает новые системы жестов и поступков, а также их интерпретаций. В использовании отдельных элементов можно проследить преемственность и даже цикличность. Не претендуя на то, чтобы проследить

генетику каждого представления, попытаемся очертить примерный круг существующих на слуху поведенческих моделей и каналы распространения связанных с ними представлений.

В XX в. мифология, существующая в отношении письма, транслируется через СМИ, где образ писателя превращается в отдельный тип художественного производства, аудитория у которого едва ли не шире, чем собственно у текстов и идей. М. П. Сухотина указывает на формульность биографических нарративов в «Нью-Йорк ревью» [Сухотина 2011: 309]. В них важным становится «второе рождение», т. е. рождение как гения — через какое-то событие-инициацию или через долгое самосовершенствование [Там же: 310]. Биография формируется фактами преодоления жизненных трудностей, «неприятными, болезненными, даже травматическими переживаниями», которым «придается двойственный статус: кажущиеся неудачи, поражения в “житейском” плане признаются победами в плане творческом» [Там же: 313]. Писатель (тут речь идет и о прозаиках) показан как делающий себя в борьбе с внешними обстоятельствами. «Нью-Йорк ревью» предлагает несколько моделей обобщения писательской биографии, среди которых «писатель-самоучка» и «художник и власть» [Там же: 315, 317]. Обе модели были актуальны для советского пространства: образ писателя «из народа», преодолевшего на пути к славе жизненные сложности и недостаток образования, транслировался официально, а антагонизм с властью был важен для неподцензурной поэзии.

Поэты военного поколения и русского зарубежья (любимые авторы, учителя учителей наших респондентов) создали общечеловеческую и поэтическую модели становления через травму. По наблюдению Ильи Кукулина, Вторая мировая война «привела к новому, парадоксальному состоянию человека (с точки зрения прежней культуры: сегодня-то это состояние выглядит “очевидным”): травматический опыт стал восприниматься как экзистенциально ценный, как свидетельство реальности человеческой биографии» [Кукулин 2019: 12]. Мироззрению русского зарубежья посвящена монография Ирины Каспэ «Искусство отсутствовать», где показано, как среди поэтов поколения Бориса Поплавского ориентация на неудачу в настоящем, жизненную и коммуникативную, тесно переплетена с ожиданием сверхуспеха (которым становится вхождение в «великую русскую литературу») в будущем [Каспэ 2005]. Для такой модели важен был только идеальный читатель, реальный же служил объектом игнорирования или эпатирования. Перестройка открыла доступ к творчеству поэтов-эмигрантов, а также к их письмам, дневникам и критике, где артикулировалась описанная выше идея. Возвращенная литература пользовалась популярностью, и российский читатель конца XX в. ощущал себя таким читателем «будущего», т. е. прямым доказательством результативности указанной стратегии.

При дальнейшем проживании этой модели вне исторических катастроф делание себя как писателя может оборачиваться разрушением себя как человека, поиском не побед, а поражений. В то же время исторически более ранние образцы такого поиска — «проклятые» поэты. Так, мифологизируя образ Эдгара По, Бодлер развивает тему поэта-изгоя: «Из невинной жертвы По превращается в самоубийцу, растрачивающего и методически убивающего самого себя; сама эта трата приносит нам наслаждение от чтения его текстов. <...>

Теперь По — это автор, делающий самого себя; самоубийство является для него основой существования и созидания» [Уракова 2011: 273–274].

Попутно заметим, что модель может воплощаться не только в концептуализации собственной жизни, но и в интерпретации биографии другого. О. Ю. Панова [2011] рассматривает три разные модели, заданные только биографиями французских поэтов-символистов. Интересный аспект этого рассмотрения — отношения поэта и его текстов. В случае Верлена речь идет сначала о соответствии романтическим шаблонам поэта (постоянное состояние влюбленности, элементы бунтарства, безрезультатные порывы к нормальной жизни), а потом — модели проклятого поэта-изгоя, во многом созданной и от-рефлексирующей именно Верленом. При этом биография и тексты выступают как единство. В противоположность этому «культ Малларме — это отказ от романтического культа гения, от биографической легенды. Взамен предлагается культовый сакрализованный текст» [Там же: 49]. Рембо следует роли «поэта-ясновидца» и «поэта-профессионала»: «Самое главное для поэта — его духовный опыт, его откровения и его профессионализм — т. е. то, насколько умело он может поведать об этих откровениях» [Там же: 52]. В следовании этому пути писание стихов перестает быть целью, и когда Рембо совершает «бескомпромиссный выбор между литературой и реальной жизнью — в пользу жизни» [Там же: 54], он продолжает оставаться «примером идеальной жизни». И отсутствие усилий по производству «биографической легенды» [Там же: 57] тоже имеет отношение к этой идеальности (подлинности).

По-разному могут конструироваться отношения с читателем. Т. Д. Венедиктова описывает стратегию Уолта Уитмена, ориентированную на «перформативное действие, содействие с читателем», сознательную зависимость от публики [Венедиктова 2011: 29], и упоминает противопоставленную ей стратегию Эмили Дикинсон, согласно которой «лучше прозябать в нищете и безвестности, чем подвергать себя унижению столь злостному» (речь идет о неизбежной зависимости от публики при попытке печататься) [Венедиктова 2011: 33]. К одному из этих полюсов склоняются и более поздние модели поведения.

Можно сказать, что каждая конкретная модель определяется через отношение к нескольким ведущим темам: к читателям (публика — заказчик; поэт — просветитель; ориентация на избранного читателя; полная автономия от читателя), к общественным нормам (от необходимости маргинального опыта до нежелательности и его избегания, от вписывания в социальные иерархии до противопоставления себя им) и, наконец, к собственному тексту (совпадение/несовпадение образа автора и человека-писателя; разная степень важности написанного для статуса истинного поэта).

Мы попытаемся выделить антропологические модели поведения, актуальные для 1990–2000-х годов, и проследить их динамику. Для нас важны не история и причины возникновения тех или иных представлений, но их существование в практиках и предписаниях в современном литературном сообществе. Бытование тех или иных моделей, их вариативность или устойчивость мы покажем на примере интервью с членами этого сообщества, современными российскими поэтами.

Наши собеседники — и почему именно они

Для ответа на поставленный вопрос мы использовали антропологические методы: включенное наблюдение и глубинные интервью. В рамках проекта «Стратегии порождения и тактики восприятия литературного текста» в первую половину 2020 г. было записано 12 полуструктурированных интервью с поэтами¹. Кроме того, мы пользовались материалами неструктурированных интервью с выпускниками и студентами Литинститута, записанными нами в 2014–2019 гг. для других проектов.

Границы «цеха»: принадлежность

Что такое *профессиональное сообщество* в современной литературе? Фактор заработка литературным трудом исключается — профессионалы по этому признаку будут люди, пишущие на заказ и чаще всего находящиеся за гранью «высокой литературы». А вот связь с институциями, особенно с «толстыми» литературными журналами и «цеховыми» премиями, вполне может служить критерием. Одно из распространенных полустушевых определений фольклора, которое любит использовать на лекциях С. Ю. Неклюдов, — «Фольклор — это то, чем занимаются фольклористы». По аналогии для нас «поэтами» будут те, кто признан таковыми экспертным сообществом и друг другом. Представления о роли поэта (в социальном смысле, как наборе шаблонов поведения, в том числе речевого) могут зависеть от авторитетных лиц: учителей («мастеров» поэтических мастерских), значимых редакторов и критиков, кураторов площадок. Поэтому мы решили выделить две категории информантов для глубинных интервью: «эксперты» (которые при этом тоже часто являются действующими авторами) и «авторы».

Поля внутри «цеха»: вовлеченность

Включенность в современную литературу в целом будет определяться количеством и заметностью публикаций, участием в литературных вечерах (в качестве читателей и слушателей), попаданием в длинные и короткие списки премий. Для интервью мы решили выбрать авторов, которые находятся в разной удаленности от цехового «ядра», т. е. условных мэтров, рядовых участников сообщества и тех, кто находится на периферии (редко печатается и выступает, но читает, слушает и эмоционально вовлекается в литературный процесс).

Соответственно, эксперты различаются по стадиям (потенциального) влияния на модели (представления и практики), а также на поэтику авторов: учитель (мастер семинара) — редактор значимого журнала или сайта — издатель — критик — куратор площадки. Мы старались брать равное количество интервью у экспертов и практиков разной степени публичности.

¹ К декабрю 2020 г. число интервью приближается к 70. Чтобы не разрушить структуру статьи, мы не добавляем новые примеры, но хочется отметить, что основные выводы находили подтверждение и на новом материале.

Поля внутри «цеха»: группы

Помимо степени включенности в литературный процесс, сообщество можно поделить на группы, определяемые общей поэтикой, представлениями и дружескими связями. Это деление интуитивно, поэтому на первом этапе мы решили попросить нескольких участников литературного процесса помочь заполнить таблицу, где по вертикали были обозначены роли (мастер литературного семинара, поэт-мэтр, издатель, поэты разной степени включенности), а по горизонтали предлагалось вписать группы внутри сообщества (неформальные объединения, в которые входят, например, мастер и его семинаристы, а также наиболее уважаемый ими современный поэт). Наши консультанты связаны приятельскими отношениями и часто встречаются на общих мероприятиях, но имеют и свои, слабо пересекающиеся с другими круги общения. Результат оказался неожиданным: группы, которые были названы, оказались очень разными. Отчасти это связано с тем, что наиболее близкие тому или иному консультанту группы воспринимаются как более дробные и отдельные, а далекие объединяются во что-то общее.

Персоналии

Далее, ограниченные в количестве потенциальных информантов, мы встали перед выбором: сосредоточить внимание на одном из микросообществ или, объединив их в крупные группы, попытаться охватить разные. Во втором варианте выборка была бы более равномерной, но терялась бы возможность проследить, как соотносятся представления учеников и их учителей, насколько то, что интуитивно воспринимается как общее поле внутри сообщества, объединено общими практиками и представлениями. В первом варианте, на котором мы в результате остановились, другие неформальные объединения поэтов неизбежно оказались пока неохваченными.

Мы решили начать с одной группы², которая осознается как целое и самими участниками, и наблюдателями. Ответы в каждом из четырех интервью различались по многим пунктам. Вторая группа, организованная по тому же принципу (институциональные и дружеские связи), показала похожие результаты. Третья группа не обладает таким внутренним единством, но все персоналии остаются внутри большого кластера «толстожурнальная поэзия» (самоназвание). Период вхождения в литературную жизнь Москвы и формирования ценностных установок для основной части опрошенных поэтов — 1990–2010-е годы. Кроме того, мы взяли интервью у тех представителей старшего поколения, которые значимы для них, и у поэтов 1990-х годов рождения, которые приывают к рассмотренным группам в качестве слушателей на выступлениях, участников семинаров и авторов, названных более старшими как наиболее интересные из молодых.

² См. номер условной группы в списке информантов (I, II, III).

Поэт и читатель

В статье «Искренность, аффект, эмпатия: поэтические сообщества и новые контексты публичности» Евгения Вежлян предполагает, что «говорить о “поэтической публике” в старом смысле мы уже не можем, поскольку наблюдается эффект автономизации, то есть такое состояние современных поэтических сообществ, при котором поэты составляют основную публику поэтических вечеров, а также сами пишут критические тексты о современной поэзии, исследуют ее и преподают соответствующие курсы в университетах» [Воробьева (Вежлян) 2020]. Такая автономизация видна и в проведенном нами исследовании: наши респонденты 1950–1980-х годов рождения склоняются к тому, что их тексты «заточены» в первую очередь на понимание (и восприятие) коллегами-профессионалами, и именно их отклика и оценки они ждут, их присутствие на литературном мероприятии считают критерием его успешности:

Соб.: Для тебя важны поэтические выступления?

Инф. 5: Для меня важны те выступления, на которые могли бы прийти люди, которых я очень ценю как поэтов. (...) И даже присутствие нескольких, двух-трех человек из такого пантеона сверхценных мной людей — это самое важное для меня от вечера.

Соб.: То есть для тебя успешный вечер — это ценимые тобой читатели?

Инф. 5: Да, ценимые мной, да, поэты прежде всего. И чтобы я почувствовал, что им это пришлось по душе.

На одном поэтическом вечере, крайне малолюдном, но атмосферном, прозвучала фраза, сказанная читающим автором поэту, который выступал со вступительным словом: «Помнишь, ты говорил, что пусть придут три человека, но важные [для тебя]? Они уже пришли». При этом в неформальной части все участники делились воспоминаниями о вечерах, на которых был не узкий круг аудитории, и было «гораздо приятнее, чем обычно»³.

При анализе поэтических вечеров с опорой на И. Гофмана и В. Тэрнера можно выделить те, где есть заданное деление на публику и выступающих (вечера с жесткой структурой); те, где такое деление существует, но оно легко меняется внутри одного события или серии событий, т. е. слушатель может внезапно быть инициирован почитать или вчерашние исполнители на следующий день выступают в роли слушателей (вечера с подвижной структурой); и те, где и выступающие, и слушатели образуют одну «команду» (по Гофману), а «двухкомандное» взаимодействие отсутствует, т. е. событие больше напоминает закулисное сообщничество актерской труппы, чем спектакль (вечера с элементами антиструктуры, или коммунитас). Последние, «чтения для своих», представляют собой иной тип события, чем «чтения для публики»⁴.

³ Полевой дневник Е. Ф. Югай. 7 февраля 2020 г.

⁴ Этой типологии был посвящен доклад Е. Ф. Югай «Поэтические вечера через призму социальной драматургии: наброски к исследованию» на конференции «Не-/ино- поэтическое: поэтические практики вне литературы» (РГГУ), которая проходила онлайн (24 апреля 2020 г.).

Такая ситуация вовсе не означает, что авторы пишут тексты прицельно для внутрицехового использования. Но в дальнейшем, говоря о воспроизведении текстов на литературных мероприятиях, можно выделить разные модели, по которым поэты выстраивают свои ожидания реакции аудитории в зависимости от того, принадлежат ли читатели (слушатели) цеху или нет.

От читателя-профессионала — читай, коллеги по литературе — все наши респонденты одинаково ждут понимания и желательно отклика, причем любого — просто дружеского одобрения, рецензии, критического замечания, повторного посещения литературного мероприятия и т. д. [Инф. 4; 11]. Такой читатель воспринимается как идеальный.

В свою очередь, модель взаимоотношения с читателем-профаном варьируется у разных респондентов от отрицания самой необходимости таких отношений до примирения с ней. Так, поэты часто высказывают сомнение в нужности «чистого» читателя:

Соб.: Ты бы хотел, чтобы тебя читали люди, которые находятся за пределами цеха?

Инф. 3: Я не уверен, что им будет интересно. А изменить себя ради них я не готов. Ну, то есть нет, я хотел бы, чтобы меня читали люди за пределами цеха, но, наверно, это касается не стихов [а других текстов]. <...> А со стихами, мне кажется, некуда бежать. Примерно понятен читатель. И другого вряд ли найдешь.

Само по себе желание стать более понятным непрофессиональным читателям воспринимается нашими респондентами как предосудительное. Так, Инф. 5, рассказывал о знакомом авторе, который «несмотря на то что тоже какие-то актуальные стихи» пишет, все же мечтает «в народ выйти», т. е. получить известность или хотя бы понимание у непрофессиональных читателей. В противоположность этому сам Инф. 5 за такой широкой славой не гонится и понимание собственных текстов профанами от литературы воспринимает с изумлением:

У меня каким-то удивительным образом за жизнь было несколько каких-то таких ощущений, мимолетных контактов с людьми, что называется, — ну, какой-то простой читатель, и вдруг он как-то отзывался, что он читает и очень как-то тонко что-то понимает. И это было для меня удивительно [Инф. 5].

Схожим образом отзывается другой поэт о реакции непрофессионального читателя на свои стихи:

Даже иногда удивляешься, ну... почему [эти тексты читают] и пожилые люди. Вот такие стихи [как у Инф. 10] — они же обычно не любят. Но иногда наоборот [Инф. 10].

Непонимание поэтических текстов современных авторов «простым читателем» — и удивление в случае понимания — наши респонденты объясняют разницей эстетических взглядов на поэзию между профессионалами и про-

фанами, так сказать, эстетической пропастью (по аналогии с generation gap), которая возникла за годы, когда литература перестала быть достоянием широкого круга читателей:

Потому что у нас читатель, понятно, что он... Ну, не выродился, он просто остался там, в 80-х или 70-х годах. Понятно, что человек, который пишет более-менее что-то новое, [вызовет] в лучшем случае — доброжелательное недоумение, а в худшем: «Что вообще за херня, выродилась поэзия...» И именно поэтому востребованы поэты очень средней руки, но зато которые пишут такие кондовые, слаженные стихи, чем-то формально напоминающие официальную поэзию 70-х годов. Они могут очень легко быть востребованы у такого читателя средней тоже руки [Инф. 5].

Далее, продолжая рассуждать о природе поэтической известности, тот же информант сравнивает современных популярных авторов с поэтами-шестидесятниками по стилистике и эстетическим задачам:

У него стихи — они такие очень отвечающие нерву времени, да, какой-то событийности. И он способен действительно из самого широкого круга собрать читателей. Я так просто не умею, ну, у меня какие-то другие внутренние задачи... Ну, это будет ошибкой с моей стороны — нацеливаться на какую-то [популярность] [Инф. 5] —

популярность сейчас связывается с изменой своей творческой самости.

В прошлом (в 1960-е) остается идеализированная картина, при которой читатель был готов воспринимать поэзию в ее на тот момент актуальных формах. Стоит отметить, что наши респонденты, рассуждающие об этом времени, — в основном люди в возрасте до 45 лет, и они не застали литературной ситуации ни 1970-х, ни 1980-х годов. То есть для них подобного рода объяснительные схемы — это вариант обращения к так называемой и с т о р и ч е с к о й п а м я т и к о л л е к т и в а, характерной для устной традиции (см.: [Неклюдов 2000]). С помощью этого типа памяти в обществе сохраняется и передается информация об относительно недавнем, «героическом» прошлом. В то же время свидетельства современников показывают, что феномен популярности поэтов-шестидесятников, равно как и существование официальной поэзии в советский период, связаны с совершенно отличными от современных социальными условиями, в которых эта поэзия возникла.

Конфликт в понимании поэзии между читателями и поэтическим сообществом может возникать в силу разницы не только эстетических взглядов, но и представлений о сути поэзии как таковой. И в этом случае для поэта соглашаться с внешнеговыми представлениями — значит, отклоняться от профессиональной этики. Так, на одном из поэтических вечеров, сопровождаемых дискуссией, произошел следующий диалог, ярко характеризующий эту ситуацию:

[Из зала:] Я наивно думала, что поэзия — это все-таки не писание текстов. Поэзия — это когда человек один огромному количеству людей открывает некие истины, новые, о которых тот подозревает...

[Со сцены:] Это не поэзия.

[Из зала:] ...но до конца чего-то он не может оформить в себе. И потом приходит поэт, сказал, и у этого — и не только у этого, а у многих, если это настоящая поэзия, вдруг как бы глаза открылись. Они вдруг все оформили, все поняли, и как-то иначе на все взглянули. Я считаю, что поэзия [только] для этого нужна. Поэзия должна быть настоящей, а не просто написание текстов.

[Со сцены:] Поэзия вообще ни для чего не нужна⁵.

Такое отношение к публике имеет свою традицию и свои причины. По наблюдениям Г. Беккера, среди послевоенных джазистов вынужденная зависимость от публики, которая платит за исполнение, приводит к следующему: «Музыканты враждебны по отношению к своей публике и боятся, что им придется принести в жертву жлобам свои художественные идеалы. Они демонстрируют убеждения и шаблоны поведения, которые можно рассматривать в качестве способов приспособления к данной ситуации» [Беккер 2018: 114–115]. Можно вспомнить уничижительную кличку *фармацевт* для посещавших в начале XX в. питерское арт-кафе «Бродячая собака» непоэтов, «дававших доход» и оплачивающих счета собиравшейся там богемы [Шульц, Склярский 2003: 76–77]. По большому счету, это реакция, обусловленная общественным запросом на соответствие некоей роли, своеобразный «соцзаказ».

В этой связи интересен вопрос, как проявляются подобные представления среди современных поэтов «цеха», которые, в отличие от послевоенных джазовых музыкантов, не зависят от публики материально.

Как показали интервью и наблюдения, поэт может стараться полностью избегать контакта с потенциальными читателями, полагая, что эстетическая пропасть непреодолима в принципе. Так, наиболее последователен в этом Инф. 5: не скрывая своего занятия литературой перед людьми, никак с ней не связанными, он тем не менее старательно избегает их проникновения дальше поверхностного знакомства, не приглашает на свои вечера и старается сделать так, чтобы они не читали его текстов:

И я [от этого] всеми силами хочу уберечься... Я понимаю, что человек просто будет разочарован очень. То есть если это не будет действительно какая-то классная туса, если это не будет спектакль во МХАТе, чтобы зал был забит. Я представляю: позову ее [читательницу] во МХАТ, она придет, увидит зал 300 человек, и там сидит десять человек и... Ну, я не знаю. Она, наверно, что-то в целом поймет о поэзии и о поэте. [Усмехается.] Наверное, больше о поэзии даже она поймет [Инф. 5].

Предельный случай тактики избегания — намеренное затруднение контакта не только физического, но и через текст. Автор делает его настолько сложным, чтобы он априори был недоступен для понимания читателя, неспособного считывать переключки с другими текстами и стилистическими:

⁵ Полевой дневник Е. Ф. Югай. 22 января 2020 г.

Инф. 14: Вот у меня была одна такая ошибка интересная. До сих пор я ее не изжил. Мне казалось, что стихи, что там должен быть, так сказать, какой-то... Ну, то есть они должны быть непонятны тем, кто не любит поэзию. <...>

Соб.: Ну, они и так непонятны.

Инф. 14: Не-ет. Вот, понимаешь, встроить внутрь текста блок от профана (ср. «защита от дурака» в технике. — *И. Б., Е. Ю.*). У меня была такая идея. В духе мандельштамовских стихов. Ну, то есть я понимал, что это у него органично. А я хотел, может быть, не совсем органично. То есть у меня было чуть более рационально, чем нужно. А наверно, это не нужно делать было⁶.

Однако в отличие от модели, о которой шла речь выше, — назовем ее тактикой избегания — существует и другая модель взаимодействия профессиональной поэзии с профанным читательским полем — тактика освоения. Она предполагает, что даже если люди не понимают современной поэзии, это не значит, что они в принципе не смогут к ней приобщиться — например, на каком-то ином, пусть даже невербальном уровне:

Соб.: А как ты относишься к чтению перед людьми, которые с большой вероятностью ничего не понимают?

Инф. 4: Толерантно. Ну как — смотри, во-первых, всегда есть надежда на то, что форель пробьет лед. Однажды. <...> Вдруг. В какой-то момент у человека сатори к концу вечера, к концу твоего чтения вдруг: оп! Он не столько понял, сколько почувствовал, что во всем этом что-то такое есть.

И даже в случае полного непонимания сама по себе реакция «наивного» читателя может быть ценна для поэта — именно как «непосредственный» отклик, не отягощенный профессионализмом или сложными взаимоотношениями внутри цеха:

Но постепенно как-то, значит, мне стало все более и более интересно читать людям, которые меня, может быть, меньше знают <...> Которые, может быть, даже вообще не очень сведущие в литературе. Обратиться к таким людям мне стало интересней, чем опять читать и коллегам, и тем более каким-то знатокам. [В кругу поэтов] отношения уже как будто бы сложились со многими людьми. И их реакция уже <...> во многом предсказуема. [Но] <...> каждый раз, когда я прихожу в какие-то университеты и школы, это всегда приятно мне, потому что сидят люди, которые... Во-первых, там молодые люди, конечно, не очень понимающие вообще, что это такое происходит. Да. Что такое стихи — не очень хорошо понимающие. С одной стороны. С другой стороны, они еще не знают, как относиться ко многим вещам. Поэтому они открыты. Да? И их реакция может быть непосредственнее [Инф. 2].

⁶ Интервью, взятое Е. Ф. Югай в 2014 г. для доклада на конференции «Perspectives on Contemporary Legend».

В этой тактике заметно смещение отношения к читателю от представления о нем как о потенциальном захватчике, который может разрушить самость автора своими запросами, до «благородного дикаря», открытого просвещению. Хотя даже при взаимном доброжелательном расположении друг к другу, поэт чувствует некоторую объективацию со стороны читателя:

Единственное, они, конечно, это всё — писателей немножко воспринимают как существо несколько возвышенное. И его даже не запоминают, как его зовут. А мыслям его внимают, с этим я сталкивался. Тебе же повторяют твои же мысли, но тебя не запоминают [Инф. 11].

Для поэта-эксперта, который занимается издательскими практиками и организацией литературных вечеров, возникает потребность уравновесить эти две тактики, чтобы обосновать выход других поэтов к аудитории:

Соб.: А это важно, чтобы поэта читал вот такой «чистый» читатель?

Инф. 7: Для поэзии важно, для поэта вообще неважно. Если поэт будет ориентироваться на читателя, поэзия превратится вот в какую-нибудь эстраду, да? В какой-нибудь песенный жанр. Это... да, ближе к песне. Для поэта это... не то что неважно: это не должно его волновать. Конечно, это важно. Он должен написать и уже думать, как эти стихи приблизить к читателю. Но не должен писать их, думая о том, как бы они стали ближе.

В этом высказывании, как и при тактике избегания, присутствует страх, что чрезмерный контакт с публикой разрушит самость поэта, его принадлежность к «высокой культуре», но читатель все же допускается к результатам работы автора-профессионала; более того, на писателе лежит ответственность за то, как приблизить стихи к читателю. Возможно, что переход от тактики избегания к тактике освоения происходит по мере взросления и изменения роли в группе, приобретения функции представлять современную литературу в разных институциях.

Как видно, тактика освоения тоже не предполагает от читателя понимания, какого поэт мог бы ждать от коллеги. Но она базируется на предпосылке, что для поэзии понимание слов необязательно, что контакт с читателем возможен на эмоции и проникновение в текст происходит посредством иных чувств, — Инф. 4, например, называет это «обменом энергией». Таким образом, если при тактике избегания поэт оказывается, по сути, в эстетической изоляции, замкнутый на других поэтах-профессионалах, способных понять и оценить его тексты, то при тактике освоения выход из этой изоляции возможен если не через общую с читателем эстетику, не через вербальное понимание, то хотя бы на уровне чувств и эмоций.

Вообще вопрос понимания или непонимания поэзии — один из ключевых в сообществе. Кто действительно понимает стихи — читатель-профессионал или читатель-профан? Что именно он понимает, форму или содержание? Насколько совершенная форма может помогать или мешать пониманию содержания? Все эти вопросы так или иначе существуют в поэтическом сообществе, но обычно остаются без ответа:

Они [стихи] вообще будут непонятны. Чем лучше ты напишешь... То есть все будут хлопать, всем будет нравиться. Но они будут непонятны. То есть все равно поэзия остается непонятной. По определению. Я так думаю. Да? Она же непонятна. Уж если мы не понимаем, что это такое, — те, у кого более-менее получается, то что уж говорить о тех, кто ее читает? Хотя, может, они больше понимают. Тоже вопрос [Инф. 14]⁷.

Важно также заметить, что оба эти подхода — и тактика избегания, и тактика освоения — не предполагают коммуникации с читателем. В своих оценках ожидания реакции непрофессионалов наши респонденты обычно говорили, что ничего не ждут:

Соб.: На ваш взгляд, что является проявлением читательской любви?

Инф. 10: Просто читать. Чтобы они читали. [Улыбается.]

Соб.: Даже если вы не в курсе, что он вас читает?

Инф. 10: Конечно. У меня нет необходимости в фидбэке (в обратной связи). — *Е. Ю., И. Б.*)

Таким образом, в любом случае контакт с профаном в представлении поэтов — это молчаливое и одностороннее взаимодействие, не ведущее к взаимному эстетическому или эмоциональному обогащению, тогда как от читателя-профессионала в качестве реакции на прочитанные (услышанные) тексты ждут именно коммуникации.

Но для наших молодых информантов (1990-х годов рождения), похоже, такая полярность мира, в котором реальный читатель не совпадает с идеальным, размывается. В их случае мы сталкиваемся с новым вариантом взаимодействия с читателем — это тактика принятия. Так, Инф. 8 рассказывает:

Инф. 8: Есть тема, когда если есть какой-то отклик, то это мотивирует. Но и обратных штук тоже хватало. <...> Или вот пару дней назад я каким-то образом набрел на сообщество «ВКонтакте», где было три ветки, где обсуждали, очень хорошо пропесочивали мое творчество. <...> Но тут я перечитал [это обсуждение] и даже получил какое-то удовольствие. Это такой опыт. Ну вот, тоже такой отклик. Причем чисто там люди на эмоциях.

Соб.: Нет желания избегать «не своего» читателя?

Инф. 8: Нет. Я бы на самом деле вживую даже с ними со всеми поговорил, просто я вообще редко где-то оставляю комментарии...

Автору интересен читатель, даже если он высказывается в духе «ох уж эта современная поэзия, вот у меня есть друг, вот он — поэт». В случае неожиданного принятия читателем-профаном, несмотря на удивление, основной эмоцией будет радость, готовность принять такой читательский отклик:

⁷ Интервью, взятое Е. Ф. Югай в 2014 г. для доклада на конференции «Perspectives on Contemporary Legend».

Инф. 8: Давным-давно мне какой-то человек написал: спасибо, что очень понравилось творчество. Я зашел к этому человеку на страницу, у него там одни автоматы. Он сам там на аватарке с автоматом, собака какая-то. Очень любопытно. <...>

Соб.: Что ты почувствовал?

Инф. 8: Мне было прям очень здорово. Во-первых, непонятно, как он на меня попал. Если бы в его увлечениях было написано «поэзия», я бы не так удивился и, наверное, не так бы обрадовался.

Это не значит, что сейчас авторы не чувствуют зазора непонимания между современным поэтом и широким читателем. Так, *Инф. 9*, говорит о комментариях вроде «О, круто! Ты это сама написала?»:

Когда с людьми не этого [своего] круга общаешься, немножко возникает такая неловкость... Кринж, как сейчас говорят. Стыд, смешанный с неловкостью.

Но сейчас это непонимание принимается как данность и не вызывает защитной реакции. Более того, остается вера, что преодолевать этот зазор — дело взаимное.

От читателя ожидается активное участие и, как следствие, за ним остается право выстраивать собственные иерархии:

Нет, чтобы не было совсем [контактов с читателями-профанами], не хочется — я за то, чтобы люди читали стихи. <...> Просто все очень классно [в современной поэзии], и хочется, чтобы люди знали, что есть такое классное. Есть какие-то люди, которым могло бы понравиться, но они боятся туда идти, это ж нужно кучу всего перелопатить. Может быть, тебе все время подсовывают Чухонцева, а тебе понравится Галина Рымбу... Круто, если будет больше людей, которым интересно и которые готовы исследовать это поле, будет здорово [*Инф. 9*].

Подобное равенство с читателем отчасти сигнализирует о нечетком осознании границ сообщества, по крайней мере на отсутствие сакрализации этих границ, несмотря на однозначную (институциональную — и через семинары, и через публикации) принадлежность наших собеседников к сообществу.

Стихи и жизнь

Наши материалы показывают, что сейчас в поэтическом сообществе столкнулись две поведенческие модели: холистическая и редуционистская. Первая, восходящая к представлениям романтизма и практикам поэтов Серебряного века, характеризуется целостным подходом к определению поэта, когда жизнь и тексты неразделимы, и свойственна поэтам 1970-х годов рождения и старше. Вторая, определяющая поэта только через его творчество, чаще встречается у информантов 1990-х годов рождения и младше.

Таким образом, разлом проходит по «детям перестройки», не заставшим советской реальности, в которой поэты (с одной стороны, признанные, с другой, неподцензурные) занимали особое место.

Холистическая модель включает в себя три взаимосвязанных компонента: а) поэзия полностью пронизывает жизнь, б) поэт обостренно воспринимает страдание, в) поэт находится на периферии социума или исключен из него. С одной стороны, все, с чем поэт сталкивается, может стать материалом для поэзии, а с другой — сама жизнь поэта работает на создание его образа, неразрывно связанного с его текстами. Поэзия воспринимается как «образ жизни» [Инф. 10], а поэт — тот, кто «обостренно чувствует» боль [Инф. 12].

К такой модели восходит представление, что поэт отличается от других людей. Инаковость может проявляться не только в поведении, но и на уровне физиологии. Авторы этой статьи и их друзья сталкивались с объяснением разных особенностей — от тахикардии и дисплазии до леворукости — фразами: «Понятно, ты же поэт», «Это признак творческого человека» (в том числе со стороны врачей). Но наиболее ярко отличия проявляются в бытовой сфере жизни — поэт плохо к ней приспособлен, может быть несобран, рассеян, неряшлив, оторван от реальности, вплоть до того, что при разговоре теряет внимание к собеседнику:

Соб.: Есть какие-то черты, которые отличают поэта?

Инф. 10: Ну, такой... немножко несобранный человек. Иногда такой, как оборванец выглядит. [Смеется.] В хорошем смысле слова... Необязательный, наверно, может быть, человек. Ну, еще он зациклен на себе. Иногда, когда с ним разговариваешь, он как будто бы не здесь, а в своих каких-то мыслях.

Я другое скажу: человек пишущий отличается от человека живущего. И мудрец в поэзии может быть таким дурындой в жизни! Вот такая история. Это просто попадание [Инф 5].

На сообщение о невероятной рассеянности (например, частой потере документов) можно получить ответ: «Настоящий поэт!»⁸ Важно заметить, что это представление разделяется как внутри, так и вне поэтического сообщества. Так, некоторые наши респонденты рассказывали, что близкие, зная за ними эти не самые приятные в быту черты, прощают их, объясняя тем, что «это же поэт!» В то же время кто-то из собеседников намеренно сообщал окружающим, что занимается поэзией, предполагая, что они закроют глаза на подобные реальные или возможные их слабости:

Соб.: А бывает, что люди объясняют что бы то ни было в вас или в вашем поведении тем, что они знают, что вы поэт?

Инф. 10: Часто, да. Бардак. Неаккуратный вид. Ну, как я одеваюсь, как я хожу. Я не заправляю кровать. Вот это вот все. Ну, и еще в грязной обуви часто хожу... И вообще несобранность... Или, например, освобождают меня от чего-то, чтобы у меня было больше

⁸ Полевой дневник Е. Ф. Югай. 18 марта 2020 г.

времени заниматься текстами. Кто-то за меня что-то сделает, например. Или там, допустим... выяснение отношений: «Да что с нее взять, она же поэт!» Типа, не связывайся с ней. [Смеется.]

Холистическая модель поведения строилась на романтическом представлении о раздвоенности мира, в которой поэт выступает как проводник некоего сакрального начала. Профанное ему недоступно, ярким проявлением чего становится «неумение жить»: «Ибо раз голос тебе, поэт, / Дан, остальное — взято» (Цветаева).

Нельзя сказать, что такая модель незнакома молодым участникам литературной жизни. Так, Инф. 6 говорит о том, что в ее восприятии нет образа типичного поэта, но после некоторых колебаний все же приводит в пример одного из тех, кого прежде назвала среди любимых авторов:

Инф. 9: Он поэт-поэт такой.

Соб.: А чем?

Инф. 9: Он как будто бы сразу здесь и не здесь. Как будто он существует в двух планах реальности. Когда он читает, это его чтение быстрое, тараторящее <...>. Но это же правда, у тебя есть ощущение, как будто рядом с тобой космическое существо сидит. <...> [И далее — о другом человеке:] у меня нет от него ощущения инопланетянина, зато он такой рассеянный, что есть от него ощущение, что человек — он в стихах очень сильно. Не только в реальной жизни, но в текстах, буквах.

При этом в себе и ближайшем окружении рассказчица подобных свойств не выделяет. То есть эта модель опознается, но больше не является ни единственной, ни самоценной, а тактики вхождения в сообщество и научения правильному поведению, существующие в любом поле деятельности и в любом кругу, больше не предполагают ее массового освоения.

Как представляется, именно стереотипизация асоциального поведения поэта привела к выхолащиванию и отмиранию поведенческого шаблона. Но само по себе это представление об асоциальности и исключенности из мира связано с возможностью (и долженствованием) романтического поэта следовать каким-то иным нормам.

Признанный в сообществе и значимый для молодых поэт старшего поколения говорит:

В отличие от, ну, я не знаю, спортсмена, который там, понятно, — не надо пить, надо ложиться рано, надо еще что-то делать, — есть набор понятных действий, чтобы ты там хорошо пробежал или прыгнул. А с поэтом — здесь каждый остается сам с собой. Потому что непонятно — ты должен пить или не должен пить? ты должен завести этот роман или ни в коем случае не должен? Но все твои действия влияют на твои стихи. Это любой хоть чуть-чуть внимательный человек скажет. И вот на свой страх и риск, мне кажется, ну, именно, что ты должен понимать как-то чувствовать, что вот это можно, а вот это нельзя. Это иногда расходится с такой моралью общепринятой, что делает поэта действительно таким странноватым иногда существом [Инф. 2].

Причем речь идет не только о конструировании образа, но и об экзистенциальных вещах:

Короче говоря, может быть, я романтизирую эту ситуацию, но я по-прежнему думаю — это восходит к тому, о чем я уже сказал, — что поэтом рождаются. <...> Сейчас, знаете, есть такие представления о том, что поэт — он может быть кто угодно, такая работа. <...> Ну вот он пишет стихи, ну и что? Кто-то там еще что-то делает. Но мне так не кажется [Инф. 2].

Далее информант поясняет, что имеет в виду не превосходство поэта, а о его невозможность выйти из роли, «вернуться с работы»:

Очень важна здесь эта какая-то йога, так сказать, да, определенная, ну, какая-то действительно... психофизические свойства твои, [которые] позволяют тебе либо стать проводником чего-то. Я все-таки продолжаю думать, что все-таки поэт — это, ну как, так сказать, что-то есть помимо тебя, да? Что позволяет тебе написать стихотворение. Какие-то энергии, какие-то, ну, в общем, силы еще. Тыходишь во взаимодействие с какими-то ритмами, не только своими. И вот чтобы эта связь произошла, нужно быть в какой-то форме [Инф. 2].

В предельном случае само понятие *поэт* начинает относиться в первую очередь к особенному способу взаимодействия с миром, а не к написанию стихов. Человек того же поколения, что и Инф. 2, но из другой компании, замечает:

Инф. 6: Об этом я тоже очень хочу сказать. Я точно знаю, что поэт — это не только тот, кто пишет. А поэт больше тот, кто слышит. А уже выдаешь ты продукт или не выдаешь ты продукт — это вопрос тридцать третий.

Соб.: А как определить человека? Как его увидеть? Чем он отличается?

Инф. 6: Тот, который есть у меня пример, — это острота проживания. Может быть, даже трагичность проживания, драматичность, активность. <...> Это могут быть такие фигуры речи, что ты точно знаешь, что это стихи. Но они не стихи. Да, это наверное, поэтический склад поведения. <...> Я имею в виду конкретного человека. Вот она точно поэт. Но она не пишет.

Социальным проявлением таких представлений становится распределение статусов, при котором соответствие модели поведения значит больше, чем наличие и качество текстов:

Инф. 11: [Поэт без стихов] Бывает. Бывает-бывает. Причем бывает, что человек и поэт, но десятилетиями не пишет. И так бывает. А бывает, что он вообще этого не пишет, но <...> во многих опять городах есть тусовка, и — таких неплохих очень литераторов, которые кучкуются у того человека, который сам ничего не пишет. Ни на

музыкальных инструментах не играет, ничего. Вот выдвигает какие-то идеи. <...>

Соб.: А зачем он им нужен?

Инф. II: А черт его знает — как батарейка какая-то энергетическая. Ну не раз и не два такое видел. <...> Ну там еще бывают, что <...> у себя в городе почитается откровенно плохой поэт. При том что он — и организатор, и, действительно, мыслитель.

Однако представление об особенных человеческих качествах поэта вызывает настороженность у младшего окружения Инф. 2. Они либо эксплуатируют подобный стереотип на публике, относясь к этому как к игре, либо вовсе отказываются от такового:

Мне кажется, поэт должен просто жить, и все. Как обычный человек. Ну если появляется такое, что поэт чего-то должен, то, наверно, в этом есть какое-то высокомерие, что ли. Начинаешь ставить себя над другими. Вот я должен. На мне там непосильная ноша. Я не очень уверен, что из этого может получиться что-то хорошее [Инф. 3].

Соответственно, и пересказы примеров эпатажного поведения в последние годы, прежде составлявшие важную часть бесед (и доказательств того, что некто — настоящий поэт), уступают место замечанию: «Ну это же идеальная модель. Я не думаю. Просто я вижу других поэтов, которые самые такие обычные» [Инф. 1].

В рамках холистической модели тексты зависят от жизни, и, в общем-то, именно жизнь становится главным текстом автора. Обратная зависимость, о которой тоже стоит сказать пару слов, — это зависимость жизни от текстов. Сюда относятся запреты писать о смерти, потому что ее можно призвать, нарративы о поэтах, чьи пророчества сбылись (Рубцов) или не сбылись (Бродский), в связи с рассуждениями об их «настоящести» и др. В одном из интервью показано, как такие представления частично передаются при обучении от одного поколения другому:

...я тогда только начинала ходить на семинар. [Написала стихотворение, которое тогда показалось очень удачным.] Написала и записала его, и я очень сильно заболела <...> Валялась неделю с температурой под сорок, думала, что сейчас помру. И когда я пришла на семинар, рассказала, [руководитель] сказал: «Ну вот, это тебя так стихок перепыхал». Как бы ему тоже понравилось. Я очень долго считала, что да. Сейчас я думаю, что это совпадение [Инф. 8].

Для представителей редукционистской модели тоже существуют запретные темы, к которым может относиться та же смерть, но речь больше идет о социальном табуировании при чтении. Даже если говорится о страхе читать «из каких-то суеверных убеждений» (сама формулировка уже показывает некоторую дистанцию), в дальнейших рассуждениях появляются образы родных, которые могут услышать этот текст при просмотре видеотрансляции [Инф. 9], или зрителей, которые будут смущены [Инф. 8].

Участники сообщества чувствуют, что их деятельность нагружена смыслами и представлениями, и сопротивляются навязыванию моделей. Показателем этого сопротивления выступает двойственное отношение к слову *поэт*:

Оно меня не раздражает, и оно меня не фраппирует, как сейчас такое поветрие, даже уже не сейчас, а уже лет 15 — что стыдно говорить о себе «поэт», вот, но я и не говорю о себе «поэт», может быть, как раз потому что, чтобы люди не подумали, что я отношусь к этому так вот [серьезно] [Инф. 4].

В целом есть ощущение, что поэт — это то, что можно сказать только о другом. Хотя в бытовой коммуникации внутри цеха отношение к самоопределению спокойное:

Мне кажется, что я к нему [к слову *поэт*] уже слишком сильно привык, и поэтому для меня такое естественное слово. Как, не знаю, обед или завтрак. <...> Слишком много вокруг было поэтов. И по-прежнему вот... здесь вот ты поэт. Ну, вчера, позавчера я общался с поэтами. Так что... Наверно, я ничего особенного в это слово не вкладываю, просто для меня это такое неотъемлемое слово каждого дня [Инф. 3].

Ну, вот я встречал [кого-то] на фестивале: «Ты кто, я просто не помню, прозаик, поэт?» — «Я — поэт, да». Ну, это понятно, нормально, да — «мальчик», «девочка». А вот такое, что «я — поэт!» — с таким произношением [эпатажно]... [это ненормально] [Инф. 5].

Но при столкновении со зрителем, когда это определение возникает как внешнее, возможны сложные реакции. На поэтических чтениях участница, сказав «я как поэт», сразу же оговорила: «То есть, конечно, я не поэт». «Я поэт!» — донеслось из зала от человека, который в этом сообществе позиционирует себя в первую очередь как зритель и поклонник таланта⁹. В другом случае после одного из поэтических вечеров группа авторов пошла в кафе, которое считается уютным, семейным. Сотрудники кафе вступают с посетителями в неформальный разговор, который поэты охотно поддерживают. Хозяйка кафе упомянула, что в этом заведении бывают поэты, в частности, назвала имя одной из посетительниц. «А кто?» — «А, мы знаем ее», — отозвались гости, но не ответили никаким ответным признанием. Более того, когда в конце вечера работники закрывающегося кафе стали спрашивать: «Что вас объединяет?» — кто-то сказал: «Содомия», и другие поддержали этот ответ. В этом «самоопределении» веселящиеся поэты упорствовали, даже когда один из работников предложил спеть песню на свои стихи. «Вы же все поэты, пишете сами», — призвал ко вниманию один из участников группы, на что другие разочарованно заметили ему: «Ну зачем ты нас выдал!»¹⁰

⁹ Полевой дневник Е. Ф. Югай. 22 января 2020 г.

¹⁰ Полевой дневник Е. Ф. Югай. 24 января 2020 г.

В основе этого игрового поведения лежит вполне распространенная модель, когда поэт стремится скрывать от своего окружения вне цеха свою поэтическую идентичность во избежание соотнесения с романтическим шаблоном:

Соб.: А в вашей жизни было такое, чтобы кто-то объяснял ваше поведение тем, что вы — поэт?

Инф. 12: В моей нет, наверно. Трудно сказать. Ну, я такой человек довольно... Ну, все-таки поэтическое поведение — оно, наверно, больше с истериками связано, чем с таким, мне кажется. Нет, таким бы я, наверно, никогда не оправдывалась, потому что, на мой взгляд, частная жизнь и творчество — они все-таки немного по-разному существуют. А исключительно такое романтическое понимание фигуры поэта — оно несколько уже далековато от нас, мне кажется. Потому что стихи стихами, а жизнь-то жизнью.

Обратная ситуация — демонстрация этой идентичности именно перед профанами, то, что И. Гофман называет «циничным исполнением», когда участник взаимодействия ориентируется не на то, как в реальности проходит его работа, а на то, какие ожидания от его работы существуют вне сообщества:

Инф. 5: Ну, иногда я так спекулятивно могу этим воспользоваться в кругу людей, которые от литературы далеки <...> Причем с двумя целями разными. Либо чтобы показаться таким юродивым, типа с меня взятки гладки: <...> что я вот «поэт», то что, я там не знаю, «отец детей», да, то, что у меня есть вот какая-то такая основная миссия, а работа — она по остаточному принципу <...> Ну, в общем, чтобы снизить требование ко мне так или иначе, да?

Соб.: Что ты в таком случае говоришь?

Инф. 5: «Я — поэт». Либо — ну, так привлечь какое-то внимание... Ну, то есть, вот условно говоря, я не знаю, если бы была какая-то ситуация, сейчас уже трудно представимая: какая-нибудь вечеринка, девушки, что-нибудь такое вот, и [я] такой: «Я поэт, вот я там...» [Вздыхает.] «Он поэт! Поэт...» Ну, в принципе, можно так сказать по приколу. Ну, или не по приколу, а чтобы действительно какой-то кредит доверия, внимания получить.

Важно, что такое использование слова *поэт* предполагает уверенность в том, что в обществе существует шаблон, согласно которому поэт меньше, чем другие люди, вовлечен в социальные роли (в частности, в необходимость занимать какую-то должность) и обладает ресурсом внимания. Для сравнения, современные Гофману американки из среднего класса в разговоре с мужчиной старались «играть в глупенькую», чтобы соответствовать его представлению о роли, испытывая при этом разные чувства — от азарта и «материнского снисхождения» к тому, кто верит их спектаклю, до стыда и страха быть разоблаченной [Гофман 2000: 110, 282]. И это, конечно, не частные практики, а реакция на существующие в обществе шаблоны поведения и восприятия.

Отказ от слов *поэт* и *поэзия* (или, наоборот, их принятие) в общении с профанами отчасти связан с отказом от должностования соответствовать

представлениям о себе (или согласием с этим). Как показывает Евгения Вежлян, для сетевых поэтов (поэтов вне сообщества) эти правила очень важны; формульны не только тексты таких авторов, но и их модели поведения, отступления от этой формульности служат предметом дополнительных ремарок [Воробьева (Вежлян) 2020].

Поэт и социальные роли

Маргинальность, экстравагантность, склонность к осуждаемым обществом практикам и образу жизни — такие базовые признаки можно выделить в стереотипе человека творческой профессии за последние сто лет, хотя его конкретное содержание меняется с течением времени. Так, широко известно, что в конце XIX — начале XX в. «артистичным» считалось употребление наркотиков, в 1970–1990-е годы — пристрастие к алкоголю. Психиатр Иосиф Зислин рассказывал на одной из лекций, что в 1970-е годы студенты-художники в Ленинграде считали зазорным не иметь справку о наличии у них психоза: «Без справки не художник»¹¹.

Беккер, говоря о тактиках взаимодействия с враждебной публикой, указывал, что музыкантам свойственны самосегрегация и подчеркивание собственной инаковости по отношению к конвенциональным нормам: «Рассказываемые в среде музыкантов истории отражают восхищение крайне своеобразными, импульсивными, наплевательскими поступками; у многих прославленных джазовых музыкантов сложилась репутация “чудиков”, рассказы об их подвигах передаются из уст в уста» [Беккер 2018: 107]. Возникает взаимное аутсайдерство: с точки зрения общественных норм музыкант — это нежелательная профессия для ребенка или супруга, потому что не приносит денег и связана с различными социальными девиациями, а внутри сообщества любой немусыкант будет маркироваться как «жлоб» (square).

Как показывают интервью с нынешними учащимися Литературного института им. Горького, они, напротив, ведут здоровый образ жизни¹². Ушли в прошлое массовые попойки с чтением стихов на лестничной клетке общежития, о которых любили рассказывать еще в начале 2000-х годов, а истории об эксцентричных поступках поэтов, таких как выход в окно с пятого этажа, случайным образом не имевший трагических последствий, бытуют в виде забавных баек. Хотя среди признаков творческого человека сохраняются и депрессивное состояние, и склонность к самоповреждению, которая пришла на смену суицидальным наклонностям.

Интервью с бывшими и нынешними студентами Литературного института, охватывающие 1980–2000 гг., показывают, что их модели поведения подверглись трансформации, что в целом совпало с трансформацией ценностей данного поколения. Однако нельзя забывать, что студенты находятся на границе поэтического цеха, их модели отражают стереотипы вхождения в цех, но не пребывания в нем. Настоящее «поэтическое» поведение складывается позже,

¹¹ Лекция «От Гоголя и Хармса до Павленского: зачем пишут патографии», прочитанная онлайн 16 апреля 2020 г.

¹² Интервью, взятые И. С. Богатырёвой для проекта «Историческая память городов» (Московская высшая школа социальных и экономических наук).

уже в профессиональной среде. Процесс превращения предцеховых моделей в цеховые требует отдельного исследования, мы же сосредоточимся на стандартах поведения собственно в поэтической среде.

В постсоветское время поэтическая роль проявляется внешне через маргинальное поведение и выбор профессии из определенного набора, приличествующего поэту. Эти профессии связаны с нахождением на периферии социальных иерархий: взаимодействие с начальством и ответственность в таких профессиях минимальна, а возможности сделать карьеру или добиться материального благополучия отсутствуют.

Эта модель парадоксальным образом вобрала в себя черты как официального советского писателя, так и писателя андеграунда. Читательницы, с близкого расстояния наблюдавшие быт членов одного из региональных отделений Союза писателей в позднее советское и постсоветское время, делились с одним из авторов этой статьи своими впечатлениями от неумеренного употребления алкоголя этими писателями, а также использования ими нецензурной лексики и презрения к «городским» (в основном сами члены СП были родом из деревни)¹³. Деревенское происхождение рассматривалось как элемент биографии, подразумевающий «знание жизни» и опыт преодоления трудностей. Во многом это перекликалось и с поведением обкомовских начальников, среди которых умение материться почиталось доблестью и которые любили общаться с писателями в непринужденной обстановке (особенности этого взаимодействия — отдельный разговор)¹⁴. В то же время контркультура (рок-музыканты, поэты самиздата) тоже включала в себя модель поведения «дворников и сторожей», уходивших в опрощение. Официальных писателей и художников отправляли в творческие командировки на заводы и коммунистические стройки, а те, кто не хотел зависеть от системы, уходили в дворники. В современном пересказе эти практики сливаются в единое целое, но абсолютно точно то, что в середине XX в. позиционировалось как демократизация писателя, послужило в результате актуализации романтической модели поведения.

В одном из интервью поэт Ната Сучкова точно формулирует отношения с шаблоном, которые выстраивались у молодых поэтов на рубеже 1990–2000-х:

Все это не более, чем красоты стиха, за ними нет БИОГРАФИИ. Это типичное, кстати, обвинение в адрес поколения. Слава Богу, нас минули революции, войны, вынужденная эмиграция, все эти страшные вещи, которые травмировали и одновременно формировали целые поколения. И все же у каждого из авторов 35–40 плюс — своя история [Сучкова, Егорова 2019: 64–65].

«Биография» как подлинный опыт жизни считалась обязательной и при этом увязывалась с травмой и только с ней: в писательской среде наличие успешной карьеры в других профессиональных сферах или позитивный личный опыт не признавались биографией (такой, которая «делает» поэта).

¹³ Полевой дневник Е. Ф. Югай. 7 января 2020 г.

¹⁴ Интервью, взятые Е. Ф. Югай для проекта «Говорить и подразумевать: Эзопов язык в быту советского человека» (Карамзинские стипендии — 2017).

По нашим наблюдениям и свидетельствам информантов, на поэтических семинарах в 2000-е годы часто звучало пожелание «большого человеческого горя» (фраза Ходасевича относительно Георгия Иванова, в разных ее вариациях и пересказах), которое поможет начать писать настоящие стихи. В частности, один из авторов этой статьи на поэтическом семинаре в 2008 г. сталкивался с метафорическим пожеланием броситься в Волгу, как Катерина, которая была непримечательная милая девочка до переживания горя, а столкнувшись с ним, поднялась на вершины духа и стала способна на сильное высказывание. Спустя десять лет после этого руководитель другого поэтического семинара сказал, что стихи семинаристки уже достаточно профессиональны, чтобы спасти, но кажется, что автора не от чего спасти. Обе эти реплики, сказанные представителями экспертного сообщества в ситуации обучающего мастер-класса, имеют пресуппозицию, что написание поистине важных для литературы поэтических текстов невозможно из состояния личного благополучия, что переживание травмы первично относительно уровня технического мастерства.

В качестве реакции на такое понимание механизма письма и его назначения люди, не имеющие очевидно маргинальной судьбы, при конструировании биографии смещают акцент с внешних событий на разницу в восприятии, эмоциональный болевой порог (чем он ниже, тем лучше для письма):

Причем я думаю, что глобальность этой травмы имеет, конечно, значение, но важнее ее осмысление — гораздо меньшие вещи могут влиять на автора с той же и даже большей силой: дело тут в восприятии. <...> Боль — это очень индивидуальная вещь, ее сила и интенсивность зависят только от восприятия того, кто эту боль испытывает: то есть кто-то руку в огне может держать и ничего, а другой палец булавкой уколет — и болевой шок получит. Это некая метафора, если понимаете, о чем я [Там же: 65].

При этом боль продолжает оставаться необходимым условием творческого действия.

Такое понимание приводило к особенностям исполнения роли поэта на уровне как жестов, так и внутренних практик:

Потому что раньше я, безусловно, раны свои пыталась расковырять, содрать хрунки [болячки], эта такая была своего рода эксплуатация травмы, как бы позорно это ни звучало. А сейчас мне, напротив, хочется рану эту закрыть, забинтовать. Может быть, поэтому меняется и поэтика, и экспрессия, ее направленность несколько иная. Другое дело, что это такая рана, что, как ты ее ни бинтуй, ты ее до конца не вылечишь [Там же].

Попытки обосновать письмо не через боль, крайне редкие для людей, родившихся до 1980-х годов, выстраиваются «от противного»: «...когда ты преисполнен каких-то сил, и эти силы вдруг начинают конвертироваться в текст» [Инф. 4]. То есть можно писать и «от радости жизни», но сохраняется холистическое представление о единстве жизни и стихов и об экстатичности пере-

живания. Показательно, что оба последних высказывания соседствовали со ссылками на Цветаеву: «...когда та говорит о роскоши чисто внутренней, чисто поэтовой несчастью — “красоте, богатству, дару вопреки”» [Сучкова, Егорова 2019: 65]; «Изливаться. Из тебя просто, вот это пастернаковское, да — все во мне, я во всем... о чем там Цветаева писала...» [Инф. 4]. И в разговоре о боли, и в разговоре о радости жизни речь идет об экстатическом переживании.

Внутренняя необходимость переживать свой опыт как травматический может выливаться в определенные поведенческие шаблоны.

Инф. 10: Сначала тебе стихи нравятся, а потом ты об авторе узнаешь, что он о себе пишет, оказывается... Кто-то пьет [смеется] от этой боли там, кто-то еще что-то. Ну, что непростая у них такая жизнь. Кто-то пьет и дворником работает, на последние деньги живет и все такое. Или кто-то травму какую-то пережил.

Соб.: Вы можете определить, что для вас типичный поэт? Человек... пьет и дворником работает?

Инф. 10: [Смеется.] Это необязательно, он может, наоборот, быть воцерковленным, глубоко православным и не пить, не курить. Это же тоже какая-то боль в современном мире — такую жизнь вести.

Соб.: То есть, получается, типичный поэт — неважно, как он живет, а важно именно состояние боли?

Инф. 10: Не знаю, мне кажется, без боли нет... как бы это... поэзии. Может, у меня какое-то извращенное понимание. [Улыбается.]

Образ жизни, профессия и психотип выступают здесь как части единого целого. Нужно обратить внимание на ироничность, с которой Инф. 10 высказывается об этой модели поэта. Действительно, романтический образ поэта-алкоголика, работающего сторожем или дворником (эти представления отчасти формируются легендой о том, что Платонов работал дворником в Литературном институте, а отчасти формируют ее, см.: [Югай 2017]), не встречается в наших материалах в чистом виде. Последние дворники, подвизавшиеся на этом поприще ради «крещения» на литературном пути, были известны в стенах Литературного института в 2000-е годы. Нынешние студенты поэтических семинаров этот шаблон воспринимают как анахронизм, дань литературной традиции или инструмент «дедовщины»:

[При поступлении] я еще не ходил на занятия, просто в общежитии ребята устроили встречу почитать стихи. (<...> И там было двое молодых ребят-первокурсников, которые рассказывали, что в Литинституте один из преподавателей им загонял, что, вот, приперлись молодые-зеленые, вам надо на завод, вам надо съездить мир посмотреть, на корабле... ну, короче, такой Шукшин-стайл [Инф. 9].

Нет, уже разговоры [руководителя семинара], который говорил, что... «Устройся моряком на корабль, который уходит далеко-далеко, и все, и будешь писать» [Инф. 3].

Эти интервью записаны от поэтов, в 2000–2010-е посещавших литературные семинары в разных институциях, что говорит о широкой распространен-

ности и некоторой формульности такого совета. Намеренный поиск черной работы в рамках этого шаблона воспринимается как часть обучения писательскому ремеслу через получение жизненного опыта. При этом работа на заводе и работа дворником в современных представлениях смыкаются, хотя они отражают некогда противоположные стратегии поведения.

Студенты 1980–1990-х годов рождения уже воспринимали это шаблон как отживший:

Соб.: И как они среагировали?

Инф. 9: Их очень бомбило. Не очень хотят на завод. Ну, один из этих парней работал на заводе, месяц практику проходил, что в принципе ему было интересно, но как это использовать он не знает. Специально идти на завод точно не надо. Я думаю, тот же Шукшин не специально, все это так получилось. Но если не специально, то почему бы и нет.

Соб.: А как ты относишься к этой теме? Что чтобы писать, нужно обязательно погрузиться в какую-то такую жизнь, полную опасностей?

Инф. 3: Нет, мне кажется, что достаточно просто сидеть, допустим, на террасе, смотреть на деревья и все. Ну, это зависит, наверно, от стихов. Потому что вот какие-то активистские-феминистские стихи — там видно, что у человека в жизни были какие-то травмы и они как-то переживаются по-новому. Там опыт насилия и прочее. А если писать, как Айги, то... (ну, как Айги не получится, но как-то в таком духе) то можно просто в гамаке лежать, мне кажется. Хотя я не знаю, какая у него была судьба, насколько у него была трудная жизнь. Но мне кажется, что мне достаточно просто сидеть.

Во втором случае необходимость следовать или не следовать такой модели обсуждается через особенности поэтики: все зависит от того, какие стихи ты хочешь писать. И модель, приводимая в качестве антитезы первой, близкая самому автору, тоже предполагает оторванность от мира. То есть мы имеем здесь дело с отрицанием не взаимозависимости образа жизни и текстов, но именно узко понимаемого «жизненного опыта»: уникальность судьбы перекликается с уникальностью авторского голоса. Также и в первом фрагменте интервью скорее отвергается вторичность модели, ее нарочитость. Можно сделать вывод, что жизнь поэта оценивается как органичная («не специально», «зависит от стихов») или подражательная, как и его творчество.

Это приводит к тому, что совет «узнать жизнь» перестает работать и передаваться, и нынешние студенты Литинститута при упоминании в интервью работы дворником просто не понимают, о каком комплексе представлений и концепте поэтической судьбы идет речь:

Соб.: То есть вы такого не слышали, что для того, чтобы получить литературное крещение, нужно поработать дворником в Лите [Литературном институте]?

Инф. 13: Доставщиком в «Яндекс.Еде», давайте все-таки будем современными. Вот это как-то более животрепещуще.

Соб.: Так у вас говорят?

Инф. 13: Ну, что-то такое, да. Архетипический-то образ дешевой, неоплачиваемой сильно работы. В школе мне еще говорили про дворника, но сейчас-то, наверное, доставщик пиццы все-таки¹⁵.

Важно заметить, что этот информант (1999 г. р.) не воспринимает работу дворником как концепт, для нее это отрицательный образ несложившейся судьбы, которым ее стращали еще в школе. Именно поэтому доставщик пиццы встает в этом смысле в один ряд с дворником.

Другое интервью с поэтом 1990-х лет рождения показывает, как идея жизненного опыта в качестве основы для внутреннего надлома переосмысливается в аспекте техник письма, поиска материала и точных деталей для текстов:

Соб.: А тема жизненного опыта как чего-то важного для писателя?

Инф. 8: Да это правда. Тот же [руководитель семинара], например, говорит, что да, что стихи про кефир, про то, как ты сходил утром за кефиром, намного интереснее, чем стихи, там не знаю, про вечность, грубо говоря. <...> когда ты из реальности это все вытаскиваешь, это лучше, чем когда ты строишь это в голове. И, мне кажется, это связано с жизненным опытом, потому что когда ты сидишь в четырех стенах [тебе сложнее находить образы]...

В рамках редукционистской модели молодой поэт воспринимает данные на поэтическом семинаре советы строго как советы по литературному мастерству, а не как рекомендации к жизнотворчеству.

Что касается профессии, современный поэт может работать дворником, но не ради создания признаваемой сообществом поэтической биографии, а в силу прагматических причин:

Вот в У-ске очень хороший есть поэт, В. С. Сейчас в библиотеке работает, но он работал и дворником. Потому что там платят больше, чем в библиотеке. В библиотеке 9 тысяч, а дворникам — 15 [Инф. 10].

Но в целом, как показывают наши интервью, выбор специализации у современных поэтов сообществом не маркируется, а личное нежелание делать карьеру объясняется не созданием литературной биографии, как было раньше, но необходимостью иметь свободное время для написания текстов:

Есть люди, которые прекрасно приспосабливаются [чтобы зарабатывать], и некоторые усилия какие-то прилагают к этому. У некоторых [наоборот] это естественно происходит. Я одно могу сказать <...> [если] не работать, то как-то проще. В том смысле, что максимально этому [писанию стихов] посвящаешь времени. А не так, например, как я: либо в метро, либо в душе, либо в туалете [Инф. 9].

¹⁵ Интервью, взятое И. С. Богатырёвой для проекта «Историческая память городов».

Показательно отношение в рамках разных моделей к деньгам. Ни те, кто разделяет холистическую модель, ни те, кто от нее отказывается, в реальности не претендуют на то, чтобы их занятия литературой приносили заработок. Но возникающие в разговоре «идеальные миры», в которых поэзия может стать источником существования, рисуют разные «рабочие обязанности» поэта. Для холистической модели это — «быть», для редукционистской — «делать». В первом случае поводом для материальной поддержки становится сама поэтическая роль, во втором — тексты.

Холистическая модель знакома информантам, хотя может ими и не приниматься на уровне предписания:

То есть нет, у меня не значит, что если поэт, то ты обязан быть беден, или если ты поэт, то ты должен на чьей-то шее сидеть, условно говоря, да? Ну... ну, как это называется... быть паразитом, или быть этим, как его... иждивенцем, вот. Иждивенцем, скажем мягче [Инф. 4].

Эта модель исключает для поэта возможность зарабатывать деньги, работа разрушительна, если только речь не идет о «творческой командировке в жизнь» (то есть о занятии, вторичном относительно письма). Правильный ответ настоящего поэта на предложение о работе — «Я подумаю, не отвлечет ли это меня от чего-то важного»¹⁶, — и под этим скорее всего подразумеваются не собственно стихи, а пресловутое обостренное восприятие жизни.

В одной из неформальных (и иронических) бесед собеседницы с отрицания феминизма и утверждения «права женщины на то, чтобы ее содержали», вышли на идею, что содержать должны поэта, обеспечивая условия для творчества. Обе модели были упомянуты как утопические и в реальности не практикующиеся:

Я как человек, который зарабатывает на троих человек, могу сказать, что да, когда приходишь в два часа ночи домой, хочется, чтобы поэта содержали. (...) Это устаревшая модель¹⁷!

В рамках этой «устаревшей модели» общество оказывает покровительство поэту, причем не в качестве платы за стихи. Ситуация напоминает существующие в деревенских сообществах отношения с ритуальными специалистами, тоже связанными со словом как инструментом их деятельности. Так, знахаркам или причитальщицам на Русском Севере не принято платить (вплоть до прямых указаний на потерю «оплаченным» заговором своей силы), но их постоянно одаривают и угощают, т. е. обеспечивают им жизнь.

Ностальгия по такой ситуации, когда поэт получает финансовую поддержку от спонсора или государства, часто выражается в отсылках к опыту Запада:

Инф. 10: [Речь идет о поэте, живущем в Германии.] Он ничем не занимается, он только пишет. В Германии, где им гранты дают

¹⁶ Полевой дневник Е. Ф. Югай. 15 марта 2020 г.

¹⁷ Полевой дневник Е. Ф. Югай. 22 января 2020 г. Реплики двух женщин-поэтов 40–50 лет, записанные по памяти.

и дают. Поэтому они могут не работать. [Смеется.] Ну, или вообще там, в других странах Европы. У нас, конечно, это невозможно. Ну, если у тебя нет там богатого спонсора.

Соб.: А как вам кажется, автор может получать деньги за свой текст? То есть вообще насколько это морально?

Инф. 10: Да! Я за это! Я не понимаю, когда там некоторые смущаются. Ну, я не знаю, мне кажется, если дают — бери! [Смеется.] Ну, я не знаю, это, мне кажется, кокетство, когда там «ой, не надо мне». Это всё, да. Мне — надо. У меня даже были выступления, за которые мне платили за границей, например. Я была в шоке. Конечно, там, в Европе, другое отношение. Там приходил, например, на мое мероприятие человек, он поэт местный, из Берлина. Он читал просто переводы на немецкий моих стихотворений. И ему тоже за это заплатили. И каждый чих там так оплачивается. Ну, то есть совершенно другое восприятие. У нас поэты — это же какие-то отщепенцы, забулдыги, еще платить им, что ли?! Да, к сожалению.

При этом в рамках холистической модели готовность получать финансирование сочетается с категорическим неприятием прикладных видов поэзии и работы на заказ. А редуccionистская модель допускает подобный способ заработка, и наши молодые собеседники совершенно спокойно рассказывали о своем опыте прикладной поэзии и заказного текста или о деньгах, полученных за стихи [Инф. 3; 9]. В случае отрицания для себя создания текста на заказ автор ссылается на то, что это сложно, что результат может не удовлетворить «заказчика» («Мне, скорее всего, будет не нравиться результат, а я предпочитаю, что если мне платят деньги, я делаю что-то хорошо» [Инф. 9]), а не на то, что это занятие недостойное в принципе. А вопрос об отношении к идее, что поэту должны платить, рассматривается через критерий продуктивности:

Я пишу одно стихотворение в месяц, например. Я не могу сказать, что это работа, за которую я должна получать деньги. Нет, я не должна получать эти деньги. С фи́га ли? Все-таки работа — это то, что приносит другим очевидную пользу. <...> За материальную книжку — да, за электронную книжку — да, потому что там работа и других людей [Инф. 9].

Итак, в рамках холистической модели поэт должен прежде всего демонстрировать определенные эмоциональные матрицы и поведенческие образцы и сохранять дистанцию от общества, а приходящая ей на смену редуccionистская модель содержит требования только к текстам (за которые поэт старой формации отвечает перед высшими силами, но никак не перед читателем).

Заключение

Собранный материал позволил нам выделить две поведенческие модели, характерные для современных поэтических сообществ. В рамках холистической модели поэт исключен из общества. Можно снова вспомнить Г. Беккера и его интервью с джазовыми музыкантами, полные высказываний о

невозможности для них быть хорошим семьянином, делать карьеру, устанавливать нормальные социальные связи (реализуя все это, музыкант перестает быть таковым и становится обывателем). Подобно ритуальному специалисту в деревенском сообществе или эпическому сказителю, поэт в этой модели выполняет роль медиатора между социумом и вечными ценностями, и эта идея, в эпоху романтизма выражавшаяся в текстах, в городском постромантическом мире находит отражение в практиках и предписаниях — в частности, в представлениях о цене, которую поэт платит за написание сильного текста (в качестве такой цены может выступать, например, болезнь), и о взаимовлиянии и стихов и жизни (особенно если речь идет о трагических событиях).

На уровне практик противоположность «артистического» и «обывательского» могла выражаться через асоциальность двух типов — через избегание и отстранение от мира («лежать в гамаке») и через освоение, путем выбора наиболее «земной» профессии. Писатель-дворник — возможно, наиболее удачный символ такой роли потому, что совмещает обе эти тактики и может отражать как стремление сблизиться с «народом», так и отказ от социальных благ.

Поэт в холистической модели — существо принципиально иное, отличное от обычного человека даже на физиологическом уровне. Это не профессия, а сущностная характеристика, и обществу необходимы не столько тексты, сколько та отстраненность, свежий взгляд на него самого (как наиболее толерантным поэтам необходим читательский «свежий» взгляд на их поэзию). Поэтому поэт, находящийся в этой модели, в первую очередь пишет свою жизнь. В то же время поэту важно держать границы — не размывать свою принадлежность к высокой литературе и не позволять обществу объективировать себя.

Ненулевая реакция на представление себя поэтом в обществе отчасти связана с тем, что поэзия воспринимается как аутсайдерство (в значении исключенности из социума, инаковости). Это предполагает в том числе позитивную дискриминацию: раз поэт неспособен о себе позаботиться (в профанном мире) и требования к нему снижены, он нуждается в покровительстве. Обратной стороной покровительства становятся право общества на определение того, что такое поэт и поэзия, и ожидание от поэта соответствия этому стереотипу.

Результатом этих представлений становятся тактики избегания читателя и тактики освоения, при которых за читателем признается возможность непосредственно эмоционально воспринять поэзию, но его способности к пониманию и вынесению суждения (к оценке) оказываются ограничены. Взаимодействие с широким читателем воспринимается как соблазн, столкновение с которым безопасно только при умении поэта держать границы и не отступаться под влиянием этих встреч от внутренних задач, а, напротив, завоевывать читателя, направляя его в нужную сторону.

В рамках редуccionистской модели поэт не отделен от общества, поэтому и конфликта с читателями нет: они могут понимать или не понимать, так же как быть по-человечески симпатичны или нет, но речь не идет о глобальном взаимодействии поэта с обществом, при котором поэт отвечает за вверенные ему для охраны ценности. Жизнь может выступать как материал для письма, она важна не тем, что влияет на личность автора, а тем, что подсказывает какие-то образы и темы.

Поэтому и выбор профессии становится неважен — точнее, обусловлен индивидуальными потребностями человека, пишущего стихи. Сфера профессиональной деятельности, помимо литературной, сообществом не регламентируется — поэт может работать кем угодно, например, в библиотеке или в сфере IT. В том числе он может заниматься литературным трудом, т. е. писать тексты на заказ, и такая деятельность больше десакрализирует его как поэта.

Тактика принятия читателя предполагает равные права и равные обязательства участников взаимодействия (читателю современной поэзии необходимо самому прилагать усилия к ее освоению, если он делает выбор в сторону контакта). И поэт испытывает интерес к реакции извне. Возможно, это связано с тем, что поэт становится человеком, формулирующим эмоциональные матрицы (специалистом именно в области слова), но необязательно на основе собственного экзистенциального опыта. При таком раскладе общество может служить источником суждений, оценок и «заказа» в самом широком смысле слова.

Редукционистская модель не регламентирует поведенческую сферу и область бытовых привычек. Представление о наличии правильной литературной биографии как наборе жизненных неудач, через которые впоследствии могли бы читаться тексты поэта, уходит.

Суммируя все элементы, из которых в данный момент складывается модель поведения поэта вне зависимости от двух обозначенных тенденций, мы можем отметить большую прагматизацию и деперсонализацию поэтического творчества как такового.

* * *

Если мы посмотрим на литературу как на традицию, то увидим комплекс течений, изобретение новых приемов и актуализацию старых, цитаты и переключки, более или менее удачные, подражания и новаторство, наконец, восприятие старого («позавчерашнего») как нового (необычного). То же можно отнести и к биографиям, к которым применимы категории авторского голоса, вторичности, аллюзии.

В XX в. была популярна идея экзистенциальной ценности, особенно для поэта, травматического переживания. При холистической модели залогом подлинности текста становится подлинность жизненного опыта, что в совокупности с моцартовским легкомыслием относительно творчества приводит к следующему сдвигу в практиках обучения: нельзя научить / научиться писательскому ремеслу, но можно прожить жизнь правильным для поэта образом. Обращение к традиции, заимствование поэтики возможно в первую очередь через заимствование жизненных моделей. Эта идея продолжала передаваться в сообществе, пока не превратилась в штамп. В утрированном виде «обучающих формул» в какой-то момент она перестала находить отклик.

Григорий Дашевский пишет об уговоре между автором и читателем, согласно которому все написанное имеет отношение к внутреннему миру и опыту человека. Такой уговор существовал в романтическом типе чтения поэзии и исчез в современном, где круг тем гораздо шире [Бабицкая 2012]. Идея, высказанная Дашевским относительно чтения, находит отражение на уровне творческого метода, в частности, перекликается с высказанной одним из наших

молодых респондентов идеей биографии как материала. Деятельность поэта приближается к деятельности ученого: он собирает материал и описывает мир, а не делится экзистенциальным опытом (который в романтической поэзии ровно потому и должен иметь место, что служит основной передаваемой ценностью). При редукционистской модели связь между биографией и текстом разрывается, и поэтика может перениматься, минуя личные особенности автора. Возможно, переход от одной модели к другой связан с исчезновением социальной роли писателя, возможно — с некоторой исчерпанностью первой поведенческой модели (подобно тому как бывает исчерпанность поэтики), возможно — с расширением понятия «поэтического».

Список информантов

- Инф. 1 — муж., 1964 г. р. (III).
- Инф. 2 — муж., 1959 г. р. (I).
- Инф. 3 — муж., 1984 г. р. (I).
- Инф. 4 — муж., 1972 г. р. (III).
- Инф. 5 — муж., 1978 г. р. (I).
- Инф. 6 — жен., 1959 г. р. (II).
- Инф. 7 — муж., 1972 г. р. (II).
- Инф. 8 — муж., 1990 г. р. (II).
- Инф. 9 — жен., 1992 г. р. (I).
- Инф. 10 — жен., 1983 г. р. (III).
- Инф. 11 — муж., 1972 г. р. (III).
- Инф. 12 — жен., 1971 г. р. (II).
- Инф. 13 — жен., 1999 г. р. (II).
- Инф. 14 — муж., 1959 г. р. (I).

Литература

- Алексеевский 2014 — *Алексеевский М. Д.* Домашние библиотеки в современной России: Практики хранения и систематизации прочитанных книг // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 3 (15). С. 55–63.
- Алексеевский 2015 — *Алексеевский М. Д.* Антропология чтения в современной России // Постнаука. 2015. 2 дек. URL: <https://postnauka.ru/video/55760>.
- Бабицкая 2012 — *Бабицкая В.* Григорий Дашевский: как читать современную поэзию // OpenSpace.ru. 2012. 10 февр. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/34232>.
- Барт 1989 — *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989.
- Беккер 2018 — *Беккер Г.* Аутсайдеры: Исследования по социологии девиантности / Пер. с англ. М.: Элементарные формы, 2018.
- Вежлян (Воробьева) 2017 — *Вежлян (Воробьева) Е.* Современная поэзия и «проблема» ее нечтения: опыт реконцептуализации // Новое литературное обозрение. 2017. № 1. С. 270–290.
- Венедиктова 2011 — *Венедиктова Т. Д.* «Я славлю себя»: частный проект «креативной демократии» // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель / Отв. ред. М. Ф. Надъярных, А. П. Уракова. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 21–37.

- Воробьева (Вежлян) 2020 — *Воробьева (Вежлян) Е.* Искренность, аффект, эмпатия: поэтические сообщества и новые контексты публичности // *Russian Literature*. Vol. 118. 2020. P. 45–77.
- Гофман 2000 — *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
- Зорин 2016 — *Зорин А.* Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М.: Нов. лит. обозрение, 2016.
- Каспэ 2005 — *Каспэ И.* Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М.: Нов. лит. обозрение, 2005.
- Кукулин 2012 — *Кукулин И.* Зарифмованное сообщество // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 2. С. 255–259.
- Кукулин 2019 — *Кукулин И.* Прорыв к невозможной связи: Статьи о русской поэзии. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2019.
- Лотман 2002 — *Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академ. проект, 2002. С. 484–518.
- Неклюдов 2000 — *Неклюдов С. Ю.* Структура и функция мифа // *Мифы и мифология в современной России* / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17–38.
- Панова 2011 — *Панова О. Ю.* Личность и Книга как объект поклонения в кругу французских поэтов-символистов // *Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель* / Отв. ред. М. Ф. Надъярных, А. П. Уракова. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 38–64.
- Панченко 2012 — *Панченко А.* «Антропологический поворот» и «этнография науки» // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 1 (113). С. 65–68.
- Поселягин 2012 — *Поселягин Н.* Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 1 (113). С. 27–36.
- Сухотина 2011 — *Сухотина М. П.* От истории литературы к историям о литераторах // *Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель* / Отв. ред. М. Ф. Надъярных, А. П. Уракова. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 308–323.
- Сучкова, Егорова 2019 — *Сучкова Н. А., Егорова Л. В.* Ната Сучкова. Приближение к биографии // *Вестник Вологодского государственного университета. Сер. Исторические и филологические науки*. 2019. № 3 (14). С. 64–70.
- Томашевский 1923 — *Томашевский Б. В.* Литература и биография // *Книга и революция*. 1923. № 4 (28). С. 6–9.
- Уракова 2011 — *Уракова А. П.* Повесть о приключениях Эдгара Алана По // *Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель* / Отв. ред. М. Ф. Надъярных, А. П. Уракова. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 266–290.
- Шульц, Склярский 2003 — *Шульц С. С., Склярский В. А.* «Бродячая собака»: Век нынешний — век минувший. СПб.: Белое и черное, 2003.
- Эйхенбаум 1987 — *Эйхенбаум Б. М.* Литературный быт // *Эйхенбаум Б. М.* О литературе. М.: Сов. писатель, 1987. С. 428–436.
- Югай 2017 — *Югай Е. Ф.* Дворник Литинститута как идеальная писательская позиция // *Семиотика поведения и литературные стратегии: Лотмановские чтения — XXII* / Сост. М. С. Неклюдова, Е. П. Шумилова М.: РГГУ, 2017. С. 386–406.

References

- Alekseevskii, M. D. (2014). Domashnie biblioteki v sovremennoi Rossii: Praktiki khraneniia i sistematizatsii pročitannykh knig [Home libraries in modern Russia: Practices of storing and organizing of read books]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014(3(15)), 55–63. (In Russian).

- Alekseevskii, M. D. (2015, December 2). Antropologiya chteniia v sovremennoi Rossii [The anthropology of reading in today's Russia]. *Postnauka*. <https://postnauka.ru/video/55760>. (In Russian).
- Babitskaia, V. (2012, February 10). Grigorii Dashevskii: kak chitat' sovremennuiu poeziu [Grigory Dashevsky: How to read modern poetry]. *OpenSpace.ru*. <http://os.colta.ru/literature/events/details/34232>.
- Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Trans. from Bartes, R. (Selected papers)]. Progress. (In Russian).
- Bekker, G. (2018). *Autsaidery: Issladovaniia po sotsiologii deviantnosti* [Trans. from Becker, G. (1963). *Outsiders: Studies in the sociology of deviance*. The Free Press]. Elementarnye formy. (In Russian).
- Eikhenbaum, B. M. (1987). Literaturnyi byt [Literary mores]. In B. M. Eikhenbaum. *O literature* (pp. 428–436). Sovetskii pisatel'. (In Russian).
- Gofman, I. (2000). *Predstavlenie sebia drugim v povsednevnoi zhizni* [Trans. from Goffman, I. (1956). *The presentation of self in everyday life*. Doubleday]. KANON-press-Ts; Kuchkovo pole. (In Russian).
- Iugai, E. F. (2017). Dvornik Litinstituta kak ideal'naia pisatel'skaia pozitsiia [The Literary Institute janitor as an ideal writer's position]. In M. S. Neklyudova, & E. P. Shumilova (Eds.) *Semiotika povedeniia i literaturnye strategii: Lotmanovskie chteniia* (pp. 386–406). RGGU. (In Russian).
- Kaspe, I. (2005). *Iskusstvo otsutstvovat'. Nezamechennoe pokolenie russkoi literatury* [The art of being absent. The overlooked generation of Russian literature]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Kukulin, I. (2012). Zarifmovannoe soobshchestvo [The rhymed community]. *Novoe literaturnoe obozrenie, 2012(2)*, 255–259. (In Russian).
- Kukulin, I. (2019). *Proryv k nevozmozhnoi sviazi: Stat'i o russkoi poezii* [Breakthrough towards impossible communication: Articles about Russian poetry]. Kabinetnyi uchenyi. (In Russian).
- Lotman, Iu. M. (2002). Poetika bytovogo povedeniia v russkoi kul'ture XVIII veka [The poetic of everyday behavior in Russian culture of the 18th century]. In Iu. M. Lotman. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* (pp. 484–518). Akademicheskii proekt. (In Russian).
- Nekliudov, S. Iu. (2000). Struktura i funktsiia mifa [The structure and functions of myth]. In K. Aimermakher [= Eimermacher], F. Bomsdorf, & G. Bordiukov (Eds.). *Mify i mifologiya v sovremennoi Rossii* (pp. 17–38). AIRO-XX. (In Russian).
- Panchenko, A. (2012). "Antropologicheskii povorot" i "etnografiia nauki" ["Anthropological turn" and "ethnography of science"]. *Novoe literaturnoe obozrenie, 2012(1(113))*, 65–68. (In Russian).
- Panova, O. Iu. (2011). Lichnost' i Kniga kak ob'ekt pokloneniia v krugu frantsuzskikh poetov-simvolistov [Personality and the book as an object of worship in the circle of french symbolist poets]. In M. F. Nad'iarnykh, & A. P. Urakova (Eds.). *Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitatel'* (pp. 38–64). IMLI RAN. (In Russian).
- Poseliagin, N. (2012). Antropologicheskii povorot v rossiiskikh gumanitarnykh naukakh [Anthropological turn in Russian humanities]. *Novoe literaturnoe obozrenie, 2012(1(113))*, 27–36. (In Russian).
- Shul'ts, S. S., & Skliarskii, V. A. (2003). "Brodiachaia sobaka": Vek nyneshnii — vek minuvshii ["Stray Dog?": This century — past century]. Beloe i chernoe. (In Russian).
- Suchkova, N. A., & Egorova, L. V. (2019). Nata Suchkova. Priblizhenie k biografii [Nata Suchkova: Approaching a biography]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Istoriia. Filologicheskie nauki, 2019(3(14))*, 64–70. (In Russian).

- Sukhotina, M. P. (2011). Ot istorii literatury k istoriiam o literatorakh [From literary history to literary stories]. In M. F. Nad"iarnykh, & A. P. Urakova (Eds.). *Kul' t kak fenomen literaturnogo protsesssa: avtor, tekst, chital'el'* (pp. 308–323). IMLI RAN. (In Russian).
- Tomashevskii, B. V. (1923). Literatura i biografiia [Literature and biography]. *Kniga i revoliutsiia*, 1923(4(28)), 6–9. (In Russian).
- Urakova, A. P. (2011). Povest' o prikliucheniiakh Edgara Alana Po [The tale of the adventures of Edgar Alan Poe]. In M. F. Nad"iarnykh, & A. P. Urakova (Eds.). *Kul' t kak fenomen literaturnogo protsesssa: avtor, tekst, chital'el'* (pp. 266–290). IMLI RAN. (In Russian).
- Venediktova, T. D. (2011). “Ia slavliu sebja”: chastnyi proekt “kreativnoi demokratii” [I celebrate myself: A private project of “creative democracy”]. M. F. Nad"iarnykh, & A. P. Urakova (Eds.). *Kul' t kak fenomen literaturnogo protsesssa: avtor, tekst, chital'el'* (pp. 21–37). IMLI RAN. (In Russian).
- Vezhlian (Vorob'eva), E. (2017). Sovremennaia poeziia i problema ee nechteniia: opyt rekonseptualizatsii [Contemporary poetry and the “problem” of its not being read: A reconceptualization]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017(1), 270–290. (In Russian).
- Vorob'eva (Vezhlian), E. (2020). Iskrennost', affekt, empatiia: poeticheskie soobshchestva i novye konteksty publichnosti [Sincerity, affect, empathy: Poetic communities and new contexts of publicity]. *Russian Literature*, 118, 45–77. (In Russian).
- Zorin, A. (2016). *Poiavlenie geroia. Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII — nachala XIX veka* [The rise of a hero: from the history of Russian emotional culture, late 18th century and early 19th century]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Елена Федоровна Югай

кандидат филологических наук
доцент, Liberal Arts College, Российская
академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ leta-u@yandex.ru

Elena F. Yugai

Cand. Sci. (Philology)
Associate Professor, Liberal Arts College,
The Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ leta-u@yandex.ru

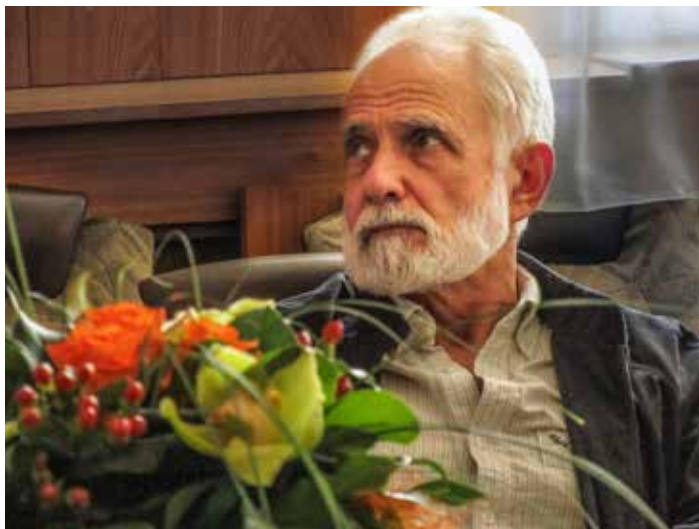
Ирина Сергеевна Богатырёва

независимый исследователь
Россия, Москва
✉ folk.bogatyreva@gmail.com

Irina S. Bogatyreva

Independent Researcher
Russia, Moscow
✉ folk.bogatyreva@gmail.com

К 80-ЛЕТИЮ СЕРГЕЯ ЮРЬЕВИЧА НЕКЛЮДОВА



Младший герой Золотого века

Наверное, один из самых распространенных мифов в истории человеческой культуры — это миф о «золотом веке», прекрасном времени, когда человечество или какая-то его часть существовали без печалей и забот, все жили долго и прекрасно. Эта картина замечательного и совершенного прошлого, далекого или относительно недавнего, постоянно воспроизводится в массовом сознании от древности вплоть до сего дня. Как и положено мифу, он редко имеет хоть какую-то опору в реальности — все мы, жившие в Советском Союзе, можем оценить адекватность его изображения в современной российской пропаганде. Но при всем оправданном скепсисе в одном отношении наше гуманитарное сообщество, как кажется, существование этого «золотой эпохи» в конце XX в. признаёт — в том, что касается истории нашей собственной науки. Действительно, это время «поколения титанов», великих имен, которые стали символом замечательного взлета отечественной гуманитарной науки в самых разных областях, от истории и филологии до фольклористики и стиховедения. Это время Мелетинского и Гуревича, Иванова и Топорова, Аверинцева и Гаспарова. Имя Сергея Юрьевича Неклюдова естественным образом встраивается в этот ряд как равновесная величина, хотя, если следовать эпической номенклатуре, он принадлежал к «младшим героям» этого века, успевшим поучиться у старших (а именно у Е. М. Мелетинского). Но одной из примет «золотого века» является неизменное, как бы замершее время: и, право, уже для моего поколения (а уж тем более для сегодняшних студентов) тот факт, что Аверинцев и Зализняк были младше Мелетинского и Гуревича на 15–20 лет, не только неочевиден, но и неважен. В конце концов среди олимпийских богов тоже были старшие и младшие.

Важно другое — Сергей Юрьевич в полной мере воплощает те свойства, которые были присущи (при всей разности и характеров, и жизненного и научного пути) большим ученым этого времени. Практически каждый из них, начиная в науке в какой-то конкретной сфере (которой было, например, антиковедение для Гаспарова или индология для моего отца), в дальнейшем распространял свои интересы на гораздо более широкие области, так или иначе говоря об истории литературы и культуры в целом. Для Неклюдова такой «стартовой площадкой» оказалась монголистика, но, при том что он до сих пор остается замечательным специалистом по «Джангару» и «Гесеру», уже давно предметом его исследований стали сравнительная фольклористика и теория эпоса, где он один из главных авторитетов в отечественной (да и в мировой) науке. Этот путь от частного к общему (но при этом без ущерба для точности и скрупулезности в анализе «частного») — неотъемлемая черта «золотого поколения».

Помимо чисто научной, представителям этого поколения были свойственны и некая человеческая общность и единство. Опять-таки при всей разности интересов и темпераментов все они не были замкнуты исключительно на сфере своих научных занятий, а были открыты миру и людям (хотя некоторые из них подчеркнута культивировали образ кабинетного ученого не от мира сего). Это могло проявляться по-разному: в блистательных публичных лекциях, собиравших огромные аудитории, или даже в недолгом (и, увы, не таком уж и успешном) участии в публичной политике — но для всех них наука была неразделима с жизнью, не только собственной, но и жизнью окружающих и, если угодно, страны. Проще говоря, каждый из них был замечательной личностью, даже простое нахождение рядом с которой давало неоценимый человеческий опыт.

И вот в этом отношении Сергей Юрьевич, на мой взгляд, не только не уступает, но и во многом превзошел всех «старших героев» этого замечательного времени. В мифе о «золотом веке» есть одна, довольно грустная, черта — он уходит безвозвратно, ничего не оставляя последующим поколениям. В какой-то мере это оказалось свойственным, увы, и «золотому веку» нашей гуманитарной науки: у великих ученых недавнего прошлого почти не осталось учеников, они мало преподавали — главным образом в силу многолетней привычки исключительно к письменному столу. Привычка во многом была вынужденной, поскольку в советское время академические власти в аудитории их просто не пускали или быстро выгоняли из них: потому, когда возможность эта наконец представилась, не все ею захотели воспользоваться, а некоторые просто не имели соответствующего опыта и навыка. Но вот Сергей Юрьевич чуть ли не главный смысл своей деятельности видел и видит не только и не столько в собственных трудах, сколько в воспитании учеников — и потому у него их невероятно много, и занимаются они самыми разными вещами: от типологии русской сказки и былины до современной интернет-коммуникации (а иногда тем и другим одновременно). И здесь научная миссия и свойства характера вновь неотделимы друг от друга: достаточно хотя бы раз увидеть, как Сергей Юрьевич буквально «расцветает» в кругу молодежи, когда научный спор и просто человеческое общение одинаково значимы. Потому мне кажется, в его случае «золотой век» не закончен и не закончится: он длится и им

самим, и множеством воспитанных им наследников. «Младший герой» давно стал «старшим» и при этом еще и героем-основателем, основателем долгой традиции.

Н. П. Гринцер

Школа актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Россия, Москва)

На главном пути

«Всех родов» от Веселовского до Неклюдова четыре. Сергей Юрьевич Неклюдов — ученик Е. М. Мелетинского. Мелетинский своим учителем считал В. М. Жирмунского. Жирмунский не являлся в прямом смысле учеником А. Н. Веселовского, но в середине прошлого века был единственным русским ученым, продолжавшим и развивавшим его научное наследие.

Веселовский, приступая к созданию исторической поэтики, исходил из убеждения, что произведения любой эпохи можно изучать, раскрывая в них явления «всеобщего схематизма и повторяемости». У Неклюдова такой же исходный пункт: «Совпадения структурных конфигураций, обнаруживающиеся на огромных временных дистанциях и в весьма удаленных друг от друга регионах, бывают поистине поразительными»¹. Для Веселовского, однако, «личное творчество» оставалось «тайной», к которой изучение механизма «неизменных формул» позволяет только приблизиться, но не раскрыть ее до конца; он писал о Боккаччо, Петрарке, Жуковском, но писал по-другому. Неклюдов не игнорирует рубеж между «поэтикой предания» и «личным почином», но не считает его непреодолимым, демонстрируя, что к произведениям, в которых доминирует индивидуально-творческое начало, можно подходить с тех же позиций, что и к доавторской словесности. Мелетинский также переступает этот рубеж и охватывает в своих работах эпохи личного творчества (и в «Исторической поэтике новеллы», и во «Введении в историческую поэтику эпоса и романа»), но у него традиция представлена в этих разделах в основном категорией жанра. Неклюдов выстраивает другую, внежанровую последовательность.

В двухтомнике, подводящем итог исследованиям за четверть века («Темы и вариации» и «Легенда о Разине», 2016), он говорит о главе из поэмы Некрасова, о стихотворениях Пушкина из «Песен западных славян», о «Кавказском пленнике» Л. Толстого, о путешествии Незнайки на Луну, о «Блохе» Мусоргского, о так и не написанной пьесе Ю. Олеши и о так и не завершенном романе А. Платонова, выстраивая для каждого из анализируемых текстов протяженный, и во времени и в пространственном плане, ряд параллелей. Это не поиск источников и не история мотива, это демонстрация текстопорождающих возможностей традиции. Звенья здесь могут быть совершенно автономны, они не обязательно связаны генетическими или жанровыми отношениями, но

¹ Неклюдов С. Ю. Темы и вариации. М.: Индрик, 2016. С. 479.

в них непременно вскрывается некая общая тематическая и композиционная матрица, которую в ряде случаев удается возвести к изначальной мифологической модели. Но не обнаружение «архетипа» является главной исследовательской целью Неклюдова, а соотношение текста и инварианта, механизмы возобновления традиции, особенно показательные в тех случаях, когда тексты относятся к культурам, отказавшимся от непрременной опоры на традицию, а также когда субъективные установки автора вступают в непримиримое противоречие с диктуемой формулой семантикой.

Это не просто другой подход и другой ракурс, нежели у Мелетинского, а открытие другого объекта, другого стержня, скрепляющего традицию, — более прочного, пожалуй, чем жанр, поскольку жанровые границы для него оказываются легко проницаемы, и имеющего, возможно, более глубокие, чуть ли не антропологические корни, поскольку такие признаки традиции могут быть предположительно объяснены некоторыми фундаментальными характеристиками интеллектуальной деятельности. Это, следовательно, и новый шаг на пути, проложенном предшественниками и учителями. «Темы и вариации» посвящены «ученикам, которые пойдут дальше». Учеников у С. Ю. Неклюдова много; как идти дальше своего учителя, он показывает им своим примером.

М. Л. Андреев

Школа актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Россия, Москва)
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)

Жизнь и школа и vice versa

Сергею Юрьевичу сказали недавно, что мне исполняется семьдесят лет, он никак не хотел верить и называл меня уменьшительными именами. Да, мы давно знакомы, почти полвека, а в моем сознании Сережа Неклюдов — синя-черный, легкий и изящный, ему немного за тридцать, у него крошечные девочки, чудная Валя, мама писательница, которая все время курит и называет своего сына мудрецом...

Конечно, я знаю, что Сережа, теперь Сергей Юрьевич, знаменитый мэтр, глава школы. Но мемуарный очерк не попытка творческой биографии, которую напишут многочисленные ученики. Я училась у многих замечательных людей, и почти все они появились в моей жизни потому, что Сережа привел меня в домашний семинар Е. М. Мелетинского, где за десяток лет побывали те, кто составил потом и Институт высших гуманитарных исследований, и те, кто после открытия границ стали нашими зарубежными коллегами. И это Сережа познакомил с душеприказчицей О. М. Фрейденберг, и с благословения Елеазара Моисеевича меня отправили зимой 1972/1973 г. в Ленинград

готовить книгу для «черепаховой» серии², а еще через год я нашла на дне сундука письма Бориса Пастернака, и тогда Сережа познакомил меня с Евгением Борисовичем и Еленой Владимировной, и все это стало из случайностей судьбою... Как ни старайся сделать главным героем того, о ком пишешь, все мемуары выходят про себя. Не буду этого стесняться. Я думаю, что если сложить разных мемуаристов «я и С. Ю.» или «С. Ю. и я», то выйдет вот такая картина: образцовый преданный и самостоятельный ученик и образцовый учитель, тихий и настойчивый и неистово обожаемый молодым поколением.

В начале 1974 г. «младшая группа» тартуской школы по вторичным моделирующим системам резвилась вечером в опустевшем зале конференции. Сережа, которому не было тридцати трех, глядя на нас с Олей Седаковой, сказал кому-то: «Вас не умиляет наше молодое поколение?» Почему-то стоит у меня в памяти эта картина ярче многих других. Ведь постоянно ощущаемое присутствие словно земного ангела-хранителя сопровождало меня всю жизнь. С. Ю., где бы он ни был, где бы ни был ты сам, делает окружающий мир не таким безнадежным и враждебным. Можно как-то примириться, поладить и наладить. Потому идеальный ученик и идеальный учитель создал школу. И это поражает больше, чем даже его замечательные научные труды. Я их читаю вот прямо сейчас для семинара по сравнительной мифологии.

История науки в России последних ста с лишним лет менее всего позволяла ожидать того, что древние называли преемством схолархов, переходом школы от учителя к ученику. Руководство наукой сверху не предполагает таких тонких, индивидуальных и неформальных отношений, которые связывают учителя с учениками. Эти связи не совместимы с периодическими слияниями и разлияниями, формированиями и расформированиями и вообще административными построениями ученых, когда кафедры, какие уж есть, объявят «школами», и смена главы кафедры означает автоматически смену главы школы...

И несмотря на все то, чем потчует ученых высшее начальство, можно провести такое преемство фольклористики и теории мифа, прямо от великого Александра Николаевича Веселовского (1838–1906), у которого учился впоследствии Владимир Федорович Шишмарев; Шишмарев издавал труды Веселовского и доводился ему зятем. У Владимира Федоровича Шишмарева учился Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971), он издавал труды Шишмарева и писал о нем статьи при избрании того в Академию; Жирмунский, хотя и подвергался трижды арестам и был изгнан из ЛГУ в пору борьбы с космополитизмом, все же стал членом-корреспондентом, а затем действительным членом Академии и учителем Елеазара Моисеевича Мелетинского (1918–2005), который не один срок провел в заключении и, имея мировую славу, не получал высоких званий. Сергей Юрьевич Неклюдов — его ученик. При желании можно продлить начало школы до Буслаева, у которого учился Веселовский: Буслаев — Веселовский — Шишмарев — Жирмунский — Мелетинский — Неклюдов. Вот так, друзья мои! Всем чертям назло настоящая научная школа. И вместе — Мелетинский и его ученики — вернули нам забытого и забытого гения В. Я. Проппа.

² Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока» Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» (на обложке книг серии размещался рисунок черепахи).

Решила написать о школе не потому, конечно, что мысли и работы Сергея Юрьевича кажутся мне менее достойными внимания. Они вошли в число классических, в программы университетов. Но не могу отвести глаз от двух последних десятилетий Летних школ, в основном в Переславле, восходящих ко «времени сновидений» в Тарту и Кзярику и собирающих молодежь со всей России; от нового побега в РАНХИГС; от постоянно кипящей семинарской жизни в тупичке первого этажа РГГУ.

Условия жизни и работы русских ученых чаще позволяют природному дару, пытливому уму и благородному сердцу создавать что-то в уединении и аскезе, хорошо, если не в ссылке, а в небольшом кружке единомышленников, в домашнем семинаре, где и пришлось мне когда-то, благодаря юбиляру, возрастать среди лучших умов. Кружок единомышленников, конечно, лучше камеры и ссылки. Но критика гаснет в домашнем кругу и враждебном окружении.

Школа Неклюдова большая, просторная; выпускники, ученики и последователи не растворяются и не расплывются, дадут свое потомство. В советское время существовала сознательная установка не давать неправильной парадигме воспроизводиться в учениках, не позволять иметь научное продолжение. Никто и никогда не заявлял этого прямо, но у лучших ученых почти не было аспирантов, ну, двое за многие десятилетия.

У Шишмарева в учениках лингвисты (Р. А. Будагов, Н. Д. Арутюнова и Г. В. Степанов), хотя фольклор и миф и Веселовский как теоретик долго оставались в кругу его интересов. Разнообразней и многочисленней ученики В. М. Жирмунского, но по фольклору и мифологии работали, пожалуй, двое — Е. М. Мелетинский и в какой-то мере М. Б. Мейлах, причастный к «Мифам народов мира» — удивительному плоду, созревшему в позднем застое. А Мелетинскому «достались» в советский период только двое студентов с вечернего отделения, правда, это были Е. С. Новик и С. Ю. Неклюдов. Вот почему я так радуюсь символическому бессмертию патриарха Сережи, воплощенному в племени младом и даже немного знакомом.

Долгих лет, успехов учеников и радости озарения!

Н. В. Брагинская

Институт классического Востока и античности,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)
Институт восточных культур и античности,
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)

* * *

В связи с юбилеем С. Ю. Неклюдова мне хотелось бы поделиться некоторыми краткими воспоминаниями о нашем уже без малого 30-летнем общении.

С Сергеем Юрьевичем я познакомился, когда был принят на работу в ИВГИ, правда, уже раньше, будучи аспирантом Е. М. Мелетинского, многократно слышал о нем. На заседаниях Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения постоянно упоминались разные сотруд-

ники ИМЛИ, но едва речь заходила о Сергее Юрьевиче, упоминание вскользь, по делу, неизменно переходило в разговор о нем, к которому присоединялись несколько человек. Где он сейчас? Куда ездил? Что сказал в такой-то связи? Я замечал, что о Сергее Юрьевиче говорят с удовольствием и что он многим глубоко симпатичен. Уже тогда, лично не зная его, я оказался заинтригован им.

Впервые общался я с Сергеем Юрьевичем, когда по его просьбе поехал с ним на квартиру какого-то незадолго до того скончавшегося филолога, имя которого я, к сожалению, забыл. Нужно было отобрать книги для библиотеки ИВГИ. Было видно, что Сергей Юрьевич хочет узнать меня ближе, понять, что я за птица. Надо ли говорить, что я сразу подпал под его обаяние, под которым никогда не переставал находиться и пребываю поныне! Хотелось выполнить все, что бы он ни попросил, — сразу, на отлично, в два раза, в сто раз больше, чем он просил (и чем было нужно). Наверное, в своем энтузиазме я выглядел глупо. Иногда чувствовал на себе его взгляд: очень умный, пристальный, изучающий и обращенный на меня как бы со стороны, хотя, казалось бы, он, как и я, только что без остатка и целиком находился в общении. Да и то: предстояло выяснить, не слишком ли добр был добрейший Елеazar Моисеевич, пригласив меня на одну из нескольких ставок, специально выделенных Ю. Н. Афанасьевым для молодых научных сотрудников. Думаю, этот взгляд многие знают и испытали на себе. Но и он, как и все в Сергее Юрьевиче, мне тоже понравился...

Первая половина 1990-х годов была временем расцвета ИВГИ. Общие семинары собирали по несколько сотен человек и затягивались на многие часы, до глубокого вечера. Г. С. Кнабе называл эти семинары «радениями». Еще не уехал из России С. С. Аверинцев, еще были живы В. Б. Мириманов, В. С. Библиер и четверо великих ученых, ушедших от нас один за другим в 2005–2006 гг.; становился известным в широких кругах М. Л. Андреев, превосходную книгу которого о средневековой драматургии я тогда изучал с огромным интересом и с огромной же пользой для себя. В ИВГИ мне нравилось все, но главным образом вот что. Куда ни пойдешь — в какой-нибудь научный отдел или на какую-то учебную кафедру — везде царит своя, фирменная спесь: у лингвистов такая, у математиков сякая, у философов еще какая-нибудь. К кому ни обратишься, хочется прежде всего принести глубокие извинения за то, что существуешь на свете. Я тогда не понимал, что эта спесь от неуверенности в себе, от худосочности и творческой маломощности. Когда не набираешь в науке, всегда утверждаешься и добиваешь как-то еще, скажем, в общении и презентации себя окружающим; а добивали очень и очень много. Но только не в ИВГИ. Этим великим ученым и людям были органически свойственны искренность, простота, доброта и априорная расположенность к собеседнику (ср. у Павла Флоренского: «дворянское чувство равенства»). Сидишь, например, пьешь чай и запросто беседуешь с тем же В. Н. Топоровым и думаешь: «Боже мой, ты хоть понимаешь, с кем ты пьешь этот чай?» С. Ю. Неклюдов, вне всякого сомнения, из числа этих «людей высокого рода».

Тешу себя надеждой, что мы с С. Ю. Неклюдовым тогда немного подружились: ну, как могут дружить «мэнээс» и состоявшийся, очень сильный ученый. Я неоднократно бывал у Сергея Юрьевича дома, знаком с его супругой и с обеими его дочерьми. Вспоминается наша прогулка по ночному Дрездену, когда он рассказывал о многих удивительных обстоятельствах своей жизни.

Как и всех упомянутых ученых мужей, я длительное время воспринимал С. Ю. Неклюдова как сугубо кабинетного научного работника. Однако в нем до времени скрывался поистине огромный организаторский потенциал. Вероятно, я был первым, кто ощутил на себе его раскрытие. После меня у него была группа аспирантов в ИВГИ, а потом уже ЦТСФ. Дело здесь, естественно, не в «нашем долге передавать опыт подрастающим поколениям», как меня уверял сам Сергей Юрьевич, когда я с ним заводил разговор по поводу его новой активности. А в чем же тогда? Думаю, во внутренней потребности, в строении личности, в одаренности совершенно особого рода. Достаточно просто окинуть взором то, что он сделал на поприще построения новой фольклористики, и сразу понимаешь: какой там «долг»! без организаторской одаренности, и притом исключительной, здесь не обошлось. Она заметна сразу. За счет одного «чувства долга» так далеко не уехать! Подумать только: привлечь молодежь, создать институцию, найти финансирование, открыть журналы, подвести под это современную научную школу. Да, в ее окончательной кристаллизации это школа С. Ю. Неклюдова, но все настояно на идеях Е. М. Мелетинского и изощренной семиотике Е. С. Новик. И именно в такой преемственности мощь этой школы. Насколько я могу судить, перед С. Ю. Неклюдовым и возглавляемым им направлением сейчас стоят сложные методологические проблемы, и в первую очередь определение предмета новой, расширенной фольклористики, мотивированное размежевание живого фольклора и повседневной речевой (внефольклорной) деятельности. Несомненно существующая и интуитивно осязаемая пролегающая между ними граница поддается научному определению с чрезвычайным трудом. Что же, по-видимому, подобные проблемы самоопределения возникают у всякой рождающейся дисциплины...

Чего бы хотелось пожелать Сергею Юрьевичу, чтобы это желание не было каким-то специальным и мелким, но соразмерным моей любви к нему? Хотелось пожелать ему просто быть — быть среди нас таким, какой он есть и каким был всегда, являя нам, «оставившим первую любовь свою» пламенным поклонникам Хирша, ценности и ритмы совсем другой, несовременной жизни — жизни в подлинной и высокой науке.

М. Ю. Реутин

Школа актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Россия, Москва)

О Сергее Юрьевиче Неклюдове

Сергей Юрьевич Неклюдов создал Институт высших гуманитарных исследований РГГУ вместе со своим учителем Елеазаром Моисеевичем Мелетинским и отдал ему значительную часть своей жизни. Елеазар Моисеевич дал согласие возглавить институт при условии, что заместителем станет его ближайший ученик, Сергей Юрьевич. Так С. Ю. Неклюдов стал руководить Институтом высших гуманитарных исследований, который он и поныне не

оставляет своим вниманием и заботой. Поддержку Сергея Юрьевича чувствуют все сотрудники института, без его участия не обходится ни одно начинание, ни одно назначение, ни одна конференция. За всем добрым, что с нами происходит, угадывается его присутствие. Он читает статьи и книги сотрудников ИВГИ, организует публикации сборников, выступает на защитах. Помню, как он много лет помогал мне со сборником о происхождении лирики, в который было очень непросто собрать статьи и который потом застрял на стадии редактирования. Помню, как тепло выступил на защите моей докторской диссертации. Помню, как не раз просил нас всех идти на защиты других коллег и поддерживать их. Невозможно рассказать обо всех случаях, когда Сергей Юрьевич помог, выручил, разрешил сомнения, выступил миротворцем в сложных ситуациях.

Мы все ценим то, как Сергей Юрьевич заботится об увековечении памяти своего учителя Е. М. Мелетинского. Он занимается переизданием его трудов, посвятил ему первый номер нового журнала «Фольклор: структура, типология, семиотика», организует Мелетинские чтения, неизменно привлекающие многочисленных слушателей.

Поразительна та легкость, с которой Сергей Юрьевич находит контакт с людьми и особенно с молодежью. Вокруг него всегда множество учеников, которые слушают его, затаив дыхание, но не стесняются перебивать и задавать вопросы. Сергей Юрьевич не жалеет ни времени, ни сил на своих учеников, помогает им находить дорогу в жизни, писать книги, публиковать статьи. Помню, как он не раз на моих глазах убеждал редакторов журналов принимать аспирантские статьи, какими бы неумелыми они подчас ни казались. Из учеников Сергея Юрьевича выросло не одно поколение ученых.

Заседания фольклорного семинара Сергея Юрьевича настолько увлекательны, что слушатели не расходятся до поздней ночи. Доклады Сергея Юрьевича невозможно забыть. Помню его сообщения о снежном человеке, о блатной песне «Гоп со смыком», о сказке, эпосе, о современном фольклоре. Всякое его выступление всегда ново и захватывающе интересно. Научные труды Сергея Юрьевича давно стали классикой мировой фольклористики, антропологии, востоковедения. Трудно сказать о Сергее Юрьевиче точнее, чем он сказал сам: «Но мир мой продлится в грядущем / По тайным веленьям былого / Долодлинно вещный и сущий — / Во славу бесплотного слова».

И. Г. Матюшина

Институт высших гуманитарных исследований,
Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)
Эксетерский университет (Великобритания, Эксетер)

В. Ф. Спиридонов

ORCID: 0000-0001-5081-879X

✉ vfspiridonov@yandex.ru

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

ПОЧЕМУ ПАМЯТЬ?

Рецензия на: *Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Нов. лит. обозрение, 2014. — 328 с.*

Для цитирования: *Спиридонов В. Ф. Почему память? // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 285–292. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-285-292>.*

Благодарности. Рецензия подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Рецензия поступила в редакцию 15 августа 2020 г.

Принято к печати 1 ноября 2020 г.

V. F. Spiridonov

ORCID: 0000-0001-5081-879X

✉ vfspiridonov@yandex.ru

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

WHY “MEMORY”?

A review of: Assman, A. (2014). *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naiia kul'tura i istoricheskaiia politika* [Trans. from Assmann, A. (2006). *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Beck]. Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russian).

To cite this review: Spiridonov, V. F. (2021). Why “memory”? *Shagi / Steps*, 7(1), 285–292. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-285-292>.

Acknowledgements. The review was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Received August 15, 2020

Accepted November 1, 2020

Считать этот текст рецензией на поименованную монографию, конечно, не следует. В силу недостатка знаний я не берусь обсуждать собственно историческую часть книги. Это скорее попытка поделиться своим удивлением от прочитанного и в очередной раз указать на мнимо прозрачные, но на деле удивительно жесткие межпредметные границы между различными науками или мировоззрениями их адептов.

Память и забвение (забывание) — устойчивая тема строгих психологических исследований, начиная с 1880-х годов, когда Г. Эббингауз [Ebbinghaus 1885], систематически экспериментируя на себе, первым описал «кривую забывания» — закономерность, в соответствии с которой забывается бессмысленная (не обладающая смыслом для испытуемого) или плохо понятная информация. На протяжении нескольких последующих десятилетий психологи осознали, что память (по крайней мере ее высшие формы) не может быть расположена только «под кожей» (например, в мозге). Теории памяти включили ее в межличностную коммуникацию и групповое взаимодействие [Janet 1928] и добавили в ее структуру культурные средства [Выготский 1983]¹. В итоге память «стала» социальной и культурной, т. е. опирающейся на соответствующие задачи и контексты, обслуживающей скрепленные с ними формы опыта. (Но это не отменяет и ее связи с мозгом.) Автор рецензируемой книги многократно сочувственно ссылается на идеи М. Хальбвакса (например, о «рамках памяти» — социальном давлении, формирующем индивидуальную память), но указанные выше психологические работы идут гораздо дальше: социальное оказывается «вшито» не в содержание, а в сам механизм работы индивидуальной памяти.

Однако главное свойство памяти осталось неизменным — это индивидуальная способность. Она связана с моим индивидуальным мозгом (или с сенсомоторным опытом — моими движениями и ощущениями — как утверждают современные теории воплощенного познания), она формируется в ходе моего индивидуального развития, вбирая в себя мой индивидуальный опыт, но не только его. Это моя память в буквальном смысле слова.

Такой сильный тезис даже привел к описанию нового вида памяти и острой дискуссии по поводу его существования/несуществования.

Э. Тульвинг [Tulving 1993] указал на необходимость выделения в структуре человеческой памяти особого отдела, который он назвал эпизодической памятью. Она «позволяет человеку запоминать события как пережитые им самим. Это позволяет человеку осознавать ранее пережитый в определенной ситуации опыт. Таким образом, можно сказать, что информация из эпизодической памяти охватывает опыт человека в субъективном времени и пространстве» [Тульвинг 2011: 300]. Память на «нейтральные» знания, не имеющие прямого отношения ко мне, — семантическая память — содержит информацию, отражающую объекты и их отношения в мире. Различия между эпизодической и семантической памятью кардинальные. «Акт воспоминания лично пережитого события, а именно, сознательная попытка его вспомнить, отличается характерным и неповторимым осознанием переживания заново здесь и сейчас того, что произошло раньше, в другое время и в другом месте.

¹ Эта работа, по-видимому, была написана в конце 1920-х годов.

Осознание и связанное с ним чувство хорошо знакомы каждому нормальному человеку. «...» Я называю осознание, которое характеризует воспоминание собственного прошлого, *автоноэтическим* осознанием, которое отличается от *ноэтического* (здесь и далее курсив источника. — В. С.) осознания, характеризующего воспроизведение информации из семантической памяти...» [Там же: 301]. Таким образом, оказываются противопоставлены друг другу два рода воспоминаний: события моей биографии, т. е. случившиеся непосредственно со мной (эпизодическая память), и любые другие события (семантическая память). Первые мы «помним», вторые — «знаем».

Попробуем посмотреть с точки зрения описанной позиции на взгляды, изложенные в монографии А. Ассман.

Во введении автор пишет: «Настоящая книга «...» рассматривает «...» в каком виде и каким образом происходят индивидуальные воспоминания, как разделяется или замалчивается коллективный опыт, как он получает публичное признание, снова и снова реконструируется в медиальных формах и ритуальных презентациях. При этом особое внимание уделяется психическим диспозициям индивидуумов или социумов, политическим и культурным условиям, в которых протекают мемориальные процессы, а также выявлению закономерностей и сопоставимости этих процессов» (с. 11). Таким образом, авторский замысел вполне допускает приложение психологической «мерки» (психологических определений памяти) к его концепции. Более того, контраверза между активностью и пассивностью (между неизменным прошлым и гибким прошлым, которым «дирижирует настоящее» (с. 13)) вызывает живой отклик у психологов, все более и более уверенных, что память — конструктивный процесс (см., например: [Bartlett 1932]).

Первые недоумения возникают при чтении раздела 1 «От индивидуального к коллективному конструированию прошлого», которому мы и посвятим основное внимание. Рассуждая о том, что индивидуальное «я» всегда есть часть какого-то группового «мы», автор постулирует, что «индивидуальная память вмещает в себя гораздо больше, нежели содержание собственного неповторимого опыта; в человеке всегда совмещаются индивидуальная и коллективная память» (с. 19). Первая часть цитаты безупречна: теорема Пифагора или победа Наполеона при Аустерлице никак не могут быть моим неповторимым опытом, хотя вполне являются содержанием моей семантической памяти. Однако при чем тут коллективная память?

Вне всяких сомнений, автор волен пользоваться любой терминологией. Однако термин *память* в словосочетаниях *индивидуальная память* и *коллективная память* — явный омоним. В одном случае речь идет о констелляциях моего опыта: это необязательно набор значимых фактов моей биографии и связанных с ними переживаний, но и умение кататься на коньках или играть в шахматы, знание о том, кто такой А. В. Суворов или что такое Холокост, и т. д., и т. п. В другом — о каких-то совсем иных материях. Почему какие-то знания — пусть общие (похожие или даже совпадающие у разных людей) и при этом очень значимые — вдруг складываются во мне в коллективную память? Ведь при подобной логике рассуждений содержанием такой памяти помимо значимых исторических коллизий, интересующих автора, становится и родной язык, и десятичная система счисления, и правила левостороннего до-

рожного движения в Москве, Мюнхене или Париже (в зависимости от места жительства) и еще много другого.

Далее автор в духе современных исканий когнитивной психологии указывает на непреходящую значимость и в то же время удивительную слабость и избирательность индивидуальной памяти, которая выступает основой личной биографии, однако при этом скорее видоизменяет личный опыт удобным образом, чем просто фиксирует его. «Можно сказать, что индивидуальная память является динамичным средством проработки индивидуального опыта. Но, разумеется, нельзя представлять ее себе в качестве самодостаточной и чисто приватной памяти» (с. 21).

Причину того, что моя память не является приватной, автор видит в том, что она опирается на социальный фундамент — например, на совместные воспоминания нескольких поколений семьи. Ведь у каждого поколения — память своя. «Дети и внуки включают часть воспоминаний старших членов семьи в состав собственного опыта, где смешиваются услышанное и пережитое. Эта “память трех поколений” является экзистенциальным горизонтом личных воспоминаний, оказывая решающее влияние на собственную ориентацию человека во времени» (с. 22). Не отрицая важной роли семьи в формировании личности (включая возникновение разных форм идентичности), хочется внимательнее присмотреться к сформулированному тезису.

Существуют ли совместные воспоминания? Безусловно: это память о совместно пережитых событиях (здесь мы обнаруживаем автоноэтическое осознание). Однако рассказы старших поколений «о делах давно минувших дней» — это явно другая материя. Я помню скудные рассказы моих дедов о Великой Отечественной войне. Совместным воспоминанием является очень редкая в моем случае ситуация живой беседы деда и внука. Сама война продолжает оставаться предметом другого рода, недоступным для моей эпизодической памяти. Автор здесь явно смешивает два разных вида памяти (в смысле Тульвинга), о которых шла речь выше. Умолчания в тех разговорах для меня сегодняшнего значительно более информативны, чем слова о фронтовых буднях. Но почему мои практически «книжные» знания о страшной войне вдруг становятся коллективной памятью? Почему речь вообще идет о памяти? Что входит в состав (или содержание) коллективной памяти меня и моих дедов, которых я почти не застал в своем сознательном возрасте? Ведь автор явно имеет в виду не тот набор общих для нас «нейтральных» фактов о том, что 22 июня 1941 г. в четыре часа утра фашистская Германия, нарушив договорные обязательства, напала на СССР, и т. п.

Обсуждая резкую критику понятия коллективной памяти вплоть до отрицания существования самого этого феномена (с. 26), автор предлагает новое определение, где «в центре внимания оказываются два фактора: вневременная сила воздействия визуальных образов или символов, а также их историческая сконструированность» (с. 28). При этом «культурологическое изучение памяти ставит своей задачей не только описание и объяснение воздействия образов и символов, но и их критическую оценку, а также рассмотрение их деструктивного потенциала» (с. 28). Критическая оценка и деструктивный потенциал образов лежат за пределами компетенции психолога. Но определение памяти через воздействие устойчивых образов и символов — это повод для не-

доумения. Еще раз: почему возмущение или гнев, которые возникают во мне как результат услышанного рассказа о несправедливости, которую претерпели мои соотечественники или даже члены моей семьи, является п а м я т ь ю? В каком смысле восторг, который я переживаю при разглядывании фотографий победного гола нашей сборной по футболу, забитого еще до моего рождения, следует называть п а м я т ь ю? Список подобных вопросов можно множить и множить.

Ситуацию не спасает и выделение трех измерений (или уровней) памяти — нейронной, социальной и культурной, которые тесно связаны с друг с другом (с. 29) (повторюсь: в наличии социальной и культурной подоплеки у индивидуальной памяти сомнений нет). Вопросы остаются прежними. Автор пишет: «Если социальная память является *скоординированной памятью отдельных индивидов*, что обеспечивается их совместным проживанием, речевой коммуникацией и дискурсами, то коллективная и культурная память основываются на ресурсе опыта и знаний, который *отделяется от живых носителей и переходит на материальные информационные носители*» (с. 31). И далее: «Чрезвычайное расширение горизонта на уровне культурной памяти возможно только с помощью символических медиаторов, которые дают памяти долгосрочную опору. Во-первых, символы, являющиеся носителями культурной памяти, экстернализированы и объективированы. Они репрезентируют “развоплощенный” опыт, заимствуемый и усваиваемый другими индивидуумами, которые лично не приобрели этого опыта. Во-вторых, временной диапазон культурной памяти не ограничивается периодом индивидуальной жизни и потенциально может быть продлен до бесконечности. Временной диапазон культурной памяти соответствует не длительности жизни человека смертного, а периоду сохранности знаков, зафиксированных материально и институционально. В-третьих, развоплощенные и вневременные смыслы культурной памяти должны быть заново состыкованы с живой памятью и усвоены ею» (с. 32).

Вне всяких сомнений, внешние смыслы и символы могут вызывать во мне, как и во многих других людях, самые разные состояния: страха, гордости, приобщенности к семье, школьному классу или целому народу. Это воздействие кратно усиливается при использовании специальных практик (кажется, что самыми влиятельными среди них являются семейное воспитание, школьное обучение и политическая пропаганда). Причем индивидуальная память не слишком сопротивляется практикам социального или политического конструирования прошлого — и будущего. Ведь парадоксальным образом будущее тоже лежит в памяти.

Однако что значит «быть заново состыкованным с живой памятью»? По-видимому, речь идет о том, что в результате школьного курса истории, рассказов родственников или государственной пропаганды я начинаю переживать свою сопричастность определенным социальным группам, лозунгам, именам и событиям и, главное, гордиться этой сопричастностью или считать ее само собой разумеющейся. Кажется, что здесь слиты два ряда явлений: память (и семантическая, и эпизодическая) предоставляет информацию об именах и событиях, применительно к которым возникают мои чувство сопричастности и гордость. Но вот они — явления совсем другого рода.

Некоторые культурные артефакты и ритуалы имеют интересное свойство: они оказывают воздействие на психику человека, т. е. способны вызывать (или как писали философы и психологи-марксисты, «производить») какие-то состояния. Более того, воздействия такого рода могут быть и вполне прогнозируемы, и даже целенаправленно управляемы. Кажется, что именно такого рода явления и имеет в виду автор разбираемой книги. Словесное оскорбление обижает адресата (его можно оскорбить и выпадом против предметов его идентификации, а не его личных черт), марш ритмизирует и упорядочивает движение группы людей, фильм ужасов пугает зрителей, свежий анекдот вызывает смех, напряженный экзамен — тревогу, удачная знакомая цитата позволяет опознать близкого по духу или по образованию человека, футбольные болельщики «болеют» за свою команду, обсуждая ее прошлые и настоящие игры и их результаты, в дни национальных праздников граждане страны испытывают гордость за славное прошлое своей державы и не любят вспоминать ее поражения и неудачи. Неужели все перечисленное является феноменами памяти, причем — коллективной («...“коллективным” можно назвать формат памяти, связанный с сильными императивами лояльности и крайне унифицирующей “Мы”-идентичностью. Это относится особенно к “национальной” памяти, которая является разновидностью “официальной” или “политической” памяти» — с. 33–34). Кажется, что нет.

Я догадываюсь, что большая часть моих контрпримеров не приходит в голову исследователю-историку (даже читавшему некоторые когнитивные публикации), препарирующему свой особый предмет. Но если уяснить, что арифметика, родной язык, правила поведения на первом свидании, умение различать на слух мяуканье кошек и лай собак и многое-многое другое также входят в условную коллективную память наряду с «национальной» или «политической» памятью, т. е. способны помогать нам производить состояния, мысли, чувства, то памятью становится буквально все. Вряд ли такой поворот входил в замыслы автора обсуждаемой книги. По-видимому, коллективную память разумно считать просто метафорой, позволяющей прояснить некоторые аспекты группового поведения.

У меня нет намерения поставить под сомнение авторскую концепцию. Более того, в психологии есть вполне рифмующиеся с ней идеи (скажем, связанные с понятием автобиографической памяти, см., например: [Нуркова 1996]). Однако указания на визуальные образы и символы, равно как и на сконструированность и эмоциональную нагруженность наших представлений о родной истории, явно недостаточно, чтобы удержать понятие коллективной памяти, которое, по-моему мнению, легко рухнет. Все-таки переживать или помнить как свое реальное прошлое содержание чужих воспоминаний, художественных фильмов или литературных произведений кажется невозможным (или по меньшей мере странным). Хотя гипотеза о том, что некоторые фрагменты семантической памяти в специальных условиях могут стать похожими на фрагменты эпизодической, вполне заслуживает внимания (и даже имеет эмпирические подтверждения [Loftus 2002; 2003]).

В качестве определенного итога можно перечислить свойства индивидуальной памяти, которые не находят себе места в рамках обсуждаемой метафоры. Итак, индивидуальная память — это индивидуальная способность,

которая опирается на приобретенные знания (в том числе эпизодические) и в значительной степени лишена возможности произвольного конструирования и произвольной очистки своего содержания. То есть конструирование и очистка содержания, конечно, происходят, но не имеют целенаправленного и управляемого характера. (Вообще мне известен только один хорошо изученный пример человека, который научился произвольно забывать информацию [Лурия 1968].)

Таким образом, чтобы избежать омонимии и обойтись без сомнительного «гегельянства», разумно писать коллективную «память» в кавычках и обсуждать ее соответствующим образом.

Литература

- Выготский 1983 — *Выготский Л. С. История развития высших психических функций* // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. С. 5–329.
- Лурия 1968 — *Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти (Ум мнемониста)*. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1968.
- Нуркова 1996 — *Нуркова В. В. Автобиографическая память как проблема психологического исследования* // Психологический журнал. Т. 17. № 2. 1996. С. 16–29.
- Тувлинг 2011 — *Тувлинг Э. Что такое эпизодическая память?* / Пер. с англ. М. Дядюновой // Когнитивная психология: История и современность / Ред.-сост. М. В. Фаликман, В. Ф. Спиридонов. М.: ЛомоносовЪ, 2011. С. 232–237.
- Bartlett 1932 — *Bartlett F. C. Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1932.
- Ebbinghaus 1885 — *Ebbinghaus H. Über das Gedächtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1885.
- Janet 1928 — *Janet P. L'Évolution de la mémoire et de la notion du temps*. Paris: Chahine, 1928.
- Loftus 2002 — *Loftus E. F. Memory faults and fixes* // *Issues in Science and Technology*. Vol. 18. No. 4. 2002. P. 41–50.
- Loftus 2003 — *Loftus E. F. Our changeable memories: Legal and practical implications* // *Nature Reviews: Neuroscience*. Vol. 4. 2003. P. 231–234.
- Tulving 1993 — *Tulving E. What is episodic memory?* // *Current Directions of Psychological Science*. Vol. 2. No. 3. 1993. P. 67–70.

References

- Bartlett, F. C. (1932). *Remembering: A study in experimental and social psychology*. Cambridge Univ. Press.
- Ebbinghaus, H. (1885). *Über das Gedächtnis: Untersuchungen zur experimentellen Psychologie*. Duncker & Humblot. (In German).
- Janet, P. (1928). *L'Évolution de la mémoire et de la notion du temps*. Chahine. (In French).
- Loftus, E. F. (2002). Memory faults and fixes. *Issues in Science and Technology*, 18(4), 41–50.
- Loftus, E. F. (2003). Our changeable memories: Legal and practical implications. *Nature Reviews: Neuroscience*, 4, 231–234.
- Luriiia, A. R. (1968). *Malen'kaia knizhka o bol'shoi pamiati (Um mnemonista)* [The mind of a mnemonist: A little book about a vast memory]. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

- Nurkova, V. V. (1996). Avtobiograficheskaia pamiat' kak problema psikhologicheskogo issledovaniia [Autobiographical memory as a problem of psychological research]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 17(2), 16–29. (In Russian).
- Tul'ving, E. (2011). Chto takoe epizodicheskaia pamiat'? [Trans. from Tulving, E. (1993). What is episodic memory? *Current Directions of Psychological Science*, 2(3), 67–70]. In M. V. Falikman, V. F. Spiridonov (Eds.). *Kognitivnaia psikhologiya: Istorii i sovremennost'* (pp. 232–237). Lomonosov". (In Russian).
- Vygotskii, L. S. (1983). Istoriia razvitiia vysshikh psikhicheskikh funktsii [Genesis of higher mental functions]. In L. S. Vygotskii. *Sobranie sochinenii* (Vol. 3, pp. 5–329). Pedagogika. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Владимир Феликсович Спиридонов

доктор психологических наук
зав. Лабораторией когнитивных
исследований, факультет психологии,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (495) 956-96-45
✉ vfspiridonov@yandex.ru

Vladimir F. Spiridonov

Dr. Sci. (Psychology)
Head of the Cognitive Research Lab,
Department of Psychology, Institute for
Social Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Tel.: +7 (495) 956-96-45
✉ vfspiridonov@yandex.ru

П. С. Куприянов

ORCID: 0000-0001-9856-3159

✉ kuprianov-ps@yandex.ru

*Институт этнологии и антропологии РАН
(Россия, Москва)*

ПОЙМАТЬ ПАМЯТЬ: УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ В КРАЕВЕДЧЕСКОМ ФОРМАТЕ

Рецензия на:

- Опарин Д., Акимов А. Истории московских домов, рассказанные их жителями. — М.: Эксмо, 2017. — 320 с.: ил.
- Галкина Ю., Косьмин М., Акимов А. Истории домов Петербурга, рассказанные их жителями. — М.: Эксмо, 2020. — 432 с.: ил.

Для цитирования: Куприянов П. С. Поймать память: устные воспоминания в краеведческом формате // Шаги/Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 293–302. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-293-302>.

Благодарности. Работа выполнена в рамках проекта РФФ № 19-78-10076.

*Рецензия поступила в редакцию 12 сентября 2020 г.
Принято к печати 1 октября 2020 г.*

P. S. Kupriyanov

ORCID: 0000-0001-9856-3159

✉ kuprianov-ps@yandex.ru

*Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*

CATCHING MEMORY: ORAL RECOLLECTIONS IN A LOCAL HISTORY FRAME

A review of:

- Oparin, D., & Akimov, A. (2017). *Istorii moskovskikh domov, rasskazannye ikh zhiteliami* [The history of Moscow houses, told by their residents]. Eksmo. 320 p. (In Russian).
- Galkina, Yu., Kos'min, M., & Akimov, A. (2020). *Istorii domov Peterburga, rasskazannye ikh zhiteliami* [The history of Petersburg houses, told by their residents]. Eksmo. 432 p. (In Russian).

To cite this review: Kupriyanov, P. S. (2021). Catching memory: Oral recollections in a local history frame. *Shagi / Steps*, 7(1), 293–302. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-293-302>. (In Russian).

Acknowledgements. The research was supported by RSF, project No. 19-78-10076.

Received September 12, 2020

Accepted October 1, 2020

Предваряя следующий текст, надо заметить, что он не является рецензией в строгом смысле слова, а скорее относится к более свободному жанру «размышления над книгой». Отчасти это объясняется тем, что рассматриваемые сочинения — не научные исследования, а популярные краеведческие издания (хоть и со значительной исследовательской составляющей). А отчасти — тем, что речь пойдет не о книгах в целом, а лишь об одном отдельном аспекте: работе с памятью.

Однако начать все равно следует с представления разбираемых книг. Первая из них, посвященная московским домам, — результат многолетнего творческого сотрудничества антрополога Дмитрия Опарина и фотографа Антона Акимова — вышла в самом конце 2016 г., получила широкий резонанс и завоевала большую популярность у читателей. Спустя три года успешный опыт был повторен на материале Санкт-Петербурга: новая книга, где фотографом выступил тот же Антон Акимов, а авторами текстов — журналистка Юлия Галкина и краевед Михаил Косьмин, воспроизводит не только общую идею, но и концепцию, и структуру, и дизайн предыдущего издания. (Так что теперь можно уверенно говорить о (мини-)серии, тем более что уже сейчас началась работа над следующей книгой, на этот раз о Тбилиси.)

И та и другая книги состоят из 25 глав, каждая из которых посвящена какому-то одному дому. Главы не имеют единой структуры, но везде текст разбит на разделы, в которых рассказывается об архитектуре и архитектуре дома, его владельцах и жильцах, об отдельных квартирах и занимавших их семьях, о связанных с домом событиях и людях. В одних случаях большее внимание уделяется дореволюционной эпохе, в других — советскому времени. Информация излагается несистематически, в свободном очерковом стиле, на основе разнородных источников — с одной стороны, адресных, домовых книг и описей, а с другой — личных материалов самих жильцов, в том числе дневников, писем и воспоминаний. Такой состав источниковой базы отражается на повествовании: подробные и зачастую довольно длинные перечисления семей и людей, проживавших в доме в разные годы, сменяются лирическими зарисовками и эпизодами из личных и семейных историй. В обеих книгах основная часть дополняется схемой города с обозначением описываемых домов, а также коротким вступлением, содержащим важные замечания о концепции издания. Первая книга завершается описанием некоторых типовых элементов интерьера доходного дома и краткой характеристикой использованных источников.

Характерной чертой обоих изданий является значимость визуального компонента. Дело не только в беспрецедентном обилии изображений (фотографии размещены практически на каждом развороте и часто занимают большую его часть, что дает основания говорить о книгах как об альбомах [Сафонова 2016]), но и в том, что они несут смысловую нагрузку, а не просто иллюстрируют текст. И черно-белые архивные кадры, и современные цветные фотографии работают на концепцию книг наряду (если не наравне) с текстом. Об этом можно судить уже по обложкам¹: в обоих случаях на них представлен фрагмент входной квартирной двери таким крупным планом, который детально передает фактуру поверхности (со всеми мельчайшими трещинами, пятнами и потертостями), тем самым представляя обычную дверь как вещь с историей, обладающую своим узнаваемым обаянием. Такое изображение задает особый оптический (а отчасти и эмоциональный) ретро- и макрорежим, настроенный на внимание к прошлому и к деталям привычных интерьеров: за такой дверью (под такой обложкой) читателя ждет множество старых вещей, представленных с любовью и в подробностях. Важным инструментом, обеспечивающим функционирование этого режима, является принципиальное предпочтение аналоговой пленки цифровой матрице; по словам авторов, оно обусловлено стремлением «не просто зафиксировать сохранившееся, но передать атмосферу старой квартиры, старого дома, старой вещи» (I, с. 9)². Оставляя в стороне спорный вопрос о передаче (или все же конструировании) этой самой атмосферы, нельзя не признать, что образный строй и особая лирическая интонация обеих книг в значительной степени определяются именно визуальным рядом.

Формулируя концепцию книги, авторы подчеркивают, что в первую очередь их интересуют не известные дома или люди, а, напротив, «рядовая» городская застройка и «простые» жители (I, с. 8). Однако специфическая особенность рассматриваемых книг, отличающая их от других изданий по истории города, состоит не в выборе объекта, а в особом подходе к его описанию: не «снаружи», а «изнутри», не как архитектурного сооружения или исторического артефакта, а как пространства повседневной жизни, не через документы, а через опыт и память жителей. Этот подход, заявленный в самих названиях книг, с одной стороны, является очевидно новаторским (хотя призывы к замене архитектурного взгляда на город «человеческим» звучат довольно давно), а с другой — отражает антропоцентричный тренд современного краеведения: музейные экспозиции, городские экскурсии и прочие культурные проекты сегодня все чаще обращаются к частной памяти и дают слово жителям. Разбираемые книги, в особенности «московская» — как одно из первых и довольно влиятельных проявлений этой тенденции, могут служить показательным примером современной работы с частной памятью в краеведческом поле. И в том числе связанных с ней проблем.

¹ Дизайнер обложек обеих книг — Дарья Головешко.

² В ссылках на рецензируемые книги римской цифрой обозначаются издания: I — «Истории московских домов...», II — «Истории домов Петербурга...».

* * *

При первом же знакомстве с книгами становится очевидно, что, вопреки их названиям, рассказы жителей все же не являются главным источником сведений по истории домов — она реконструируется преимущественно на основе письменных документов, архивных и опубликованных. Хотя интервью с жильцами приводятся в каждой главе, занимая в среднем от трети до половины ее объема, они нигде не выступают как самодостаточный или основной текст, а, напротив, всегда дополняют данные, почерпнутые из других источников. Иными словами, и по структуре, и по содержанию книги далеки от сборников городского фольклора или антологий устных воспоминаний — скорее это исторические справочники с нетривиальным наполнением.

Как правило, фрагменты интервью помещены в заключительных частях глав, но также могут располагаться и в середине главы, перемежаясь авторским текстом. Почти все они выделены особым кеглем или шрифтом и набраны в несколько колонок, но так или иначе выступают в одном ряду с прочими документами, становясь, в соответствии с авторской концепцией, еще одним источником по истории дома наравне с адресными книгами, фотографиями, квитанциями, письмами и избирательными бюллетенями. Собственно, именно в этом совмещении и заключается основная методическая находка авторов, и именно оно порождает эмоциональный эффект, прежде хорошо знакомый лишь тем, кто сам проходил этот исследовательский путь, а теперь доступный и читателям: удивление и радость от неожиданного резонанса сухих архивных данных — и живых свидетельств памяти. Это происходит, к примеру, тогда, когда вдруг в рассказе современного жителя дома упоминаются фамилии из домового книги или имущественной описи столетней давности, а в соседней квартире обнаруживаются потомки владельца дома. Про такие моменты принято говорить, что история оживает, а прошлое присутствует в настоящем, — в этом, несомненно, один из основных нервов обеих книг — и одновременно едва ли не основная их проблема. Все дело в том, что использование памяти для оживления исторических сведений требует весьма существенной ее обработки, при которой она порой заметно преобразуется. Разные аспекты этого процесса я и попытаюсь обозначить далее.

В книгах, о которых идет речь, есть несколько моментов, вызывающих удивление, но при этом довольно устойчивых и очевидно не случайных. Один из них заключается в абсолютной безошибочности приводимых текстов жителей. Каждый, кто хоть раз записывал (а потом транскрибировал) устную беседу, знает, сколько в ней содержится всевозможных «неправильностей»: речевых и смысловых ошибок, оговорок, логических несуразностей, повторов, противоречий и т. п. Если же предметом этой беседы является прошлое, то ко всему вышеперечисленному неизбежно добавляются «ошибки» памяти: переносы, совмещения, хронологическая компрессия. Однако в рассматриваемых книгах воспоминания выглядят почти безупречными. В них нет не только запинок и пауз хезитации, но и фактических ошибок: никто из вспоминающих ни разу не ошибся ни в датах, ни в местах, ничего не перепутал и не наговорил лишнего, не повторил уже сказанного и не оборвал фразы, наконец, не сказал ничего, что противоречило бы другому информанту/ документу/ автору. Речь жителей московских и петербургских домов не только грамматически

правильна, но и исторически верна. Очевидно, это результат литературной и содержательной правки: подобно тому, как устная речь здесь скорректирована по стандартам литературной нормы, память — неточная, сбивчивая и противоречивая — исправлена и приведена в соответствие с документальной и достоверной историей.

Можно счесть, что такая правка прагматически оправдана, поскольку она (вслед за литературной) заметно облегчает восприятие текста, однако в конечном счете эта прагматика противоречит исходному замыслу книги, мало что оставляя от самой памяти — фактически лишь отдельные сюжеты. В ходе данной коррекции устная память преобразуется в письменную историю, а точнее, в письменные истории, благодаря чему она органично вписывается в исторический нарратив — за исключением единичных случаев, не без удивления отмечаемых авторами (II, с. 164, 329). Все это указывает на то, что подход авторов строится скорее на исторической, чем на антропологической оптике, в которой субъективное знание о прошлом (п а м я т ь) включается в поле зрения лишь настолько, насколько оно соответствует объективной картине (и с т о р и и) — все прочие составляющие персонального мемориального ландшафта оставляются «за кадром» как ошибки и искажения или просто как избыточный информационный «шум».

Помимо того, что рассказы жителей безошибочны, они еще и удивительно информативны. В этом смысле они напоминают речь экспертов, носителей специального знания — правильную, содержательную, насыщенную необходимыми подробностями. Такой эффект лишь отчасти объясняется редакторской обработкой текста; во многом он обусловлен специальным отбором рассказчиков: по словам авторов, ими становились не любые жильцы, а, во-первых, старожилы (жившие или живущие в доме на протяжении длительного времени), а во-вторых, те, «кому есть что рассказать»³. Принцип этого отбора обнажает существенную черту авторской оптики: взгляд создателей (а вслед за ними и читателей) книг направлен именно на прошлое, а не на нарративы о нем, на историю дома, а не на ее интерпретацию. Поэтому рассказы жителей являются прежде всего историческими сведениями о реконструируемой реальности, и именно эти сведения и определяют их значимость, они важны не сами по себе, а как свидетельства о событиях прошлого. Порой рассказчики передают то, что слышали от старших родственников или соседей, но все же большая часть их текста — это персональные нарративы, т. е. рассказы, основанные на личном опыте. Очевидно, именно эта информация имеет наибольший вес; ценно то, что житель видел своими глазами, а не то, как он представляет себе историю дома вообще.

Как бы то ни было, нельзя не признать, что в словах «...рассказанные их жителями» есть известная доля лукавства: она не только в том, что все-таки основу каждой главы составляет исторический (а не мемориальный) нарратив, и не в том, что речь идет не о любых жителях, а лишь об их определенной (относительно узкой) категории, но и в том, что имеются в виду далеко не все рассказы. Как известно исследователям устной истории города,

³ Об этом, в частности, говорилось на презентациях книги «История домов Петербурга...» [Буквояд 2019; Молодая гвардия 2020]. По словам авторов, в случае отсутствия подходящих информантов дом не мог быть включен в книгу.

жители могут ничего не знать об истории дома. А могут, наоборот, что-то придумывать и домысливать. Или рассказывать разные «небылицы» и легенды. И, строго говоря, именно это и будет история дома, рассказанная жителями. Но как раз такой «народной» или «наивной» истории в рассматриваемых книгах почти нет; здесь история домов рассказывается исследователями, а жителям отводится роль мемуаристов, чьи воспоминания призваны оживить исторический нарратив, придать объем и глубину создаваемым образам прошлого. Словом, память выступает здесь ценным и востребованным ресурсом, но не самостоятельным объектом презентации, описания или изучения.

За таким утилитарным подходом скрывается распространенное (и часто нерелевантное) понимание памяти как автономного хранилища (контейнера, банка данных), в котором многочисленные факты / сведения о прошлом содержатся в неизменном состоянии. Носителем этих данных является вспоминающий (в нашем случае житель дома), а задача исследователя сводится к извлечению из его «мемориального резервуара» необходимой информации (подобно шахтеру в известной метафоре С. Квале [2003: 14]). Причем это действие мыслится как чисто механическое, никоим образом не влияющее на содержание добываемого «сырья»: ни цели, ни обстоятельства, ни участники процесса здесь не имеют существенного значения. (Поэтому читатель книг так и не узнаёт, когда, как, для чего и насколько охотно, подробно и эмоционально жители рассказали авторам истории своих домов.)

Несостоятельность такого представления давно подтверждается как исследованиями памяти [Нуркова 2000, Кандель 2011], так и опытом практиков, работающих с устными материалами, в том числе с воспоминаниями [Безрогов и др., 2001; Садмен и др. 2003, Лоскутова 2003, Абашин и др. 2005, Рождественская 2012]. Современные исследования скорее исходят из динамичного и конструктивистского понимания памяти, подразумевающего, что искомая информация не извлекается из хранилища, а производится непосредственно во время коммуникации, причем всеми ее участниками, а процесс производства во многом зависит от социального, культурного и коммуникативного контекста. Однако, несмотря на критику и дискуссии, прежнее представление остается весьма устойчивым, в особенности за пределами научного поля, в частности в краеведческих практиках. В рассматриваемых книгах оно проявляется довольно наглядно в самых разных моментах. Например, в том, как передаются записанные воспоминания: несмотря на то что эти тексты представляют собой фрагменты интервью, они не содержат никаких следов диалога. Это совершенно монологичные «ответы без вопросов» [Портелли 2003: 47]; интервьюер как будто вообще не участвует в разговоре, он незаметен, «прозрачен».

Более того, в некотором смысле «прозрачным» оказывается и сам вспоминающий. Да, в обеих книгах аккуратно приводятся подробные сведения о каждом рассказчике, начиная от его имени и заканчивая связью с домом, о котором идет речь, однако сами воспоминания часто оказываются деиндивидуализированными, как бы оторванными от человека — такими, которые можно было бы услышать от любого другого. В перспективе текста сам рассказчик не так уж важен: ни его судьба, ни его взгляды, ни пристрастия, ни темперамент, ни политическая позиция, ни социальные характеристики, ни культурный бэкграунд,

ни настроение, ни состояние здоровья. Память существует сама по себе, вне зависимости от носителя, в некотором вакууме, не подверженная никаким воздействиям: ни снаружи, ни изнутри, ни реновации, ни ревматизму. При том, что воспоминания содержат довольно много сведений о прежней жизни информантов, мы почти ничего не узнаём о них нынших — ни как жителей, ни как рассказчиков — в этой ипостаси они не важны и... не видны.

Не видны в том числе и в буквальном смысле: еще одна удивительная черта обеих книг состоит в том, что люди в них есть только на старых снимках. Современные дома и квартиры совершенно безлюдны: среди сотен фотографий мне удалось обнаружить всего две с нынешними жителями (I, с. 172, 205). Характерно, что и на них люди вытесняются или заслоняются деталями интерьера, на которых привычно фокусируется внимание авторов. Вот в глубине комнаты видна человеческая фигура с поднятой рукой, словно призывающая обратить на нее внимание, — однако подпись к фотографии красноречиво игнорирует этот призыв, сообщая лишь о том, что «в квартире Татьяны Левицкой сохранились оригинальные двери» (I, с. 205).

Эта диспропорция в фотоизображениях людей и вещей на старых и современных снимках производит ожидаемый эффект, отделяющий прошлое от настоящего: одно предстает наполненным жизнью, а другое — лишь ее остатками. В некоторой степени он обусловлен все той же авторской оптикой, настроенной на отсеивание современности как наименее ценного объекта: «в настоящем мы снимали на камеру прошлое», — пишут сами авторы (I, с. 9).

Как и в других случаях, эта визуальная стратегия отражает общий подход авторов, относящийся также и к текстам. В отличие от конструктивистского понимания памяти, исходящего из того, что любой разговор о прошлом ведется из настоящего и потому несет на себе его следы, в рецензируемых книгах современность последовательно вытесняется из поля зрения, в результате за его пределами оказывается не только вспоминающий человек, но и сам момент появления текста. В парадигме «памяти как хранилища» мемуарист — это не производитель, а носитель памяти, не автор/создатель текста, а его передатчик, так же как само воспоминание — лишь набор сведений, фактов, сюжетов, но не рассказ, имеющий свою структуру, логику и подчиняющийся определенной нарративной стратегии. Что, в какой последовательности и в каком контексте включается в рассказ о прошлом, как связываются между собой разные фрагменты, о чем умалчивает человек и что акцентирует, какие нарративные и культурные матрицы и клише использует в своем рассказе и т. д. — все это остается неразличимым и несущественным для краеведческого взгляда. Словом, момент производства воспоминания не попадает в объектив, и это в значительной степени блокирует восприятие устного сообщения как текста, а не просто как набора информации. Редким исключением из этого правила становятся некоторые воспоминания о блокаде: совпадающие фрагменты в текстах разных людей интерпретируются автором как общие места (II, с. 107, 241) и тем самым заставляют отнестись к воспоминанию как к повествованию, регулируемому особыми законами, а не просто как к свидетельству, механически отражающему прошлое. Впрочем, это отношение не распространяется на другие тексты и не меняет авторскую оптику в целом.

* * *

Книги про истории домов соединяют в себе несколько разных качеств, редко встречающихся вместе. С одной стороны, красоту и приятный дизайн. С другой — фундированность и скрупулезную документальность. С третьей — эмоциональность и душевность. Совмещение этих трех составляющих рождает уникальный продукт. Редкую книгу с таким количеством перечней жильцов и ссылок на делопроизводственные документы хочется читать в кресле при свете лампы.

Эти книги одновременно уникальны и типичны. Уникальны тем, что впервые последовательно и подробно представляют дома не как здания, а как жизненные пространства, впервые так наглядно демонстрируют впечатляющую поликультурность обоих городов, наконец, впервые включают в краеведческое издание рассказы жителей в таком объеме. Типичны же они в том, что в самих этих новациях проявляются характерные черты нового краеведения — акцент на повседневности, внимание к деталям, выбор «рядовых» (а не «выдающихся») домов, стремление ввести «в кадр» человека — все это отражает популярную установку на внедрение антропологического измерения в разговор о городе⁴, разделяемую многими современными музейно-краеведческими проектами.

Наконец, эти книги парадоксальным образом работают и на память, и на забвение. С одной стороны, новый ракурс и обращение к частной памяти как к источнику позволяет увидеть описываемые дома с новых, незаметных и как будто недоступных прежде сторон. Каждый из них предстает не просто безмолвным сооружением определенного стиля и эпохи, а точкой пересечения сотен разных судеб, плотным и пестрым узлом из множества нитей, ведущих в разные столетия и разные уголки страны и мира, местом драматических, комических и трагических событий. Словом, введение в оборот новых источников заметно обогащает наши знания о городе и его прошлом и открывает новые горизонты.

С другой стороны, как следует из сказанного выше, устные воспоминания, интегрируемые в исторический нарратив, неизбежно подвергаются существенной трансформации, в результате которой фактически лишаются не только своей устности, нарративности, фольклорности, но и самой мемориальности. От живой, процессуальной и в разных отношениях сложной памяти остается лишь набор сюжетов, интерпретируемых как факты реконструируемой действительности. Все остальное, включая сам процесс вспоминания и самого вспоминающего, выпадает из поля зрения исследователя, оказывается в «слепой зоне» и в этом смысле также предается забвению.

Итак, вопреки всем намерениям и усилиям, попытки поймать индивидуальную память в краеведческий силлок оказываются безуспешными. На этом можно было бы поставить точку — и тогда последняя фраза звучала бы как вердикт авторам, «не справившимся с поставленной задачей». Однако, на мой взгляд, проблема здесь не столько в недоработках авторов, сколько в самом предмете. Поэтому справедливее и конструктивнее вместо оценочной точки поставить проблематизирующий вопрос: а насколько в принципе индивиду-

⁴ О том, что в основе книги лежит антропологический подход, упоминал Дмитрий Опарин в интервью [Чернец 2016].

альная память (в виде устных воспоминаний) может быть адекватно представлена в историко-краеведческом формате? И что следует считать адекватным представлением? На настоящий момент, кажется, удачных примеров нет, все схожие проекты сталкиваются с теми же препятствиями, что и наши авторы. Впрочем, количество подобных проектов (в том числе вдохновленных рассмотренными книгами) увеличивается, сама серия книг про дома продолжается, а следовательно, есть надежда и... материал для анализа.

Источники

- Буквоед 2019 — Максим Косьмин и Антон Акимов. Буквоед, 27 декабря 2019 года: [Видеозапись] // Youtube.com. 2019. 27 дек. URL: <https://youtu.be/bKuiwdQvhLg>.
- Молодая гвардия 2020 — А. Акимов, Ю. Галкина, М. Косьмин в «Молодой гвардии» 28.02.2020: [Видеозапись] // Youtube.com. 2020. 28 февр. URL: <https://youtu.be/FA5ZEQNoDhc>.
- Сафонова 2016 — Сафонова К. «Истории московских домов, рассказанные их жителями»: Бывшие сотрудники «Большого города» выпустили книгу о старых домах Москвы // The Village. 2016. 9 нояб. URL: <https://www.the-village.ru/weekend/books/249821-istorii-domov-moskvy>.
- Чернец 2016 — Чернец Е. От великодержавного к локальному: Интервью с Дмитрием Опариным // Fomlabs.ru. 2016. 23 дек. URL: <http://fomlabs.ru/material/Intervju-s-Dmitriem-Oparinym>.

Литература

- Абашин и др. 2005 — [Абашин С. и др.] Форум: Исследователь и объект исследования // Антропологический форум. № 2. 2005. С. 8–134.
- Безрогов и др. 2001 — Безрогов В. Г., Кошелева О. Е., Мещеркина Е. Ю., Нуркова В. В. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях: Учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во Ун-та РАО, 2001.
- Кандель 2011 — Кандель Э. В поисках памяти: возникновение новой науки о человеческой психике / Пер. с англ. П. Петрова. М.: Астрель; Corpus, 2011.
- Квале 2003 — Квале С. Исследовательское интервью / Пер. с англ. М. Р. Мироновой; Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2003.
- Лоскутова 2003 — Хрестоматия по устной истории / Сост. М. В. Лоскутова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003.
- Нуркова 2000 — Нуркова В. В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Ун-та РАО, 2000.
- Портелли 2003 — Портелли А. Особенности устной истории / Пер. с англ. // Хрестоматия по устной истории / Сост. М. В. Лоскутова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. С. 32–51.
- Рождественская 2012 — Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- Садмен и др. 2003 — Садмен С., Бредберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы: Применение когнитивного анализа в массовых обследованиях / Пер. с англ. Д. М. Розгозина, М. В. Рассохиной; Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003.

References

- [Abashin, S., et al.] (2005). Forum: Issledovatel' i ob'ekt issledovaniia [Forum: Researcher and research object]: *Antropologicheskii forum*, 2, 8–134. (In Russian).
- Bezrogov, V. G., Kosheleva, O. E., Meshcherkina, E. Iu., & Nurkova, V. V. (2001). *Pedagogicheskaiia antropologiia: fenomen detstva v vospominaniakh: Uchebno-metodicheskoe posobie* [Pedagogical anthropology: The phenomenon of childhood in recollections: Educational and methodological guide]. Izdatel'stvo Universiteta RAO. (In Russian).
- Kandel', E. (2011). *V poiskakh pamiati: vzniknovenie novoi nauki o chelovecheskoi psikhike* [Trans. from Kandel, E. R. (2007). *In search of memory: The emergence of a new science of mind*. W. W. Norton and Company Ltd.]. Astrel'; Corpus. (In Russian).
- Kvale, S. (2003). *Issledovatel'skoe interv'iu* [Trans. from Kvale, S. (1996). *InterViews: An introduction to qualitative research interviewing*. Sage]. Smysl. (In Russian).
- Loskutova, M. V. (Ed.) (2003). *Khrestomatiia po ustnoi istorii* [Anthology of oral history]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Nurkova, V. V. (2000). *Svershennoe prodolzhaetsia: psikhologiia avtobiograficheskoi pamiati lichnosti* [The accomplished continues: Psychology of autobiographical memory of the individual]. Izdatel'stvo Universiteta RAO. (In Russian).
- Portelli, A. (2003). Osobennosti ustnoi istorii. In M. V. Loskutova (Ed.). *Khrestomatiia po ustnoi istorii* [Trans. from Portelli, A. (1981). Peculiarities of oral history. *History Workshop*, 12(1), 96–107], 32–51. Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Rozhdestvenskaia, E. Iu. (2012). *Biograficheskii metod v sotsiologii* [Biographical method in sociology]. Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Sadmen, S., Bredbern, N., & Shvarts, N. (2003). *Kak liudi otvechali na voprosy: Primenenie kognitivnogo analiza v massovykh obsledovaniakh* [Trans. from Sudman, S., Bradburn, N., & Schwarz, N. (1996). *Thinking about answers: The Application of cognitive processes to survey methodology*. Jossey-Dass Publishers]. Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie". (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Павел Сергеевич Куприянов

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт этнологии и антропологии
РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32а
Тел.: +7 (495) 938-00-19
✉ kuprianov-ps@yandex.ru

Pavel S. Kupriyanov

Cand. Sci. (History)
Senior Researcher,
Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt,
32a
Tel.: +7 (495) 938-00-19
✉ kuprianov-ps@yandex.ru

Л. Е. Артамошкина

ORCID: 0000-0003-3027-9244

✉ l.artamoshkina@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Петербург)

КОНФЕРЕНЦИЯ «БИОГРАФИЯ И ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ»

Аннотация. В обзоре представлены Материалы международной научной конференции «Биография и память культуры», прошедшей 14–16 октября 2020 г. в Санкт-Петербурге.

Для цитирования: Артамошкина Л. Е. Конференция «Биография и память культуры» // Шаги / Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 303–310. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-303-310>.

Благодарности. Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ, № 19-011-00775, «Топология культурной памяти в диалоге поколений».

Хроника поступила в редакцию 22 декабря 2020 г.

Принято к печати 4 января 2021 г.

L. E. Artamoshkina

ORCID: 0000-0003-3027-9244

✉ l.artamoshkina@spbu.ru

Saint Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)

CONFERENCE “BIOGRAPHY AND MEMORY OF CULTURE”

Abstract. The review focuses on materials from the International conference “Biography and Memory of Culture” that took place October 14–16, 2020 in St. Petersburg.

To cite this review: Artamoshkina, L. E. (2021). Conference “Biography and Memory of Culture”. *Shagi / Steps*, 7(1), 303–310. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-303-310>.

Acknowledgements. The publication was prepared with the support of the grant of Russian Foundation for Basic Research No. 19-011-00775, “The topology of cultural memory in dialogue of generations”.

Received December 22, 2020

Accepted January 4, 2021

14–16 октября 2020 г. в Санкт-Петербурге прошла Международная научная конференция «Биография и память культуры» — вторая в серии конференций под общим названием «Современная культура и коммуникации» (Modern Culture and Communication). В качестве организаторов выступили Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета и Институт философии Университета Вроцлава (Польша). Конференция объединила представителей различных гуманитарных дисциплин — философов, культурологов, антропологов, искусствоведов из России и семи зарубежных стран. Доклады были посвящены исследованиям культурной памяти, идентичности, биографии как формы выражения культурной памяти в целостном коммуникативном пространстве современной культуры. В обзоре представлены избранные доклады, излагающие основные тематические направления конференции.

Докладчики пленарного заседания обратились к культурно-исторической эпистемологии как фундаменту экзистенциально-биографических исследований (**Б. И. Пружинин**, Москва, **Т. Г. Щедрина**, Москва). Обсуждение данной темы происходило в контексте ключевых проблем современной культуры, в частности, цифровой культуры в ситуации перехода к экологической цивилизации (**Р. Стяхел / R. Stahel**, Братислава, Словакия).

Первый день конференции был сосредоточен на фундаментальных методологических проблемах исследования культурной памяти. В докладах анализировался концепт «топология культурной памяти» и рассматривались стратегии его применения в прикладных исследованиях.

С. Н. Зенкин (Москва) в докладе «Три теоретика биографии: Винокур, Лотман, Дубин» сопоставил теоретические работы, созданные в разное время тремя русскими учеными и посвященные проблеме биографии как опыта и текста: «Биография и культура» Григория Винокура, «Литературная биография в историко-культурном контексте» Юрия Лотмана и «Биография, репутация, анкета» Бориса Дубина. Были показаны преемственность идей и вместе с тем методологическое различие подходов, обусловленное дисциплинарной принадлежностью ученых (в данном случае это соответственно философская феноменология, семиотика культуры, социология культуры).

В центре внимания ряда докладов находилось соотношение биографического нарратива, исторической и культурной памяти. **Л. Е. Артамошкина** (Санкт-Петербург) в докладе «Боль и память: биографическое письмо в топосах культурной памяти» предложила концепт биографического письма. Было подчеркнуто определенное антропологическое основание самого процесса письма, который связан с воплощением образов памяти «мыслящего тела» и сопряжен с болью. «Боль» — антропологическая характеристика, обращенная как к памяти, так и к письму, воплощающему эту память. Докладчица соотнесла это понятие с понятием травмы, одним из ключевых в *memory studies*, подчеркнув необходимость их различения, определения порядков применения в аналитических процедурах, связанных с исследованием проблем в области *memory studies*. Понятие травмы в *memory studies* прочно связано с комплексом проблем обращения с травматическим прошлым, с конкуренцией жертв, с политикой покаяния, с исцелением от травмы, с преодолением прошлого. Биографическое письмо, передающее боль памяти и память о боли, может служить не средством забвения и/или преодоления прошлого, но средством понимания и принятия боли — своей и другого.

В рамках обращения к теории культурной травмы была представлена аналитика биографического нарратива, критически осмыслены методы устной истории. **Н. А. Артеменко** (Санкт-Петербург) в докладе «Устная история и проблема “доступа” к травматическому опыту» предложила оценку методологических возможностей психоаналитической теории в качестве базиса биографических исследований. В докладе **А. В. Смирнова** (Петербург) «Травматический опыт детства: репрезентация в советском искусстве» были выявлены формы, которые в советском искусстве приняла репрезентация травматического опыта, полученного детьми прежде всего в 1930-е годы и во время Великой Отечественной войны, а также в послевоенное время; были проанализированы произведения Николая Носова «Витя Малеев в школе и дома», Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» и «Последние свидетели».

Биографический нарратив в пространстве культурной памяти находит отражение в форме дневника. Вариативное использование дневниковой формы позволяет выявить особенности формирования ментальности культуры, ее связь с культурно-историческими и региональными условиями — эти аспекты были представлены в докладах **Л. Миодонского** (**L. Miodoński**, Вроцлав, Польша) «“Дневник Божественного Дела” как утверждение польского мессианизма» и **И. С. Кызласовой** (Москва) «Доминанты автобиографического нарратива (на материалах дневников ярославского крестьянина П. В. Бугрова)».

В исследованиях памяти давно утвердился статус нарратива как формы репрезентации автобиографической памяти, отличающейся определенной структурой. Однако развитие информационно-коммуникационных технологий привело к отказу от конвенциональных форматов представления личного опыта и дало начало новым гибридным формам вербализации автобиографической памяти. Жанр онлайн-воспоминаний занял свое законное место в системе жанров интернет-коммуникации, подчиняющихся конвенциям киберкультуры. **И. В. Тевьяева** (Москва) в докладе «Киберкультура и автобиографическая память» рассмотрела воздействие киберкультурных практик на модели объективации автобиографических воспоминаний в интернет-коммуникации, в частности на формат наррации. Было выявлено значительное расхождение онлайн-формата объективации автобиографической памяти и традиционного инварианта. Трансформации системы автобиографических жанров видоизменяют их внешнюю и внутреннюю формы и в целом отражают общее следование киберкультурным трендам.

В ряде докладов раскрывались особенности становления биографического нарратива в контексте культуры. **В. Л. Вайнгорт** (Таллин, Эстония) в докладе «“Скрещенье судеб” провинциального архитектора и культурного наследия Полтавы в 1930–1980 годах» продемонстрировала этапы творческого и личного роста главного архитектора в ходе воссоздания города, разрушенного гитлеровской военной машиной в 1943 г. Биография Льва Вайнгорта, проработавшего главным архитектором Полтавы 33 года, измерялась периодами от начала и до завершения восстановления памятника за памятником: зданий, монументов, мемориальных комплексов, спроектированных в XIX в. ведущими архитекторами Петербурга и создававших Полтаву городом «Петровской виктории» — «малым Петербургом» (от 100-летнего до 200-летнего юбилея Полтавской битвы). На излете своей творческой карьеры архитектор Вайн-

горт спроектировал и осуществил возведение уничтоженной войной усадьбы Гоголя «близ Диканьки», а также разработал концепцию мемориального музея писателя, заслужив признание в музейной среде 1970–1980-х годов.

В докладе «Стиль жизни как проект биографии» **Е. Н. Устюгова** (Санкт-Петербург) подчеркнула, что современные формы стилей жизни проявляются через демонстрацию отклонения поведения от существующих стандартов. Стиль жизни представляет собой целостный текст экзистенциального опыта человека, доступный не описанию, а интерпретации, и выступает как проект биографии, вписанной в конкретные исторические и социальные обстоятельства.

Аспекты исследований культурной памяти рассматривались на конференции через призму межпоколенческой коммуникации. **Э. Шупулис (E. Šūpulis, Рига, Латвия)** в докладе «Биографии поколений в постсоветском пространстве: региональный аспект» продемонстрировала модель шести поколений в Латвии XX в. на материале биографических интервью и историй жизни из архива устной истории Латвийского университета и сравнила ее с аналогичными результатами из Эстонии, России и других стран. Поколение понимается докладчиком в рамках мангеймовской социологии знания, т. е. не как объективный период истории или возрастная группа, а как субъективно определенная когорта, разделяющая конкретный исторический опыт, особая коллективная идентичность.

Ж. В. Николаева (Санкт-Петербург) в докладе «Архитектура как биография города и как диспозитив визуальной коммуникации между поколениями» рассмотрела подходы современной урбанистики через призму межпоколенческой коммуникации. Урбанистика исследует многообразие образов городов с целью продвижения новых подходов к решению проблемы будущего межкультурного и межпоколенческого совместного проживания, уделяя особое внимание деятельности архитекторов и градостроителей, политиков и горожан в их повседневных практиках: они обязаны проектировать наши будущие пространства в соответствии с «городским текстом». В докладе освещались взгляды Жака Деррида, Мишеля Фуко, Альдо Росси, Юрия Лотмана, Жана Нувеля, а также философия города, подход Маурицио Феррариса и других современных исследователей, считающих, что архитектура является документированием социальной реальности. Содержание исследования ориентировано на анализ городской среды как визуальной коммуникации между поколениями: архитектура может быть представлена как окаменевшее общество и овеЩественная биография поколений, живших до нас в этом месте.

Тема биографического ландшафта была всесторонне развернута в его отношении к «местам памяти» в региональном аспекте. Верифицировалась идея претворения пути героя биографии, осуществления Самости в биографическом ландшафте, укорененности его топосов в образах культурной памяти. **Н. Б. Граматчикова** (Екатеринбург) в докладе «Инженер коммунальных служб как биограф завода и соцгорода: воспоминания В. Н. Анфимова о строительстве Уралмаша» проанализировала обширные воспоминания в четырех томах о строительстве машиностроительного завода «Уралмаш» в советском Свердловске (ныне Екатеринбург) (импульсом к созданию воспоминаний послужил опросник-анкета для старейших и заслуженных работников завода). Рассмотренный докладчицей документ — яркий образец того, как частная биография становится основополагающим элементом для формирования образа места и города. В докладе **С. Крумине-Коньковой (S. Krūmina-Konkova, Рига, Латвия)**

«Сайты выборочного молчания — сообщения о Холокосте в местах памяти Латвии» были представлены базовые принципы создания мест памяти, связанных с Холокостом, как особенный вид коммеморативных практик в Риге и в целом в Латвии. **М. Н. Лютаева** (Владимир) в докладе «С. С. Крашенинников — благодетель храма села Палашкино. Роль памяти и саморефлексии в возрождении православного прихода» продемонстрировала, как биография прихожанина, в конце XIX — начале XX в. на собственные средства обустроившего сельский храм, стала культурным текстом, сохраняя то место в памяти культуры, которое в наши дни позволяет возрождаться приходу, объединяя сообщество.

Л. Ю. Яковлева (Санкт-Петербург) в докладе «Репрезентация атмосферы мест в биографическом письме» рассмотрела биографическое письмо как способ сохранения атмосферы прошлого момента. Применение понятия «атмосфера пространства» позволяет уйти от исключительно функционального или архитектурного/географического измерения пространства и ввести его в поле исследований культурной памяти. Аналитически сопоставив «атмосферу» с другими родственными понятиями, такими как «аура» (В. Беньямин), «дух места», «гений места» (К. Норберг-Шульц), докладчица обозначила отличительные нюансы.

Доклад **С. Я. Подусенко** (Барнаул) «Городское пространство и память: архитектура как свидетельство (на примере выставочного проекта “Autosave/ Автосохранение”)» был посвящен формированию культурного ландшафта города в процессе взаимодействия между биографиями людей и зданий. История городского пространства Барнаула рассматривалась в контексте массового переселения казахов в Сибирь во время голода 1930-х. Миграция формировала облик города (вплоть до возникновения в Барнауле района с неофициальным названием *Казахстан*); память отдельного человека и группы закреплялась в городском пространстве. В теоретическом аспекте докладчик от концепта города как архива и пришел к его пониманию как палимпсеста, динамичной и постоянно изменяющейся структуры, в которой смыслы непрерывно сменяются, замещаются, наслаиваются, создается эффект «просвечивания прошлого в современности». Жизненный цикл домов — это их биография; конечное разрушение и последующее забвение, по мнению докладчика, возможно преодолеть в виртуальной реальности, в которой сохраняются образы прошлого (в качестве примера приводились проекты «Народная история России» и «Это прямо здесь»).

Е. В. Головнёва (Екатеринбург) в докладе: «Образы Дальнего Востока в творчестве В. К. Арсеньева» развила тему региональной идентичности и конструирования образов территории посредством обращения к частной биографии. В. К. Арсеньев, «Колумб Дальнего Востока», — безусловно, знаковая фигура для соответствующего региона; образ места в культурной памяти во многом был сформирован благодаря его открытиям, через его личную перспективу. Были затронуты такие аспекты, как контакт ученых-этнографов с коренными жителями, взаимодействие с природой и окружающими ландшафтами. Необходимо отметить, что в докладе был сделан первый шаг по введению в научный оборот исследований по культурной памяти уникальных архивных материалов, а именно дневников и фотографий из архива Арсеньева.

В докладе **А. И. Резвухиной** (Калининград) «Изобретая прошлое: ландшафт как способ построения идентичности» построение идентичности было рассмотрено через формулу «принадлежности», что относительно осей пространства и времени может быть выражено через понятия землячества (при-

надлежность к единому пространству) и поколения (принадлежность к единому времени). Был подробно раскрыт аспект пространственного опыта как комплексного переживания особого чувства места, разделяемого с другими, на основании которого выстраивается территориальная идентичность; пространство осваивается человеком и группой, вследствие чего формируются топофильные и топофобные места.

А. И. Резвухина (старшая) (Калининград) в докладе «Памятники: способ конструирования образа города через биографии» раскрыла взаимосвязь образа города и частной биографии его жителей. На примере городского ландшафта Праги докладчица продемонстрировала соседство старых памятников, посвященных выдающимся историческим личностям и событиям, и наиболее современных, экспериментирующих с формой и включенностью в окружающий городской пейзаж. В числе последних были рассмотрены памятники «Дом самоубийцы» и «Дом матери самоубийцы», увековечивающие память об акте самосожжения народного героя Яна Палаха в качестве жеста протеста против подавления Пражской весны, а также памятник самоубийцам «По собственному решению — Memento mori»; увековечивание подобного травматического опыта происходит в большинстве случаев в некой «иносказательной», непрямой, экспериментальной форме, чтобы смягчить травму, однако в докладе был поставлен вопрос — необходимо ли сохранять подобную память в принципе.

В докладе «“Петербург” Андрея Белого как многозначное место памяти русского символизма» **К. А. Федорова** (Петербург) обратилась к тексту как одному из способов фиксации культурной памяти, когда текст выступает в качестве «места» в культурном ландшафте, который инициирует генерацию культурных смыслов, воздействует на писателя, удерживает в себе как сопряженные смыслы, так и фигуру своего автора. Роман А. Белого рассматривался как место памяти русских символистов.

О. И. Дубняковой (Санкт-Петербург) в докладе «Религиозное в повседневном: разговор писателя Франсуа Мориака с обществом через “Дневники”» продолжила тему рефлексии и фиксации культурной памяти посредством текста. «Дневники» — это буквально материальный отгиск памяти современной писателю эпохи. Докладчица, пользуясь лингвистическим инструментарием, подробно разобрала, как выстраивается подобный текст, как достигается одновременность между переживаемым и откликом-записью в дневнике.

В докладе **Б. Гарильо (B. Gariglio, Турин, Италия)** «Забытые воспоминания (опубликованные и неопубликованные) как объект изучения в XXI веке» был рассмотрен биографический метод в его теоретических основаниях (см.: [Винокур 2007]) и в применении к анализу дневниковых и мемуарных текстов, воспроизводящих жизненный, экзистенциальный опыт свидетелей и участников трагических событий XX в.

Биографический метод анализировался через жанровый подход (**Д. Молнар-Ковач / D. Molnár-Kovács, Вроцлав, Польша, доклад «Автобиография как мотивационный жанр»**); через призму исторического подхода (**И. Н. Соловьева, Санкт-Петербург, доклад «“Сделано в СССР” — личное прошлое в произведениях современных авторов»**); в региональном и прикладном аспектах (**Н. В. Григулевич, Санкт-Петербург, доклад «Биографии уроженцев малых городов центра России: свидетельства уходящих поколений»**).

Совместный доклад **Л. Е. Артамошкиной** и **Д. Е. Прокудина** (Санкт-Петербург) «Развитие инструментария и ресурсов биографического метода в цифровую эпоху» был посвящен выявлению основных направлений использования цифровых методов и инструментов на основе применения биографического метода в исследованиях культурной памяти. Были проанализированы различные методы и подходы к проведению научных исследований в гуманитарных науках, основанные на использовании информационно-коммуникационных технологий¹. В качестве оригинального подхода был рассмотрен созданный и развиваемый докладчиками сетевой ресурс — сайт Центра биографических исследований АГПА (biographycentre.org).

Объектом внимания на конференции стало соотношение исторической памяти и понимания; оценивались эпистемологические риски обращения к биографическому нарративу (**П. Незник / P. Nezník**, Кошице, Словакия, доклад «О вреде и пользе памяти для жизни»; **Б. В. Марков**, Санкт-Петербург, «Историческая память: факты, ценности и оценки»; **А. Н. Лосев**, Москва, «Жизнь человека: минимум — биография, максимум — житие»). Исследователи анализировали обширный исторический, архивный материал, ввели в исследовательское поле новые архивные материалы (**Е. А. Долгова**, Санкт-Петербург, доклад «“Портрет в тюремной обстановке”: точки отсчета в советских (авто)биографиях “старых профессоров” (на примере Н. И. Кареева)»; **Н. Н. Потапова**, Екатеринбург, доклад «Проблемы религиозно-этнической самоидентификация религиозных деятелей Дальнего Востока России (на примере протестантов): биографический аспект»).

Одна из задач, которую ставили организаторы конференции, — создание площадки для обсуждения актуальных вопросов трансформации культуры в условиях развивающихся способов коммуникации современного информационного общества — была реализована в ряде докладов (**Д. В. Артамонов**, **С. Тихонова**, Санкт-Петербург, «Биографические форматы медиапамяти: Петр Великий в практике меминга»; **Н. Н. Летина**, Санкт-Петербург, «Топос Н. А. Некрасова в современном медийном пространстве рунета») и в ходе развернувшейся дискуссии.

Жизненный мир в новой парадигме коммуникаций обуславливает необходимость аналитически освоить опыт, фиксируемый медиаобразами, в связи с этим была предложена стратегия исследования природы образа с новыми культурфилософскими акцентами. Постсовременные базовые процессы и процедуры идентификации, модели нового выстраивания и осмысления идентичности в ситуации доминирования виртуальной медиальной среды, насколько они отличаются от классических форм репрезентации и конституирования зон идентичности — такова общая проблематика, затронутая **К. Моравской** (**K. Morawska**, Вроцлав, Польша, «Репрезентация идентичности. Г. Башляр, Г. Маркузе и Ж. Лакан о нарциссизме»), **Н. И. Власовой** (Санкт-Петербург, «Трансформация современной идентичности в Европе и России: социо-культурный аспект»), **Б. Сенай** (**B. Senay**, Стамбул, Турция, «Гибридность, идентичность и религия в гипермодерне Турции»), **В. В. Антроповой** (Санкт-Петербург, «Образ “другого” в коммуникативном пространстве современной культуры: к вопросу о репрезентации идентичности»). Ориентация на прошлое, на сохранение, на его удержание (навязчивое памятование) вступает

¹ См. подробнее об этой проблематике: [Таллер 2012].

в противоречие с тем, что в философской мысли XX в. маркируют как проективную сущность человека, — такую позицию выразил в своем докладе «Память против проекта» **Б. Г. Соколов** (Санкт-Петербург).

Социальная значимость и востребованность представленных в докладах тем обусловлены необходимостью осмысления процессов глобализации, кризиса исторического сознания и потребностью в выработке новых прогностических подходов к исследованию форм культурной идентичности.

К началу конференции был издан сборник материалов [Артамошкина и др. 2020]. Полностью программа доступна на сайте конференции².

Литература

Артамошкина и др. 2020 — Биография и память культуры: II междунар. конф. «Современная культура и коммуникации» (Modern Culture and Communication, MCC-2020), Санкт-Петербург, 14–16 октября 2020 г.: Сб. материалов / Под ред. Л. Е. Артамошкиной, Д. Е. Прокудина (отв. ред.), Б. Г. Соколова. СПб.: АНО ДПО «Институт Мира и исследования конфликтов», 2020.

Винокур 2007 — *Винокур Г. О.* Биография и культура. М.: URSS, 2007.

Таллер 2012 — *Таллер М.* Дискуссии вокруг Digital Humanities / Пер. с англ. // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 5–13.

References

Artamoshkina, L. E., Prokudin, D. E., & Sokolov, B. G. (Eds.) (2020). *Biografiia i pamiat' kul'tury: II mezhdunarodnai konferentsiia "Sovremennaia kul'tura i kommunikatsii" (Modern Culture and Communication, MCC-2020), Sankt-Peterburg, 14–16 oktiabria 2020 g.: Sbornik materialov* [Biography and memory of culture: Proceedings of the 2nd International Conference 'Modern Culture and Communication, MCC-2020', 14–16 October 2020, Saint Petersburg, Russia]. ANO DPO "Institut Mira i issledovaniia konfliktov". (In Russian).

Taller [= Thaller], M. (2012). Diskussii vokrug Digital Humanities [Controversies around the Digital Humanities]. *Istoricheskaia informatika*, 2012(1), 5–13. (In Russian).

Vinokur, G. O. (2007). *Biografiia i kul'tura* [Biography and culture]. URSS. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Людмила Егоровна Артамошкина
доктор философских наук
доцент, кафедра культурологии,
философии культуры и эстетики,
Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, д. 5
Тел.: +7 (812) 328-44-08
✉ leartspb@gmail.ru

Information about the author

Ludmila E. Artamoshkina
Dr. Sci. (Philosophy)
Associate Professor, Department
of Culturology, Philosophy of Culture
and Aesthetics, Institute of Philosophy,
Saint Petersburg State University
Russia, 199034, St. Petersburg,
Mendeleevskaya Line, 5
Tel.: +7 (812) 328-44-08
✉ le.artspb@gmail.com

² http://www.mcc-conference.org/img/MCC-2020_program_final.pdf.

Д. И. Антонов ^a

ORCID: 0000-0002-8081-4420
✉ antonov-dmitriy@list.ru

В. Б. Новикова ^a

ORCID: 0000-0002-5947-8661
✉ jranchik@gmail.com

^a Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)

КОНФЕРЕНЦИЯ «ИЗОБРАЖЕНИЕ И КУЛЬТ: САКРАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В ХРИСТИАНСКИХ ТРАДИЦИЯХ»

Аннотация. Представлены материалы Международной научной конференции «Изображение и культ: сакральные образы в христианских традициях», прошедшей 20–21 ноября 2020 г. в Москве.

Для цитирования: Антонов Д. И., Новикова В. Б. Конференция «Изображение и культ: сакральные образы в христианских традициях» // Шаги / Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 311–318. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-311-318>.

*Хроника поступила в редакцию 8 декабря 2020 г.
Принято к печати 30 декабря 2020 г.*

Academic Life

D. I. Antonov ^a

ORCID: 0000-0002-8081-4420
✉ antonov-dmitriy@list.ru

V. B. Novikova ^a

ORCID: 0000-0002-5947-8661
✉ jranchik@gmail.com

^a Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

CONFERENCE “IMAGE AND CULT: SACRED IMAGES IN CHRISTIAN TRADITIONS”

Abstract. The review presents materials of the International Conference “Image and Cult: Sacred Images in Christian Traditions”, held on November 20–21, 2020 in Moscow.

To cite this review: Antonov, D. I., & Novikova, V. B. (2021). Conference “Image and Cult: Sacred Images in Christian Traditions”. *Shagi/Steps*, 7(1), 311–318. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-311-318>.

Received December 8, 2020

Accepted December 30, 2020

20–21 ноября 2020 г. в Российском государственном гуманитарном университете (Москва) состоялась II Международная конференция «Изображение и культ: сакральные образы в христианских традициях». Первая конференция прошла в 2015 г. в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва).

В конференции приняли участие исследователи из разных городов России, а также Австрии, Германии, Греции, Великобритании, Армении и США. Всего было сделано более 40 докладов на русском и английском языках. Среди выступавших были искусствоведы, историки, антропологи и фольклористы, что позволило рассматривать материалы с разных позиций и работать в междисциплинарном поле.

Конференция открылась пленарными докладами. Во вступительном слове **Д. И. Антонов** (Москва) отметил, что сакральные образы в христианских сообществах воспринимаются как полноценный субъект коммуникации и функционируют во множестве социальных и культурных регистров. Практики общения с религиозным изображением тесно связаны с его иконографическими особенностями, однако редко изучаются с ними в едином контексте — как правило, предметом исследования становятся либо визуальная программа образа, либо ритуализированные практики, которые выстраиваются вокруг него. Как отметил докладчик, одной из целей конференции является рассмотрение визуальных «образов-объектов» (Ж. Баше) в сложной взаимосвязи заложенных в них смыслов, уровней восприятия и зрительских стратегий коммуникации. Роль изображений в публичном и частном пространстве, способы и стратегии взаимодействия с сакральными изображениями нельзя рассматривать отдельно от способов кодирования и считывания информации. Особый интерес представляет взаимовлияние сакральных образов и фольклора: с одной стороны, изображения дают стимул для порождения различных устных текстов, с другой — легенды сами обуславливают возникновение различных визуальных мотивов. Формульный язык изображения и язык устной культуры обнаруживают много схожих принципов бытования: это анонимность и коллективность, вариативность и пластичность, принцип «цензуры коллектива».

Тему взаимодействия изображений и фольклора развил **С. Ю. Неклюдов** (Москва) в докладе «Визуализация мифологического образа как тип фантазирования». Изначально устный текст не создает визуальные образы, а значения изображений не апеллируют к словесным текстам. Для координация этих кодовых систем сначала необходимо понять, как пространство моделируется во «внепространственном» вербальном тексте, а время — во «вневременном» изобразительном тексте. Вероятно, разные стратегии создания мифологиче-

ского образа в изображении и устном тексте имеют различный генезис. Изобразительность в вербальном тексте чаще всего — результат визуализации дифференциальных признаков мифологических объектов. Был поставлен вопрос о возможности возникновения мифологических мотивов в качестве псевдомотивации тех или иных психофизиологических ощущений. Сопоставив медицинскую классификацию галлюцинаций и разные типы мифологических переживаний информантов (домовой давит, огни мерещатся), докладчик выдвинул предположение о том, что переживаемые ощущения обретают конкретную мифологическую форму в результате наличия этих мифологических форм в картине мира, что позволяет ставить вопрос о взаимоотношениях базы (генезиса модели) и казуса (импульса для актуализации этой модели) при создании мифологического образа.

А. М. Лидов (Москва) в докладе «Икона и религиозная картина. Две разные матрицы христианского искусства?» отметил, что понятие «иконическое» за последние 10 лет стало активно применяться для понимания многих явлений религиозной культуры. Речь идет об особой категории образов (не только визуальных), которые играют роль посредников, медиаторов, призванных перенести зрителя в иную реальность. Докладчик обратил внимание на принципиальное различие двух типов христианской образности — иконы и религиозной картины — и предположил, что это две принципиально разные матрицы религиозного искусства и образа. Сравнив картину А. А. Иванова «Явление Христа народу» и икону «Святая Троица» Андрея Рублева, докладчик подчеркнул, что картина — это образ, не предназначенный сугубо для молитвы. В то же время икона не ограничена картинной плоскостью: благодаря своей визуальной организации она стремится «выйти» в реальное пространство между зрителем и изображением, тем самым выполняя свою главную задачу — служить образом-посредником. Докладчик продемонстрировал, как мозаичный образ Христа Пантократора в куполе Софии Киевской XI в. демонстрирует характерные особенности иконы как пространственного образа, который предполагает «взаимодействие миров» и переход из одной реальности в другую, а также описал пространственные образы Софии Константинопольской, которые создаются за счет драматургии света и взаимодействия различных медиа.

Ф. Б. Успенский и **А. Ф. Литвина** (Москва) рассмотрели новые данные о почитании св. Феодота в семье Бориса Годунова в зеркале русской средневековой полиномии. На иконах, окладах, памятниках лицевого шитья и росписях, определенно связанных с семьей Годуновых, нередко появляется изображение св. Феодота — он фигурирует среди небесных тезок членов царской семьи, соседствуя со свв. Борисом, Феодором Стратилатом, Марией Магдалиной и преподобной Ксенией Миласской (Римлянкой). Чтобы понять, какой именно св. Феодот был изображен на артефактах Годуновых и чьим покровителем он являлся, были проанализированы иконографические и традиционные особенности изображений тезоименных святых. На большинстве артефактов, где встречается подпись, а также в монастырских описях указан мученик Феодот Анкирский (содержатель корчмы-убежища для гонимых христиан). Этот святой, как показало исследование, являлся патрональным святым не Бориса Годунова, а Федора, сына Бориса. Однако иногда в подписях указан и мученик

Феодот Киринийский (кипрский епископ). В результате, как показало исследование, на годуновских артефактах происходило смещение эпитетов и атрибутов, использовавшихся для изображения этих святых.

Способы взаимодействия с изображениями могут быть различны. **В. В. Коршаков** (Санкт-Петербург) проанализировал взаимные клятвы на иконе и практику крестоцелования в средневековом Новгороде второй половины XII — первой половины XIII в. Как предположил докладчик, в отличие от крестоцелования, при принесении взаимных клятв на иконе присутствие представителей церковной власти не было обязательным, что определило некоторые особенности этого вида присяги. **М. М. Каспина** (Москва) рассмотрела практики и нарративы в вернакулярном хасидизме, связанные с портретом хасидского цадика Хаима-Занвля Абрамовича, известного как Рыбницкий ребе, почитаемого также в качестве чудотворца и прорицателя. Докладчица описала иконографические традиции портретов раввинов в различных течениях иудаизма, типологизировала разные способы коммуникации с такими портретами как посредниками при молитве, реликвиями и оберегами (более подробно — в отношении портретов Рыбницкого ребе и Любавичского ребе). На функционирование предмета одновременно как сувенира и святыни обратила внимание также **А. А. Троицкая** (Санкт-Петербург). Она проанализировала знаки пилигримов на портретах позднесредневековой Европы — медалионы с изображением святого, украшающие головной убор. В докладе были рассмотрены генезис и практики, связанные со знаками паломников. **А. В. Лазарева** (Москва) отметила процесс секуляризации изображений и связанные с этим изменения христианской символики в немецких иллюстрированных листовках эпохи Тридцатилетней войны (1618–1648). Темой двух докладов стали вотивные картины. **Л. В. Фадеева** (Москва) проанализировала вотивные картинки в немецких и австрийских церквях XVIII в. как форму повествования о чуде: эти вотивные картинки отображают изменение божественной силой профанного мира, что позволяет относить их к категории сакральных изображений и, вероятно, обеспечивает возможность размещения в храме. **С. О. Зотов** (Вольфенбюттель, Германия) сосредоточился на различных магических функциях вотивных элементов в немецких *Andachtsbilder* (определенном типе христианских вотивных изображений). **К. Антонова** (Вена, Австрия) обратилась к теории Павла Флоренского, согласно которой высокая символичность иконы обусловлена ее онтологической связью с прототипом. Предметом доклада **Д. Ю. Доронина** (Москва) стали представления об агентности «живых вещей» (*тынду, ээлю, табышту*) в современной мифоритуальной системе алтайцев, а также связанные с этими представлениями практики. Докладчик описал нарративные, артефактные и акциональные стратегии в моделировании (квази)тела, (квази)физиологии и поведения шаманских бубнов. Особенно подробно были освещены представления и практики, связанные со зрением, глазами, зооантропоморфностью и эмоциональной активностью бубнов.

В части докладов внимание уделялось взаимодействию не только с изображениями и предметами, но и с пространством.

С. С. Аванесов (Великий Новгород) в докладе «Богородица-Оранта как перформативный образ» рассуждал о том, что обозначает икона в пространстве религиозного опыта, как она организует коммуникативное пространство

храма и как инициирует перформативное религиозное действие. **Е. В. Быкова** (Киров) на собственном полевом материале описала типологию и особенности моленных (помещений для богослужений) у староверов-беспоповцев часовенного согласия на Енисее. Особенно подробно структура пространства, артефактный (ритуальная одежда, мебель, утварь) и визуальный (иконы, лубки, религиозные символы, календари) ряд были рассмотрены на примере моленной в д. Безымянка.

И. В. Голубева (Санкт-Петербург) рассмотрела изменения в изображении Экклезии (Римской церкви) в мозаиках римских апсид XII–XIII вв., которые постепенно ушли от представления церкви как сообщества всех призванных христиан, и клириков и мирян, и стали отражением коммуникативных визуальных стратегий папской власти. **А. Д. Охоцимский** (Москва) обратился к анализу того, как изображение облаков формирует «икону пространства», символ встречи сакрального и земного миров. **О. А. Макридина** (Москва) проанализировала иконографические программы росписей храмов г. Тутаева (Романова-Борисоглебска) и описала некоторые особенности, связанные с сюжетами фресок. Объектом доклада **Т. К. Салбиева** (Владикавказ) стали росписи Нузальской часовни в Осетии. Докладчик обнаружил типологические параллели между литургическими действиями, изображениями на фресках и практиками ритуальной общинной трапезы (осетинский кувд). Как и на общинном ритуале, пространство, визуальные и акциональные компоненты литургии в Нузальской часовне создавали особые способы коммуникации со священным.

Ряд докладов был посвящен социокультурному контексту изображений. **Л. Бережная** (Мюнстер, Германия) проследила развитие культа чудотворной Почаевской иконы Божией Матери в контексте национализации религии, сакрализации нации и империи на рубеже XIX–XX вв. **Д. Д. Харман** (Москва) рассмотрела изменения, произошедшие в иконографии сюжета «Христос в доме Марфы и Марии» в XVI–XVII вв., обусловленные суммой факторов: полемикой между протестантами и католиками о том, что важнее, вера или добрые дела; повысившимся интересом художников к бытовым деталям; повышением числа заказчиков, относящихся к среднему классу. **О. Ю. Кулакова** (Санкт-Петербург) интерпретировала появление насекомых на картинах в Голландии в конце XVI — середины XVII в. через зарождение общественного интереса к вопросам биологии. **Е. А. Лапина** (Мадисон, США) проанализировала изображение битвы св. Георгия с конным противником на фресках XVIII в. в церкви св. Ботольфа в Хардхаме как отображение памяти крестовых походов, обратив внимание на появление св. Георгия-воина рядом со сценами мученичества этого святого. **О. А. Кузнецова** (Москва) в докладе «Пасть ада во рту Цербера (в русской культуре XVII–XVIII вв.)» осветила различия в образе адского пса в театральных постановках, иллюстрациях и текстах, возникшие под влиянием литературной, изобразительной и драматической традиций, как русской, так и европейской. **А. С. Преображенский** (Москва) в докладе «От Москвы до Ветки: миграция и метаморфозы образа Николая Отвратного» выдвинул гипотезу об изменении образа Николая Чудотворца у старообрядцев из-за различного воспроизведения другими иконописцами первоначального, предположительно московского прототипа, появившегося

на рубеже XVIII–XIX вв. **А. Семоглу** (Салоники, Греция) рассмотрела ранние иконы св. Феклы (примерно датируемые VI–VII в). **В. Гагарина** (Кембридж, Великобритания) проанализировала почитание в XVI–XVII вв. митрополита Филиппа (1507–1669) на материале изобразительных источников (иконы, лицевые покровы), а также хозяйственных документов Соловецкого монастыря. Как отметила докладчица, изобразительные источники имеют большее значение для исследования почитания святого, чем нарративные, так как сам факт существования текстов не говорит об их популярности. **М. А. Рогов** (Москва) выступил с докладом «Легенда о св. Христофоре и идентичность донатора Гентского алтаря». Проведенный иконографический и стилистический анализ изображений позволил идентифицировать неизвестный ранее сюжет легенды о святом Христофоре на внешней створке Гентского алтаря и выяснить его эмблематическую роль для обозначения приюта паломников, ассоциирующегося, в свою очередь, с деятельностью заказчика. **О. М. Щедрина** (Москва) в докладе «Образ, тело, медиа: христианство и техногенная чувственность» рассказала о почитании «святого цифровой эпохи» в современной Католической церкви. Речь шла о мощах умершего в 2006 г. от лейкемии 15-летнего подростка Карло Акутиса, известного благодаря созданным им вебсайту и выставке о евхаристических чудесах, открытой для всеобщего обозрения в санктуарии Раздевания в Ассизи. Докладчица показала, что образ Карло конструируется с учетом тех перцептивных преобразований, которые связаны с привычкой современного человека смотреть на мир через камеры смартфонов и экраны различных гаджетов. **Д. М. Омельченко** (Санкт-Петербург) рассмотрел пояс епископа Цезария Арелатского (503–542 гг.) и социальную роль этой реликвии. Анализ показал, что пояс с самого начала задумывался как целостная композиция: символический язык пояса говорит о Христе в жизни Церкви: смерть Спасителя (крест) дает каждому члену Его Церкви (А и ω, виноградная лоза) надежду (якорь) на Воскресение в вечную жизнь (композиция «Анастасис»). **О. Б. Христофорова** (Москва) обратила внимание на визуальное и на контекстуальное смешение афро-кубинских (Сантерия, Регла-Пало, Регла-де-Арара и др.) и католических традиций на современной Кубе. Для этого докладчица представила подробный разбор не только иконографии божеств Сантерии и христианских святых, но и ритуальных и интерпретативных практик, соотносящим одним и тот же иконографический элемент может восприниматься или /и как сантерийский, или /и как христианский. **Е. В. Новосёлова** (Москва) выдвинула гипотезу о взаимовлиянии христианских и индейских иконографических элементов в образе Девы Марии в искусстве Перу колониального периода (школа живописи Куско).

В ряде докладов рассматривались функции и методы политического использования. **К. Н. Цимбаев** (Москва) в докладе «Политическая инструментализация икон в праздничной культуре Российской империи» рассказал о том, как иконы использовались во время официальных политических юбилеев начала XX в. основными носителями государственной идеологии (государством, армией и духовенством) для демонстрации силы государства и объединения людей с помощью идеологии. **О. И. Тогоева** (Москва) проанализировала политико-правовые смыслы ретабло с Распятием из Большого зала Парижского парламента (ок. 1449 г.), уделив особое внимание фону изображения и подбо-

ру второстепенных персонажей. **М. Р. Майзульс** (Москва) в докладе «Тяжба о голове св. Дионисия: изображения как аргумент в спорах о подлинности реликвий» обратился к истории противостояния между монахами Сен-Дени и канониками Нотр-Дама. Он показал, как в начале XV в. обе стороны подкрепляли свою позицию ссылками не только на хроники и жития, но и на визуальные образы, и как в ходе процесса в Парижском парламенте конкуренты доказывали древность тех или иных иконографических типов.

С. В. Городилин (Москва) рассмотрел интерпретации сюжета изображений на средневековых монетах Ростовского княжества, аргументированно опроверг их трактовку как изображений Иоанна Предтечи и выдвинул гипотезу о заимствовании этого сюжета из изображений на иностранных монетах.

Ю. Антонян (Ереван, Армения) проанализировала примеры современных практик в иконописи и иконопочитании, которые конструируются с 1990-х годов деятелями Армянской Апостольской церкви. Докладчица рассмотрела местный историко-культурный субстрат и внешние воздействия на современную традицию иконописи в Армении.

Ряд докладчиков обратился к взаимовлиянию текста и изображения. **К. П. Костомарова** (Москва) рассмотрела эту проблематику на материале праздничного и пророческого чинов русских иконостасов, обратив особое внимание на различные формы и функции текста, присутствующего на свитках пророков (цитата, парафраз, формула). **О. В. Субботина** (Санкт-Петербург) проанализировала взаимосвязь гравюры «Триумф Богоматери» из парижского Часослова Жоффруа Тори (1531) с текстом и историческим контекстом ее создания. **Л. С. Чаковская** (Москва) на материале декоративного убранства позднеантичных синагог (Эйн-Геди, Рехова) и христианских культовых памятников показала, как надписи могут брать на себя и функцию образа, а буква — становиться одновременно и символом, и образом.

Одной из важных тем конференции стало взаимодействие изображения и визуальных образов в текстах. **Ю. Н. Бузыкина** (Москва) рассмотрела описание икон и других сакральных образов г. Кошице (Словакия), Кипра и Греции в записках путешественника начала XVIII в. В. Г. Григоровича-Барского. **Е. С. Кравцова** (Санкт-Петербург) в докладе «Экфрасис и искусство памяти во францисканской традиции в 40-х гг. XIII в.» обратила внимание на умение проповедников направить воображение слушающих в нужное русло с помощью визуальных образов в озвучиваемом тексте. **П. К. Кулагина** (Берлин, Германия) на материале анонимной средневерхненемецкой поэмы XIV в. «Двенадцатилетний монашек» проанализировала средства, при помощи которых в католических монастырях Германии усиливали и направляли благочестивое воображение, чтобы минимизировать внешние «греховные» визуальные стимулы.

При подведении итогов конференции была отмечена продуктивность исследований, совмещающих семиотический и антропологический подходы при изучении религиозных образов. Докладчики подчеркнули перспективность кросс-культурного анализа визуальной культуры, изучения сходных явлений в различных христианских традициях и в традициях других религий, в том числе в контактных зонах. Типологически схожие элементы (к примеру, отношение к сакральному изображению как к «телу») позволяют лучше понять социальные роли изображений и принципы коммуникации с образами в религиозных сообществах.

Организаторы конференции высказали желание в будущем проводить конференцию на регулярной основе, возможно в формате биеннале.

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Дмитрий Игоревич Антонов

*доктор исторических наук
профессор, кафедра истории и теории
культуры, Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-68-27
✉ antonov-dmitriy@list.ru*

Dmitry I. Antonov

*Dr. Sci. (History)
Professor, Department of History and
Theory of Culture,
Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, Moscow, Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (459) 250-68-27
✉ antonov-dmitriy@list.ru*

Виктория Борисовна Новикова

*магистрантка, Центр типологии
и семиотики фольклора, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-69-31
✉ jranchik@gmail.com*

Victoria B. Novikova

*MA Student, Centre for Typological
and Semiotic Folklore Studies, Russian State
University for the Humanities
Russia, 125993, Moscow, Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-69-31
✉ jranchik@gmail.com*

Научный журнал
Academic journal

Шаги / Steps
Shagi / Steps

Т. 7. № 1. 2021

Основан в мае 2015 г.

ISSN 2412-9410

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77–61736 от 07.05.2015,
выдано Роскомнадзором

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 15.03.2021

Формат 70×100/16

Объем 21,5 а. л.

Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС